

И. С. ДОСТЯН
РУССКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ
МЫСЛЬ
И БАЛКАНСКИЕ
НАРОДЫ

От Радищева до декабристов

Издательство «Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

И. С. ДОСТЯН

РУССКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ
МЫСЛЬ
И БАЛКАНСКИЕ
НАРОДЫ

От Радищева до декабристов

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1980

В книге рассматривается отношение ряда русских общественно-политических деятелей, мыслителей и писателей, в том числе декабристов, к балканским проблемам, национально-освободительному движению народов, входивших в состав Османской империи, к международной обстановке в Юго-Восточной Европе и задачам политики России в Восточном вопросе. Автор прослеживает развитие знаний о балканских народах в России, анализирует идеи славянской общности и славянского единения, эллинофильские тенденции.

Ответственный редактор
В. А. ДЬЯКОВ

ИРИНА СТЕПАНОВНА ДОСТЯН
РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
И БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР

Редактор издательства С. Н. РОМАНОВА. Художник Н. В. ИЛЛАРИОНОВА. Художественный редактор Н. ФИЛЬЧАГИНА. Технический редактор Т. Д. ПАНАСЮК. Корректоры Ф. А. Дебабов, О. В. Лаврова

ИБ № 18270

Сдано в набор 16.05.80. Подписано к печати 20.10.80. Т-12794. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,2. Уч.-изд. л. 19,1. Тираж 2450 экз. Тип. зак. 5006. Цена 2 руб.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Д $\frac{10603-313}{042(02)-80}$ 88—80 0504030000 © Издательство «Наука», 1980 г.

Обособленность и замкнутость общественной жизни России стали быстро разрушаться в петровскую эпоху. Во второй половине XVIII в., во время правления Екатерины II, русские образованные круги активно включались в общеевропейскую жизнь, начали проявлять заметный интерес к инонациональным культурам, в том числе и балканским.

Историю развития связей между Россией и балканскими народами, находящимися под властью Османской империи, можно рассматривать, во-первых, с точки зрения их влияния на общественно-политическое, государственное и культурное развитие этих народов и, во-вторых, с точки зрения их значения для самой России, и в частности отражения в русской общественной мысли.

Правомерность последнего аспекта изучения русско-балканских связей очевидна, когда речь идет о середине и второй половине XIX в., о таких идеологических системах и программах, как славянофильство, панславизм, в которых немалое место занимали проблемы зарубежного славянства, а также народов, исповедующих православие. Но что касается конца XVIII и первых десятилетий XIX в., то на первый взгляд может показаться, что говорить о какой-либо роли балканских народов, их национально-освободительного движения в русской идеологической жизни преждевременно.

Такое представление разрушится, если, основываясь на документальном материале, проследить отношение ряда русских общественно-политических деятелей, мыслителей, писателей этого времени к проблемам, так или иначе связанным с Балканами, их прошлым, настоящим и будущим. Судить обо всем этом можно, лишь учитывая, что знали в России о балканских народах, о событиях, разворачивавшихся в турецких владениях. Проследить этот процесс «узнавания» российской общественностью — дворянской интеллигенцией по преимуществу — Европейской Турции, состава ее населения, исто-

рического прошлого и современного положения дает возможность публицистика первой четверти XIX в., в этом плане еще не изучавшаяся. Представлялось необходимым уделить внимание и вопросу об отношении российской общественности, деятелей различных направлений к задачам и конкретным акциям царского правительства в отношении Турции и балканских народов, к Восточному вопросу в целом.

В книге также рассматриваются особенности процесса формирования в русской общественной мысли представлений о наличии этнической, языковой и культурно-исторической общности между славянскими народами, идей о политическом и культурном единении славянских народов, возникавших в первой четверти XIX в. (преимущественно на южнославянском материале).

О развитии в России XIX в. «панславистских идей» написано немало. При этом в ряде книг и статей, появившихся в послевоенные десятилетия в США, Великобритании, ФРГ, к «русскому панславизму» относят очень разнохарактерные, не связанные между собой по условиям и причинам возникновения, по социальной направленности явления. Среди них фигурируют идеи о политическом и культурном сближении славян, выдвигаемые отдельными русскими деятелями (в том числе и прогрессивно настроенными) под влиянием роста национального самосознания, развития освободительного движения народов, подчиненных власти инациональных государств. Сюда же относят и реакционную панславистскую идеологию, ставшую особым направлением в русской общественной мысли лишь в 1860—1870-х годах. Как «панславистская» изображается и политика царизма, но лишь на том основании, что в ней издавна мотив покровительства единоверным и единоплеменным народам использовался в качестве идеологического обоснования. До сих пор в западной литературе бытует представление о некоем всеобъемлющем «русском панславизме» как важнейшем политическом и идеологическом направлении XIX в. Таким путем читатели подчас подводятся к искусственным историческим параллелям, имеющим иногда антисоветскую направленность. Конкретный анализ идей о политическом и культурном сближении славянских народов поможет опровергнуть такого рода вымыслы и выяснить истинное положение вещей.

Тема книги комплексна: касается некоторых особенностей русской общественной мысли и вместе с тем лежит в плоскости таких научных дисциплин, как балканистика и славяноведение. Хотя ряд частных вопросов проблемы освещался в исторической литературе, в подобном ракурсе она не рассматривалась.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БЛ — Библиографические листы, СПб.
 ВД — Восстание декабристов. Документы. М., 1925—1975, т. I—XIII
 ВЕ — Вестник Европы, Москва
 ВИ — Вопросы истории, Москва
 ВЖ — Военный журнал, СПб.
 ВПР — Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы
 российского министерства иностранных дел. М.: Политиздат,
 сер. I, т. I—VIII, сер. II, т. IX—X; М.: Наука, сер. I, т. XI
 ДЖ — Дух журналов, СПб.
 ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения, СПб.
 ИЖ — Исторический журнал, СПб.
 ЛН — Литературное наследство, Москва
 МТ — Московский телеграф
 ОЗ — Отечественные записки, СПб.
 РА — Русский архив, Москва
 РВ — Русский вестник, Москва
 РС — Русская старина, СПб.
 СА — Северный архив, СПб.
 СО — Сын отечества, СПб.
 СП — Соревнователь провещения и благотворения, СПб.
 СС — Советское славяноведение, Москва
 СЦ — Северные цветы, СПб
 Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка словесности имп. Ака-
 демии наук, СПб.
 Сб. РИО — Сборник имперского Русского исторического общества, СПб
 УЗИС — Ученые записки Института славяноведения АН СССР,
 Москва
 УЗТУ — Ученые записки Тартуского университета
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при
 имп. Московском университете

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
И БАЛКАНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
В КОНЦЕ XVIII В. И В ПЕРИОД
НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

Активизация общественно-политических связей между Россией и балканскими народами наметилась еще в конце XVII — начале XVIII в., в период правления Петра Первого. Они постоянно поддерживались и в дальнейшем. Но в последних десятилетиях XVIII в. в сфере контактов такого рода обозначились существенные сдвиги. Это было следствием важнейших перемен во всем комплексе общественно-экономических и идеологических основ европейской жизни, а также появления в международных отношениях Европы так называемого Восточного вопроса. В области развития русско-балканских общественно-политических и идеологических связей уже тогда появились черты, нашедшие продолжение, эволюционировавшие в новом столетии.

В нашей историографии имеется немало работ, в различных аспектах освещающих историю русско-балканских политических и общественных отношений в конце XVIII в. и в период наполеоновских войн¹. Но в них редко затрагивается вопрос об отражении в русской общественной мысли балканских проблем. Правда, о распространенных в России симпатиях к грекам, общественно-экономических и политических факторах, обуславливавших большую роль греков в русско-балканских политических связях, написано немало. Все же характерные особенности эллинофильства², его эволюция остаются недостаточно ясными. Слабо разработан вопрос об идеях славянской общности и славянского единения, их зависимости от политической обстановки в Юго-Восточной Европе периода наполеоновских войн,

от национально-освободительного движения, ширившегося в это время в турецких владениях.

Введение в научный оборот новых данных по этим проблемам, связанным с балканскими народами, поможет составить более полное и точное представление об истоках таких идеологических явлений русской общественной мысли, как идеи славянской общности и единения, эллинофильство, об особенностях их проявления и социально-политической направленности.

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ РУССКО-БАЛКАНСКИХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX В.

Представления об этническом и языковом родстве славян существовали, как известно, еще в раннем средневековье, но в XVIII—XIX вв. заметно распространились и окрепли под воздействием процесса формирования наций и национальных культур. Давнюю традицию имел и религиозный догмат о взаимопомощи единоверцев-христиан, из которого вытекало убеждение в мессианской роли России в отношении православных народов, находящихся в составе Турции. Особенности проявления в конце XVIII — начале XIX в. двух таких идеологических явлений, как эллинофильство и идеи славянского единства, были обусловлены также процессом разложения феодальных отношений и складывания капиталистических.

Христианская доктрина о взаимопомощи православных сохраняла свою силу и в XIX в., сливаясь с убеждением в освободительной роли России как единственной православной державы в отношении народов, находящихся под властью «агарян». Этот идеологический постулат служил обоснованием русской политики в Восточном вопросе и воздействовал на отношение к этой политике дворянской общественности. Вместе с тем у национально угнетенных балканских народов наличие конфессиональной общности с русскими порождало оптимистические надежды на помощь извне. Вследствие всего этого религиозный фактор постоянно влиял на общественно-политические связи и международные отношения в Юго-Восточной Европе.

Европейская Турция была заселена по преимуществу православными народами. Греки, большинство юж-

ных славян, молдаване и валахи, некоторая часть албанцев исповедовали господствующую в России религию. Болгары, сербы, черногорцы были к тому же и «соплеменниками». Но не они, а греки занимали преимущественное место в русско-балканских общественно-политических и культурных связях. Это в значительной степени определялось большой ролью греков, греческой торговой буржуазии в экономических и политических отношениях России с Османской империей, со всем регионом Юго-Восточной Европы и Средиземноморья, которая стала особенно заметной во второй половине XVIII в. ввиду расширения южнорусской торговли по Черному и Средиземному морям, открытия Босфора и Дарданелл для торгового судоходства, а также активизации политики царизма в отношении Турции и балканских народов.

Греческую эмиграцию в России представляли преимущественно имущие и привилегированные слои — купцы и моряки, средняя прослойка. Из числа греков-эмигрантов вышло немало российских военачальников и флотоводцев, государственных деятелей и дипломатов. На должности драгоманов (переводчиков) в константинопольской миссии, консулов в городах и портах Леванта часто назначались местные греки. В России нередко находили убежище господари-фанариоты Дунайских княжеств и их ближайшее окружение. Греческие аристократы и фанариоты, люди, связанные с османским государственным аппаратом, представители высшей иерархии Константинопольской патриархии имели связи с российским посольством в турецкой столице.

Вошло в традицию, что высшее греческое духовенство, привилегированные и зажиточные представители греков, деятели национально-освободительного движения (например, капитаны, стоявшие во главе отрядов арматолов и клефтов) практически осуществляли контакты с русским правительством и церковью, нередко выступая от имени всех православных народов или некоторых из них.

Развитию эллинофильства немало способствовали и культурно-исторические факторы, общие для всей Европы. Просвещение — широкое идейное движение эпохи перехода от феодализма к капитализму в передовых европейских странах, классицизм, основанный на просветительских идеалах, как ведущее направление в ли-

тературе и искусстве XVIII в. вели к распространению в среде интеллигенции культа Древней Греции и Древнего Рима высших из известных миру цивилизаций, заложивших основы цивилизации современной. Все выдающиеся мыслители XVIII в. — и самые умеренные по общественно-политическим взглядам, и наиболее радикальные — были страстными поклонниками и пропагандистами античности, почти забытой в средние века. Они создавали свои философские и политические системы, основываясь на осмыслении истории, научных и культурных достижений древних Греции и Рима. Оттуда же заимствовались боевые лозунги Великой французской революции. Некоторые прогрессивные общественно-политические деятели XVIII в. мечтали об установлении в современной им Европе уклада жизни, существовавшего некогда в Афинах или Спарте; их внимание привлекали античные образцы демократического государственного устройства, федераций демократических республик.

В современных греках просвещенные люди «осмнадцатого столетия» видели потомков, пусть самых отдаленных, древнего талантливой народа. Поэтому казалось тем более необходимым содействовать их национальному возрождению, а изгнание «варваров»-турок из Европы и воссоздание греческого государства представлялось делом справедливым и неотложным. Вольтер и некоторые энциклопедисты приветствовали победы России над Османской империей в войнах, которые велись во время правления Екатерины II³.

На русскую общественную мысль все эти идеологические факторы стали оказывать воздействие преимущественно со второй половины или последней трети XVIII в. Но в России эллинофильские тенденции имели свою специфику и дополнительные стимулы. Если в представлении просвещенного англичанина или француза историческое право греков основывалось на существовании Древней Эллады, а вклад Византии в мировую культуру обычно не учитывался (это государство представлялось темным и варварским), то в среде просвещенных русских людей, духовенства связи Древней Руси с Византией, помощь последней в становлении самобытной русской культуры не были забыты. Византийская империя поры расцвета выступала как символ православия. Догмат о взаимопомощи единоверцев по-

рождал мессианские идеи в отношении балканских народов, в первую очередь греков. Но эти идеи были очень различными по своей социально-политической направленности. Так, исповедующие принципы просветительской философии передовые, широко мыслящие деятели исходили из чувства долга по отношению к слабым и человеческой гуманности. Другие представители российского дворянства, особенно среди придворных кругов, связывали освобождение Балканского полуострова от турецкой власти с удовлетворением великодержавных чаяний, мечтали, что Москва станет «третьим Римом».

Эллинофильство, распространившееся при дворе Екатерины II, имело прямую связь с внешнеполитическим курсом императрицы и было элитарным по характеру. В придворных кругах Петербурга господствовала мода на все греческое: имена, язык, костюмы, спектакли. Екатерина II и ее ближайший сподвижник фельдмаршал Г. А. Потемкин постоянно выступали инициаторами этого культа Эллады, преимущественно внешнего и демонстративного, а главное, служившего интересам текущей политики⁴.

Знаменательным проявлением эллинофильских тенденций явился «греческий проект». Малореальный как внешнеполитический замысел, он отражал характерную идеологическую тенденцию — фаворитизацию греков. Если абстрагироваться от внешнеполитических целей «греческого проекта», можно заметить, что Екатерина II прокламировала задачу создания восточной — греческой империи, предавая забвению задачу возрождения южнославянских государств. Это отнюдь не означало, что в Петербурге совсем не знали о существовании этнических различий между подданными султана, об их исторических традициях самостоятельной государственности — всему этому просто не придавалось значения при проектировании государственного переустройства на Балканах, ибо главной целью такого переустройства была замена давно отжившей Османской империи христианской греческой державой.

Все это нашло отражение и в литературных произведениях второй половины XVIII в. В. К. Тредьяковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, М. М. Херасков, Г. Р. Державин воспевали военные подвиги «российского Геркулеса», предрекали освобождение им «гре-

ков», завоевание Царьграда и восстановление греческого царства⁶.

Можно полагать, что конфессиональная общность между русским народом и «турецкими» славянами в XVIII, да и в начале XIX в., фиксировалась в умах людей более отчетливо, чем общность этническая. Все же представления о роли последней, о близости между собой всех славян неуклонно распространялись и крепились.

Проблема генезиса и развития идей славянской общности, славянского единения, хотя не раз привлекала внимание советских историков, остается сложной и недостаточно разработанной. При рассмотрении ее надо иметь в виду, что идеи эти не являлись самостоятельной системой взглядов и должны анализироваться и оцениваться в органической связи с общими социальными устремлениями и идеологическими построениями разных классов в соответствующую эпоху. Теории славянской взаимности использовали в своих интересах как консерваторы и реакционеры, так и оппозиционные деятели, сторонники революционной ломки существующих порядков. Прогрессивное содержание этих теорий определялось наличием в них более или менее осязаемого протеста против национального и социального гнета⁶.

Идеи славянской взаимности — неизбежный и закономерный продукт исторического развития славянских народов в эпоху формирования наций и национальных культур. Они постепенно вошли в национальное сознание большинства славянских народов и довольно часто использовались теми силами, в программе и деятельности которых объективно отражались тенденции капиталистического развития. Эти идеи стали важным теоретическим орудием национальных движений, объединяющих, как правило, разнородные социальные слои⁷.

Как принято считать, у малых национально угнетенных народов, вернее у их образованных, политически мыслящих представителей, концепции славянской солидарности появились ранее, чем в России⁸. Их возникновение и практическое использование стимулировалось задачами национально-освободительной борьбы, выступало как фактор самоутверждения, а также давало возможность использовать культурные достижения других родственных народов для развития своей национальной культуры.

У русского народа идеи славянского единения не могли связываться непосредственно с задачами решения внутренних, национальных проблем. Но, несмотря на это, они возникали в умах общественно-политических деятелей и мыслителей под влиянием процесса формирования национального самосознания, дополнявшегося обычно осознанием родства между всеми славянами.

Немалую роль в развитии идей славянской общности имело предромантическое направление литературы и искусства, появившееся в России в 1760—1770-е годы, которое подготовило почву для создания русской самобытной национальной культуры нового времени. Оно выразилось в увлечении своей «народностью», в стремлении создать литературу и искусство в «народном духе». Классицистической теории о греко-римском происхождении литературы и искусства теперь противопоставлялся взгляд на их самобытные начала, а «народность» выступала основным критерием ценности. Характерным для предромантизма было пристальное внимание к прошлому России, историзм, патриотические мотивы с очень различными оттенками. Вместе с этим усиливалось индивидуальное начало. Нередко герой-романтик пытался убежать от опостылевшей ему цивилизации в деревню, «пустыню», в даль исторических и социальных утопий (то прогрессивных, то реакционных). Часто в них скрыто или открыто выражалось неприятие действительности, критика отдельных ее сторон⁹.

В формировании европейского романтизма, в том числе и русского, большую роль сыграли концепции передовых мыслителей XVIII столетия, в особенности Ж.-Ж. Руссо и И. Г. Гердера. Последний с симпатией писал о славянских народах, предсказывая им большое историческое будущее.

Для романтиков идеи славянской общности и сплочения служили не только одним из средств самоутверждения славян как самобытных наций Европы, но и самоутверждения всей славянской культурно-исторической общности, имеющей блестящие перспективы.

Развитие национального самосознания в среде русской интеллигенции усиливало не только интерес к этнически родственным народам, но и к национальной самобытности других народов. Это укрепляло собственные национальные чувства, так как вводило в сознание идею национальной свободы и самобытности. Так,

культ национальной греческой свободы и его обоснование историческим правом был воспринят романтиками у просветителей и постепенно трансформировался, приспособляясь к новым условиям начала XIX в.¹⁰ Отчасти благодаря этому эллинофильские тенденции в русской общественной мысли и литературе конца XVIII — начала XIX в. оказались весьма стойкими.

Говоря о влиянии идеологических и литературных движений своего времени на русскую общественную мысль, связанную с балканскими народами, нельзя сбрасывать со счетов и другие факторы, в частности внешнеполитические. В этом отношении следует учитывать активизацию политики России в отношении Османской империи и ее подданных в период царствования Екатерины II, возникновение Восточного вопроса, а затем — во время наполеоновских войн — резкое обострение противоборства великих держав в Юго-Восточной Европе и Восточном Средиземноморье. Все это, и в особенности периодически вспыхивавшие русско-турецкие войны, создавало условия для непосредственного общения русских солдат, офицеров, дипломатических чиновников и т. д. с балканским населением, позволяло составить представление об условиях жизни этих народов, их национальных особенностях, об общественно-политических задачах, стоящих перед ними.

В процессе узнавания балканских народов сыграла свою роль и эмиграция в Россию населения европейских провинций Турции. Греки, сербы, черногорцы, болгары, молдаване и валахи приезжали индивидуально и большими группами, заселяя целые районы на юге империи. Немало балканских выходцев получало в России дворянские права, а некоторые сделали блестящую карьеру. Среди таковых были крупные сановники и военачальники, дипломаты, церковные деятели: греки К. А. Ипсиланти и его сыновья, И. Каподистрия, Г. Д. Мочениго, митрополиты Игнатий и Леонтий; семейства молдаван С. С. Стурдзы и И. Росетти-Розновану; сербы С. Г. Зорич, Милорадовици, Войновичи, Ивеличи и др. В числе балканских эмигрантов были видные ученые, педагоги, писатели, такие, как греки Евгений Булгарис, Н. Теотокис, А. Негри; сербы Т. Янкович Мариевский, Г. Терлаич, А. Стойкович и др.¹¹

Эмигранты нередко использовались царским правительством в делах, касающихся их родины. Большинство

во из них сохраняло патриотические чувства, поддерживало связи с родственниками. Балканские выходцы способствовали развитию в России общественного интереса к своим народам. Стремясь к активизации российской политики на Востоке, они распространяли слухи, что Османская империя находится в полном упадке, а ее подданные готовятся восстать и объединенными усилиями при поддержке России смогут сокрушить турецкие силы.

Можно считать, что на рубеже XVIII—XIX вв. в содержании и формах общественных и культурных связей между балканскими народами и Россией наметились принципиально новые явления, позволяющие говорить о существенных сдвигах. Тому содействовали не только продолжавшиеся войны с Османской империей и эмиграция турецких подданных в Россию, но и последовавшие за Великой французской революцией перемены в общественно-политической и идеологической жизни всех европейских народов.

Представления о правах человека и целых народов, идеи национальной свободы и самобытности теперь быстрее и глубже входили в общественное сознание. Наполеоновские войны разрушали замкнутость и изолированность европейских регионов, быстро расширяли непосредственное общение различных европейских народов.

Очень большое значение имели процессы, происходившие в самой Юго-Восточной Европе; разложение военно-феодальной Османской империи и начало развития капитализма в некоторых из ее европейских владений, сопровождавшееся формированием наций. Освободительное движение народов, входивших в состав империи, не только расширялось, но и приобретало новые качества. В 1804 г. сербское восстание открыло эпоху массовой революционной борьбы подданных Турции за свою национальную независимость и восстановление самостоятельной государственности. Стало ясно, что народы, поднимавшиеся на борьбу против турецких властей и феодалов, будут добиваться теперь создания своих самостоятельных национальных государств.

Начало царствования Александра I было для России временем ожидания близких либеральных преобразований и введения конституции, отмены или смягчения крепостного права. Росла общественная активность.

И. А. КАПОДИСТРИЯ.
*Портрет маслом неизвестного художника.
Собрание ГИМ, Москва*

Сложная международная обстановка в ходе наполеоновских войн привлекла внимание дворянской интеллигенции к внешнеполитическим делам, среди которых не последнее место занимали проблемы, связанные с Османской империей, Балканами и Восточным Средиземноморьем.

Расширились политические связи с балканскими народами. В последнем десятилетии XVIII в. и в первые годы XIX в., особенно во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг., в Петербург приезжали посланцы греков, черногорцев, герцеговинцев, делегаты восставшей Сербии, представители болгар, молдаван, валахов. Такого рода поездки не обходились без завязывания зна-

комств с русскими людьми, чему нередко содействовали обосновавшиеся в России эмигранты. С другой стороны, в турецкие владения чаще, чем ранее, отправлялись представители русского правительства и военных органов.

Но особенно большое значение имели военные и военно-морские операции, проходившие на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Блестящая экспедиция русского флота под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова в 1798—1800 г. завершилась созданием Республики Семи Соединенных Островов. Социальная политика Ушакова в Ионической республике, разработанная для нее умеренно либеральная конституция способствовали политическому развитию этого первого греческого государства нового времени, активизировали его передовые силы¹². В 1806—1807 гг. тысячи русских солдат, матросов, офицеров эскадры адмирала Д. Н. Сенявина тесно общались с греками, турками, совместно сражались с черногорцами и далматинцами. В течение более пяти лет, в ходе войны 1806—1812 гг., развивались операции русской армии на балканском фронте — в Дунайских княжествах, в Сербии и в придунайских районах Болгарии.

Царское правительство ограничивало русско-балканские общественные контакты, стремилось ввести их в официальное русло, но они неуклонно развивались. Балканские проблемы привлекали внимание не только отдельных государственных деятелей, дипломатов, занимавшихся турецкими делами по служебной линии, но и некоторых широкообразованных, политически мыслящих людей. Этому способствовало накопление сведений об Османской империи и народах, ее населяющих.

БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII В.

В XVIII в., особенно в последней его трети, в России было издано значительное количество книг и статей, в том или ином аспекте затрагивающих балканские проблемы. Это была литература как научного, так и публицистического содержания — размежевание тут еще не было достаточно четким.

Интерес к истории, современному положению Османской империи, национальным особенностям и укла-

ду жизни балканских народов был, во-первых, следствием изучения общих проблем славяинства и, во-вторых, часто определялся международной конъюнктурой, внешнеполитическими факторами.

Экономические, политические и культурные преобразования петровской эпохи стимулировали исторические исследования. Уже в первой четверти XVIII в. обнаружился интерес к истории славян. Его проявлял сам Петр I, по распоряжению которого Савва Владиславич Рагузинский перевел и издал сочинение Мавро Орбини о славянах под названием «Книга историкография початия имене, славы и расширения народа славянского» (СПб., 1722). В ней выдвигалась теория скандинавского происхождения славян, к которым причислялись и такие неславянские народы, как германцы, турки. Орбини представлял «славянский народ» единым и грандиозным, обитавшим некогда на трех материках Старого света. Это сочинение стало одним из основных источников формирования славистических знаний в России¹³.

Изучение происхождения и ранней истории русского народа не могло вестись изолированно от начальной истории всех славян, в частности южных. Большое значение для освещения общих проблем славяинства имели труды В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова.

В «Истории Российской» (она была закончена в 1739 г., но издана лишь тридцать лет спустя) В. Н. Татищев отвел большое место древнейшей истории народов всей Восточной и Юго-Восточной Европы, в особенности славянам, рассказывал о расселении последних из Сирии, Малой Азии и Кавказа на восток и юго-восток Европы, о появлении уже много позже наименования «славяне». Попутно он касался особенностей внутреннего быта славян и даже их современного положения¹⁴.

В главе «Южные славяне» автор не скрывал невозможности осветить сколько-нибудь удовлетворительно древнюю историю этих народов ввиду скудости источников, имевшихся в его распоряжении, критиковал теорию происхождения славян Мавро Орбини. Здесь же читателям сообщалось о тяжелом положении южнославянских народов в составе Османской и Австрийской империй. По рассказам «знатных людей из Далмации», Габсбурги просто не хотят изгнать ослабевших турок

из захваченных ими земель, притесняют православных и протестантов, принуждая их принимать католичество. «А если бы не та трудность, то б, конечно, все славяне и венгры, вооружась, сильно турком воспрепятствовали»¹⁵.

В. Н. Татищев первым из русских историков попытался осмыслить материалы по истории славянских народов в духе научной критики и философии раннего Просвещения. Вслед за тем труды М. В. Ломоносова в этой области получили большое научное значение и общественное звучание¹⁶. В «Кратком российском летописце» (СПб., 1760) и «Древней российской истории» (СПб., 1766) М. В. Ломоносов касался происхождения, языка, истории славян, их культурно-исторических связей на ранних этапах развития. Он писал о высоком уровне общественного развития древних славян, их «величестве» и силе. Исходя из концепции Нестора и ряда средневековых хронистов, Ломоносов излагал гипотезу этногенеза славян, позднее получившую название дунайской, или балканской. Переселение славян из балканских земель в «страны полунощные» он связывал со свободолобием этого народа, ненавистью к «римскому игу»¹⁷.

В главе «О величестве и поколениях славенского народа» говорилось: «Множество разных земель славенского племени есть неложное доказательство величества и древности. Одна Россия, главнейшее оного поколение, довольна к сравнению с каждым иным европейским народом. Но представив с нею Польшу, Богемию, вендов, Моравию, сверх сих Болгарию, Сербию, Далмацию, Македонию и другие, около Дуная славянами обитаемые земли, потом к южным берегам Варяжского моря склоняющиеся области, то есть курляндцев, жмудь, литву, остатки старых пруссов и мекленбургских вендов, которые все славенского племени, хотя много отмен в языках имеют, наконец, распростершиися далече на восток, славенороссийским народом покоренные царства и владательства рассуждая, не токмо по большей половине Европы, но и по знатной части Азии распространенных славян видим»¹⁸. Таким образом, М. В. Ломоносов давал очень широкие границы славянского региона в древности, а прибалтов и пруссов считал народами, некогда относившимися к «славенскому племени». Сведения о зарубежном славянстве излагались им

в непосредственной связи с историей русского народа и государства.

Исторические труды М. В. Ломоносова, характеризовавшие итоги изучения древнейшей истории славян в России к середине XVIII в., основывались на достаточно широком круге доступных в это время источников и во многом определили дальнейшее развитие славистики в России¹⁹. Произведения М. В. Ломоносова, популярные в России, были известны и зарубежным славянским историкам, в частности одно из них — сербу И. Раичу.

Из южнославянских народов во второй половине XVIII в. наиболее тесные культурные связи поддерживались с австрийскими сербами. Это отчасти определило опубликование в России некоторых сочинений сербских авторов. В числе их был том первый «Истории разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов» И. Раича (СПб., 1795). Эта книга печаталась по повелению Екатерины II, наградившей автора за присланное ей венское издание «Истории»²⁰.

В труде Раича впервые систематически излагалась история всех южнославянских народов в их тесной связи между собой. В томе, изданном в России, освещалась проблема происхождения славян и их ранняя история, а затем история болгарского народа, о котором русские читатели знали очень мало. Как и М. В. Ломоносов, И. Раич возвеличивал древних славян, говорил о достоинствах и высоких нравственных качествах современных южнославянских народов, об их тяжком положении под властью Турции. «Род сей болгарский по природе возрастом средствен, телом крепок, умы неизучен, нравы прост, в вере постоянен, в богатстве скуден. Зане ненасытное турецкое грабление, разными происками все имение их истощило...» — рассказывалось в конце книги о современных болгарях²¹.

В отличие от произведения Раича изданная в 1754 г. в Москве книжечка «История о Черные горы» имела не научное, а политико-пропагандистское назначение. Ее автор черногорский митрополит Василий Петрович хотел привлечь внимание российских правящих кругов к своей стране и доказывал, что черногорцы — единственный балканский народ, не подчинившийся власти султанов, с оружием защищающий «свое имя и вольность». Хотя сведения, сообщаемые Василием Петро-

вичем о Черногории, не были подробными и вполне достоверными, русские читатели получали представление о черногорцах как народе свободолюбивом, живущем в очень тяжелых условиях и нуждающемся в моральной и материальной поддержке со стороны России.

Все приведенные факты свидетельствуют о развитии интереса российского просвещенного общества к южным славянам, постепенном расширении знаний и представлений об этих народах уже в XVIII в. Характерно, что в научной, публицистической и художественной литературе иногда подчеркивалось, что древние славяне были народом чрезвычайно многочисленным, сильным, играли важную роль в европейской жизни, говорилось о нравственных и физических достоинствах славян как этнической общности, отличной от иных народов Европы²². Такие произвольные преувеличения часто не основывались на научных данных и, по существу, выражали патриотические чувства, стремление к национальному самоутверждению, попытки определить место славянской этнической общности в мировом процессе. Аналогичные идеологические явления были присущи другим славянским народам в период формирования национального самосознания и национальных культур.

Пожалуй, в не меньшей степени, чем южные славяне, внимание русского просвещенного общества привлекали другие балканские народы, Османская империя в целом. В Петербурге и Москве издавалось много переводных произведений по этой тематике, которые нередко дополнялись или перерабатывались в соответствии с международной конъюнктурой, интересами русского читателя. Характерно, что в этой литературе Османская империя чаще всего изображалась государством быстро слабеющим или нежизнеспособным. Активизация политики царизма в отношении Османской империи в последней трети XVIII в., появление Восточного вопроса — все это стимулировало интерес к Балканам. Можно обратить внимание и на тот факт, что большая часть книг по этим проблемам выходила в свет в годы, когда обострялись международные отношения или велись войны с Турцией²³. Так, во время войны 1768—1774 гг. была переведена итальянская книга о Море²⁴: «Собрание; старающееся о переводе иностранных книг»; публиковавшее материалы из знаменитой «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Л. Д'Аламбера, выпустило отдель-

ными брошюрами статьи энциклопедиста Л. Жокура «Греция», «Пелопонис, или Морея, с находящимися и находящимися в оной городами, областями и другими примечания достойными местами», «Спарта», «Турция» (СПб., 1769). Кроме того, издавались труды популярного немецкого географа А. Ф. Бишинга (Бюшинга), в числе которых «Описание Османского государства в Европе и республики Рагузинской» (СПб., 1770).

В последней трети XVIII в. начали появляться некоторые произведения об Османской империи и ее подданных, написанные по личным впечатлениям и на русском языке. Среди таковых было «Краткое описание древнейшего и новейшего состояния Оттоманской Порты» Ф. А. Эмина — талантливое и очень плодовитого литератора, который провел молодость в Турции, служил в янычарском полку, а затем, отказавшись от магометанства и приняв православие, приехал в Россию. Хотя Эмин и имел склонность к выдумкам и мистификациям, однако он хорошо знал современное положение, порядки и уклад жизни в Турции, о чем и рассказывал читателям. «Краткое описание...» вышло в 1769 г., а затем дважды переиздавалось (именно, когда начинались войны с Османской империей, в 1787 и 1828 гг.).

Если Эмин без враждебности и в основном реалистично описал государственное и военное устройство Османской империи, национальные особенности турок, то у другого автора — П. А. Левашева сильно выражена антитурецкая направленность, что отчасти связано с некоторыми личными обстоятельствами. Левашев служил советником константинопольской миссии, и после начала войны с Россией (в 1769—1770 гг.) его и других русских как пленных «влачили» во время походов за войском великого везира. Именно вследствие этого Левашеву довелось побывать в ряде балканских городов и селений (Филиппополе, Софии, Нише, Белграде и др.). Впоследствии он издал две книги, в одной из которых описал свои приключения, сообщая при этом краткие сведения о некоторых балканских городах, о встречах с болгарами и сербами²⁵. Скорее всего, он же был автором объемистого сочинения, в котором не только рассказывалось о «древних и нынешних турках», но также содержались сведения, правда очень краткие, «о различных народах, порабощенных игу их, и о их вере, языке и проч.; о греческих патриархах и избрании их;

о гражданских, духовных и воинских чинах и о многих других любопытных предметах»²⁶.

В последние десятилетия XVIII в. появилось немало книг и статей, специально посвященных Молдавии и Валахии, что отражало увеличение роли княжеств во внешнеполитических акциях царского правительства. Широко использовались исторические труды Дмитрия Кантемира (например, в статье «О происхождении молдавцев, о их языке, знатнейших приключениях, вере, нравах и поведении» О. И. Фишера²⁷). В 1789 г. было переведено на русский язык «Историческое, географическое и политическое описание Молдавии» Д. Кантемира. Два года спустя появился перевод книги француза Ж. Карра о Дунайских княжествах²⁸ и одновременно «Записки повествовательные, землеописательные и политические о княжестве Волосском» участника войны 1768—1774 гг. Ф. В. Баура. Эта книга содержала подробное описание Валахии и отчасти Молдавии. Причиной бедствий населения княжеств автор считал «великое самовластие турков», отягощение населения налогами, накладываемыми господарями, «угнетения, чинимые боярами, а также войны, от которых Валахия сильно страдала». «Сие множество бедствий, разоряющих, из коих одного довольно для опустошения самой цветущей страны, способствует равномерно разорению сих провинций, которое ежедневно умножается бегством своих жителей», — писал он²⁹. Участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг. М. Раан, а затем В. Ф. Малиновский также опубликовали свои впечатления о Молдавском княжестве этого времени³⁰.

В целом литература о Дунайских княжествах позволяла составить представление о благоприятных природных условиях, но очень тяжелом общественно-экономическом положении этих земель.

В Россию попадали, а иногда и издавались там книги на иностранных языках. Этот источник познаний о Турции и балканских народах также необходимо учитывать. Популярностью пользовался, например, и в конце XVIII в. труд Д. Кантемира «История возвышения и упадка Оттоманской империи», написанный по-латыни и переведенный на английский, французский и немецкий языки. Чрезвычайное посольство М. И. Кутузова в Турцию в 1793 г. было подробно описано его участником Г. Реймером на немецком языке³¹. В этой книге

содержались некоторые сведения о Дунайских княжествах и болгарских землях, через которые проезжало русское посольство. Главным пособием по истории южнославянских народов и в первые десятилетия XIX в. оставалась работа И. Энгеля «История Венгерского государства и соседних с ней стран», в которой доказывалось, что освобожденные от турецкой власти балканские земли должны быть присоединены к Венгрии³². Популярностью пользовалась книга английского публициста В. Итона «Обозрение Турецкой империи»³³. Конечно, литература на иностранных языках была доступна лишь узкому кругу дворянской элиты, представителям формирующейся научной интеллигенции. Число читателей, интересовавшихся общественно-политическими проблемами, зарубежными народами, было еще незначительным, хотя неуклонно увеличивалось.

Таким образом, в конце XVIII — начале XIX в. русские читатели имели возможность получить элементарные сведения о балканских народах, их национальных особенностях, условиях жизни, об общественно-политических задачах, перед ними стоявших. Уже существовал определенный уровень таких знаний и наметилась их специфика, что в сочетании с текущей внешнеполитической ситуацией накладывало отпечаток на взгляды по балканской проблеме некоторых русских мыслителей, общественных и культурных деятелей. Примером в этом отношении может служить А. Н. Радищев.

СВЯЗИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ С БАЛКАНСКИМИ И СЛАВЯНСКИМИ НАРОДАМИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ А. Н. РАДИЩЕВА

В дошедших до нас произведениях и письмах А. Н. Радищева можно найти лишь отрывочные высказывания, характеризующие его представления о культурно-исторических связях и этнической общности русского народа с народами балканскими и славянскими, его воззрения на задачи политики России в отношении Османской империи и ее подданных. Поэтому в литературе, посвященной первому русскому революционеру, эта сторона его взглядов фактически не рассматривалась.

Между тем международная обстановка и идеологические особенности времени, когда жил и творил Ради-

щев, — последняя треть XVIII — первые годы XIX в. — должны были породить у него внимание к внешнеполитическим проблемам. Действительно, уже в период учебы в Лейпцигском университете (1766—1771 гг.) он проявлял заметный интерес к происходящим в Европе событиям, и в частности к русско-турецкой войне. Через Лейпциг проезжало немало участников этой войны, от которых можно было узнать об экспедиции российского флота к Эгейскому архипелагу (1770—1774 гг.), которой командовал граф А. Г. Орлов. «Отправление Российских морских сил в Архипелаг в последнюю войну между Россиею и Турциею, — писал впоследствии Радищев, — доставило нам в Лейпциге случай видеть многих наших соотчичей, проезжавших из России в Италию и оттуда в Россию»³⁴. В Лейпциге побывал в начале войны писатель и ученый С. Г. Домашнев, служивший в штабе Орлова и командовавший «албанским легионом». Под непосредственным начальством Домашнева находился граф Антон Джика (Гика), который по заданию командующего склонял население в греческих и албанских землях выступать на стороне России³⁵.

Прибытие к берегам Морей (Пелопоннеса) российской эскадры в начале 1770 г. побудило воинственное население горной общины Мани, или Майны (в южной части Морей), поднять восстание против турецкой власти, которое должно было явиться сигналом к повсеместным антитурецким выступлениям греков. Маниоты рассчитывали на поддержку российских морских сил. Десант, высадившийся у Наварина, подкрепил два легиона маниотов, начавших военные действия против турецких войск. Была взята крепость Наварин. Но за первыми успехами последовали поражения. Силы были неравны, и Орлов, чтобы не попасть в ловушку, вскоре распорядился сдать Наварин. Российская эскадра ушла от берегов Морей. Слабо подготовленное восстание маниотов было жестоко подавлено³⁶.

Трагический конец Морейского восстания произвел сильное впечатление на современников, и не только на греков, разочаровавшихся в своих расчетах получить поддержку России в ближайшем будущем, но и на некоторых российских государственных и общественных деятелей, которые полагали, что, призывая подданных султана к восстанию, к помощи русским войскам, надо предусматривать и последствия подобных акций.

А. Н. РАДИЩЕВ.
*Гравюра из первого издания
«Путешествия из Петербурга в Москву»*

Радищев, бывший в курсе дел, связанных со Средиземноморской экспедицией, сочувствовал грекам, стремился содействовать облегчению их участи. Об этом свидетельствует первая из его сохранившихся работ — перевод с итальянского брошюры Антона Джики под названием «Желания греков, к Европе христианской»³⁷. Это был составленный непосредственно после событий в Мореозерии злободневный политический манифест. Публикация его на русском языке привлекла бы внимание общественности к греческой проблеме³⁸.

Радищев получил эту брошюру, опубликованную в Италии, скорее всего из штаба Орлова³⁹. В предисловии переводчик написал: «Мы получили из Архипелага,

через Италию, некоторую пиесу которая по обстоятельствам своим за весьма важную и любопытства достойную почесться может: она называется Желания греков, к Европе христианской. Это некоторой род весьма длиннаго, на греческом языке писаннаго манифеста, и в коем Греки весьма жалостно и чувствительно изображают бедственное свое состояние под областью турецкою, и желание, которое они имеют, подверженными быть власти какой ни есть христианской державы. Ясно видеть можно, с каким намереньем, и кем пиеса сия была сочинена. Мы тем охотнее приемлем на себя перевод оной, что по всем обстоятельствам думать должно, что нет еще оной в переводе ни в одном периодическом сочинении, кроме сих листов»⁴⁰.

Итак, Радищев охотно взялся за перевод посвященной греческой проблеме брошюры, так как полагал, что она весьма важна и интересна, а потому должна стать известной русским читателям. Однако вскоре обнаружилось, что в приложении к «Санкт-Петербургским ведомостям» произведение Джики уже опубликовано. Продолжать работу над переводом не имело смысла, и он не был завершен⁴¹.

Что же привлекло Радищева в «манифесте» Джики? В первую очередь его политическая цель — добиться помощи европейских правительств, в том числе русского, народу, борющемуся за освобождение от чужеземной власти, народу, некогда великому, а затем низведенному до рабского состояния. Для Радищева большое значение имела и социальная сторона греческой проблемы.

«Столько же бы было бесполезно напоминать здесь произшествии уже всей Европе известныя, то есть, сколь бедно состояние всех христианских греков, с тех пор как слабостию константинопольских обладателей, принуждены были они поддаться власти турецкой; естли кто нибудь которой бы не ведал, что не имеют они законов которыя бы их защищали; и что они суть гнусныя орудии своих властелинов... Естлиж кому покажется чрезвычайным, что есть между народом более трех веков в рабстве пребывающем, люди, имеющие права и обычаи рабские, то просим мы его рассмотреть, что в рабском состоянии, всякая добродетель есть преступление которое злодейством против тирана почитается», — писал Джика и переводил Радищев⁴². Выступление греков против султанской власти представлялось,

таким образом, борьбой не только за политическое освобождение, но и за социальные перемены.

Внимание Радищева к задаче освобождения греков от власти турок в известной мере стимулировалось его увлечением древнегреческой историей, философией и культурой. Вскоре после возвращения в Россию он перевел книгу знаменитого утописта и историка Г. Б. Мабли «Размышления о греческой истории», тема и идеологическая направленность которой были ему близки. Мабли, например, выступал противником завоевательных войн и на образцах античной истории доказывал их вредность для интересов народов и государств⁴³. Возможно, это оказало влияние на формирование отрицательного отношения Радищева к завоевательным войнам. При чтении «Повести временных лет», также вскоре после возвращения из Лейпцига, он, например, особое внимание проявил к летописным рассказам о войне, выделил ряд мест об ужасах войн, страданиях и бедствиях, причиняемых ими людям⁴⁴.

В «Путешествии из Петербурга в Москву» завоевательные войны, как связанные с насилием, грабежами и бессмысленными убийствами, осуждаются самым решительным образом. «Ты виною будешь, если мать заплачет о сыне своем убиенном на ратном поле, и жена о муже своем; ибо опасность плена едва оправдать может убийство, войною называемое», — объявляет Прямовзора автору, увидевшему себя во сне властителем (глава «Спасская Полесь») ⁴⁵.

Убеждение в бессельности и вредности для трудового народа завоевательных войн отражено и в «Проекте о будущем» (глава «Хотиллов»). «Но что обретаем в самой славе завоеваний? — говорится там. — Звук, гремящее, надутость и истощение... Но вопросы, чего жаждет завоеватель, чего он ищет опустошая страны населенные или покоряя пустыни своей державе? ...Нерассуждаешь ты о ярьей вепрь, что опустошая землю свою победою, в завоеванной ни чего необращаешь тебя услаждающего». Завоеватель уничтожит всех, не покорившихся его власти, тем только усилит ненависть к себе: «По истреблении мужественных граждан, останутся и будут подвластны тебе робкая души, рабства иго воспринять готовые; но и в них ненависть к подавляющей твоей победе укоренится глубоко. Плод твоего завоевания будет, нельсти себе, убийство и ненависть. Мучитель пре-

будеш в памяти потомков; казниться будеш, ведая, что мерзят тебя новые рабы твои, и от тебя кончины твоея просят»⁴⁶.

Как не похожи эти впечатляющие строки, доказывающие тяжкие последствия даже для самих властителей покорения своей власти чужих народов, на традиционное восхваление экспансионистской внешней политики и успешных завоевательных войн Екатерины II некоторыми российскими поэтами и писателями конца XVIII в.! Радищев не говорит об этих войнах конкретно, но нельзя забывать, что «Путешествие» задумывалось и писалось в те годы, когда уже произошло два раздела Речи Посполитой, когда шла вторая в царствование Екатерины война с Османской империей и война со Швецией. Легко представить себе, что именно впечатления от современных внешнеполитических событий повлияли на отношение Радищева к завоевательным войнам, да и вообще на отрицание войн как способа разрешения международных конфликтов. Рекрутские наборы, военная служба с ее тяготами, людские и материальные потери во время войны несут, как утверждает он, несчастия и лишения народным массам. Успешные войны, завоевания лишь увеличат число рабов, породят их ненависть к своему новому властителю.

Таким образом, при обличении войн, особенно завоевательных, первый русский революционер и демократ исходил прежде всего из классовых интересов простого народа, в первую очередь крестьянства. Он в равной мере выступал против социального и национального порабощения, а потому, рассуждая логически, должен был сочувствовать и народам, находившимся под турецкой властью, властью, основанной на завоевании и деспотизме.

Позднее, в 90-е годы, Радищев начинает обдумывать перспективы дальнейшей политики России в Восточном вопросе. Интересно его письмо к А. Р. Воронцову из Сибири от 4 апреля 1792 г., написанное под впечатлением известия о заключении Ясского мира. «Мир с турками является событием, которое всем должно принести радость, а крестьянам особенно. Последние имеют к тому особые причины, ибо видят лишь одни худые следствия войн»,— пишет он, как бы продолжая мысли, изложенные в «Путешествии». Но затем он рассуждает о том, к чему приведут в дальнейшем войны с Турцией:

«Границы империи еще отодвинулись. Карфаген разрушен был в Третью Пуническую войну, у нас же было две войны с турками, в третью, которая начнется не сегодня-завтра, русских увидят под стенами Константинополя; и, может быть, через 1000 лет (если считать со времени первой осады русскими этого города) столице Восточной империи суждено подпасть под владычество потомков славян. Не берусь, впрочем, быть пророком, но это французский посол в Константинополе, тот самый, что развязал войну, окончившуюся Кайнарджийским миром, предсказал возвышение русских и падение полумесяца. Что до меня, то я всегда держусь мыслей Неккера о войне, и, хотя мода на его творения и на его личность и прошла, тем не менее он изрек истину, пусть даже и не первый»⁴⁷.

Как видим, по мнению Радищева, успешное окончание войны с Турцией и расширение границ Российской империи на юге предвещает, что в следующей войне русские окажутся под стенами Константинополя. Это вызывает у него две исторические ассоциации, связанные с падением Карфагена под ударами римлян в Третей Пунической войне и с походами киевских князей на Балканы и в Византию в X в. Но Радищев тут же как бы отмежевывается от предсказания скорого падения империи османов, так и не высказав прямо своего отношения к подобной перспективе, и делает это, возможно, вынужденно, опасаясь перлюстрации. Но А. Р. Воронцов сам был противником продолжения экспансии на Востоке и должен был знать, что известный французский государственный деятель и экономист Жан Неккер доказывал, что войны, подготовка к ним наносят вред развитию экономики, материальным интересам населения⁴⁸.

Итак, в 1792 г. Радищев, серьезно обдумывая последствия русско-турецких войн, по-видимому, пришел к заключению, что экспансионистские планы Екатерины II в отношении Константинополя и проливов не отвечают интересам России и русского народа. Однако несколько лет спустя в поэме-сказке «Бова» — она написана, как считается, после возвращения из Сибири — тема овладения Россией столицей средневековой Византии предстает, казалось бы, в несколько ином свете. «Воссевши» на Пегаса, автор совершает воображаемое путешествие по далеким странам, прилегающим к «Пон

ту Черному», и оказывается, наконец, на Дунае. Далее следуют такие строки:

От Дуная морем Черным
Поплывем по Геллеспонту
И покажем ту дорогу,
По которой плывши смело
Войны росские возмогут,
Византии стен достигши,
На них твердо водрузити
Орлом славно русско знамя.
Но то скоро ли свершится?—
Будто время уж настало,
Мне то снилось недавно ---
Хотя снилось, но не знаю,
Когда будет; — — не пророк я,
Но то знаю — оно будет ⁴⁹.

После этого отступления «другу читателю», желающему иметь лучшее познание о «сих странах», рекомендуется обратиться к популярному в то время географу Бишингу (А.-Ф. Бюшингу), книги которого, в том числе о Турции и балканских народах, переводились на русский язык.

Если принимать процитированные стихи всерьез, нужно будет прийти к заключению, что Радищев в последующий период жизни выступал приверженцем завоевательной политики на Востоке и мечтал о водружении российского орла на стенах Константинополя. Но отношение Радищева к Восточному вопросу, привлекавшему впоследствии внимание столь многих русских общественно-политических деятелей и мыслителей, предстанет в совершенно ином виде, если учесть особенности жанра и идейной направленности сказки «Бова».

Эта поэма, сохранившаяся лишь частично, представляет собой резкую политическую сатиру, вытканную по узору народной сказки о Бове. В иносказательной форме Радищев обличает порядки и нравы царствования Екатерины II ⁵⁰. Злой иронией насыщены начальные строки вступления к сказке:

И как только расскажу вам
То, что льстить лишь будет слуху,
Что гораздо слаще меда

Для тщеславья и гордыни;
А все то, что чуть не гладко,
То скорее мы поставим
В кладовую или в погреб⁵¹.

Предсказание о водружении российского орла на стенах Византии было, конечно, тем, что должно было льстить «тщеславию и гордыне» читателей, но отнюдь не выражало положительного отношения к такой перспективе автора поэмы. Наоборот, он скрытно иронизировал над завоевательными планами Екатерины II, как и над многим другим, происходившим в ее царствование. Поэтому нельзя согласиться с английским исследователем А. Мак-Коннеллом, который, основываясь на приведенных выше цитатах из письма к Воронцову (правда, в урезанном виде) и сказки «Бова», пришел к заключению, что Радищев приветствовал победные войны Екатерины II против Турции и предсказывал, что русские воины вскоре осуществят цель, поставленную тысячу лет назад, — овладеют Константинополем⁵². В действительности отношение Радищева к задачам политики России в Восточном вопросе отличалось от подхода к данной проблеме большинства представителей дворянского класса России конца XVIII — начала XIX в.

Радищев постоянно следил за исторической литературой, не только хорошо знал русскую средневековую историю, но и проявлял интерес к истории других славянских народов, в особенности к проблемам славянского этногенеза. Это можно проследить, например, по его отметкам в «Повести временных лет»⁵³. В своем литературном творчестве он постоянно обращался к прошлому русского народа, к его патриотическим действиям, что имело воспитательное значение для современников, содержало глубокий политический смысл⁵⁴. При этом национальные проблемы у него тесно переплетались с социальными, и это особенно ярко проявилось в «Путешествии из Петербурга в Москву». «И мы, Сыны славы, мы именов и делами словуты в коленах земнородных, пораженные невежества мраком, восприяли обычай сей», — писал он в «Проекте о будущем» (глава «Хотилово») ⁵⁵, обосновывая национальным достоинством русских как народа славянского необходимость уничтожения крепостничества.

Все же такие темы, как национальные особенности, национальное самосознание русского народа, его культурно-исторические и этнические связи с другими народами, исторические судьбы славянства, стали особенно привлекать внимание Радищева в последние годы жизни. Об этом свидетельствует незаконченная поэма «Песни, петье на состязаниях в честь древним славянским божествам» (1801—1802), которая, по заключению Г. П. Макогоненко, стала как бы его завещанием⁵⁶.

На замысел этого произведения непосредственно повлияло издание в конце 1800 г. «Слова о полку Игореве», из которого взят эпиграф и некоторые мотивы, в частности обращение к Бояну — «певцу древних лет славянских» — в прозаическом введении. Радищев одним из первых почувствовал исключительную ценность этого памятника средневековой русской литературы⁵⁷.

Во введении к поэме рассказывается о далеких временах, когда праздновался день, посвященный «первейшим» божествам «славянского народа». «От всех колен славянских, от Ильменя и Новаграда, с холмистых берегов Клязьмы, от Галича и Дуная, с Поморня и Моравы, с вершин Альпийских и с моря Адриатического собиралися для общего торжества к великому Киеву старейшины, князи, бояре и гости, и тьмы народа бесчисленного. — Вели они с собою сладкогласных песнопевцев, да в оный день великий прославят в песнях своих богов и витязей, и слава языка славянского да промчится во все концы известного тогда мира»⁵⁸.

В прозаическом введении названы лишь пять из десяти певцов-славян, которые, возможно, выделяются намеренно. Первый певец — Всеглас, «житель юной берегов Ильменя», т. е. новгородец. Второй — Крутосвист, «житель ближайших гор Тмутараканя», а Хохт прибыл «от устья Дуная». «Сокол четвертый, — говорится далее, — рожден на вершинах гор близких моря Адриатического, Черными горами именуемых. Принес его Звен, потомок славных сопутников Пирра, мечтавшего завоевать вселенную». Наконец, пятый сокол принадлежит Тиховою, «коего предки, оставив Кипр, преселилися сперва в Гесперию, потом прешли житьельствовать на Поморне и принесли с собою обряды служения благотворныя Лады»⁵⁹.

В этом рассказе о певцах-славянах сказочный вымысел как бы переплетен со сведениями о древних сла-

вянах, их расселении, содержащимся в исторической литературе XVIII в. Совершенно очевидно, что Крутосвист представляет какие-то восточнославянские племена, живущие на территории Южной России, а остальные — в некоторых балканских и центральноевропейских землях. Так, Хохт должен был воспеть племена из низовий Дуная, Тиховой — поморских славян, Звен — черногорцев.

Можно заметить, что зарубежные славяне представлены на «состязаниях» преимущественно племенами, занимавшими как бы крайнее положение в славянском мире. Таковы, например, черногорцы. Но выделение их из всех южнославянских «племен», возможно, связано с тесными общественно-политическими связями между Россией и черногорцами в XVIII в. Чувствуется, что Радищев симпатизирует этому маленькому народу, смелому и свободолюбивому.

Как видим, воображению Радищева рисуется то счастливое время, воображению Радищева рисуется то счастливое время, когда славяне были как бы единым народом, различные «колена» которого, заселявшие значительную часть Европы, поддерживали между собой тесные связи. Имеются в виду не только восточные славяне, но и живущие на берегах Дуная, у Адриатического моря, в Поморье — области Польши, расположенной вдоль южного побережья Балтийского моря, в Моравии, в Альпийских горах. Подчеркивается многочисленность «славянского народа» в древности («тьма народа бесчисленного») и былая слава «языка славянского», т. е. славянского народа.

Центром этого обширного славянского мира, объемлющего его восточную, западную и южную ветви, выступает «великий Киев». Там и происходит «состязание, достойное игр Олимпийских в счастливые времена Еллады», состязание «песнопевцев» разных славянских племен. Сокол каждого из них должен поразить лебедя, и первым удастся это соколу Всегласа. Он исполняет свое «песнопение», которым и обрывается поэма.

То, что первая роль на состязаниях отведена Всегласу, характерно. Новгород, в представлении Радищева, как и ряда других прогрессивных деятелей его времени, олицетворял образец славянской демократической республики. Идеализация политического строя средневекового Новгорода как города-государства с народным правлением, где «народ в собрании своем на вече исти-

ный государь», сильно выражена не только в «Путешествии из Петербурга в Москву», но и в других произведениях Радищева⁶⁰.

В «Песнях, петых на состязаниях», сюжет касается новгородской истории, но он не традиционен. После обращения к Перуну и философских размышлений о жизни на земле и высших силах, владычествующих в мире, в песне Всегласа рассказывается о героическом эпизоде в истории древнего Новгорода — об отражении нашествия завоевателей-кельтов, под которыми, как считается, подразумеваются норманны. В изображении народной борьбы, жестокого мщения народа своим поработителям и состоит новаторство этой героической поэмы, проникнутой патриотическими чувствами⁶¹.

Г. П. Макагоненко, кажется, единственный из исследователей творчества Радищева, подробно анализировавший идейное содержание «Песен, петых на состязаниях», на наш взгляд, несколько преувеличил революционное звучание и социальную направленность этого произведения. Внимание к проблемам социальным в нем не отсутствует полностью, но главной темой все же является борьба с внешними врагами. Патриотизм, национальные особенности и достоинства русского народа, его связь с другими славянскими народами и все факторы, помогающие одолеть грозных внешних врагов,— вот что занимает автора поэмы в первую очередь.

В диалоге жреца Перуна Седглава и его сына Велеслава говорится о нападении кельтов на Новгород, жители которого испытали все бедствия «пагубных войн». Завоеватели не щадили «славянской крови», уводили в рабство женщин и детей. Тогда по призыву новгородцев на помощь им стали стекаться «полки славянские», которые и направились к Новгороду, уже оказавшемуся в руках кельтов и жестоко разграбленному ими. В заключительной части поэмы Седглав объявляет сыну, что тот должен стать во главе славянского воинства:

Народ Славянской, помня все заслуги
Отцов твоих, отцов моих,
И ведая, сколь мне
Перун всесильной благоворен,
Сколь мил ему первейший его жрец,
Тебя единым гласом все колена
Вождем своим уж нарекли.

Гряди, гряди на брань
И смело подвизайся,
Карай, рази врага, им отомщая
Все раны, кои он нанес
Тебе и мне и нашему языку...⁶²

Так напутствует жрец сына. Объединенные силы славян изгоняют кельтов, хотя несчастья и урои, нанесенные завоевателями, огромны.

Было бы преувеличением, основываясь на содержании «Песен, петьх на состязаниях», искать у Радищева идею общеславянского революционного союза⁶³, но понимание им значения этнической и культурно-исторической общности славян, интерес к наличию славянского родства как силачивающего фактора несомненны.

Как же мыслил себе первый русский революционер славянскую общность? Его представления в этой области соответствовали уровню знаний конца XVIII — первых лет XIX в. Термин «славянский народ» употребляется по отношению к русским, населению Древней Руси, но в равной мере и к народам, никогда не входившим в состав Руси, — к западным и южным славянам. Было ясно, что славяне состоят из различных «колен», или племен. Но иерархия всех этих этнических общностей оставалась туманной. Казалось только, что в прошлом связи между славянскими племенами были более прочными, и в этом заключались сила и величие славянства. Именно преданность славян традициям предков, как утверждает Седлав, «уязвляет» сердца кельтов, которые знают:

Что племена славянски сильны,
Ступая во следы широки, звучны
Своих усопших предков,
Оставивших свои
Пылающие веси
На берегах бушуйной Адрыи,
Епир, Иллирик и Панонью
Губителям вселенной в Риме...⁶⁴

В приведенных строках высказывается идея о необходимости следовать свободололюбивым традициям древних славян, при этом приводятся сведения о передвижении славян, явно заимствованные из исторической литературы⁶⁵.

Радищев всегда живо откликался на происходящие в мире события. Обращаясь к темам историческим, к славянской старине, он наполнял их актуальным общественно-политическим содержанием. В этом отношении его последнее произведение не должно было бы отличаться от прочих. И потому возникает предположение, не следует ли искать ключ к идее этой поэмы в особенностях международной ситуации первых лет XIX в.?

В России начиналось новое царствование, что порождало радужные надежды и ожидания. Но в это же время перед европейскими народами нависла грозная опасность — наполеоновская Франция приступила к завоевательным войнам. В 1801—1802 гг. агрессивные акции Наполеона еще не развернулись в полной мере, однако такой внимательный наблюдатель, как Радищев, мог уже предчувствовать, что сулили европейским народам такие события, как присоединение к Франции Бельгии и рейнских провинций, образование вассальных Батавской и Цизальпинской республик в Италии. Он должен был осознавать, что России предстоит играть активную роль в борьбе с наполеоновской Францией, притом в содружестве с другими народами и государствами.

В этих условиях необходима была вера в значительность, национальные достоинства и светлое будущее русского народа как народа славянского, имеющего высокие нравственные достоинства, героическое прошлое и прочные традиции борьбы с внешними врагами.

Не наложило ли все это отпечаток на сюжет и идейное содержание последнего незаконченного произведения Радищева? Это только предположение (даже не гипотеза), ибо прямых доказательств нет. Но такое предположение может быть выдвинуто, и его подкрепляют последние строки поэмы. Умиравший Седглав предрекает великое будущее своему народу, всему «народу славянскому»:

О народ, народ преславной!
Твои поздние потомки
Превзойдут тебя во славе
Своим мужеством изящным,
Мужеством богоподобным,
Удивленьем всей вселенной,
Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят — природу даже,—

И пред их могущим взором,
Пред лицом их озаренным
Славою побед огромных,
Ниц падут цари и царства. — — —
О потомки! ⁶⁶

Вера в великое предназначение русского народа, в его светлое будущее здесь провозглашена во весь голос. А. А. Мак-Коннелл считает процитированное место поэмы кульминационной точкой возраставшего патриотизма Радищева, а в словах о предстоящем падении «царей и царств», хотя и не вполне ясных, видит выражение убеждения автора «Путешествия» в необходимости ниспровержения самодержавных властителей ⁶⁷. С этим можно согласиться — социальная направленность последних стихов «Песен, петых на состязаниях» несомненна.

Но основной замысел произведения лежит все же в иной сфере. Радищев обращается к седой старине, к сюжету сказочно-мифологическому, мысленно беседуя со своими современниками. Он напоминает им, что русский народ, как все славяне, всегда отличался высокими нравственными достоинствами, героизмом, всегда боролся против завоевателей. Он рассказывает, что некогда «колена славянского народа» были соединены тесными узами, собирались на общие празднества и помогали друг другу в годы несчастий и все это придавало им силы и величие. Он убеждает, что надо поддерживать исторические и национальные традиции, следовать примеру «усопших предков».

«Песни, петые на состязаниях» ярко отразили понимание значения этнической и культурно-исторической общности славян, интерес к проблеме славянского родства как фактору в развитии политических и культурных контактов между этими народами.

Идеи такого рода выражены Радищевым еще не совсем отчетливо, аллегорически, но они оказались начатками тех тенденций русской общественной мысли первых десятилетий XIX в., которые, как увидим далее, проявились во взглядах ряда русских общественных деятелей различных общественно-политических направлений.

Итак, зарубежные славяне интересовали Радищева как народы этнически родственные, имевшие в какой-то мере сходные национальные задачи. Он выступал, как

мы пытались доказать, скрытым противником политики Екатерины II в Восточном вопросе. Такой подход, обусловленный общей системой его общественно-политических убеждений как революционера и демократа, для своего времени был уникальным.

ЗАДАЧА ОСВОБОЖДЕНИЯ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ С ПОМОЩЬЮ РОССИИ ВО ВЗГЛЯДАХ А. А. САМБОРСКОГО

В ряду русских общественных деятелей, имевших в начале XIX в. личные контакты с представителями балканских народов, выступавших ревностными поборниками оказания Россией помощи своим «единоверцам» в Австрии и Турции, одной из примечательных фигур был А. А. Самборский.

Биография этого влиятельного представителя придворного духовенства достаточно изучена, опубликована значительная часть его записок и писем⁶⁸, но меньше внимания привлекали его взгляды и деятельность в области русско-балканских связей. На этом вопросе и хотелось бы остановиться подробнее.

Андрей Афанасьевич Самборский (1732—1815) — личность своеобразная в среде российского высшего клира. Окончив Киевскую духовную академию, он в числе лучших учеников был послан в Англию для изучения земледелия, а затем стал настоятелем русской посольской церкви в Лондоне. Долгое пребывание в Великобритании наложило заметный отпечаток на его взгляды и образ жизни, на его интересы, в большей мере мирские, чем религиозные и церковные. Отец Самборский носил светское платье, брил бороду, занимался проблемой улучшения земледелия в России и несколько лет был директором практической школы земледелия, находившейся близ Царского Села. Екатерина II благоволила к образованному и деятельному протоперею, и в 1784—1793 гг. он преподавал закон божий и английский язык великим князьям, в том числе будущему императору Александру Павловичу, что, естественно, надолго обеспечило высокий престиж Самборского в правительственных кругах. В этой среде он имел широкие связи, дававшие возможность самому оказывать покровительство, в том числе некоторым балканским деятелям.

Л. А. САМБОРСКИЙ.

Гравюра Афанасьева.

Собрание портретов, издаваемых П. Бекетовым

Личность Самборского оценивалась русскими дворянско-буржуазными историками главным образом исходя из его влияния — положительного или отрицательного — на духовное и нравственное формирование Александра I, и мнения по этому поводу расходились⁶⁹. Общественно-политические взгляды царского наставника самостоятельно не рассматривались, однако некоторые факты его биографии и высказывания наводят на заключение, что это был человек, критически относившийся к российской действительности, не чуждый просветительских идей, сторонник действенных мер, которые привели бы Россию к

экономическому процветанию, а ее население — к благосостоянию и культурному прогрессу⁷⁰. Вместе с тем это был поборник крепкой монархической власти и решительной внешней политики, в особенности политики в Восточном вопросе, по образцу той, которую проводила Екатерина II. Самборский был близок с рядом выдающихся государственных деятелей — с братьями А. Р. и С. Р. Воронцовыми, Н. С. Мордвиновым, А. А. Чарторьским и Д. Н. Блудовым. Он обеспечил успешное начало карьеры М. М. Сперанского и был с ним в лучших отношениях до конца жизни.

В 1799 г. великая княжна Александра Павловна была выдана замуж за венгерского палатина эрцгерцога Иосифа с условием сохранения православного вероисповедания, а Самборский был назначен ее духовником и настоятелем домашней церкви. Так он оказался в Офене (Буде), где начал активно противодействовать попыткам католического духовенства побудить молодую палатину изменить вероисповедание и усиленно склонял ее покровительствовать православным.

Весной 1801 г. Александра Павловна скончалась. Ее жизнь в Офене и смерть, сложные погребальные церемонии Самборский подробно описывал в письмах к Александру I и императрице Марии Федоровне, а затем в пространной записке, которую по возвращении в Петербург, в 1805 г., представил царской семье и давал читать многим столичным сановникам, своим знакомым. Этот своеобразный отчет протонеря о деятельности в Офене и Вене очень тенденциозен, но достаточно ясно воспроизводит некоторые особенности его взглядов⁷¹.

Прежде всего бросается в глаза антиавстрийская настроенность Самборского, весьма характерная для общественного мнения дворянской России этих лет: ведь еще не могли быть забыты недобросовестные акции Габсбургов во время итальянского и швейцарского походов А. В. Суворова. Из записки можно заключить далее, что Александра Павловна, по убеждению ее духовника, должна была играть в Австрии не только роль защитницы православной религии, но и способствовать распространению русского влияния среди народов, подчиненных власти Габсбургов и турецкого султана. В первую очередь здесь имелись в виду «единоверные и преданные русским сербы», а также представители «сообществ евангелической и реформистской церкви» и даже католи-

ки-венгры, недовольные австрийской властью и стремившиеся к политической самостоятельности. Протоиерей, очевидно, не собирался ограничиться защитой интересов православия в Австрии, т. е. чисто религиозными задачами, а рассчитывал на участие великой княгини в политической борьбе, усматривая в этом возможность расширить влияние России в Юго-Восточной Европе.

Трудно сказать, в какой мере молодая палатина подчинялась влиянию своего духовника и собиралась ли действовать в дальнейшем по его советам. Но ее кончина не оборвала, а скорее активизировала деятельность Самборского в Австрии, где он оставался еще несколько лет, пытаясь насадить культ сестры российского императора как великомученицы и защитницы православных, опровергая распространившиеся слухи, что она изменила своей религии и перешла в католичество⁷².

Александру Павловну захоронили недалеко от Офена в небольшой, специально построенной церкви, которая стала притягательным центром для проживавших в городе и его окрестностях сербов и греков. После этого, найдя себе заместителя, протоиерей уехал в Вену, где служил в русской посольской церкви, также посещаемой сербами и греками. Он заказал гравюры с изображением Александры Павловны в гробу, ее церкви и раздавал их в Офене и Вене в качестве доказательства, что великая княгиня погребена как православная⁷³. Лишь летом 1804 г. Самборский уехал на родину, но не прямым путем, а через Триест, в котором он побывал ранее (в 1803 г.), Далмацию и Котор. Затем через о. Корфу и некоторые другие греческие острова он добрался до Стамбула и оттуда — в Россию. Остается неясным, совершил ли престарелый протоиерей это нелегкое путешествие по собственной инициативе или по чьему-либо поручению. Имеется не вполне достоверное упоминание, что по возвращении он представил «высшему начальству» отчет о поездке по балканским землям, целью которой будто бы было «ближайшее знакомство с земледелием и торговлей разных мест»⁷⁴. Отчет этот разыскать не удалось, но в других своих записках Самборский сообщал кое-что и об этом путешествии. Везде, где останавливался, он совершал богослужения, произносил здравницы в честь российского императора и раздавал изображения его сестры в гробу «людям светским и духовным». Все это у сербов возбуждало «живое чувство».

«Хотя не по печатной форме, но по движению душевному... единоверные сербы утверждали священную и верную присягу императору всероссийскому и купно своему», — писал протоиерей. Уже в России, проезжая Екатеринославскую губернию, он встречался с сербскими поселенцами, которым, по-видимому, рассказывал о восстании против турецкой власти, поднятом их соотечественниками. Некоторые из этих сербов будто бы «ревностный сделали отзыв к службе его величеству и ко спасению своих единоплеменников», т. е. изъявляли готовность отправиться в Сербию по поручению царского правительства⁷⁵. «...Все правоверные чада православной церкви, угнетенные суеверием папским и магометанским, — заявлял Самборский, — твердую полагают надежду, что благочестивейший всероссийский император Александр I избавит их от тяжкого ига. Преданности их описать невозможно, а надобно видеть. Сим душевным удовольствием наслаждался я во всех тех церквах, в которых в продолжении моего путешествия совершал я священнослужения. Так я с божьею помощью потщился исполнить долг перед любезнейшим отечеством»⁷⁶.

Из такого рода описаний, составленных в выпяченном стиле, с очевидными преувеличениями, ясно главное: во время своей поездки неутомимый Самборский действовал в том же направлении, что в Офене и Вене. Он старался распространить среди народов, находившихся под властью Австрии и Турции, культ Александра I как будущего освободителя этих народов, его сестры — как покровительницы православных, а фактически — политическое влияние России. Нет оснований предполагать, что вся эта деятельность была инспирирована петербургским двором. Скорее всего, протоиерей действовал по личной инициативе, исходя из собственных представлений о «долге перед любезнейшим отечеством». Человек честолюбивый, не забывавший о своей близости ко двору Екатерины II и не отрешившийся от представлений ее эпохи, он, возможно, рассчитывал, что активная деятельность в Австрии и Турции поможет ему занять влиятельное положение и при дворе Александра I.

Но если даже и существовали такого рода личные планы, непреложным остается факт, что Самборский сыграл немалую роль в расширении политических и общественных связей России с балканскими народами. В этом отношении он в чем-то походил на такого известного

деятеля, как М. Ф. Раевский, который несколько десятилетий спустя, будучи священником посольской церкви в Вене, установил тесные контакты с национальными общественными и политическими деятелями славянских народов в Австрии и Турции, выступал посредником между русскими и славянскими учеными⁷⁷. Самборский жил в другое время, его связи были гораздо ограниченнее и беднее по содержанию, но для начала XIX в. они — явление примечательное.

В личном архиве Самборского сохранилось немало писем от югославян и греков, от балканских эмигрантов в России. Среди авторов этих писем можно встретить известных деятелей сербского восстания Божо Груйовича (Г. Филиповича) и Петра Новаковича-Чардаклию; ученых-сербов, работавших в России, — Григория Терлаича и Афанасия Стойковича; лиц, близких к черногорскому митрополиту Петру Петровичу Негошу, — Саву Пламенца и Доментиана Владевича; архимандрита Варлаама Павловича из Триеста; одного из графов Войновичей и др.⁷⁸ Самборский был знаком с далматинским архимандритом Стефаном Ивковичем, бачским епископом Йованом Йовановичем, сербом на русской службе Спиридоном Юговичем-Новаковичем и известным педагогом Т. И. Янковичем Мирневским. Особенно тесные отношения протонерей поддерживал с Новаковичем-Чардаклией, жена которого была фрейлиной Александры Павловны. Прорусская ориентация Новаковича, много сделавшего для установления связей руководителей повстанцев с царским правительством в 1804—1807 гг., сложилась не без влияния Самборского.

Балканские деятели, пытавшиеся наладить контакты с царским правительством, естественно, видели в «законоучителе» Александра I влиятельного покровителя и посредника. Так, когда герцеговинский архимандрит Арсений Гагович в 1803 г. отправился в Петербург с политической миссией, он получил рекомендательное письмо от Самборского к вице-канцлеру А. Р. Воронцову. Последний же уведомил Самборского о благосклонном приеме архимандрита и представлении его императору. «Мне очень приятно, что я мог быть полезным сему архимандриту, сколь по уважению к рекомендации Вашей, столько и по личным его качествам», — писал Воронцов⁷⁹.

Вскоре после приезда в Офен Самборский вошел в переписку с митрополитом Стефаном Стратимировичем — главой православной церкви в Австрии, к которому имел рекомендации от Г. Терлича — своего петербургского знакомого, известного сербского педагога и писателя, близкого по взглядам к Доситею Обрадовичу. Переписка эта сохранилась лишь в незначительной части⁸⁰. Но политические результаты ее известны: именно при посредничестве Самборского летом 1804 г. карловацкий митрополит рискнул втайне от венского двора обратиться к царскому правительству с просьбой об оказании помощи восставшим сербам Белградского пашалыка и предложением об основании «славено-сербского царства». Этот «мемориал» Стратимировича Самборский перед своим отъездом из Вены вручил русскому послу А. К. Разумовскому, переславшему его в министерство иностранных дел. Трудно определить, был ли Самборский инициатором этой рискованной акции карловацкого митрополита или просто откликнулся на его просьбу и имел ли какую-либо причастность к составлению этого своеобразного политического трактата. Однако по некоторым высказываниям протонерея можно заключить, что он полностью поддерживал политическую программу, сформулированную в упомянутом «мемориале».

В чем же она состояла? Главное место занимала идея о возможности и выгодности для самой России основания «славено-сербского царства» — конституционной монархии во главе с одним из представителей династии Романовых или их свойственников — немецких князей (предпочтительно протестантов). Религиозная и племенная общность русских и сербов служила идеологическим обоснованием необходимости для царского правительства поддержать создание этого нового государства на Балканах. Не жалея красноречия, Стратимирович убеждал Александра I приложить все усилия для дела, которое «столь славно будет всему славянскому роду». Первым шагом к основанию «славено-сербского царства» при существующей международной обстановке было бы предоставление при содействии петербургского двора сербским землям, находящимся в составе Турции, внутренней автономии по аналогии с Ионическими островами или Дубровницкой республикой. Затем, когда падет пришедшая в упадок Османская империя, Россия присоединит к своим владениям Болгарию, Фракию и «каналы» из

Черного в Средиземное море. Именно тогда все сербские земли, находящиеся в составе Турции и Австрии, можно было бы объединить в одно большое государство, которое восполнит «равновесие сил» в Европе, станет для России удобным соседом и верным союзником. Стратимирович обвинял греков в «национализме» и открыто противостоял идее «обновления Римской империи», т. е. создания обширного греческого государства, которая была выдвинута в известном «греческом проекте»⁸¹. Однако в типологическом смысле идея создания «славено-сербского царства» Стратимировича, исходящая из понятия исторического права, мало чем отличалась от Восточной империи «греческого проекта». Митрополит, как и многие его современники, был убежден, что Османская империя падет в ближайшем будущем и ее владения будут поделены между великими державами, что «греческий проект» Екатерины II остается программой политики в Восточном вопросе ее внука. Поэтому он пытался увязать удовлетворение экспансионистских претензий российского самодержавия на Балканах с решением сербского вопроса.

Идея создания большого государства, включающего сербские земли Турции и Австрии, вообще имела хождение среди интеллигенции Воеводины в конце XVIII — начале XIX в., и особенно после начала восстания в Белградском пашалыке⁸². Руководители этого восстания, пользуясь советами того же Стратимировича, уже летом 1804 г. начали выдвигать требование о предоставлении сербским землям в составе Турции широкой внутренней автономии.

Такого рода требование в тогдашних условиях было вполне реальным и соответствовало принципам политики в отношении Турции и балканских народов правительства Александра I. Последнее, как известно, создало в 1800 г. греческую Республику Семи Соединенных островов под сюзеренитетом Турции и покровительством России и добилося от Порты гарантий автономных прав Молдавии и Валахии, а начиная с 1804 г. выдвигало план создания на Балканах других автономных или полунезависимых государств, которые могли бы стать заслоном против экспансии наполеоновской Франции в этом регионе Европы.

То обстоятельство, что Самборский не просто способствовал установлению политических контактов с Россией;

митрополита Стратимировича, но и разделял его взгляды (а потому отчасти и взгляды руководителей сербских повстанцев) на способ решения сербской проблемы, примечательно. Этот воспитанный на представлениях XVIII в., веривший в мудрость восточной политики Екатерины II церковный деятель в 1804 г. понимал необходимость удовлетворения национальных интересов не только греков, но и сербов. Такая перемена во взглядах совершалась под влиянием ряда причин, и прежде всего в результате революционных событий на Балканах. Ведь начало сербской революции поставило на повестку дня прежде всего проблему создания самостоятельного сербского государства, что было очень быстро осознано в России. Самборского занимала именно эта проблема. И он, и Стратимирович, живя представлениями уже ушедшей эпохи, как бы корректировали в пользу сербов план решения Восточного вопроса, который возник в совершенно иной международной ситуации.

После возвращения в Россию Самборский не оставлял попыток побудить своего бывшего ученика оказывать действительную помощь сербам, вести более активную политику в отношении греков и всех православных подданных Порты⁸³. Этой цели фактически служил отчет о жизни и смерти Александры Павловны в Венгрии, и в особенности другая записка, направленная в министерство иностранных дел в марте 1806 г. и посвященная непосредственным задачам российской политики в отношении народов Юго-Восточной Европы.

Мнение по этому вопросу Самборского — человека, хорошо знакомого с обстановкой на Балканах, — было запрошено Чарторыским, по-видимому, в связи с разработкой конкретных акций России в этом регионе в начале 1806 г., когда после аустерлицкого поражения и заключения Прессбургского мира возникло предположение, что Наполеон собирается окончательно разрушить Турецкую империю⁸⁴.

«Благочестивое единоверие есть толкно твердый между единоверными союз, которого ни огонь, ни меч, ни тяжкие долговременные страдания разрушить не могут. Сей живой и поразительный пример представляется в единоверном нам славено-сербском народе, который готов есть жертвовать своею жизнью для избавления священных алтарей. Избавителем же своим они единственно почитают благочестивейшего и богоподобного Александ-

ра I и твердо верят, что уже пришло время... что также утверждают и греки», — так высокопарно начинает свою записку Самборский, как обычно, славословя царю и провозглашая религиозную солидарность, идейным обоснованием замысла привлечь балканские народы к борьбе с наполеоновской Францией. Правда, принцип религиозной солидарности православных не мешает ему отводить немалую роль в этом плане совсем не «единоверным», воинственным и недовольным австрийской властью венграм. Чтобы поддержать «дух» преданности России среди подданных Австрии, надо предоставлять щедрую помощь православным церквям и монастырям, карловацкому митрополиту, предложить венгерскому палатину оказывать защиту православным. Наибольшего же «внимания, сострадания и пособия» требует «славено-сербский народ, обитающий в державе турецкой», т. е. сербские повстанцы, которые в случае неудач своей борьбы «для спасения своего могут предаться в покровительство беспредельное высокомерному и злоковарному неприятелю» (Наполеону). Чтобы не допустить этого, следует склонить султанское правительство признать сербов «не мятежниками, а защитниками Оттоманской Порты и своего отечества». В Сербию нужно срочно послать благоразумных советников и опытных военачальников из числа их соотечественников, живущих в России, предоставить восставшим помощь оружием, припасами и деньгами. Далее говорится об возможности объединения военных сил повстанцев, которые сильно преувеличиваются (100 тыс. человек), с вооруженным населением Черногории, Котора, Рагузы и Далмации, также преданным России. «Сей многочисленный и храбрый народ» (т. е. славяне указанных областей.— *И. Д.*), соединенный с греками, также «чающими своего спасения», даст возможность отвратить нашествие сил «страшного деспота» — Наполеона. «Тогда уже весьма легко может сама собой уничтожиться и Турецкая держава, — утверждает Самборский, — чему Валахия и Молдавия, яко нам единоверные, весьма много могут способствовать»⁸⁵.

Итак, сущность предложения протоиерея — дать отпор наполеоновской Франции, а вслед за тем сокрушить Османскую империю путем тесного военно-политического союза России с поработченными народами Юго-Восточной и Центральной Европы, со «славено-сербскими», греками, молдаванами, валахами и венграми. О политичес-

ком будущем балканских земель, о «славено-сербском царстве» при этом ни слова не говорилось, но нет сомнения, что Самборский не упускал из вида главные идеи «мемориала» карловацкого митрополита, преисполненного, по его словам, «благоразумия, народной преданности и твердого упования». Предложения последнего о поддержке сербского восстания как бы приспосабливались Самборским к условиям международной ситуации 1806 г., к непосредственным внешнеполитическим задачам России, а также существенно расширялись (речь шла уже не только со «славено-сербам», но о большинстве угнетенных народов Турции и Австрии).

Бросается в глаза также, что существо предложений протонеря о политике в отношении народов Юго-Восточной Европы близко идеям группировки Негласного комитета, и в частности так называемым балканским планам А. Чарторьского, которые тот усиленно выдвигал в 1806—1807 гг.

Вряд ли мнение Самборского о политике России по отношению к народам Юго-Восточной Европы, которым Чарторьский, возможно, рассчитывал подкрепить собственные предложения по данному предмету, оказало влияние на практические акции петербургского двора. И, конечно, дипломатическая и материальная помощь сербским повстанцам оказывалась Россией перед началом войны с Турцией отнюдь не под воздействием настояний «законоучителя» царя. Самборскому так и не удалось занять влиятельное положение при дворе, получить какую-либо почетную должность. Император не внял и его последующей просьбе — дать возможность принять лично участие в спасении «единоверных сербов»⁸⁶.

Вместе с тем можно представить себе, что такой человек, как Самборский, имевший широкие личные связи в «высшем свете», немало способствовал распространению в русском обществе сведений о балканских народах, об их положении, нуждах и чаяниях. Хотя эти рассказы и были достаточно тенденциозны, выдержаны в духе рассмотренных выше записок, они закрепляли представления о необходимости для России вести активную политику в Юго-Восточной Европе, помогать освобождению своих единоверцев, да и всех других народов, находящихся под властью Турции и Австрии, возможно, порождали даже мысли о славянской общности и солидарности.

Свидетельством всего этого может служить ода Г. Р. Державина «Эродий над гробом праведницы», написанная в 1806 г. под впечатлением записки Самборского о смерти Александры Павловны, а может быть, и от его устных рассказов. Характерно, что ода эта проникнута антиавстрийскими настроениями, вновь ожившими после Аустерлица, представлениями о помощи единоверцам и особой симпатией к борющимся за свободу сербам. Более того, Державин высказывает мысль о близости русских и сербов по своим национальным особенностям и возможности политического сближения этих народов, а также венгров.

В оде есть такие строки:

Врожденно русским есть геройство,
И ваше (сербов.—И. Д.) нам подобно свойство;
Одним бы солнцем греться нам!
Не разделяет тех пространство,
В ком кровь и ум и дух один:—
Славяно-русско-сербско царство —
Один со венгром исполн...⁸⁷

Г. Р. Державин, как и Самборский, был человеком, проникнутым духом XVIII столетия. Но в 1806 г. он уже высказывает идеи, не свойственные екатерининской эпохе — о сближении с сербами на почве не только религиозной, но и этнической славянской общности. Эти идеи смутны, и остается неясным, имеет ли в виду поэт, говоря о «славено-русско-сербском царстве», какое-то политическое сближение России с сербами — здесь могла подразумеваться, например, покровительственная система — или думает только о чисто духовной общности «славено-руссов» и «славено-сербов». Но в любом случае эти мысли навеяны событиями на Балканах, и прежде всего недавно начавшимся сербским восстанием, расширением русско-сербских политических и общественных связей.

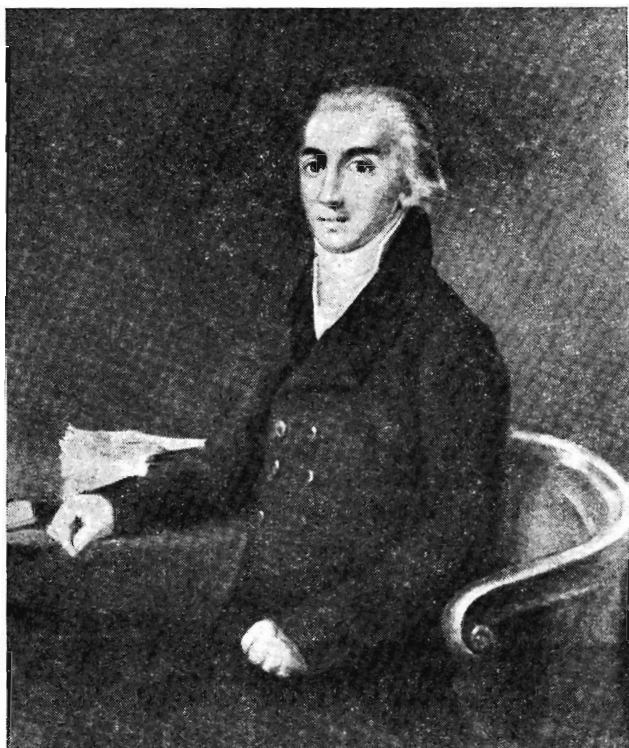
По всей вероятности, Самборский содействовал и развитию интереса к балканским народам, к их дальнейшей судьбе у своего зятя, просветителя-демократа В. Ф. Малиновского.

ИДЕИ В. Ф. МАЛИНОВСКОГО
О ПОЛИТИЧЕСКОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ НАРОДОВ,
СОЗДАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ
И ИХ ФЕДЕРАТИВНЫХ СОЮЗАХ

Василий Федорович Малиновский как оригинальный русский мыслитель конца XVIII — начала XIX в. стал известен сравнительно недавно. Долгое время первый директор Царскосельского лицея считался человеком не только заурядным, но и мало подготовленным к педагогической деятельности. Влиянию Малиновского на формирование личности и мировоззрения первых лицейцев, в том числе А. С. Пушкина и ряда декабристов, не придавалось значения. Подобные представления начали разрушаться лишь после изучения литературного наследия Малиновского, большая часть которого осталась неопубликованной⁸⁸. Но в полной мере значение этого прогрессивного мыслителя, просветителя-демократа, предшественника идеологов дворянских революционеров было оценено благодаря исследованиям советских ученых. Имя Малиновского теперь вошло в историю русской философии Просвещения⁸⁹. Не обойдена вниманием и его дипломатическая деятельность, связанная с Дунайскими княжествами⁹⁰.

Новые материалы творческого наследия Малиновского обнаруживают чрезвычайно своеобразную «европейскую утопию», в которой немалое место занимают идеи социально-политической перестройки Юго-Восточной и Центральной Европы. Интерес к такой проблеме был связан с некоторыми обстоятельствами его жизни и деятельности.

Василий Федорович Малиновский (1765—1814) был сыном священника из Малороссии. Окончив в 1781 г. гимназию Московского университета, он поступил на службу в Московский архив коллегии иностранных дел. Малиновский отличался незаурядными способностями, свободно владел рядом европейских языков, знал языки древние и некоторые восточные (в том числе турецкий). Он изучал философию, политэкономия, историю, интересовался всеми международными проблемами и научными достижениями. «Ученые занятия» и общественно полезная деятельность с молодости стали главным делом его жизни.

В. Ф. МАЛИНОВСКИЙ.
*Портрет маслом неизвестного художника.
Гос. музей Пушкина. Москва*

В год начала Великой французской революции Малиновский, по его собственным словам, «выпросился» на место переводчика при российской миссии в Лондоне, «желая познать государство, славное мудростью и счастьем своего правления и жителей», а в 1791 г. Малиновский, также по собственному желанию, отправился на театр военных действий с Турцией, чтобы «видеть войну на самом деле» и дополнить «удостоверением ее зол» свою еще не законченную книгу «Рассуждение о мире и войне», которую начал писать в Англии. Однако война уже окончилась, и ему осталось принять участие в Ясском мирном конгрессе в качестве секретаря, знающего турецкий язык. В Яссах Малиновский быстро приобрел

среди молдаван и валахов «коротких знакомых», которые выражали ему свое недовольство по поводу того, что Дунайские княжества, для которых Россия рассчитывала добиться политической самостоятельности, возвращаются, по условиям мира, Турции. «Вы поверите, по себе судя,— писал Малиновский по этому поводу В. П. Кочубею,— любовь отечества и с нею честь народа не по чинам и степеням службы оживляет сердце благородное; я принял сии выговоры, сии упреки, как мне лично сделанные, и помнил сии земли, всегда на сердце их носил»⁹¹. Это и заставило его несколько лет спустя, когда представилась вакансия, просить для себя место генерального консула в Молдавии и Валахии.

В Яссах Малиновский пробыл полтора года и за этот небольшой срок приложил немало усилий, чтобы добиться улучшения участи молдаван и валахов, в особенности крестьян. Он постоянно сообщал начальству об излишних поборах и тяжелых податях, притеснениях, которые терпит население княжеств от господарей-фанариотов, принимал «частные просьбы» и делал сам «твердые представления»⁹².

В 1801—1802 гг. российский посланник в Константинополе вел переговоры с Портой относительно специального двустороннего соглашения, подтверждающего и расширяющего права и привилегии Молдавии и Валахии, и Малиновский принял активное участие в осуществлении связанных с этим дипломатических акций. Но деятельность его в этом направлении не была завершена: из-за интриг молдавского господаря он был отозван из Ясс дисциплинарным императорским указом и в конце 1802 г. вернулся в Петербург.

Участие в работе Яесского конгресса, служба в Дунайских княжествах позволили Малиновскому своими глазами увидеть тяжелое положение народов, находящихся под властью Австрии и Турции, познакомиться с рядом балканских деятелей, задуматься над задачей освобождения народов Юго-Восточной и Центральной Европы от национального гнета. Такое направление его мыслей можно проследить по произведениям, написанным вскоре после возвращения на родину.

В 1803 г. Василий Федорович осуществил давно задуманное намерение издавать журнал и выпустил восемь номеров еженедельника под названием «Осенние вечера». Эти маленькие книжки, имеющие всего по 8—10 страниц

каждая, предназначались не для избранной публики, а для читателя простого и не очень искушенного. Как можно заключить, именно в такой среде Малиновский намеревался начать распространение своих нравственно-религиозных просветительских принципов и общественно-политических идей. Он так и не нашел сотрудников, и все статьи в «Осенних вечерах», по-видимому, писал сам.

Журнал начал издаваться в то время, когда перед Россией и европейскими государствами все настоятельнее вставала проблема противодействия экспансии наполеоновской Франции. Эта тема затрагивается в кратких обзорах международного положения в Европе и в статьях патриотического содержания.

В одной из таких статей, названной «Любовь России», говорится о «наружном, или внешнем величестве России», которая, соединившись с одним из крупнейших европейских государств — английским или французским, «может управиться со всею Европою». Но, что самое характерно, «славу и могущество» России Василий Федорович видит не только в ней самой, но и в ее связи и союзе с народами Юго-Восточной и Центральной Европы. «Она славна и велика и страшна всем врагам своим,— говорится по этому поводу.— От Балтийского залива и Камчатского моря между Азией и Америкой до Средиземного — одно племя славено-русов: в Болгарии, Славонии, Венгрии, Далмации — все это наши любезные сограждане! И еще вся Греция своею православною верою к нам привязана — или сыны России не умеют защищать их, не сильны или не храбры? Не завоевали ль они весь Архипелаг, не взяли ль Морею? И древнее отечество великих спартан от россиян еще однажды дышало вольностью и геройством — или мы только с турками умеем драться? Но кто устрасил всю Европу, кто покорил Италию, большую часть Германии и привел в трепет все народы, царей поколебал на престоле их? — Французы! Но кто удержал сих и возвратил Италию в одно лето! — Твои сыны, великая Россия, одни могли воспротивиться непобедимым для других французам! — Жаль, не удалось помериться на поле герою их с героем нашим»⁹³.

В последних строках приведенного отрывка события и имена не называются, но совершенно очевидно, что речь идет об Итальянском походе российской армии под предводительством А. В. Суворова в 1799 г., победные

результаты которого были сведены на нет эгоистической политикой венского двора. Автор выражает сожаление, что «герою нашему» — Суворову — так и не удалось помериться силами с самим Наполеоном. Но он верит в конечную победу над завоевателями-французами и надеется, что Россию в этой борьбе поддержат «славено-руссы», а также православные греки, которых Россия в недалеком прошлом — во время Средиземноморской экспедиции русского флота в 1770—1774 гг. — уже пыталась выволить от гнета Османской империи и которая должна выполнить эту миссию в будущем.

Так, осенью 1803 г. Малиновский выдвинул в своем журнале идею о союзе России со славянами и греками для борьбы с внешней угрозой, союзе, основанном на принципе взаимопомощи народов, связанных узами этнического родства или культурно-исторической близостью.

Но при сильно выраженных патриотических мотивах в статье не упускается из вида, что «наружное, или внешнее величество России» не соответствует ее внутреннему состоянию. Поэтому людям, любящим свое отечество и просвещенным, следует приложить все усилия к тому, чтобы сделать свою родину внутренне сильной и экономически процветающей. «Изыявления взаимной гордости и презрения» не должны усугублять разделения по состояниям и сословиям. Русским нельзя проявлять неуважение к иноплеменным соотечественникам. Все народы, входящие в состав России, нужно считать равноправными, «главное попечение должно быть о соединении всех любовью и согласием»⁹⁴. Как видим, идеи внешнеполитического характера сочетались у Малиновского с убеждением в необходимости осуществить в России внутренние преобразования. При этом последние касались не только общественно-экономической сферы жизни, но и межнациональных отношений.

Внимание к национальной проблеме — специфическая особенность взглядов Малиновского, которая ярко проявилась в его наиболее крупном и значительном произведении — «Рассуждении о мире и войне». Этот общественно-политический трактат был опубликован в 1803 г.⁹⁵ В его первой части доказывается, что войны бедственны для человечества, для народов Европы и, только положив им конец, люди обеспечат себе благоденствие и процветание. Но, бичуя войны завоевательные, автор оправдывает войны, направленные на защиту отечества, считает

необходимым развивать военное искусство, готовить юношество к «военным трудам». Вторая часть трактата посвящена миру. В ней выдвигается идея о создании «общего союза Европы» с принятыми всеми членами законами международного права, с общим советом, состоящим из полномочных представителей всех европейских народов.

Взгляды Малиновского по вопросам войны и мира, сформулированная им всеобъемлющая программа установления мирных отношений между государствами идут в русле передовой идеологии Просвещения XVIII в. В «Рассуждении» ясно чувствуется влияние французских энциклопедистов, сторонников теории «естественного права», в особенности Ж.-Ж. Руссо, а также русских просветителей⁹⁶. Проект «вечного мира Ш. И. де Сен-Пьера. трактаты на ту же тему И. Канта и И. Г. Фихте, другие аналогичные произведения европейских мыслителей, приобретшие в конце XVIII в. популярность в России⁹⁷, и «Рассуждение о мире и войне» Малиновского имеют сходство и по содержанию, и по системе доказательств.

Гораздо более самостоятельна и оригинальна третья, оставшаяся неопубликованной часть «Рассуждения»⁹⁸.

Неизвестный архивист, просматривавший рукопись в фонде Воронцовых уже в наше время, написал на папке: «Записка В. М. о национальном самоопределении как основе независимого политического быта народов под заглавием „Рассуждение о мире и войне“»⁹⁹. Такое название правильно характеризует основное содержание трактата, хотя в нем рассматриваются и другие важные проблемы, например выдвигается идея об уничтожении частной собственности на землю, имущественного неравенства и эксплуатации человека человеком.

Повторяя некоторые идеи и мысли, сформулированные уже в первых частях трактата, автор «Рассуждения» переходит от описания «внешних» форм мира к раскрытию его внутренней сущности и конкретно — внутреннего устройства будущего «общего союза Европы». Оказывается, этот союз будет состоять не из уже существующих государств, а из совершенно новых политических объединений, созданных после провозглашения права каждого народа, большого и малого, на национальную свободу и самоопределение. Государства, входящие в «общий союз Европы», претерпят коренные социально-экономические преобразования, основой которых будет «разделение

Земель» в каждом государстве по эгалитарному принципу с установлением максимальной величины земельных владений. Такого рода мысли свидетельствуют, что во взглядах Малиновского имелись элементы социальной утопии, и его можно считать одним из предшественников русских социалистов-утопистов¹⁰⁰.

Глава первая рукописи названа «Право народов» и в ней говорится о «природных» (т. е. «естественных») правах, принадлежащих каждому человеку, народу и обществу, которое они составляют. Здесь формулируется тезис, проходящий через всю рукопись: все лица, все народы свободны и равноправны независимо от расовой и национальной принадлежности, социального положения и уровня развития. Осуждается национальное порабощение как таковое. «Война составила из народов политические неестественные смешения и разделения, которые делают насилие природе, в свое время воспринимающей свои права... Рабство не истребляет побуждения природы, но ограничивает оные по свойственному человеку покорению себя необходимости... Сама природа приучает к рабству! Так, но не оправдывает оное, а дает волю освободиться...», — вот характерные высказывания на этот счет Малиновского (л. I об.)¹⁰¹.

Конкретно же речь ведется о положении на европейском континенте. Путем завоеваний здесь образовались владения, население которых соединено лишь из-за страха и привычки. «Если народ, включаемый в пространных владениях мал, то презирается его благо господствующей властью; если велик, то предупреждается оное всякими коварствами, чтобы не возвеличился паче и не превозмог покоряющих... Сии пространные владения заботятся только о сохранении под своею державою чужих народов и лишают их средств и власти стараться о своем благе по праву народному. Сие состояние покорности есть томление народа, убийство его благоденствия и продолжение зол войны» (л. 2 об.). Непременным последствием всего этого является «невежество» — общественно-экономическая и духовная отсталость порабощенного народа (л. 5).

Малиновский ополчается на правящие в Европе династии, которые разделяют народы между собой «по наследию владычествующих», делают их орудием своих интересов. В результате история становится не историей народов, каковой она должна быть, а историей «господ-

ствующих домов, беспрестанно воюющих между собой». Так автор приходит к тезису, который в его время только начинал складываться у передовых представителей общественной мысли, о том, что сам народ, а не его правители — главное действующее лицо истории. «По сие время, — пишет он, — народы сами собою не действовали, а одни домы, управляющие оными, располагали их участью и сами часто не из своего народа были; они смешали чужих и разделили своих, и донныне не по народу, а по дому каждый язык (народ. — *И. Д.*) себя считал» (л. 8). Автор осуждает политическое раздробление Италии и Германии, в особенности национальное угнетение народов Центральной и Юго-Восточной Европы, и пишет по этому поводу: «Благоденствию столь многих народов препятствуют токмо две империи — Турецкая и Австрийская. Они похищают власть народов, им самим принадлежащую, чтобы делать их орудиями войны» (л. 3 об.).

Каков же выход из бедственного положения, создавшегося для многих европейских народов? Василий Федорович видит его в признании за каждым народом «природных прав» на национальную территорию, политическую независимость и «собственное управление согласно с волею общею». Таким образом, национальная государственность провозглашается принципом будущей политической организации, из чего и вытекают конкретные предложения в этой области.

Но прежде чем говорить о подходе автора к столь сложной проблеме, целесообразно остановиться на его представлениях о структуре европейского общества, ибо именно эти его представления служат основанием предлагаемой перестройки. Высказывания на этот счет разбросаны в трех начальных главах «Рассуждения», и их можно свести к следующим тезисам.

Все люди по происхождению связаны между собой и представляют как бы одно разросшееся семейство, одно целое; каждому народу присущи «одинакие правила и основания поступков» (л. 1). Общество, говоря теперешним языком, имеет свою внутреннюю структуру — состоит из народов. Определение понятия «народ» дано уже в части I «Рассуждения»: «Народ составляют не токмо единоначалие (т. е. не одна государственная принадлежность. — *И. Д.*), но одна окружность земли, одна вера, один язык, одни выгоды, одни или сходные обычаи

и права. Привязанность, которую люди, соединенные природными отношениями, имеют между собою предпочтительно пред прочими, составляет узел народов»¹⁰². «Народ состоит сам из себя,— говорится о том же в рукописи,— из людей ближайшего происхождения, соединенных между собою привязанностью и сходством... Народ не теряет права особенности, покуда оную имеет в любви к себе, которая есть надежнейший залог собственного о благоденствии попечения» (л. 2—2 об.).

Архантность стиля не может скрыть того примечательного факта, что Малиновский дает определение понятия «народ» очень близкое к существующим в наше время наименованиям «народность», «национальность», подчеркивая при этом особое значение национального самосознания и патриотизма. Кроме того, в рукописной части «Рассуждения» проведена мысль, что главным признаком и определителем наличия самостоятельной народности является язык (это положение отсутствует в книге). Термин «язык» фигурирует как синоним понятия «народ», что было распространенным явлением в литературе XVIII — первой половины XIX в. Но вместе с этим автор допускает терминологическое смешение: применяет то одно, то другое наименование («народ» и «язык»), говоря, во-первых, об этнических группах, соответствующих народностям и нациям в нашем понимании этих слов, и, во-вторых, о более широких этнических коллективах, таких, например, как славянство или германские народы в целом. Но для него очевидно разграничение этих двух ступеней человеческих общностей, над которыми поставлена еще одна — общность между собой всех европейских народов, «по непрерывному между собою сообщению» составляющих «одно общество» (л. 1).

Так вырисовывается определенная иерархия человеческих и национальных коллективов в рамках европейского континента. Сам принцип этого построения отражает реальную действительность, хотя конкретное содержание его обусловлено уровнем знаний конца XVIII — начала XIX в. Ведь не только Малиновский, но и большинство филологов и историков того времени считали, что главным признаком национальной принадлежности является язык, идентифицировали языки и народы. Классификация славянских языков и народов лишь начинала вырабатываться. Авторитетом в этой области даже во втором десятилетии XIX в. оставался Август Шлё-

цер, который в своей «Всеобщей северной истории» (1771) говорил о славянском языке, состоящем из ряда наречий. Такого же взгляда придерживался известный чешский славист Й. Добровский, данные которого использовал Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского». Сходство между собой славянских языков было ясным, степень же и существо различий оставались еще неизученными. В результате невольно преувеличивалась близость славянских народов по языку, а вместе с этим и по национальным особенностям, что свойственно и Малиновскому, который был убежден в существовании одного «славяно-русского» языка, распадающегося на различные «диалекты» (русский, польский, сербский и др.). Это логически приводило к тому, что сходство между собой славян уподоблялось общности, существующей у народов политически раздробленной Италии или германских государств. Таким образом, конкретное содержание иерархической схемы европейских общностей, разработанной Малиновским, не соответствовало полностью действительному положению вещей, но тем не менее он был одним из первых ученых, который попытался понять всю сложную структуру человеческих и национальных групп европейского континента.

Как гуманист, поборник освобождения и равноправия всех народов Василий Федорович заинтересовался национальной проблемой малых угнетенных национальностей. «Есть в Европе другие языки,— пишет он,— которые долговременным порабощением смешались с господствующими и разделились между собой, и умалились, и унизились до того, что составляют только простой народ в своей земле. Господа их — из людей соседнего народа (1). Любовь человечества и природы вопиет за сих безгласных...» (л. 7). Проставленная автором ссылка (1), в которой он хотел, вероятно, конкретно назвать такие «языки», осталась незаполненной. Но, очевидно, имелись в виду народы, не имевшие своего господствующего класса, политически и административно разделенные и как казалось современникам, находившиеся на грани потери своего этнического самосознания. Немалое число таких народов жило в Юго-Восточной и Центральной Европе. Особенности их положения не остались незамеченными внимательным русским наблюдателем. Как видим, он рассматривал национальную проблему в Европе во всей ее сложности и многообразии.

Все эти «рассуждения» о «языках» и народах, их сходстве и различиях, об особенностях положения небольших и слабых национальных групп не были для Василия Федоровича самоцелью, а обосновывали и сопровождали проект грандиозных политических преобразований в Европе, исходящих из ее этносоциальной структуры.

Общие принципы этого нового устройства таковы. Область, населенная одним народом, становится низшей единицей государственности и обладает полной самостоятельностью во внутренних делах, но не во внешних сношениях. «Области» по этническому сходству народов, их населяющих, объединяются в «державы» одного «языка». Союз народов славянских, объединенная Германия и объединенная Италия, союз народов Пиренейского полуострова — вот примеры подобных федеративных объединений.

«Все народы одного языка, управляясь в своем отделении по местоположению наилучшим образом, составят каждый в своем языке одно общее собрание для внешних дел, и там будут располагать и решать оные, подобно как соединенные Нидерланды Голландской республики или Американские, посылая от каждой области своего полномочного в оное общее собрание своего языка» (л. 4). Проведение единой и согласованной внешней политики, урегулирование международных отношений — таковы в представлении Малиновского функции этих верховных органов «держав». Но над федеративными союзами родственных по этнической принадлежности народов стоит еще одно объединение — общеевропейский союз, тот самый, о котором говорится в опубликованной части «Рассуждения», но без достаточно ясного раскрытия его внутреннего устройства.

«Общее европейское собрание», состоящее из полномочных представителей всех «держав», должно выступать арбитром в отношениях «областей» и «держав» друг с другом, решать общеевропейские проблемы. «Согласие общего собрания одного языка недостаточно есть для оправдания какого-либо неприятельского действия, но требуется решение общего всех языков собрания, которого приговоры исполнять должно», — говорится по этому поводу (л. 4).

Не упущена из вида и проблема малых, этнически изолированных народов. Они получают «право отделения

народного в возможном своем соединении по смежности или по соседству под покровительством ближайшей державы» (л. 7).

Как видим, трехступенчатой иерархии национальных и человеческих общностей, имеющих в Европе, соответствуют три формы государственных и политических объединений: «область», «держава» и общеевропейский союз.

Федеративный принцип, которого придерживается Малиновский, был привлекателен для ряда прогрессивных мыслителей XVII—XVIII вв. Он часто фигурировал в проектах о «вечном мире», в том числе у Ш. И. де Сен-Пьера и И. Канта. Однако необходимо учитывать, что федерализм тогда понимался в несколько ином смысле, чем в наше время: не как объединение отдельных государств в единое целое, а как союз свободных государств, не затрагивающий суверенности каждого из них¹⁰³. Прототипом и образцом федеративной организации нередко выступал Ахейский союз полисов и общин Пелопоннеса (III—II вв. до н. э.), имевший главным образом оборонительные цели и построенный на принципе равноправия членов.

У Малиновского речь идет о двух видах федеративных объединений. Высший из них — общеевропейский союз — аналогичен тем, которые обычно фигурируют в трактатах о «вечном мире» и служат верховным органом, обеспечивающим поддержание всеобщего мира. Другая же форма государственных объединений — «держава», как можно понять, предполагает более тесный политический союз, ибо состоит из народов однородной этнической принадлежности, сходных по языку и «особенностям». Но такого типа объединения на добровольных началах также не нарушают суверенных прав каждого народа.

В «Рассуждении» совершенно конкретно говорится о будущем разделении европейских земель и народов, которое было бы справедливым, отвечало бы интересам всех: Италия соединится в «свое общество независимых областей»; германоязычные народы, в их числе австрийцы, войдут в федеративную Германию; подобное же объединение возникнет на Пиренейском полуострове; Франция должна будет отказаться от недавно сделанных завоеваний; Голландия и Швейцария могут избрать любой союз по желанию своих жителей. Но при этом особенно подробно рассматривается задача национального

освобождения народов Юго-Восточной и Центральной Европы.

В главе «Освобождение народов» об этом говорится так: «Каждый народ имеет право сам собою управлять, покоряясь такмо во внешнем своем отношении общенародным законам. Турки пускай и управляют турками — они знают друг друга лучше: одни свойства, обычаи и язык; но они не умеют управлять ни славянами, ни греками, они только утеснять их умеют, тиранствовать над ними.

Греки по своему разделению сами собою управляться лучше могут. По своему сходству или отличию, по своему местоположению могут они составить различные области, например особливо Египт, Морея¹⁰⁴ и острова Архипелагские, каждое по себе в соединении составляющие одну Грецию в общем собрании европейских народов. Турки военные должны от них удалиться, а другие могут остаться, буде согласны покориться новому правительству.

Молдавия и Валахия также по одному насилию подвластны туркам, которые без жалости и милосердия их утесняют. Они отдельный народ и сами своими начальниками управиться лучше могут... составляя три независимые соединенные области (Молдавию, Валахию и Трансильванию.— *И. Д.*) и одну державу.

Булгария населена народами единого племени со славянами и сербами — она составит свою область. Если принять в рассмотрение все разорения и бедствия¹⁰⁵, какие она одна претерпевает при настоящем неустройстве Турецкой империи, то довольно найдется оправдания к восприятию каждому народу своей собственной над собою власти¹⁰⁶.

По единоплеменству и соседству составят болгары один язык с сербами, кроатами, босняками, далматами и всеми славянами и независимые соединенные области одной державы славяно-русского народа...»¹⁰⁷ (л. 3—3 об.).

Далее перечисляются другие государства, которым предстоит получить независимость, в том числе Венгрия. Богемия же и польские земли, став самостоятельными областями, войдут в состав «державы» «славяно-русского языка» (л. 3 об.— 4 об.). Таким образом, по замыслу Малиновского, значительную часть региона Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы займет

союз славянских народов, состоящий как бы из трех частей: России, славянских областей, освобожденных от власти Австрии и Турции, и воссоединенной в одну область Польши. К этому союзу государств с юго-запада примкнет греческая федерация, а с запада — объединенная Германия. Венгрия и Дунайские княжества составят самостоятельные «державы».

Поскольку о будущей государственной организации народов, близких к России территориально, по этнической принадлежности или по историко-культурным традициям в «Рассуждении» говорится наиболее подробно, проект славянской федерации оказывается выдвинутым на первый план и потому интересен как свидетельство существования в России начала XIX в. идей политического сближения славянских народов.

Замысел создания союза славянских народов на основе их этнической общности позволяет говорить о Малиновском как об одном из зачинателей идеи славянского единения в русской общественной мысли. Эта идея получила у него ярко выраженную демократическую направленность и не связывалась со столь обычной для позднейших концепций такого рода идеализацией славянской общности, с противопоставлением славян другим нациям Европы, с националистическими устремлениями.

Исходя из принципа равноправия всех народов, больших и малых, Малиновский отвергает всякую мысль о превосходстве одних народов над другими, осуждает национальную кичливость, разжигание национальной неприязни¹⁰⁸. Постановка вопроса о самоопределении наций, праве каждого народа решать вопрос о своей государственной принадлежности для начала XIX в. была нова и, конечно, прогрессивна. Подход автора «Рассуждения» к разрешению национальной проблемы в Италии и Германии, требование освобождения от власти Австрии и Турции народов, входящих в состав этих государств, вполне реалистичны и соответствуют назревшим потребностям времени. Но, абсолютизируя «национальный принцип» и отбрасывая все иные обстоятельства и условия, без учета которых невозможно разрешить столь важную проблему, как политическая перестройка Европы, Малиновский уходит от реальности.

Утопичной была и его идея о политическом союзе славянских народов, основанная только на принципе

языкового и этнического родства. Однако примечателен сам факт появления такой идеи в прогрессивной общественной мысли России в сочетании с требованием конкретных социальных преобразований, носящих, как говорилось, элементы социалистической утопии.

Особое внимание со стороны русского прогрессивного мыслителя и общественного деятеля начала XIX в. к проблеме освобождения народов Юго-Восточной Европы и утверждения их национальной государственности было следствием его гуманистических убеждений и стимулировалось личными впечатлениями, полученными во время пребывания на Балканах.

Как можно заключить из приведенного выше отрывка, сведения Малиновского о славянских и других народах Юго-Восточной Европы были для своего времени обширными и точными. Он был одним из немногих русских деятелей, который обратил внимание на чрезвычайно тяжелое положение болгар — народа, о существовании и нуждах которого Европа начала XIX в. почти забыла, — и написал в «Рассуждении»: «С заключения последнего мира непрерывно продолжаются бунты в Булгарии; мятежники и разбойники повсюду грабят, убивают и жгут; множество болгаров погибло; другие лишались жен и детей и всего имущества, рассеялись в Молдавии, Валахии и России, от которой ожидают себе избавления» (л. 3). В восстании сербов 1804 г. он увидел начало возрождения этого народа и писал, что «независимость Белграда должна быть весьма равнодушна для России», так как тем самым «полагается основание бытия нового народа славяно-сербского»¹⁰⁹.

Наиболее конкретными были представления Малиновского об общественно-политическом и экономическом положении Дунайских княжеств, в особенности Молдавии. Основываясь на впечатлениях от первого пребывания в этой провинции в 1791—1792 гг. во время Яесского конгресса, он написал статью «Записки о Молдавии», которая была опубликована в популярном в свое время журнале «Приятное и полезное препровождение времени»¹¹⁰. В ней прежде всего доказывалась порочность системы управления княжествами, фанариотского режима. Турки «хотят невежеством продлить рабство сей земли, которая, впрочем, не есть совершенно их провинция», имеет «тень независимости», но чрезвычайно отягощена налогами. Господари, избираемые Портой, должны пра-

вить по здешним обычаям и законам, но часто такой правитель «бывает лютейший неприятель своей земли; он ее почитает добычею, которую получает коварством, подлостями и подарками от Порты... Чем ненадежнее его состояние и скорее может перемениться, тем с большею жадностью он поспешает обогатиться, утесняет и грабит без всякого уважения к человеколюбию и правосудию... Он — раб и мучитель»¹¹¹.

Не щадит Малиновский и молдавских бояр: «Знатные и богатые люди здесь подражают совершенно туркам и во всем на них походят. Они боязливы и низки пред высшими и несносно горды с подчиненными, ...не-милосердные кровопийцы народа, утеснители слабого, строги к подчиненным и мучители в своих домах. Короче сказать, они имеют на себе все признаки обременяющего их деспотизма». Знатные молдаване не борются за освобождение от османского ига, ибо «под тенью самовластия могут утеснять», простой же народ «так унижен, что не смеет о сем помыслить и почитает свою неременную участью терпение»¹¹².

Но, рисуя столь печальную картину внутреннего положения Молдавии, Малиновский оптимистически смотрит на будущее княжества, считает, что «рабство сей земли не будет вечно». Молдаване вспомнят, что они «потомки римлян, повелителей всего света. Земля их прекрасна, природа с щедростью одарила их своими благодеяниями; от них только зависит быть счастливыми. Пускай спросят они себя, чем хуже они турок, чем преимуществуют сии перед ними, чтоб быть их господами?»¹¹³.

Один из разделов статьи назван «Просвещенный молдаванин». В нем рассказывается о знакомстве Малиновского с молодым человеком, сыном очень богатого боярина, который в отличие от других «чувствует весьма живо несчастное состояние своего отечества», его унижение. «Он жалуется, что соотечественники его нимало не заботятся о том, что принадлежит до общего блага, и все заняты только собственными своими пользами; он негодует на них даже за то, что они не хотят жертвовать самую жизнь для избавления своего отечества». Малиновский же убеждает своего собеседника, что его соотечественники таковы из-за «невежества и рабства», ибо они еще «не умеют ценить достоинств разума». «Мне очень понравился сей молодой человек; он имеет твер-

дость духа и благородные чувствования», — говорится в заключение ¹¹⁴.

Таким образом, Малиновский хорошо представлял себе тяжелое общественно-экономическое положение Дунайских княжеств и, получив должность генерального консула в Яссах, стремился способствовать его улучшению. «Поселяне доведены до такого отчаянья, что не хотят больше сеять», — сообщал он в Петербург, а также доказывал необходимость добиваться улучшения участи княжеств, оказывать им более действенное покровительство, что будет способствовать увеличению престижа и влияния в них России, «возвышению славы и чести российского имени» ¹¹⁵.

Обобщая ходатайства к царскому правительству местных бояр, Малиновский высказывался за существенную реорганизацию системы внутреннего управления в княжествах, уничтожение фанаротского режима или хотя бы ограничение власти господарей боярскими Диванами, или Советами. Последние, по его предложению, должны были состоять «не токмо из первых бояр, но и других, меньших, по избранию владельцев каждого цинута». Доходы господарей, их казна отделялись от государственной казны, ликвидировались откупа чиновничьих должностей ¹¹⁶.

Это был целый план преобразований, достаточно радикальных и демократичных по своей социально-политической направленности, которые в случае их осуществления привели бы к ликвидации сословных привилегий феодального характера, к утверждению буржуазных принципов государственного устройства и превратили бы княжества в своего рода конституционные монархии ¹¹⁷.

Если сопоставить такое отношение Малиновского к задачам внутренних преобразований в Дунайских княжествах с его высказываниями 1802—1803 гг. относительно реформации государственного строя России, можно заметить сходный подход и сходные идеи. В обоих случаях речь шла о создании конституционных монархий с парламентарной системой, разделением законодательной и исполнительной власти, независимостью суда, о государстве, которое могло бы обеспечить своим гражданам личную свободу и права буржуазного характера.

Нечто общее можно обнаружить между идеями «Рассуждения» относительно смягчения классового и имущественного неравенства, разделения земель по эгалитарному принципу и теми мыслями и советами, которые высказывал Малиновский относительно улучшения участи молдавских крестьян уже после возвращения в Петербург. В ответ на письмо молдавского митрополита, выражавшего страх перед нарастающим крестьянским движением, он писал: «Если бы я слышал крестьян, чтобы знать, что говорят они, может быть, разрешил бы Ваш вопрос и нашел бы средство оказать помощь против зла, не подвергая ни Вас заботе, связанной с революцией и мятежом, ни тех, кто отчаялся из-за нищеты... Внимай гласу народа и... исследуй, взирая вокруг без пристрастия... положение крестьян и бояр. Испробуй из чаши и тех и других». Далее говорилось, что причина упадка земледелия в Молдавии — в бедности крестьян, не имеющих своей земли и скота. Бояре должны позаботиться об обеспечении их землей и «если не хотят дать жителям по куску земли... из своих поместий, ... то чтобы сделали хотя бы по примеру немцев, дали бы им в аренду»¹¹⁸.

Характерно также, что Малиновский, как позднее некоторые из декабристов, проводил аналогию между татарским игмом на Руси и султанской властью на Балканах, видел в Турции как бы образец деспотической системы правления и, отталкиваясь от него, доказывал необходимость преобразований в государственном устройстве России¹¹⁹. Соединение законодательной и исполнительной власти, писал он, «рождает состояние незаконности, лютейшее турецкого самовластия, ибо там алкоран считается превыше воли султанской, а у нас кто священным словом удержит монарха!».

Как видим, знакомство Малиновского с балканской действительностью наводило его на определенные ассоциации, побуждало сближать общественно-политические и национальные задачи, стоявшие перед народами России и находящимися под властью Турции. Наличие этнического родства и религиозно-культурной общности между этими народами, по-видимому, стимулировало такое направление мысли.

Подход выдающегося русского просветителя-демократа и гуманиста к вопросу о национальном освобождении и политическом будущем народов Юго-Восточной

и Центральной Европы как бы предварял и идеологически подготавливал позицию, которую впоследствии заняли декабристы.

СЕРБСКОЕ ВОССТАНИЕ 1804—1813 ГГ.
И ИДЕИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ
В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

(Проекты В. П. Каразина, С. М. Броневского и др.)

Сербская революция 1804—1813 гг. была одним из первых событий национально-освободительного движения балканских народов, нашедших общественный отклик в России. Она не только вынудила правительство Александра I считаться с фактом вооруженной борьбы сербов за свою государственную независимость, но и привлекла внимание дворянской общественности к проблеме национального освобождения всех балканских народов.

После начала восстания в Белградском пашалыке прежде всего встал вопрос об основании сербского автономного или полностью независимого государства. В связи с этим начали появляться всевозможные предложения, которые иногда увязывались с планами политической перестройки Юго-Восточной Европы.

Сильным стимулом для создания такого рода проектов являлась общая международная обстановка того времени. Политическая карта Европы безжалостно перекраивалась Бонапартом. Это вызывало у общественных и государственных деятелей России стремление противопоставить экспансионистским акциям Франции новые принципы международных отношений и государственных объединений.

Еще в 1803 г. одним из первых, как мы видели, сформулировал свои идеи в этой области В. Ф. Малиновский. Вскоре после того, примерно с 1804 г., стали появляться и другие проекты. Они, конечно, не связывались, как у Малиновского, с требованиями радикальных социальных преобразований, но предусматривали необходимость освобождения славянских народов, находившихся под властью Австрии и Турции, создания федеративных объединений по этническому принципу, и в частности славянской федерации.

В некоторых из таких «мемориалов», записок и внешнеполитических проектов, которые обычно направлялись в министерство иностранных дел, доказывалась необходимость оказывать помощь сербским повстанцам и добиваться создания обширного «славяно-сербского» государства из земель, находившихся под властью Османской империи и Австрии. В условиях нараставшей внешней угрозы российские государственные деятели и дипломаты иногда обдумывали возможность сделать народы Центральной и Юго-Восточной Европы военными союзниками России, а после победы над Францией обеспечить им национальную самостоятельность или автономию.

Такого рода идеи и предложения нередко смыкались или увязывались с военно-политическими планами, которые разрабатывались и обсуждались в правительственных сферах. Сторонниками активизации политики России в Юго-Восточной Европе и Восточном Средиземноморье выступали в это время члены Негласного комитета и в особенности управляющий министерством иностранных дел А. Чарторыйский. В 1804—1806 гг. правительство Александра I делало даже попытки заручиться согласием европейских кабинетов на осуществление таких проектов. Тяжелая обстановка, в которой оказалась Россия к началу 1812 г., заставила царское правительство разработать военный план, предусматривавший участие югославянских народов в так называемой адриатической экспедиции, и прокламировать основание при поддержке России крупного славянского — а фактически сербского — государства. Большинство всех этих внешнеполитических проектов и предложений, хотя и исходило из оборонительных задач, имело экспансионистскую направленность, характеризовалось великодержавными тенденциями, связывалось с личными расчетами и пр.¹²⁰

Ряд подобного рода внешнеполитических проектов периода наполеоновских войн рассматривался в аспекте развития русской общественной мысли в славянском вопросе, в том числе записки Каразина и Броневского, планы создания «славяно-сербского» государства, выдвинутые правительством Александра I в 1812 г., внешнеполитические идеи А. Чарторыйского, П. В. Чичагова¹²¹.

Некоторые иностранные авторы пишут о существовании в России в начале XIX в. «политического пансла-

визма». Однако поскольку идеи славянского единения рассматриваются ими без учета принципиальных различий в социальной и политической направленности, общего характера взглядов их авторов и пр., то зачинателем или выразителем «раннего русского панславизма» провозглашается В. Н. Каразин, подавший в 1804 г. в министерство иностранных дел записку о создании «славено-сербского» государства, объединяющего сербские земли, находившиеся под властью Турции и Австрии. В книге Ф. Фаднера, вышедшей двумя изданиями, такой взгляд сформулирован в самом названии — «Развитие панславистской мысли от Каразина к Данилевскому»¹²². В связи с такой интерпретацией взглядов Каразина хочется подробнее остановиться на истории возникновения его записок, их содержании и дальнейшей судьбе.

Василий Назарьевич Каразин (1773—1842) был личностью сложной, его общественно-политические взгляды отличались неустойчивостью и противоречивостью¹²³. Каразин оставил заметный след в развитии науки и просвещения: благодаря его усилиям был основан Харьковский университет, он возглавлял так называемое Филотехническое общество, занимался рационализацией сельского хозяйства, сделал ряд научных открытий.

Общественно-политические взгляды Василия Назарьевича отличались своеобразием и постепенно эволюционировали от умеренного либерализма к реакционности. Он искал пути улучшения положения крестьянства в России, надеясь, что смягчение классовых противоречий предотвратит революционный взрыв. На рубеже 1820-х годов Каразин проявил себя как активный враг революционного лагеря, формировавшегося в среде российского дворянства, однако в первые годы XIX в. это был человек совсем иного толка. О том свидетельствует, например, дружба Каразина с Радищевым в последний год его жизни, знакомство с его «Проектом гражданского уложения», который находился у Каразина и впоследствии был им утерян, попытка содействовать получению разрешения на напечатание несохранившейся политически острой рукописи Радищева¹²⁴. К этому времени (к 1801 или к 1803 г.) относится и набросок Каразина, представляющий схему государственного управления. Он возник, как полагает Д. С. Бабкин, в связи с деятельностью А. Н. Радищева в Комиссии по составлению законов и выражает замысел превращения России в кон-

А. А. ЧАРТОРЫСКИЙ.
Гравюра

ституционную монархию, в которой на первом месте стоит народ, затем — «Охранительный сенат» и только после этого — государь¹²⁵.

Среди сохранившегося рукописного наследства В. Н. Каразина имеются три связанных между собой документа, которые могут характеризовать интерес к задаче оказания Россией помощи сербам в деле их освобождения от иноземной власти и создания независимого государства: это письмо Каразина к Чарторыскому от 21 ноября (3 октября) 1804 г., дополнительная записка

к этому письму от 28 ноября (10 декабря) того же года и письмо к Чарторыскому от 13(25) декабря 1804 г.¹²⁶

В них Каразин с горячностью доказывал, что царское правительство должно незамедлительно оказать помощь сербам в их борьбе за освобождение от власти султана и в качестве аргументации выдвигал традиционные религиозно-нравственные мотивы, а также необходимость не допустить использования сербского восстания Наполеоном в своих политических интересах. Он вызывался сам отправиться в Сербию, чтобы руководить политическими мерами, которые правительство Александра I решит предпринять в отношении повстанцев.

Учитывая, что Россия в это время была связана союзным договором с Турцией, Каразин доказывал, что можно помогать сербам, сохраняя в то же время дружеские отношения с Портой и не вызывая подозрений со стороны Австрии, опасавшейся в связи с восстанием в Сербии за свои славянские владения. Для этого российское министерство иностранных дел должно официально обещать представителям сербов предпринять в их пользу дипломатические акции и сообщить доверительно, что в Сербию будет направлено несколько русских людей во главе с Каразиным, которые помогут вести переговоры с турецким правительством и учредить в Сербии временное правительство. По мнению Каразина, если Порта удовлетворит требование о предоставлении Сербии внутренней автономии, освобождение этой страны от турецкой зависимости будет осуществляться постепенно и незаметно, благодаря развитию просвещения и в результате прогрессирующего упадка Турции. В противном случае восстание быстро распространится и достигнет грозных размеров. Против Порты выступают все недовольные турецкие паши, и прежде всего Пазванд-оглу, которого пока сдерживают славяне. Босняки, среди которых две трети христиан, присоединятся к сербам. Через 5—10 лет без серьезных потрясений, при сохранении «нужного еще пока призрака турецкой империи возникнет Царство словен, на престол которого воссядет один из августейших братьев Александра I», — пишет Каразин¹²⁷.

Судя по описанию границ, «Царство словен» мыслилось Каразиным как национальное югославянское государство, объединяющее все населенные сербами земли Турции и Австрии. Оно должно было вскоре достигнуть

В. Н. КАРАЗИН.
Миниатюра на кости.
Собрание ГИМ, Москва

небывалого благоденствия и просвещения, стать верной союзницей России, служа ей «точкой опоры» во всех ее предприятиях и внешних сношениях.

Но как же представлял себе Каразин государственный строй будущего сербского государства? Есть основания предполагать, что он обдумывал этот вопрос исходя из ранее возникшей своей идеи о преобразовании государственного управления в России. Во всяком случае, на упоминавшейся выше схеме, посвященной этой проблеме, много лет спустя Василий Назарьевич сделал такую надпись: «Идея 1803 или 1804 годов или 1801 еще, но написанная, когда я занимался сербами в 1804 году». Как видно, он полагал, что «Царство словен», подобно

будущей России, станет конституционной монархией, в которой власть главы государства будет ограниченной, основанной на строгом соблюдении законов.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что содержание политических предложений Каразина, сделанных в момент, когда в Петербурге находились депутаты восставших сербов, имеет большое сходство с политическими планами сербских общественных деятелей, определившимися в период назревания и вскоре после начала сербского восстания. Идея о создании «Царства словен» Каразина в основном повторяла проекты основания «Славено-сербского царства» Стратимировича. Как и последний, Каразин считал необходимым прежде всего добиваться предоставления Портой сербам автономных прав, которые формулировались им очень конкретно: «...Порта предоставит сербам право на самостоятельное управление с двумя обязательствами: платить дань, точно определенную и не изменяемую, и защищать в качестве турецких подданных эту империю от ее врагов», — писал Каразин в письме Чарторыскому¹²⁸.

Если сопоставить сформулированные Каразиным условия сербо-турецкого соглашения с требованиями, выдвигавшимися в 1804 г. руководителями повстанцев Белградского пашалыка, можно заметить их совпадение. В прошении, которое было подано прибывшими в Петербург сербскими депутатами от 3 (15) ноября 1804 г., говорилось: «Общее всех сербов междувременное желание есть: чтоб Сербия, под именем Сербского Правления, либо под иным сходным наименованием на пример 7 Островов Республики под прямым и непосредственным России защитением и покровительством в самостоятельное политическое состояние произвелася, нерушимо сохраняя донынешнее к султану обязательство принадлежащую ему умеренную дань отдавать и прибавляя к сему новое: на упорные ему ребеллы всегда воевать (т. е. оказывать военную помощь в случае крупных мятежей, направленных против Порты. — *И. Д.*)»¹²⁹.

В чем же причина такого сходства записки Каразина с политическими планами самих сербов? Из письма Каразина Чарторыскому можно узнать, что автор специально разыскивал в архиве министерства иностранных дел материалы, касающиеся политики России в отношении южных славян в XVIII в., и пришел к заключению, что уже тогда появился «план возвращения политической

самостоятельности славянским племенам, страждущим под иноземным игом»¹³⁰.

Но не только интерес, который проявлял Каразин к политической судьбе славян, был причиной возникновения плана создания «Царства словен». Ряд данных позволяет установить, что этот замысел родился отчасти под влиянием непосредственных контактов с сербскими деятелями, с депутатами повстанцев, прибывшими в Россию осенью 1804 г., хотя сам Каразин предпочел не разглашать этого обстоятельства.

В 1802—1804 гг. Каразин занимался подготовкой открытия Харьковского университета, подбором для него преподавателей, которые приглашались и из-за границы. Осенью 1803 г. в Харьков приехал сербский ученый-физик, уроженец Срема, Афанасий Стойкович, а в начале 1804 г. — его земляк юрист Тодор Филипович (известный позднее под именем Божидача Груйовича) — будущий составитель первых законов и проекта государственного устройства Сербии.

Можно предположить, что именно благодаря приехавшему в Петербург Т. Филиповичу Каразин вошел в курс политических планов воеводинских сербов и познакомился с М. Ненадовичем, П. Новаковичем-Чардаклией и И. Протичем¹³¹.

О том, что Каразин в 1804 г. «занимался сербами», свидетельствует и заглавие, данное им позднее одному из своих набросков, о котором упоминалось выше. Может быть, под впечатлением своего общения с сербами и сведений, от них полученных, Каразин в последнем письме к Чарторыскому подчеркивал необходимость немедленно оказать помощь сербам, «чтобы не сбить с толку этих людей, которые еще... не имеют политических принципов и даже собственной организации, благодаря которой они могли бы их приобрести...»¹³².

Таким образом, обращение Каразина в российское министерство иностранных дел было тесно связано с его личным участием в делах сербских депутатов. Затруднительное положение, в котором он оказался в это время (увольнение со службы, выговор «за превышение власти» по делам Харьковского университета), побуждало его искать новое поприще деятельности — в качестве русского эмиссара на Балканах, который должен был бы содействовать делу возрождения сербского государства. То обстоятельство, что сами представители сербов

просили прислать им «русского консула», который бы участвовал в переговорах с турками и гарантировал заключенное соглашение, ставило обращение Каразина в министерство иностранных дел на практическую почву. Царское правительство не удовлетворило этой просьбы.

Насколько можно судить по рукописному наследству Каразина, в последующие годы он не проявлял интереса к вопросу об оказании помощи восставшим сербам. Но в 1820-е годы в связи с начавшимся восстанием в Греции¹³³, а затем с русско-турецкой войной, балканская проблема стала занимать его вновь. В это время Каразин сблизился с молодым М. П. Погодиным и, вероятно, рассказал ему о своей идее создать «Царство славен» и попытках поехать в Сербию в качестве русского эmissара¹³⁴. Погодин и явился «виновником» того, что проект Каразина о создании «Царства славен», погребенный в архиве министерства иностранных дел вместе с другими внешнеполитическими предложениями, которых немало составлялось в бурную эпоху наполеоновских войн, неожиданно, много лет спустя, всплыл на поверхность¹³⁵. В 70-е годы XIX в. записка Каразина вошла в научный оборот как документ, свидетельствующий о появлении в России в начале XIX в. идей о политическом единении славян¹³⁶. Затем имя Каразина стало фигурировать в книгах о панславизме иностранных авторов¹³⁷.

С бóльшим основанием можно говорить о наличии идей политического единения славян в другом внешнеполитическом проекте, представленном в российское министерство иностранных дел позже, непосредственно после Тильзитского мира. Это так называемая Записка Броневского. В ней формулировалась идея создания славянской конфедерации, находящейся в сфере политического влияния России, и доказывалась необходимость оказания помощи сербам в их борьбе за освобождение от власти Турции и Австрии¹³⁸.

Предположительно считалось, что эта записка была составлена Владимиром Богдановичем Броневским, военным писателем, участником экспедиции адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземном море, автором известных «Записок морского офицера» и других книг, содержащих описание славянских народов, с которыми сталкивался Броневский во время пребывания русской эскадры в Адриатике и при возвращении через славянские земли Австрии в Россию¹³⁹. Однако В. Б. Броневский не мог быть

автором записки с выходными данными «Санкт-Петербург. 27 августа 1807 г.», ибо в это время он не был в России. В действительности этот политический проект принадлежал перу его однофамильца — Семена Михайловича Броневского¹⁴⁰. Это тоже был писатель, специалист по Кавказу, Персии и другим восточным странам, человек либерально настроенный, друживший с М. М. Сперанским. В 1802—1805 гг. Броневский был правителем канцелярии главноуправляющего в Грузии, а затем экспедитором азиатского департамента министерства иностранных дел¹⁴¹.

В записке Броневского доказывается, что и после Тильзита русско-французские противоречия остаются основой международных отношений в Европе. России предстоит выдержать новый натиск Наполеона. Но она слишком слаба, чтобы без союзников одолеть столь сильного противника. При сложившейся обстановке в Европе этими союзниками могут стать прежде всего южные и западные славяне, которые стонут под иноземным игом и видят в России свою будущую освободительницу. Поэтому царское правительство заинтересовано в поддержании интересов славян как в настоящем, так и в будущем.

Далее Броневский развивает план создания славянской федерации, или конфедерации (он употребляет оба эти термина), которая должна будет стать барьером против дальнейшего территориального расширения Франции, противовесом Рейнскому союзу. Ввиду неизбежного сопротивления Наполеона такому политическому переустройству Центральной и Юго-Восточной Европы он считает возможным провозгласить государства, объединенные федеративным союзом, находящимися под обоюдным протекторатом России и Франции, по-видимому, что и в этом случае в них будет преобладать русское влияние.

В практическом осуществлении плана создания славянской федерации Броневский придает особенно важное значение освобождению сербских земель от власти Турции и Австрии. Вооруженная борьба, которую ведут сербы, должна послужить примером для других народов Юго-Восточной Европы. В независимом сербском государстве, объединяющем земли, находящиеся в составе как Турции, так и Австрии, Броневский видит начало осуществления всего своего замысла. «При предполо-

жении, что предприятию сербов помогут и его продолжат их братья и начнут движение в Трансильвании, Венгрии и Хорватии, — пишет он, — трудно предвидеть и определить последствия общего восстания славян для политической системы Европы. Во всяком случае, эти перемены не были бы неблагоприятны для России, усилив постепенно ее союз с миллионами людей, решивших приобрести политическое существование под ее покровительством»¹⁴². Броневский горячо доказывает, что царское правительство, исходя из своих собственных интересов, должно оказать помощь восставшим сербам. Как и Каразин, он выражает желание получить назначение в Сербию, чтобы не щадя жизни, ради блага миллионов людей и славы своей родины тайно содействовать освобождению Сербии и созданию в ней основ государственности.

Трудно судить, преследовал ли Броневский, изъявляя желание поехать в Сербию, какие-то личные цели или руководствовался чисто гуманными побуждениями. Примечательно, однако, что поводом к составлению его записки послужили события национально-освободительной борьбы сербов и их обращение за помощью к царскому правительству. Он ссылается на «последнее прошение сербов, направленное генералу Михельсону», и на «проект сербов», имея, вероятно, в виду прошение банатских сербов, направленное в июле 1807 г. главнокомандующему молдавской армией¹⁴³, и так называемую конвенцию Паулуччи — Карагеоргий от 28 июня (10 июля) 1807 г., в которой излагались просьбы о принятии Сербии под покровительство России, оказании ей военной помощи, о присылке «способного землеуправителя» для организации органов власти и подготовки конституции и т. д.¹⁴⁴ С. М. Броневский доказывает возможность осуществления «проекта сербов», настаивая на удовлетворении конкретных требований руководителей повстанцев как условия русско-сербского боевого союза.

Внешнеполитический проект Броневского, несомненно, возник под сильным влиянием национально-освободительной борьбы сербов. Как и Каразин, он постарался поддержать политическую программу, выдвигаемую деятелями сербского освободительного движения и выступил поборником оказания действенной помощи восставшим сербам. С другой стороны, содержание записки Броневского имеет определенное сходство с внешнеполи-

тическими проектами А. Чарторыского, выдвигавшими им в 1804—1807 гг. О содержании последних Броневский как экспедитор азиатского департамента, безусловно, знал. Но его идеи не являлись простым заимствованием, а отражали настроения и планы, получившие определенное распространение среди той части российского дворянства, которая, не одобряя русско-французского союза, изыскивала средства, могущие вывести Россию из тяжелого положения.

Примечательно также, что аналогичные идеи возникали и у французских эмигрантов, обосновавшихся в России и занимавших различные посты в российском министерстве иностранных дел. Так, например, наиболее влиятельный из них, О. Поццо-ди-Борго, уже в это время высказывался за проведение сильной агрессивной политики в отношении Османской империи. А в записке Р. Рувье под названием «Интересы России на юге в 1807 г.», датированной 17(29) июня 1807 г., доказывалось, что «истинный мир между Россией и Францией невозможен» и говорилось: «В конечном счете Россия, чтобы сокрушить Бонапарта немедленно и бесповоротно, имеет только один выход: вернуться к спасительной политике Екатерины II, отбросить турок в Азию, поддерживая усилия, которые готовы предпринять греки и славяне, чтобы обрести свою независимость». Поэтому нужно перейти в наступление против турок, создать федерацию народов от Балтийского моря до крайних пунктов Мореи. «Натолкнувшись на такой непроходимый заслон, состоящий из народов, объединенных действительными интересами, французы не смогут удержаться ни в Италии, ни в Германии, и Бонапарт, вернувшись без славы во Францию, разоренную и приведенную в упадок в результате его претензий на господство, падет сам, так что и не потребуются его ниспровергать»¹⁴⁵. Так французский эмигрант Г. Рувье связывал успех России в борьбе против Франции с осуществлением экспансионистских чаяний господствующего класса России на Востоке. Но одновременно с этим он выдвигал идею о создании федерации независимых государств в Центральной и Юго-Восточной Европе как решение, не только благоприятное для России, но и соответствующее интересам народов, находящихся под властью Турции и Австрии.

Политическая направленность изложенного нами проекта, как и записки С. М. Броневского, весьма харак-

терна для общественных настроений дворянского класса России в годы разгара наполеоновских войн. Результаты Тильзитского мира нанесли тяжкий ущерб национальной экономике и государственному престижу России. Русское дворянство, психологически неподготовленное к резкой перемене внешнеполитической ориентации правительства, встретило союз с Францией враждебно. Он не мог приобрести популярности среди торгово-промышленных слоев, тяжело пострадавших от экономических последствий Континентальной блокады. Поэтому не случайно, что вскоре после тильзитской встречи двух императоров и в последующие годы, несмотря на строгую цензуру, стали распространяться всевозможные политические сочинения, «подметные письма», в которых описывалось бедственное положение страны, критиковалась внутренняя и внешняя политика правительства Александра I¹⁴⁶. Характерно, что из поля зрения авторов такого рода апокрифической литературы не выпадали иногда и вопросы политики царизма в отношении балканских народов. «...Греки, черногорцы, славяне, Республика Семи Соединенных островов отданы французам против всякого права и имеют неоспоримое право сделать нам укоризну», — говорилось в «Письме сенатора Теплова»¹⁴⁷.

Как видно, отказ правительства Александра I от поддержки освободительного движения южных славян и греков не встретил одобрения противников русско-французского союза. Он не соответствовал и расчетам тех представителей придворных кругов, которые лелеяли экспансионистские замыслы, нередко связываемые с активизацией политики царизма в отношении Франции и Турции. Все это и вызывало к жизни всевозможные проекты, которые преследовали цель доказать царю и его министрам губительность для России союза с Францией и необходимость изменения внешнеполитического курса.

В 1807—1808 гг. петербургский кабинет не склонен был идти навстречу подобным советам и настроениям, но в последующие годы, когда отношения с наполеоновской империей ухудшились и неизбежность новой войны с ней стала очевидной, Александр I и его министры должны были уделять все больше внимания подготовке плана предстоящей военной кампании против Франции, а иногда и учитывать идеи подобного рода, исходившие от

отдельных лиц. В числе таковых оказался сторонник политического единения славянских народов под главенством России Александр Полев.

ПОБОРНИК ПОЛИТИЧЕСКОГО ЕДИНЕНИЯ
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
АЛЕКСАНДР ПОЛЕВ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СЕРБИИ

Имени А. Полева почти не встретишь в воспоминаниях современников и других источниках, характеризующих общественную жизнь России в годы, предшествовавшие Отечественной войне 1812 г. О нем не упоминают историки, рассказывающие об этом времени. Но следы творчества несколько странного отставного майора сохранились в архивах и представляют немалый интерес для характеристики русской общественной мысли в славянском вопросе. Попытаемся кратко изложить взгляды и внешнеполитические проекты этого неизвестного патриота, яркого поборника сокрушения «тиранической власти» Наполеона в Европе и осуществления Россией своей освободительной миссии в отношении национально угнетенных славянских и других европейских народов.

Биографические сведения о Полеве можно почерпнуть лишь из его собственных сочинений. Он родился в 1757 г. и 20 лет провел на военной службе — обер-квартирмейстером, а затем в гусарском полку. По-видимому, Полеву довелось участвовать в войнах с Турцией и побывать в Польше. Какие-то обстоятельства и неприятности вынудили его во время правления Павла I уйти в отставку. С 1798 г., потеряв по неизвестной причине имущество и «наследие отцов», «убог и нищ» отставной майор уединился в малороссийском городке Хороле и начал писать сочинения, «направленные к возбуждению духа отцов наших», к защите «трона и отечества». Сперва это были литературные опусы с сюжетами из славянских легенд языческих времен — «Световид, славянская повесть», «Разговор Световида с военачальником его Владисаном», которые в 1806 г. были отправлены на имя Александра I. А вскоре после Тильзита, в 1807 или 1808 г., озабоченный тяжелым положением родины, движимый патриотическими чувствами, Полев отправился в Москву, а оттуда в Петербург и стал осаждать царя, некоторых государственных деятелей своими философ-

ско-правоучительными трактатами и внешнеполитическими проектами¹⁴⁸.

«Естество внушает нам оборону», «Глас русского народа», «Слава русских государей и русского народа», «Дух русских, или соединение в конечной обороне», «Лаокоон на Руси», «Рассуждение об учреждении военной линии против французов», «О преимуществе русского государя и русского народа» — вот некоторые из характерных названий этих сочинений. Всего же в авторском списке значится 17 произведений литературного, политического и военного содержания, которые в течение 1806—1811 гг. направлялись царю и его сановникам¹⁴⁹.

Археографические особенности этих произведений¹⁵⁰, их выпренно-риторический стиль, распространенный в начале XIX в., особенности изложения свидетельствуют, что написаны они человеком достаточно образованным, владеющим пером, имеющим какой-то опыт и творческой и военно-штабной деятельности. Во всяком случае, он обладал необходимыми познаниями в области географического, политического и экономического положения Европы, в особенности балканских областей, был знаком с историей России и славянских народов, притом явно увлекался славянскими древностями и мифологией.

По содержанию сочинения А. Полева однотипны, фактически повторяют друг друга. Они проникнуты ненавистью к наполеоновской Франции. Автор с исступлением доказывает, что все революционные и военные события, происшедшие в течение последнего времени, являются следствием грандиозного заговора то ли тайных религиозных сект, то ли масонских лож и иллюминатов. Эти «братья всемирного царства» и их адепты проникли во все европейские правительства, в том числе и русское. Они стараются «расслабить дух русских», довести Россию до революции, уничтожить ее дворянство и установить власть «всемирного властителя», «бога-человека», т. е. Наполеона. Последний же для осуществления своих ужасных замыслов заключил союз с Александром I, который гибелен для России и приведет ее к игу «хуже татарского».

Полев рисует мрачную картину положения в стране: расстройство системы управления и финансов, «пресечение торговли», рост налогового гнета и пр. Он заявляет, что говорит от имени всех 40 миллионов русских и предлагает срочно осуществить ряд мероприятий внут-

риполитического и внешнеполитического характера, необходимых для укрепления государства и подготовки к решающим военным акциям. Средством для предотвращения будто бы подготавливаемой Наполеоном революции является «соединение мнений или сближение одного состояния к другому». Для этого необходимы такие меры, как «уступка поселянам части помещичьих выгод», «отречение помещиков от торговли людьми», снятие вновь наложенных на народ податей, «общее возвращение всеми и во всех случаях к употреблению отечественного языка», всеобщее вооружение дворянства, создание народного ополчения, быстрое обучение солдат. Новые законы, «сообразные с характером народа», утверждали бы его высокое мнение о себе и возвышали бы его нравственность. «Введение и распространение купечества и промышленности привело бы страну к изобилию. Русские, особенно юношество, должны воспитываться в духе любви к родине, высокой нравственности и православия, должны уподобиться своим славным славянским предкам. Все это снизит в стране недовольство, возродит боевой патриотический дух населения, «сблизит состояния», т. е. ослабит классовые противоречия. Возрожденная к новой жизни Россия превратится в единое прочное государственное тело¹⁵¹.

Картина тяжелого положения в России после Тильзита, нарисованная Полевым, достаточно ярко отражала действительное положение вещей. В стране сильно возросло недовольство, грозившее обратиться против власти и политических мероприятий молодого императора. Пути преодоления внутреннего кризиса искали в это время многие государственные и общественные деятели России, само правительство Александра I, не отказавшееся от попыток осуществления некоторых реформ. Как известно, такие реформы по поручению царя разрабатывал М. М. Сперанский.

Мнений по вопросу общественно-политических и государственных преобразований высказывалось в те годы немало. Одни, например Н. М. Карамзин, критикуя правительственную политику, категорически отрицали необходимость каких-либо новшеств, отмены крепостного права. Другие — так называемая либерально-аристократическая оппозиция, в составе которой были деятели, близкие к правительству — «молодые друзья» Александра I (А. Чарторыйский, П. А. Строганов, Н. Н. Новосиль-

цов), Н. П. Румянцев, П. В. Чичагов, Н. С. Мордвинов и др., — считали реформы нужными, высказывались за смягчение крепостничества, в частности запрещение торговли людьми. Наконец, среди прогрессивно настроенных представителей дворянского класса имелись и борники радикальных преобразований, прежде всего отмены крепостного права, в числе которых были такие деятели, как А. С. Кайсаров, братья Тургеневы, Н. И. Новиков, А. П. Куницын и ряд других.

К последней группировке Полев, конечно, не принадлежал, но и с ретроgrадами этот обедневший дворянин не был близок. Его идеи относительно общественно-политических преобразований в стране выражены не очень ясно, но о необходимости отказаться хотя бы от наиболее вопиющих форм крепостничества, от права помещиков продавать своих крестьян он пишет прямо. Враждебность Полева к крепостничеству и существующим порядкам косвенно выражается и в идеализации уклада жизни древних славян, существовавшего во времена князей Олега и Игоря. Он доказывал, например, что введение законов, «сообразных с характером народа», утвердило бы «высокое мнение о себе» народа, возвысило бы его «нравственность». Но ведь не в условиях крепостничества русский народ мог приобрести «высокое мнение о себе» и стать «нравственным». Поэтому можно предполагать, что идеи Полева относительно общественно-политических преобразований в России были достаточно серьезными, но он предпочитал не излагать их конкретно и прямо.

Может быть, это отчасти было следствием того, что многочисленные трактаты и записки отставного майора были посвящены прежде всего внешнеполитическим проблемам. Но при этом общественно-экономические преобразования служили неперемнным условием, предпосылкой грандиозной политической перестройки Европы. Главная мысль заключалась в том, что Россия, став внутренне сильным, благоденствующим государством, сможет «объединить себя с племенами своего народа», со славянами, населяющими громадные территории от гор Карпатских до Уральского хребта, от моря Балтийского до Адриатического и Черного¹⁵².

Одно из государств, входящих в «Великий союз племен славенских», включало бы в свой состав земли, населенные южными славянами. Это государство право-

славных славян должно было управляться Георгием Черным (Карагеоргием). Польское королевство объединило бы всех славян католического вероисповедания. Кроме Польши (в границах IX—XII вв.), к нему присоединялись Силезия, Богемия, Моравия, Лузачия (Лужицкая Сербия). Королем этого славянского католического государства должен был провозгласить себя Александр I.

Возвратив полякам «их имя», их королевство, царь положил бы конец неприязни, которую они питали к России после разделов Речи Посполитой¹⁵³.

Идея объединения славянских народов вокруг России составляет основу внешнеполитических предложений Полева и излагается во всех его трактатах, а также в «Воззвании к племенам славянским для борьбы с Наполеоном», обращенном к полякам (1810 г.). Бросается в глаза, что замысел союза России с «племенами своего народа» построен как бы на взаимной выгоде. В тяжелой борьбе против наполеоновской Франции эти народы должны стать главными помощниками, опорой России. Она в свою очередь поможет славянам освободиться от национального порабощения, «исторгнет их из тиранической власти» Наполеона «не для нового порабощения, но для возвращения свободы», будет оказывать этим народам «суд правый и покровительство бескорыстное»¹⁵⁴.

Такого рода высказывания, достаточно туманные и противоречивые, позволяют все же предполагать, что Полев имел в виду Славянский союз как объединение нескольких, внутренне самостоятельных государств на федеративной основе. Правда, равноправия в таком союзе не было, ибо покровительство, какие-то верховные права принадлежали России.

Замыслы Полева не исходили из национальной исключительности славян, не ограничивались только мобилизацией этих народов на борьбу с французской гегемонией в Европе. Он рассчитывал, что на стороне России как поборницы национального освобождения всех народов Европы выступят и другие народы. Так, венгры, увидев, что сербы получили свободу и свое королевство, последуют их примеру, будут сопротивляться требованиям австрийцев, пожелают «независимости и своего короля». Воображению Полева рисовалась новая, преобразованная Европа, в которой, кроме Славянского союза, возникнут Венгерское королевство, Греческая рес-

публика, Объединенное немецкое государство и даже «Царство армянское»¹⁵⁵.

В проектах и предложениях Полева сильно выражены великодержавные тенденции. Он, конечно, мечтает об овладении Россией Константинополем и проливами, о присоединении Молдавии и Валахии, о русском преобладании в «левантийской торговле», о ведущей роли России в международной жизни Европы после победы над наполеоновской Францией. Но вместе с этим Полев думает об интересах народов, находящихся под чужеземной властью, и надеется вернуть им государственную самостоятельность, обеспечить процветание и прогресс. Новая политическая структура Европы в его трактатах построена на национальном принципе.

Такого рода идеи и замыслы Полева производят очень противоречивое впечатление. В них много наивно-го прожектерства. Россия в союзе со славянскими народами с поразительной легкостью одолевает громадную империю Наполеона, создает новые государства, производит территориальные обмены и т. д. Она во всем добивается своих целей, не встречая сопротивления соперничающих государств, например Великобритании, с которой действует в союзе. Она получает новые территории и всевозможные преимущества. К тому же в рассуждениях Полева, этого яркого ненавистника якобинской диктатуры и всего французского, есть нечто общее с ультрапатриотическим «русским духом» Сергея Глинки, издателя «Русского вестника» — журнала, приобретшего популярность в 1808—1812 гг. Несмотря на все это, нельзя забывать, что мы имеем дело со сторонником мер, направленных на улучшение общественно-экономического положения страны, ослабления крепостничества.

Идеи Александра Полева в какой-то степени отражают тогдашние представления о национальных правах народов, о национальной государственности. Они характеризуют некоторые особенности русской общественной мысли начала XIX в. в славянском вопросе — растущее сознание славянской общности, являющееся составной частью русского национального самосознания. В этом отношении примечателен интерес Полева к славянским древностям и мифологии, превознесение национальных качеств славян и их героического прошлого — своеобразное «славянолюбие». Древние славяне изображаются им, соответственно представлениям начала XIX в., еди-

ным народом, впоследствии распавшимся на составные части. Поэтому Полевым и ставится задача восстановления утерянного единства, былых связей славянских племен, что должно воплотиться в их политическом объединении под главенством России.

Среди поборников национального освобождения славянских и балканских народов (а таковые, как мы видели, имелись в России начала XIX в.) Александр Полев был, вероятно, единственным, попытавшимся распространить свои идеи и найти приверженцев. Тому содействовали внутренняя обстановка и общественные настроения в годы, предшествовавшие Отечественной войне 1812 г. Оказавшись в Москве, а затем в Петербурге, отставной майор попытался заинтересовать своими проектами государственных деятелей, рассказывал о них в дворянских домах. Некоторые видели в нем «фанатика», жаждущего личной славы, другие «почитали мудрецом»¹⁵⁶. Последователей и единомышленников Полев, по-видимому, не приобрел, но все же нашел влиятельных покровителей. Среди таковых был Н. С. Мордвинов — человек умеренно-либеральных воззрений, поборник общественно-экономических преобразований и постепенной отмены крепостного права, близкие ко двору А. Д. Балашев, П. М. Волконский, П. В. Чичагов и др. Кто-то из этих покровителей заинтересовал предложениями Полева петербургский двор, и в 1809 г. он, «предстоя пред правительством, представлял о пагубных предприятиях против России нашего неприятеля», а позднее «имел счастье все то представить лично» царю¹⁵⁷.

Но Полев не ограничился этим. Поскольку в его замыслах большая роль уделялась сербам и созданию большого югославянского государства во главе с Карагеоргием, он в 1812 г. через находившегося в Петербурге с политической миссией сербского архимандрита Мелентия Никшича сообщил свои проекты, касавшиеся сербов, Карагеоргию и его приближенным¹⁵⁸. Можно предположить, что такой шаг был предпринят с одобрения, хотя бы негласного, правительственных сфер Петербурга.

По-видимому, не идеи о политической перестройке Европы и создании Союза славянских народов заинтересовали царя и его приближенных в первую очередь, а предложения Полева относительно использования в войне с наполеоновской Францией сербов, венгров и других народов, борющихся против чужеземного ига. Такие

предложения смыкались с разрабатываемым в 1811—начале 1812 г. военно-операционным планом предстоящей войны с наполеоновской Францией. Александр I намеревался пустить, наконец, в ход могучий, но достаточно опасный резерв — направить освободительные стремления отдельных народов в русло общеевропейской борьбы с наполеоновской агрессией. Для этого необходимо было объединить и возглавить вооруженную борьбу за свое национальное освобождение немцев, итальянцев, швейцарцев, поляков и других народов Европы.

Тесные политические связи, установившиеся в первые годы XIX в. с греками, военно-политический союз с сербами во время войны с Турцией, сведения о нарастании освободительных движений среди славян и венгров в габсбургской монархии — все это позволяло правительству Александра I надеяться найти союзников среди народов Юго-Восточной Европы.

Разрабатывая в начале 1812 г. общую схему концентрированных ударов против наполеоновской империи, Александр I в числе других направлений наметил диверсию в тыл Франции из района Адриатики в сторону Тироля и далее Швейцарии. В этой связи и возник план так называемой адриатической экспедиции — глубокой диверсии через Сербию и Боснию к побережью Адриатического моря. Когда же в апреле 1812 г. пришло известие о подписании союзного франко-австрийского договора, было решено «поддержать и возбудить против Австрии славянские племена, стараясь ввести их в сношения с недовольными венграми»¹⁵⁹. «Великий план соединения славян с целью сделать диверсию против Австрии и французских провинций на Адриатическом море»¹⁶⁰ составлял важную часть боевых операций, которые предполагалось осуществить летом 1812 г. Автором этого военного плана, одобренного Александром I, был адмирал П. В. Чичагов, министр морских сил России, его поддерживал министр иностранных дел Н. П. Румянцев и некоторые другие лица, близкие к царю.

В инструкции Александра I П. В. Чичагову, который должен был осуществить это трудное предприятие и был назначен вместо М. И. Кутузова главнокомандующим Молдавской армией, говорилось: «Все, что может возвысить дух славянских народов для направления оного к нашей цели, должно быть Вами употребляемо, как-то: обещание им независимости, установления славянского

царства, награждение людей...». Военные операции против Франции намечалось осуществить при поддержке Англии и после подписания с Турцией договора, включавшего оборонительный и наступательный союз. В случае, если султан откажется от такого союза, Турция рассматривалась бы враждебной державой. «...Тогда, — говорилось далее, — стараться должно распространить действия внушений Ваших и на все части Оттоманской империи: греков возбуждать к сложению тягостного для них магометанского ига; с Али-пашою войти в переговоры, подавая ему обнадеживания на независимость и на признание королем епирским; из албанцев стараться чрез приглашения и особливо посредством достаточной платы составить особое войско...»¹⁶¹.

Провозглашение намерения создать в Юго-Восточной Европе независимые государства, в частности «славянское царство», должно было поставить под русские знамена тысячи воинов. Политике Наполеона в отношении южных славян, основавшего в 1809 г. Иллирийские провинции, противопоставлялся план создания «славянского царства», т. е. сербского государства. Ядром его должна была стать Северная Сербия, освобожденная от власти Турции и находившаяся под управлением Карагеоргия. В плане диверсии против Франции с юго-востока наибольшая роль также отводилась сербам — русским союзникам в войне с Турцией, имеющим достаточные организованные военные силы и опыт.

Замысел адриатической экспедиции возник под определенным влиянием предложений, выдвигавшихся государственными и общественными деятелями России ранее (А. Чарторыским, П. В. Чичаговым, С. М. Броневским и др.), в некоторых проектах, постулавших из-за границы¹⁶². К этому можно добавить, что и А. Полев внес свой вклад в создание планов войны с Францией, которые могли бы привести к широкому демократическому освободительному движению в Европе. Об этом свидетельствуют не только его трактаты, но и практическая деятельность в 1811—1812 гг.

Весной 1811 г. по заданию главного квартирмейстера русской армии П. М. Волконского он конкретизирует свой план военной кампании против Франции¹⁶³. Затем, получив технических помощников, составляет карты с изображением и объяснением плана предстоящей военной кампании, который в основном совпадает с предло-

жениями Чичагова, одобренными царем в апреле 1812 г., относительно военных действий в случае окончательного разрыва с Наполеоном¹⁶⁴. Именно с новым главнокомандующим Дунайской армией оказалась связанной дальнейшая деятельность Полева на поприще привлечения к борьбе с Францией на стороне России славянских народов, и конкретно сербов.

Весной 1812 г. мы встречаем этого уже немолодого 55-летнего человека возвращенным на военную службу в чине подполковника свиты Александра I по квартирмейстерской части. Он занимается разработкой плана диверсии против французов в Юго-Восточной Европе. В записке на имя Чичагова, своего непосредственного начальника, он формулирует конкретные предложения, а также намечает политические меры, необходимые для обеспечения поддержки русской армии со стороны народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Полев пишет по этому поводу: «Но мы можем призвать все племена нашего языка на последнюю войну на юг, имеющую разрешить оковы всей Европы и заставить его (Наполеона.— *И. Д.*) иметь оную в средоточии его империи, так сказать, против самого сердца его могущества; только должно нам сохранить всю святость договоров с сими народами и доставить им все выгоды и мира и войны, и которые должны состоять в сих трех главных статьях: 1) чтоб все области славянского народа от Савы до берегов Адриатического моря составляли один соединенный вольный народ; 2) чтоб все приморские города и пристани, без изъятия, им принадлежали, кроме Фиума и Триеста, ежели австрийцы вступят с нами в союз и в который они вступить должны непременно; 3) чтоб правителя настоящего, толико ими чтимого, власть и титул подтверждены были со всеми венценосца преимуществами (имеется в виду Карагеоргий.— *И. Д.*), и тогда народы славянские, более нежели в трех миллионах присовокупленные к Венгрии, к желанию такового же правления побудят и венгров». Далее Полев указывает, что именно надо предложить предпринять Карагеоргию в связи с подготовкой наступления против Франции со стороны Адриатики. Для «сыскания» доверия и помощи населения Молдавии и Валахии он предлагает их «почтить именем великого княжества Дакии... присовокупляя сей титул к титулу императорскому»¹⁶⁵.

В начале июня 1812 г. А. Полев как офицер, пользующийся полным доверием главнокомандующего, был послан в Сербию с секретным поручением. Он должен был разузнать, не ослабло ли русское влияние в Сербии после известий о заключении мира между Россией и Турцией, в связи с военными приготовлениями и «внушениями» французов и австрийцев, не уменьшилась ли преданность Карагеоргия России. «Вы должны внушить ему, — говорилось в инструкции, — что сколь скоро между Россиею и Франциею начнется война, то войска наши могут вступить в Сербию и вместе с сербами действовать для освобождения народов славянских и покорения противников наших». Полев должен был также разведать «о делах в Боснии и около лежащих странах», о военных приготовлениях там французов и австрийцев и «сколько они успевают над умами босняков и славянских народов», а также произвести военно-топографическую разведку дорог, пригодных для передвижения войск¹⁶⁶.

Полев был командирован в Сербию за три недели до отправки туда корпуса войск ген. О. К. Оурурка. Именно ему было поручено провести подготовительные меры в связи с предстоящей экспедицией к Адриатическому побережью. Таким образом, Полев как бы получил возможность принять личное участие в осуществлении военнополитических планов, которые, как он считал, принадлежали именно ему.

Деятельность Полева в Сербии, более широкую, чем это предписывалось в инструкциях Чичагова, можно проследить по его донесениям главнокомандующему в июне — июле 1812 г.

По приезде в Тополу, резиденцию сербского правительства, Полев встретился с Карагеоргием, архимандритом Мелентием, тремя сенаторами и секретарем Сената, которые ранее слышали о его плане создания сербского государства. Полев изложил его вновь со всеми подробностями и предложил сербским предводителям выделить войско для участия в предстоящих военных действиях совместно с русской армией. Это предложение было принято сербами с радостью, и Полеву была вручена «ведомость» за подписью Карагеоргия, в которой указывалось, что сербы могут выставить 42 тыс. солдат с трехнедельным продовольствием¹⁶⁷.

В письме к Чичагову Карагеоргий сообщал о приезде Полева и его предложениях. «Я принял с радостью им

разъясненные намерения, коих почитаю совершенно средством общей пользы...— писал он,— и пригласил к себе достойных сей тайны для советования чиновников, вместе с коими заключил решиться ко всему, послужившему до общей пользы»¹⁶⁸.

Сербы предлагали развивать наступление в трех направлениях: на Северную Боснию и так называемую турецкую Хорватию; на Герцеговину и Черногорию (под предводительством Карагеоргия) для соединения с населением этих областей; в восточном и юго-восточном направлении — на Видин и Ниш. Полев поддержал такой план и писал о нем: «И Босния, Кроацция и Черная Гора, и Герцеговина более, нежели двумя миллионами народа храброго и единоплеменного исполненные, в один месяц нами будут приобретены ко ужасу всех наших неприятелей». Он полагал, что после этого турки пойдут ради своего спасения на любые условия мира с Россией. «Ибо мы тогда действительно 200 тысячное будем иметь славянское воинство, готовое впасть в Стирию и Каринтию, возжечь пламень войны в Италии, побудить к отмщению тирольцев, швейцар и самих немцев к свержению с себя тягостного ига»¹⁶⁹.

Проведя около двух месяцев в Сербии, Полев не приметил или предпочел не сообщать Чичагову о жестокой борьбе среди сербских воевод, о растущей оппозиции Карагеоргию, о тяжелом внутреннем положении в стране. Но его рапорты пронизаны большой симпатией к сербам и заинтересованностью в их национальном освобождении. В патриархальном строе сербской жизни он видел здоровые славянские начала, уже утерянные в России, но существовавшие когда-то в Древней Руси, и писал: «Читающим древнюю российскую историю о жизни и поведении с чиновниками и воинством великих князей киевских, должно только приехать в Тополь к Георгу Черному и видеть живую оной картину за его столами с его дружиною». Он считал, что Карагеоргий должен стать главой будущего Сербского королевства, и умолял Чичагова представить царю «все выгоды для России от почтения сего вождя именем светлейшего князя, и от объявления свободным правимого им народа»¹⁷⁰.

Полев видел, как обеспокоены сербы известиями о заключении Бухарестского мира, и сам выражал опасения за их будущность¹⁷¹.

Между тем военные приготовления к походу на адриатическое побережье шли медленно, а затем были вообще прекращены. Чичагов фактически не решился приступить к осуществлению этого рискованного предприятия, успех которого становился особенно сомнительным из-за отказа Англии оказать военную поддержку России со стороны Адриатики и крушения надежд на возможность заключения союзного договора с Турцией против наполеоновской Франции.

В то время как царское правительство и военное командование, потеряв время, не смогли предпринять наступление на юго-востоке Европы, Наполеон быстро концентрировал громадные военные силы на западных границах России. Стремительное продвижение «великой армии» в глубь России делало невыполнимыми планы диверсии против Франции в Юго-Восточной Европе.

Полев покинул Сербию в конце июля или начале августа 1812 г. вместе с русскими войсками, начавшими отход на север. Но и в это тяжелое время он не оставлял надежд на возможность вовлечения в войну с Францией славянских народов и просил Чичагова разрешить ему отправиться в ставку Александра I, чтобы вновь представить предложения такого рода¹⁷². Получив разрешение сделать это после выполнения служебного поручения, Полев отправился в путь¹⁷³. В последнем рапорте Чичагову из Харькова он развивал свои старые планы единения славянских народов для борьбы с Наполеоном, уделяя теперь наибольшее внимание полякам¹⁷⁴.

В новой обстановке, после окончания Отечественной войны, Полев, кажется, уже не пытался распространять свои своеобразные идеи. Он умер в 1818 г.¹⁷⁵

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
В БАЛКАНСКИХ ЗЕМЛЯХ.
ИДЕИ КУЛЬТУРНОЙ ВЗАИМНОСТИ
БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ

Поездки в турецкие владения русской творческой интеллигенции совершались в конце XVIII — начале XIX в. за малым исключением лишь в составе войск и морских экспедиций, в связи со служебными поручениями, дипломатическими или военными.

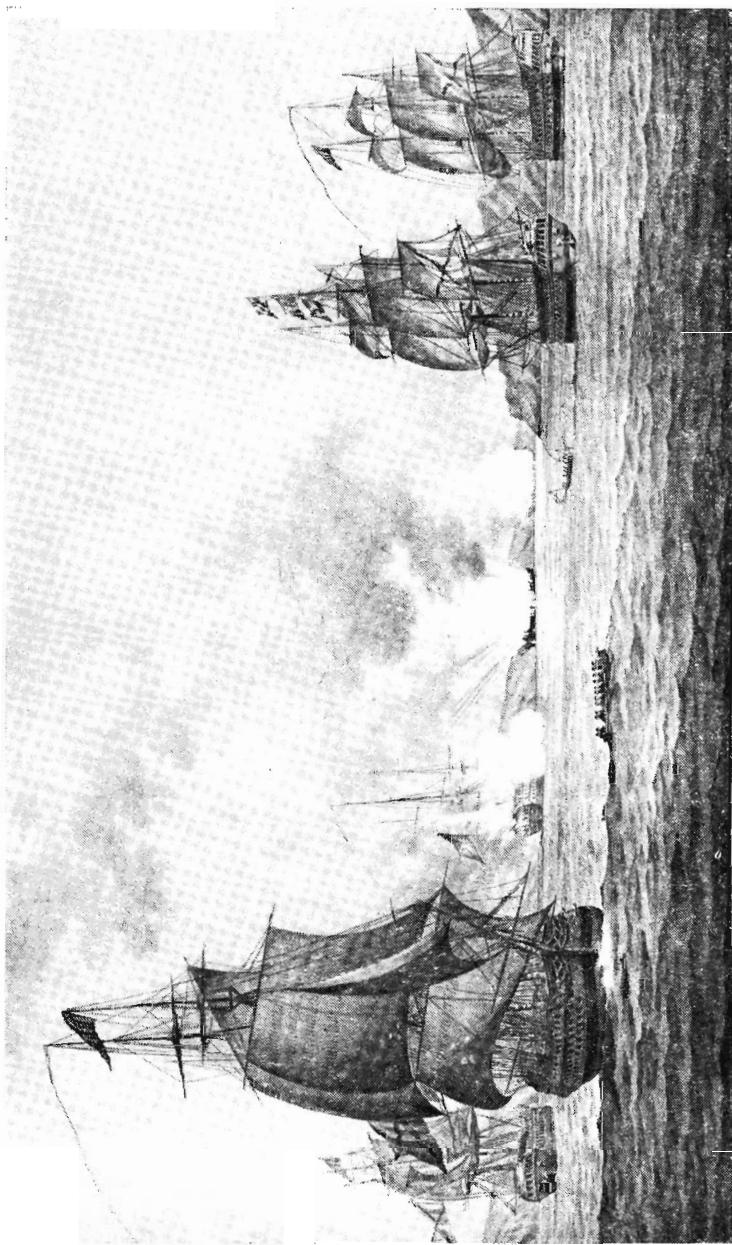
Так, в эскадре, отправившейся в 1805 г. в Средиземное море, оказалось несколько будущих писателей и пуб-

лицистов. В. Б. Броневский, П. П. Свињин, П. И. Панфидьин, Н. В. Коробка вели тогда дневники и записки, позднее опубликованные¹⁷⁶. Были среди офицеров эскадры и рисовальщики — П. И. Макаров, А. А. Иванов, В. А. Сафонов. Сохранился альбом последнего с 24 рисунками. Зарисовки видов, сделанные Макаровым, Ивановым, Свињинным затем были гравированы и опубликованы в книге Броневского¹⁷⁷. Интересны в художественном отношении две батальные картины неизвестного художника, литографированные в 1820-х годах К. П. Бегровым. Они изображают морской бой в Мраморном море 21 июня 1807 г. и взятый на буксир турецкий адмиральский корабль¹⁷⁸.

Одним из первых профессиональных художников побывав в балканских землях видописец и мастер жанрово-этнографической зарисовки Е. М. Корнеев. Его поездка была предпринята, скорее всего, также в связи с экспедицией Д. Н. Сенявина. Он сопровождал генерала Е. М. Спренгпортена, а в мае 1805 г. получил разрешение следовать из Триеста в Неаполь на военном судне вместе с дипломатом Д. П. Татищевым¹⁷⁹. Пребывание Корнеева в Турции, поездки в греческие земли оказались плодотворными. В 1807 г. он преподнес Александру I виды Афин, а два года спустя — альбом, в который входили раскрашенные гравюры по рисункам, сделанным во время путешествий по России и турецким владениям¹⁸⁰. Среди них были жанровые сцены и типы жителей: несколько изображений янычар, турок, албанцев, греков. По-видимому с натуры сделаны рисунки, затем гравированные: «Девка и баба с острова Хио», «Жители острова Микони», «Сульот», «Сульотка», «Одеяние жителей острова Корфу»¹⁸¹.

В 1805 г. архитектор, рисовальщик и гравер Н. Ф. Алферов задумал осмотреть и изучить античные памятники архитектуры, сохранившиеся в Греции, Италии, на Ближнем Востоке. Но недостаток средств, неблагоприятная международная обстановка не дали возможности осуществить этот грандиозный замысел. Алферову удалось все же побывать в Стамбуле — там он сделал некоторые зарисовки и составил план храма Св. Софии. В Афинах Алферов занимался обмером античных храмов, а на Корфу ввиду сложных военных обстоятельств ему пришлось остаться до 1809 г. Еще до возвращения в Россию заметки Алферова о пребывании в Константинополе, Афинах,

Морской бой в Мраморном море 21 июня 1807 г. Литография К. П. БЕГГРОВА. Собрание Эрмитажа

на Корфу публиковались в «Русском вестнике» и «Вестнике Европы»¹⁸².

Первое путешествие в югославянские земли с научными целями в 1804 г. совершили Андрей Сергеевич Кайсаров и Александр Иванович Тургенев — юноши широкообразованные, придерживавшиеся прогрессивных для своего времени взглядов.

На их славистические интересы обратил внимание А. Н. Пыпин, который основывался, однако, лишь на немногих известных в его время фактах¹⁸³. Позднее В. М. Истрин, используя материалы архива братьев Тургеневых, подробно рассказал о первых русских путешественниках в славянские земли с научными целями, о деятельности Кайсарова¹⁸⁴. Ему же посвятил книгу советский исследователь Ю. М. Лотман, который, кроме того, разыскал и опубликовал рукопись Кайсарова, ранее неизвестную¹⁸⁵. Все эти материалы и исследования позволяют теперь более полно осветить югославянские связи Тургенева и Кайсарова, взгляды последнего по славянскому вопросу.

Интерес к славистике зародился у Тургенева и Кайсарова во время обучения в Геттингенском университете (1802—1804 гг.), где преподавал А.-Л. Шлёцер, и, несомненно, под впечатлением его лекций по русской истории. Русские студенты начинают приватно изучать сербский и польский языки, занимаются в отделах «Росника» и «Славика» тамошних библиотек. Намереваясь приступить к серьезному изучению славянской и русской филологии и истории, они решают отправиться в славянские земли Австрии, чтобы собрать рукописи и книги, записать народные песни. Впоследствии Кайсаров так рассказал о своих занятиях в это время и побудительных причинах предпринятого в 1804 г. ученого путешествия: «Рука в руку шел я по трудному пути сему вместе с моим верным и неутомимым в учении спутником г. Тургеновым. Чем далее углублялись мы в своих исследованиях, тем больше уверились в истине, что русскому историку нужно непременно короче узнать все отрасли плодovitого словенского древа, тем более возгоралось в нас желание видеть те народы, которые соединены с нами тесными узами родства, видеть те земли, которые были свидетелями их великих подвигов. Вместе были мы в Польше, Лузании, Богемии, Венгрии, Среме, Славонии, Кроацции, Истрии, Каринтии и Карниолии и, если чем-нибудь»

Е. М. КОРНЕЕВ.
ЖИТЕЛИ О-ВА МИКОНИ (МИКОСА)
Раскрашенная гравюра. Г.Б.Л

могли воспользоваться в короткое время, обстоятельствами для исследований наших предназначенное, ничего мы не упустили»¹⁸⁶.

По сохранившимся материалам можно заключить, что наиболее плодотворным было путешествие Тургенева и Кайсарова в югославянские земли, которое имело научное значение, а также способствовало развитию русско-сербских общественных связей.

В Сремских Карловцах русским ученым был оказан необыкновенно торжественный и радушный прием, что явилось своего рода демонстрацией прорусских симпатий

воеводинских сербов¹⁸⁷. Общение с митрополитом С. Стратимировичем, Л. Мушицким, М. Путником, Н. Петровичем и другими образованными воеводинскими сербами помогло не только войти в курс их деятельности в области науки и просвещения, но и узнать о событиях, происходивших в это время за Дунаем и Савой, о расчетах и надеждах сербов на помощь России. Интерес к восстанию в Белградском пашалыке побудил их нелегально совершить поездку в Белград, после чего Тургенев писал отцу, что сербы «к стыду христианских государств уже целые четыре столетия мучимы турками. Русскому, которого и порода и религия с ними соединяют, нельзя видеть их состояния без внутреннего негодования. Теперь они, чая бога, спасающего их, от Севера, еще кое-как держатся; но если помедлят подать им руку помощи, то скоро и следов сербских в Турции не останется»¹⁸⁸. Тем самым в несколько завуалированной форме сообщалось, что сербы надеются получить помощь со стороны России и, если эта помощь не подоспеет, сербскому народу грозит полное истребление. Такого рода представления должны были сложиться у Тургенева под воздействием обсуждения перспектив сербского восстания с воеводинскими деятелями.

Во время пребывания в Триесте А. С. Кайсаров и А. И. Тургенев познакомились со знаменитым сербским просветителем, философом и общественным деятелем Доситеем Обрадовичем. Об этом Кайсаров писал впоследствии сербскому поэту и филологу Л. Мушицкому по-сербски: «Мним, не сам казао, да у Триесту смо были код нашег Обрадовича, он е подаровао нам нека от книг своих и верло бью радостан да смо его посетили. То ние обыкнован човек»¹⁸⁹. Среди книг, подаренных Обрадовичем, вероятно, находилась и только что изданная в Венеции «Пијесна на инсурекцију Србијанов», стих из которой — «Возстани Сербіе! Давно се заспала» — Кайсаров процитировал в письме к Мушицкому, написанном вскоре после посещения Триеста¹⁹⁰.

Пребывание в Сремских Карловцах, во Фрушкогорских монастырях, в Триесте произвело на Кайсарова и Тургенева очень глубокое впечатление, пробудило у них самые горячие симпатии к сербам и их борьбе за национальное освобождение. О своей поездке они много рассказывали друзьям. «Щастью моему завидуют все земляки мои,— писал в 1805 г. Кайсаров из Геттингена Стра-

тимировичу: все бы они хотели узнать сербов после моего описания, которое все еще недостаточно для того, чтобы описать сей добрый, твердый народ во всей полноте»¹⁹¹.

После поездки по славянским землям Австрии Кайсаров и Тургенев вели переписку с С. Стратимировичем и Л. Мушицким по вопросам славянской филологии, запрашивали и получали сведения о ходе сербского восстания, поддерживали связи с образованными сербами, жившими и работавшими в России, стараясь оказывать им поддержку и помощь¹⁹². «Сербы так близки моему сердцу, что я почитаю Срем вторым моим отечеством,— писал Кайсаров Стратимировичу в 1806 г.,— кроме России, нигде бы боле не хотел жить, как между добрыми сербами...»¹⁹³

Друзья задумали составить описание своего путешествия. Они не выполнили этого намерения, но, несомненно, способствовали распространению в дворянских кругах России симпатий к сербам, близким к русским по происхождению, языку и религии, борющимся за свое освобождение. Кайсаров же, по его собственным словам, пламенно привязался «ко всему славянскому» и стал поборником культурного сближения славянских народов при активной роли в этом России. Еще в 1804 г. во время пребывания в Геттингене Кайсаров издал на немецком языке труд «Мифология славянская и российская» (несколько лет спустя книжка эта вышла и на русском языке). Посещение славянских земель вызвало у него еще большую увлеченность славянской филологией, укрепило убеждение в сходстве не только языков и национальных особенностей славян, но в какой-то мере и их исторических судеб. Так, татаро-монгольское иго на Руси ассоциировалось в его представлении с турецким завоеванием балканских славян¹⁹⁴.

В 1805 г. Кайсаров начал работать над «Сравнительным словарем славянских наречий». Труд не был закончен, но вступление к нему составлено. Оно представляет собой, по существу, публицистическую статью, вполне законченную, как бы подготовленную к печати, которая по затронутым вопросам выходит за рамки будущей книги¹⁹⁵.

Предисловие к «Сравнительному словарю славянских наречий» начинается с традиционных заявлений о многочисленности славянских племен, заселивших «более половины Европы», о могуществе существовавших некогда славянских государств. Славяне блистали своим

величием, вызывая зависть соседей. Кайсаров рисует как бы собирательный образ славянских народов в древности с присущими всем им качествами, такими, как храбрость, простодушие, гостеприимство. Эти добродетели современные славяне (в отличие от других народов, например греков) не утратили и теперь. Но ныне некоторые отрасли «сего величественного древа» иссыхают. «Восходит радостная заря утра для России, величается могуществом своим непобедимая, но слабые сестры ее, во цвете своем суеверием или невежеством подавленные, едва еще сохраняют слабый остаток жизни. В то время, когда северный исполин гордо возносит главу свою, под игом варварства стонуют братья его. И сей исполин может взирать спокойным оком на страждущих своих единоверцев и единоплеменников угнетаемых?» «Славные праотцы рода словенского» не поверили бы глазам своим, увидев, что потомки их «одни других чуждаются, что они даже не знают, существуют ли на краю света братья их?»¹⁹⁶

Итак, славяне должны восстановить былые связи, лучше узнать друг друга, русские же как единственный славянский народ, сохранивший могущественную державу, должны помочь своим братьям освободиться от угнетения и «варварства», не дать им потерять свою славянскую самобытность. Все эти мысли изложены в характерном для того времени высокопарно-риторическом стиле. Кайсаров подробно рассказывает, как подготовиться к осуществлению столь сложной задачи: надо прежде всего полюбить «все славянское», узнать своих братьев, их языки, литературу, историю. Вся эта деятельность тесно увязывается с главной задачей — развитием русской национальной культуры, подлинно самобытной, основанной на народных традициях. Необходимо освободиться от иностранных заимствований и влияний в области просвещения, литературы, языка, отказаться от чужеземных учителей, заняться воспитанием «истинных сынов отечества». Необходимо серьезно изучать историю, «бытописание», язык своего народа и других славян. Все они сходны, связаны между собой. «Вникая в бытописание русские, уверился я самым опытом, — замечает Кайсаров, — что нельзя быть искусным русским историком, не зная других словен»¹⁹⁷.

Особое внимание в статье, естественно, уделяется языковым проблемам. Автор исходит из распространенного в то время представления, что общим «корнем» всех

славянских языков является церковнославянский. Русский язык «испорчен», засорен иностранными словами, его необходимо очистить от этих чуждых заимствований, пополнить необходимой лексикой из «родных нам языков», вернуть «к своему корню». Все это поведет к еще большему сближению славянских языков между собой, а также к распространению русского языка «в большей части Европы»¹⁹⁸.

«Показать разительное сходство словенских наречий между собою и возбудить охоту к дальнейшим исследованиям», — такова цель, преследуемая Кайсаровым при составлении «Словаря...». Он хочет первым проложить «тропинку в том поле, на которое еще до сих пор не ступала нога ни одного словенина», но понимает, что труд его будет несовершенным, и призывает русских юношей продолжить свое начинание — отправиться в славянские земли для серьезного изучения местных языков. Составление в дальнейшем полного словаря славянских наречий принесет большую пользу российской словесности и «бытописанию»: например, позволит лучше понимать старые книги, избавиться от чужестранной лексики, поможет сделать русский язык «чисто словенским». Кроме того, будет облегчена представляющая большую сложность классификация славянских народов и «порядков»¹⁹⁹.

Так, сочетая и увязывая общественные и научные интересы, Кайсаров намечает обширную, хорошо продуманную программу изучения славянского мира как общности языковой и культурно-этнографической, что обуславливает, как бы мы теперь сказали, необходимость комплексного сравнительно-исторического метода исследования, тщательных сопоставлений и широких обобщений. Эта задача может быть осуществлена только совместными усилиями ученых России и зарубежных славянских ученых, в том числе сербских. Такое содружество необходимо, в частности, при изучении славянских языков: «Если Российская Академия соединится с учеными обществами Богемскими, Варшавскими, Корпато-Российскими, с гимназиєю Карловацкою, чего нельзя тогда надеяться»²⁰⁰.

Замысел «Словаря славянских наречий» и последующих славяноведческих исследований отличался, как полагает Лотман, широтой и зрелостью, намного обгоняя уровень современной ему русской науки²⁰¹. Но он остал-

ся неосуществленным — Кайсаров погиб в 1813 г., не успев в полной мере развернуть свою научную и общественную деятельность. Теперь, после знакомства с его введением к так и не написанному словарю славянских языков, можно с уверенностью заключить, что это был один из первых русских ученых, который попытался определить основные задачи и методы славяноведения. Научные интересы, общение с некоторыми славянскими учеными и культурными деятелями, путешествие по славянским землям способствовали и тому, что Кайсаров стал одним из зачинателей идеи славянской взаимности в области просвещения и науки, приверженцем сближения и взаимопомощи славянских народов в их борьбе за сохранение и возрождение своей национальной культуры, языков и традиций.

По рассматриваемой рукописи можно судить о некоторых особенностях этих идей у прогрессивных русских деятелей начала XIX в. Например, характерна идеализация и героизация исторического прошлого славянских народов, которая как бы подчеркивает и усиливает картину тяжелого положения этих народов в настоящее время и вместе с тем служит обоснованием убеждения в высоком предназначении и светлом будущем славян, в возможности их национального возрождения. Но, утверждая преимущества славянских народов, их значение в общеевропейском историческом процессе и т. д., Кайсаров не забывает и о единоверии как сплачивающем факторе, исходит из представления о моральной обязанности России помогать всем православным. Возможно, поэтому его научные интересы выходили за рамки изучения только славянского мира, распространялись и на балканские народы. Известно, что он интересовался греческим и албанским языками, историей Дунайских княжеств²⁰².

Просвещение в самом широком смысле этого понятия рассматривается им как верный путь к национальному возрождению славянских народов, но это не означает, что отвергаются или осуждаются революционные средства борьбы за свободу. В том убеждает отношение Кайсарова к сербской революции, о чем говорилось ранее. В предисловии к «Словарю» проводится прямая связь между победой сербов в восстании и их дальнейшим культурным прогрессом: «Сербам, под турецким правлением живущим, есть один только способ получить грам-

матики, словари и все полезное. Этот способ теперь вместе с победоносным мечом словенским в руках Черного Георгия»²⁰³.

Можно согласиться с утверждением, что наблюдения во время путешествия по Австрийской империи укрепили у Кайсарова чувство протеста против деспотических порядков, национального угнетения, породили идею славянского возрождения на освободительных началах²⁰⁴. Этот протест проявился прежде всего в отношении к российской действительности: известно, что Кайсаров был горячим поборником отмены крепостного права и автором докторской диссертации «Об освобождении рабов в России», написанной в 1806 г. и поднесенной Александру I.

Идеи о политическом и национальном возрождении славянских народов и помощи в этом со стороны России, по существу, увязывались с национальными задачами русского народа. Практически же ввиду начала восстания в Белградском пашалыке внимание сосредоточивалось на сербской проблеме. Можно предполагать, что сочувствуя восставшим, рассматривая их победу как необходимое условие национального возрождения, Кайсаров видел перспективу возникновения на Балканах независимого сербского государства. Скорее всего, и он, и Тургенев знали и поддерживали проект Стратимировича относительно создания обширного «славено-сербского» государства, объединяющего югославян Турции и Австрии, который тот в 1804 г. направил правительству Александра I²⁰⁵.

Основываясь на вступлении к «Словарю славянских наречий», Лотман утверждает, что идеалом Кайсарова была свободная Россия — центр освобожденного славянского мира, что он был одним из предшественников идей политического объединения славян во главе со свободной Россией, выдвигаемых впоследствии декабристской организацией — Обществом соединенных славян²⁰⁶. Представляется, что для подобного вывода мало оснований: у Кайсарова отсутствуют какие-либо высказывания о возможности политического единения славян вокруг России. Он вообще не касается вопроса о политическом будущем славянских народов в целом, и его отношение к этой проблеме остается неизвестным.

Зато, выступая горячим поборником взаимности славянских народов в сфере просвещения и науки, Кайсаров

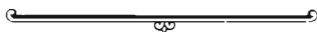
как бы предвосхищает идеи культурного сближения этих народов, получившие развитие в русской общественной мысли несколько десятилетий спустя. В общественно-политической обстановке начала XIX в. такого рода идеи не могли, однако, иметь приверженцев или быть практически реализованы. Они попросту остались неизвестны российской общественности. 30 лет спустя после гибели Кайсарова, вспоминая о друге своей юности, А. И. Тургенев писал: «Он был один из первых славянофилов, и мы вместе учились у Шлёцера, работали для его „Нестора“, вместе жили и собирали рукописи славянские и книги — в Карловце...»²⁰⁷. Говоря о Кайсарове как о «славянофиле», Тургенев, вероятно, имел в виду его некоторый национализм, его «любовь ко всему славянскому», романтизацию прошлого и мечту о лучшем будущем народов России и всех славянских народов, осуществить которую помогла бы их взаимная помощь и поддержка, и, наконец, начатые славяноведческие исследования.

Научные интересы самого Тургенева в начале XIX в. в большей мере сосредоточивались на отечественной истории, а не на славистике в целом, и он не выказывал себя столь горячим приверженцем культурного сближения славян, как его приятель. Но имелось большое сходство в их взглядах в области социальных и научных проблем. Тургенев, как и Кайсаров, был врагом крепостничества и «деспотизма», превозносил национальные черты русского народа, призывал серьезно изучать отечественную историю, отказаться от «баснословного», мистического в трактовке исторических сюжетов²⁰⁸.

Такого рода высказывания перекликались с тем, что писал Кайсаров в предисловии к «Словарию славянских наречий», отражая поиски гражданской и национально-патриотической героики, свойственные революционному романтизму русской литературы и характерные также для некоторых идеологов декабризма²⁰⁹.

Тургенев и Кайсаров предвосхищали некоторые черты общественно-политических взглядов декабристов, в том числе и на славянскую проблему, на отношение к национальному освобождению балканских народов с помощью России. Они сделали первые шаги в деле установления русско-югославянских общественных и научных контактов. А главное, есть все основания считать, что еще в самые первые годы XIX в. благодаря А. С. Кайсарову в русскую общественную мысль была внесена четко и ясно

сформулированная идея о необходимости культурного сближения и взаимопомощи славянских народов в их борьбе за национальное возрождение и исторический прогресс.

- ¹ *Миллер А. Ф.* Мустафа паша Байрактар: Османская империя в начале XIX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947; *Дружинина Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М.: Изд-во АН СССР, 1955; *Конобеев В. Д.* Русско-болгарские отношения в 1806—1812 гг.— В кн.: Из истории русско-болгарских отношений. М.: Изд-во АН СССР, 1958; *Ари Г. Л.* Албания и Эпир в конце XVIII—начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1963; *Он же.* Этеристское движение в России. М.: Изд-во АН СССР, 1970; *Он же.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809—1822. М.: Наука, 1976; *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798—1807. М.: Изд-во АН СССР, 1962; *Она же.* Россия и Греция в конце XVIII—начале XIX в.: Политика в Ионической республике. 1798—1807. М.: Наука, 1976; *Гросул Г. С.* Дунайские княжества в политике России. 1774—1806. Кишинев: Штиинца, 1975.
- ² В понятие «эллинофильство» включаются самые разнообразные проявления симпатий к грекам, а «филэллинизм» обозначает общественное движение, имевшее следствием личное участие в борьбе греков за национальное освобождение.
- ³ *Mohrenschildt D. S.* Russia in the Intellectual Life of Eighteenth-century France. New York, 1936, p. 151.
- ⁴ *Маркова О. П.* О происхождении так называемого греческого проекта.— История СССР, 1958, № 4, с. 69—71.
- ⁵ *Первольф И. И.* Славяне, их взаимные отношения и связи. Варшава, 1888, т. II, с. 411—412.
- ⁶ *Фрейдзон В. И.* Национальное и интернациональное в истории славянских народов (диалектика взаимоотношений и отражение в общественной мысли XIX—начала XX в.)— В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М.: Наука, 1978, с. 194—195.
- ⁷ *Дьяков В. А., Марков Д. Ф., Мыльников А. С.* Некоторые узловые методологические вопросы истории мировой славистики.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978, с. 474—475; *Фрейдзон В. И.* Представления и идеи славянской общности в первой половине XIX в.— ВИ, 1979, № 9.
- ⁸ Этот факт был отмечен еще И. И. Срезневским (см.: *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910, с. 466—467), а вслед за ним — еще рядом авторов (см., например: *Petrovich M.* The Emergence of Russian Pan-Slavism. New York, 1956, p. 5—7).
- ⁹ История романтизма в русской литературе: Возникновение и развитие романтизма в русской литературе (1790—1825). М.: Наука, 1979, с. 17—42.
- ¹⁰ О связи эллинофильства (филэллинизма) с романтизмом см.: *Замотин И. И.* Романтический идеализм в русской литературе. СПб., 1908, с. 143—148.

- ¹¹ См. об этом: *Григорович В. И.* Об участии сербов в наших общественных отношениях.— Зап. Новороссийск. ун-та, 1876, т. XX; *Бажова А. П.* Из южнославянских земель—в Россию.— В. И., 1977, № 2; *Арш Г. Л.* Каподистрия...
- ¹² См. об этом: *Станиславская А. М.* Адмирал Ф. Ф. Ушаков и Ионическая конституция 1799 г.— В кн.: Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. М.: Наука, 1976, с. 272—297.
- ¹³ *Первольф И. И.* Славяне..., с. 470—513; Очерки истории исторической науки в СССР. М., Изд-во АН СССР, 1955, т. 1, с. 171—175; *Моисеева Г. Н.* Славистика в России XVIII в.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации, с. 511—512.
- ¹⁴ *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1962. Т. 1.
- ¹⁵ *Татищев В. Н.* История..., с. 330—331.
- ¹⁶ *Дьяков В. А., Мильников А. С.* Об основных этапах истории славяноведения в дореволюционной России.— В кн.: Славяноведение в дореволюционной России. М.: Наука, 1979, с. 12.
- ¹⁷ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952, т. VI, с. 190—191.
- ¹⁸ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч., т. VI, с. 174—175.
- ¹⁹ *Моисеева Г. Н.* Славистика..., с. 513—514.
- ²⁰ Издание книги Раича не было завершено ввиду обстоятельств, связанных с сербской стороной, а не из-за цензурных запретов, как считалось первоначально. См.: *Костић М.* О петроградском и будимском издању Раичеве историје.— Гласник ист. друштва у Новом Саду. Сремски Карловци, 1933, кн. VI, св. 16; *Радочић Н.* Српски историчар Јован Рајић. Београд, 1952.
- ²¹ *Раич И.* История разных славянских народов... СПб., 1795, с. 316.
- ²² Так, в драме И. Ф. Богдановича «Славяне» (СПб., 1788) «счастливая простота» славян, добронравие и другие достоинства ставились выше «афинской премудрости» и роскоши жизни.
- ²³ См., напр.: *Марсильи Л. Ф.* Военное состояние Оттоманския империя с ее приращением и упадком... СПб., 1737. Ч. 1—2; *Рикот П.* Монархия Турецкая. СПб., 1741; *Калверт Ф.* Путешествие английского лорда Балтимура из Константинополя через Румелию, Болгарию, Молдавию... СПб., 1776 (2-е изд. СПб., 1778); *Миньо В.* История турецкая начиная временами как она составилась... СПб., 1789—1790. Ч. 1—4; *Евгений Булгарис.* Рассуждение на действительно критическое состояние Оттоманской Порты. М., 1780; Новейшия известия о Турецком государстве, по случаю войны между Россией, Австрией и Портою собранные. М., 1789; Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 г. миледи Кравен, в котором она описывает часть ...Турции..., те народы, которых она видела... М., 1795; *Оссон И. М.* Полная картина Оттоманской империи в двух частях... СПб., 1795. Т. 1.
- ²⁴ *Коронелли В. М.* Записки историогеографические о Мореи, покоренной оружием венецианским, о царстве Негропонтском и прочих близ лежащих местах. СПб., 1769.
- ²⁵ *Левашев В. А.* Плен и страдание россиян у турков или Обстоятельное описание бедственных приключений, претерпенных ими в Царь-граде по объявлении войны... СПб., 1790; *Он же.* Картина

- или описание всех нашествий на Россию татар и турков... СПб., 1792.
- ²⁶ Цареградские письма о древних и нынешних турках и о состоянии их войск, о Цареграде и всех окрестностях оного, о султанском селале, или хареме, о обхождении Порты с послами и посланниками иностранными... СПб., 1789.
- ²⁷ Календарь или месяцеслов исторический на 1770 г. СПб., 1769, с. 31—76.
- ²⁸ Г... К... История Молдавии и Валахии с разсуждением о настоящем состоянии сих обоих княжеств. СПб., 1791. На титуле указывается, что книга издана с «исправлением и дополнением во многих местах».
- ²⁹ Г. Б. Записки повествовательные... СПб., 1791, с. 21—22.
- ³⁰ Раан фон. Перечень из собственного своего журнала в продолжение прошедшей войны... СПб., 1792; В. М. [Малиновский В. Ф.] Записки о Молдавии.— ППП 1797, № 13, 14 (см. об этом произведении ниже, с. 64—66).
- ³¹ Reimer H. Reise des Russisch-Kaiserlichen ausserordentlichen Gesandtschaft an die Ottomanische Pforte in Jahre 1793. StP., 1803.
- ³² Engel J. Geschichte des Ungrischen Reiches und seiner Nebenländer. Halle, 1797.
- ³³ Eton W. A Survey of the Turkish Empire. London, 1798.
- ³⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938, т. 1, с. 176.
- ³⁵ Докладная записка к указу о Джике (1777 г.)—Сб. РИО, СПб., 1914, т. 145, с. 410—411.
- ³⁶ Синица В. И. Восстание в Морее 1770 г. и Россия.— В кн.: Вопросы новой и новейшей истории. Минск, 1974, с. 13—22.
- ³⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941, т. 2, с. 225—228.
- ³⁸ Сочинение А. Джики имеет пометы: «Из Клева 20 июля», «Из Клева 24 июля», но без указания года. Учитывая, что брошюра была опубликована в русском переводе в Прибавлении к «Санкт-Петербургским ведомостям» от 16 августа 1771 г., можно считать, что датирована она не 1771 г., а 1770 г. Причиной написания этого впечатляющего обращения от имени греческого народа, было, конечно, подавление Морейского восстания, а совсем не международная ситуация лета 1771 г. (заключение союза между Турцией и Австрией), как указывается в комментарии к публикации перевода (Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 2, с. 405). Добавим также, что Джике, хотя он и выступал как представитель «знатной фамилии в Албании» (Сб. РИО, т. 145, с. 411), можно считать по национальному самосознанию греком (Албания обычно фигурировала в XVIII в. как часть греческих земель и включала Эпир). Это был человек образованный, занимавшийся литературной деятельностью, а позднее ставший российским консулом в Рагузе (1789—1799 гг.).
- ³⁹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 2, Примеч., с. 406.
- ⁴⁰ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 2, с. 225. Здесь, как и в последующих цитатах, сохранены орфография и пунктуация Радищева.
- ⁴¹ Барсков Я. Л. А. Н. Радищев: Жизнь и личность.— В кн.: Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. М.; Л.: Akademia, 1935, с. 101.
- ⁴² Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 2, с. 225—226.
- ⁴³ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 2, с. 239—240.

- ⁴⁴ Бабкин Д. С. А. Н. Радищев: Литературно-общественная деятельность. М.; Л.: Наука, 1966, с. 61—62.
- ⁴⁵ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 254.
- ⁴⁶ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 317—318.
- ⁴⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952, т. 3, с. 437—438.
- ⁴⁸ Necker J. Sur la législation et le commerce des grains.—In: Necker J. Oeuvres complètes. Paris, 1820, v. 1, p. 19—20.
- ⁴⁹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 32.
- ⁵⁰ Павлова Н. Г. Сказка «Бова» у Радищева и Пушкина как вид политической сатиры.—Звенья, 1932, № 1, с. 513—531.
- ⁵¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 28—29.
- ⁵² McConnell A. A Russian Philosopher Alexander Radishchev. 1749—1802. The Hague, 1964, p. 150—151, 173, 203.
- ⁵³ Лотман Ю. М. Радищев: — читатель летописи.—Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1965, вып. VIII. Литературоведение, с. 221; Бабкин Д. С. А. Н. Радищев..., с. 59.
- ⁵⁴ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М.: Гослитиздат, 1956, с. 575.
- ⁵⁵ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 312.
- ⁵⁶ Макогоненко Г. П. Радищев..., с. 569.
- ⁵⁷ Благой Д. Д. История русской литературы XVIII в. М.: Учпедгиз, 1960, с. 500—501.
- ⁵⁸ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 54—55.
- ⁵⁹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 55—56.
- ⁶⁰ Моисеева Г. Н. Русская история в творчестве А. Н. Радищева 1780-х годов.—В кн.: Радищев и литература его времени. Л.: Наука, 1977, с. 40—51.
- ⁶¹ Макогоненко Г. П. Радищев..., с. 569—574.
- ⁶² Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 69—70.
- ⁶³ Нельзя согласиться с И. И. Лещиловской, без каких-либо доказательств и конкретизации утверждающей, что Радищев «провозгласил и обосновал идею общеславянского революционного союза как предпосылки внутренних революционных преобразований» (Лещиловская И. И. Концепция славянской общности в конце XVIII — первой половине XIX в.—ВИ, 1976, № 12, с. 89). Ни одно из произведений Радищева, в том числе и «Песни, петые на состязаниях», не дает основания для подобного заключения.
- ⁶⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 62.
- ⁶⁵ См., например: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. VI, с. 190.
- ⁶⁶ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 72—73.
- ⁶⁷ McConnell A. A Russian Philosopher..., p. 175.
- ⁶⁸ Наиболее полные биографические данные о Самборском см.: Стеллецкий Н. Протоиерей А. А. Самборский: Законоучитель Александра I.—Труды Киевской духовной академии, 1896, № 10, 11, 12.
- ⁶⁹ См. об этом: Стеллецкий Н. Протоиерей А. А. Самборский..., № 10, с. 183—184; № 11, с. 342—346.
- ⁷⁰ А. А. Самборский — Н. Н. Салтыкову (1788 г.) — РС, 1896, № 11, с. 451—456. В своем поместье Самборский занимался просветительской и благотворительной деятельностью — завел школу, больницу, дом для престарелых и сирот, старался облегчить повинности крестьян и всем этим вызвал большое неудовольствие местного дворянства. См.: О жизни протоиерея А. А. Самборского. СПб., 1888, с. 13.

- ⁷¹ Рукописный экземпляр этой записки см.: ИРЛИ, ф. 620, д. 6. С небольшими сокращениями и в литературной обработке она опубликована В. И. Ламанским. См.: *Ламанский В. И.* О пребывании великой княгини Александры Павловны в Угрии (1799—1801).— В кн.: Памятники новой русской истории. СПб., 1872, т. II, отд. 2, с. 47—67.
- ⁷² *Ламанский В. И.* О пребывании..., с. 60—67.
- ⁷³ *Ламанский В. И.* О пребывании..., с. 66—67.
- ⁷⁴ Историческое и статистическое описание Харьковской епархии. Харьков, 1858, отд. V, с. 87—88.
- ⁷⁵ Записка о славено-сербском народе.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 7891, л. 55.
- ⁷⁶ *Ламанский В. И.* О пребывании..., с. 67.
- ⁷⁷ О деятельности М. Ф. Расвского см.: Зарубежные славяне и Россия. М.: Наука, 1975.
- ⁷⁸ См.: ИГИА УССР, ф. 2053, оп. 1, д. 1419, 612, 736, 583, 614, 617, 639, 736 и др. См. также: ИРЛИ, ф. 620.
- ⁷⁹ А. Р. Воронцов — А. А. Самборскому 8 декабря 1803 г.—ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 540.
- ⁸⁰ А. А. Самборский — С. Стратимировичу 18 ноября 1800 г.; С. Стратимирович — А. А. Самборскому 9 декабря 1800 г., 24 июня 1801 г.—ИРЛИ, ф. 620, д. 65, л. 1, д. 177, л. 80—82.
- ⁸¹ Записка Стефана Стратимировича (Публикация О. Бодянского).—ОИДР, 1868, кн. I, с. 238—256.
- ⁸² См. об этом: *Пантелић Д.* Београдски пашалук пред Први српски устанак (1794—1804). Београд, 1949, с. 367—388; *Достян И. С.* Планы основания славяно-сербского государства с помощью России в начале XIX в.—В кн.: Славяне и Россия. М.: Наука, 1972.
- ⁸³ Самборский писал Александру I, что таким было завещание покойной Александры Павловны, которая именно на своего брата, русского царя, возложила «исполнение сего наиважнейшего в свете происшествия», т. е. освобождение сербов (А. А. Самборский — Александру I 21 июня 1808 г.—РС, 1876, № 11, с. 628).
- ⁸⁴ См. об этом: ВПР, 1963, сер. I, т. III. Примеч. 1, с. 651.
- ⁸⁵ Записка Самборского от 22 марта (3 апреля) 1806 г.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 7891, л. 53—54.
- ⁸⁶ А. А. Самборский — Александру I 21 июня 1808 г.—РС, 1876, № 11, с. 627—628.
- ⁸⁷ *Державин Г. Р.* Соч. СПб., 1868, т. II, с. 368.
- ⁸⁸ *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888, т. I, с. 430—431; *Он же.* Размышления В. Ф. Малиновского о преобразовании государственного устройства в России.—Голос минувшего, 1915, № 10, с. 239—264.
- ⁸⁹ *Мейлах Б. С.* Пушкин и его эпоха. М.: Гослитиздат, 1958. Сокр. текст см.: Звезда, 1949, № 1—3; *Араб-Оглы Э. А.* Выдающийся русский просветитель-демократ.—Вопросы философии, 1954, № 2; *Малиновский В. Ф.* Избранные общественно-политические сочинения. М., 1958. Вступительная статья Э. А. Араб-Оглы. (Далее: *Араб-Оглы Э. А.* Вступ. статья); *Каменский З. А.* Философские идеи русского просвещения. М.: Мысль, 1971, с. 63—66; *Достян И. С.* «Европейская утопия» В. Ф. Малиновского.—ВИ, 1979, № 6.
- ⁹⁰ *Гросул Г. С.* Дунайские княжества в политике России, 1774—1806. Кишинев: Штиинца, 1975.
- ⁹¹ *Малиновский В. Ф.* Избр. ... соч., с. 149.

- ⁹² Гросул Г. С. Дунайские княжества..., с. 46—49, 52, 148—151.
- ⁹³ Любовь России.— Осенние вечера: Еженедельное издание 1803 г. № 5, с. 35; Малиновский В. Ф. Избр. ... соч., с. 104—105. Пунктуация подлинника нами изменена в целях лучшей передачи содержания.
- ⁹⁴ Малиновский В. Ф. Избр. ... соч., с. 104—105.
- ⁹⁵ В. М. [Малиновский В. Ф.] Рассуждение о мире и войне. СПб., 1803.
- ⁹⁶ Араб-Оглы Э. А. Вступ. статья, с. 26—29.
- ⁹⁷ См.: Трактаты о вечном мире. М.: Соцэкгиз, 1963; Андреева И. С. Проблема мира в западноевропейской философии. М.: Мысль, 1975.
- ⁹⁸ Впервые рукопись была обнаружена польским историком Ежи Скворонек (Skowronek J. Uwagi nad kształtowaniem programu obozu antynapoleońskiego.— In: Wiek XIX. Warszawa, 1967, с. 90—92; *Idem*. Antynapoleońskie koncepcje Czartoryskiego. Warszawa, 1969, s. 54), который использовал рукописную часть «Рассуждения» главным образом для характеристики внешнеполитических идей российских дипломатических кругов периода наполеоновских войн.
- ⁹⁹ ЦГАДА, ф. 1261, д. 2822. Другой список рукописи, относящийся к 1804 г., с некоторыми авторскими исправлениями, сокращениями и добавлениями см.: АВПР, ф. Канцелярия, 1804, д. 7869.
- ¹⁰⁰ См. об этом подробнее: Достян И. С. «Европейская утопия»..., с. 35—39.
- ¹⁰¹ Ссылки на ч. 3 «Рассуждения о мире и войне» даются в тексте. Здесь и далее цитируем по экземпляру рукописи в ЦГАДА, указывая, при необходимости, авторские добавления и исправления в списке, находящемся в АВПР. Текст воспроизводится в соответствии с правилами существующей сейчас орфографии и пунктуации, при сохранении его лексических особенностей. Авторские выделения оговариваются особо.
- ¹⁰² Малиновский В. Ф. Избр. ... соч., с. 48.
- ¹⁰³ См. об этом: Андреева И. С. Проблема..., с. 119—121.
- ¹⁰⁴ В списке АВПР вместо «Епир, Морья»—«Албания».
- ¹⁰⁵ Примечание Малиновского, содержащее конкретный материал о тяжелом положении болгар, будет приведено ниже.
- ¹⁰⁶ Примечание Малиновского: «Тело Турецкой империи, составленной из чужих народов, помертвело. Надлежит отделить зараженное от здорового, дабы все вместе не пропало» (л. 3 об.).
- ¹⁰⁷ В списке АВПР—«славянского народа».
- ¹⁰⁸ Малиновский В. Ф. Избр. ... соч., с. 49—51, 104—106.
- ¹⁰⁹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, д. 318, л. 2; Араб-Оглы Э. С. Вступ. статья, с. 5.
- ¹¹⁰ ППП, 1797, ч. XIII, № 28, с. 417—425; ч. XIV, № 29, с. 10—15; № 30, с. 26—37. Статья подписана инициалами «В. М.». В примечании к заглавию говорится: «От бывшего там в последнюю турецкую войну». В журнале за тот же год помещена статья «Благодетельность», подписанная теми же инициалами. Мысли, высказываемые в обеих статьях (не связанные непосредственно с Молдавией), очень сходны со взглядами Малиновского. В 1803 г. он, как говорилось, опубликовал трактат «Рассуждение о мире и войне», также проставив лишь свои инициалы—«В. М.». Все это приводит к заключению, что автором статьи «Записки о Молдавии» был В. Ф. Малиновский.
- ¹¹¹ ППП, ч. XIII, № 28, с. 417—418.

- ¹¹² ППП, ч. XIV, № 29, с. 11—13.
- ¹¹³ ППП, ч. XIV, № 29, с. 13.
- ¹¹⁴ ППП, ч. XIV, № 30, с. 27—30.
- ¹¹⁵ *Гросул Г. С. Дунайские княжества...*, с. 52; В. Ф. Малиновский — А. Р. Воронцову 1 июля 1803.— *Малиновский В. Ф. Избр... соч.*, с. 152.
- ¹¹⁶ Донесения Малиновского от 12(24) ноября 1801 г., 24 января 5 февраля) 1802 г.— ВПР, сер. I, т. I, с. 144—145, 172; донесение Малиновского от 10(22) июля 1802 г.— АВПР, ф. Гл. архив, 1801—1802, д. 4, л. 310; *Гросул Г. С. Дунайские княжества...*, с. 162—163.
- ¹¹⁷ *Гросул Г. С. Дунайские княжества...*, с. 163.
- ¹¹⁸ В. Ф. Малиновский — Вениамину Костаки (1803 или 1804 гг.). Цит. по: Гросул Г. С. Дунайские княжества..., с. 203.
- ¹¹⁹ *Малиновский В. Ф. Избр... соч.*, с. 130.
- ¹²⁰ Большой фактический материал по данной тематике содержится в публикации дипломатических документов «Внешняя политика России в XIX и начале XX в.» (см. сер. I, т. II—VI). В книгах и статьях советских историков, посвященных политике России периода наполеоновских войн, все эти факты анализируются в социальном, внешнеполитическом и идеологическом аспектах. См., напр.: Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798—1807, с. 335—352, 411—425; *Она же*. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в.; *Сироткин В. Г.* Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания славяно-сербского государства в 1806—1807 гг.— УЗИС, 1962; т. XXV; *Казаков Н. И.* Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 г.— В кн.: 1812 год. М.: Изд-во АН СССР, 1962; *Достян И. С.* Из истории русско-сербских отношений в начале XIX в. СС, 1970, № 5.
- ¹²¹ Впервые все эти факты были введены в научный оборот А. Н. Пыпиным в цикле статей под названием «Панславизм в прошлом и настоящем» (ВЕ, 1878, № 9—12; отд. изд. СПб., 1913), который, описывая процесс национального возрождения славянских народов, остановился на истории идей об их культурном и политическом сближении.
- ¹²² *Fadner F.* Development of Pan-Slavist Thought from Karazin to Danilevskii. 1800—1870. London, 1949; *Idem.* Seventy Years of Pan-Slavism in Russia: Karasin to Danilevskii, 1800—1870. Georgetown, 1962.
- ¹²³ Взгляды и деятельность В. Н. Каразина различным образом рассматривались в литературе. Некоторые дореволюционные авторы подчеркивали прогрессивную направленность его деятельности в области развития просвещения и науки, а общественно-политические убеждения считали умеренно либеральными (см.: *Абрамов Я. В.* В. Н. Каразин, его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1891; *Тихий Н. И.* В. Н. Каразин, виновник учреждения университета в Харькове. Харьков, 1905; *Он же*. Политические воззрения В. Н. Каразина. Харьков, 1907; *Багалея Д. И.* Просветительная деятельность В. Н. Каразина. Харьков, 1912). Аналогично оценены взгляды и деятельность Каразина советским автором Слюсарским (см.: *Слюсарский А. Г.* В. Н. Каразин, его научная и общественная деятельность. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1955). В противоположность этому В. Г. Базанов и А. В. Предтеченский видели в Каразине прежде всего реакцио-

пера и крепостника, убежденного врага дворянских революционеров (См.: *Базанов В. Г.* Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949; *Он же.* Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964; *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957). Д. С. Бабкин привел ряд данных, достаточно убедительно свидетельствующих, что в первые годы XIX в. Каразин, преклонявшийся перед Радищевым, придерживался либеральных убеждений (см.: *Бабкин Д. С. А. Н. Радищев...*).

- ¹²⁴ *Бабкин Д. С. А. Н. Радищев...*, с. 37—42.
- ¹²⁵ *Бабкин Д. С. А. Н. Радищев...*, с. 257—258.
- ¹²⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1804, д. 5074, л. 1—11. Архивные подлинники двух первых документов имеют некоторые отличия (непринципиального характера) от чернового текста, сохранившегося у В. Н. Каразина, по которому они были напечатаны в «Русской старине» в 1871 г. и затем в «Сочинениях, письмах и бумагах В. Н. Каразина» (Харьков, 1910).
- ¹²⁷ Сочинения... В. Н. Каразина, с. 35—51.
- ¹²⁸ Сочинения... В. Н. Каразина, с. 47.
- ¹²⁹ ВПР. Сер. I. 1961, т. II, с. 669—670.
- ¹³⁰ Сочинения... В. Н. Каразина, с. 41.
- ¹³¹ См. об этом подробнее: *Достян И. С.* Из истории..., с. 17—18.
- ¹³² Письмо В. Н. Каразина к А. Чарторьскому от 13(25) декабря 1804 г.— АВПР, ф. Канцелярия, 1804, д. 5074, л. 11.
- ¹³³ *Келлен П. И.* Еще некоторые сведения о В. Н. Каразине.— ЧОИДР, 1863, кн. 3, с. 132.
- ¹³⁴ М. Н. Погодин 6 декабря 1828 г. записал в дневнике: «К Каразину обедать. Его план основать Сербское государство под покровительством России, куда стекались бы все австрийские славяне» (*Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. Н. Погодина. СПб., 1889, кн. II, с. 206).
- ¹³⁵ В 1868 г. Погодин с некоторыми сокращениями опубликовал записку Каразина в своей газете «Русский», имевшей реакционно-националистическое направление.
- ¹³⁶ *Первоульф И.* Александр I и славяне.— Древняя и новая Россия, 1877, кн. 12, с. 332—333; *Пыпин А. Н.* Панславизм..., с. 76—77.
- ¹³⁷ *Fischel A.* Der Panslavismus bis zum Weltkrieg. Stuttgart; Berlin, 1919, S. 171—173.
- ¹³⁸ Полный текст записки на французском языке был опубликован В. Богущичем (см.: *Богущич В.* Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872, Прил., с. 297—301), а на русском языке — М. Вукиевичем (см.: *Вукиевич М.* Замечательный исторический документ.— Исторический журнал, 1917, № 2, с. 160—165).
- ¹³⁹ На архивном экземпляре записки имеется карандашная надпись «Броневский», что и послужило основанием для установления ее автора. О В. Б. Броневском и балканской теме в его сочинениях см. ниже, с. 151—160.
- ¹⁴⁰ См. аннотацию на записку С. М. Броневского — ВПР. 1965, сер. I, т. IV, с. 51.
- ¹⁴¹ Позднее С. М. Броневский стал градоначальником Феодосии (1810—1816). В 1820 г., путешествуя по Крыму, А. С. Пушкин останавливался в Кефе у Броневского, который в это время оказался под судом и жил в бедности, обрабатывая свой сад, подобно старику из «Георгик» Вергилия. См.: А. С. Пушкин — Л. С. Пуш-

- кину 24 сентября 1820 г.— В кн.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Л.: Наука, 1979, т. X, с. 18.
- ¹⁴² *Богшич В.* Разбор..., с. 299.
- ¹⁴³ Прошение «от имени разных наций славянских, как в Сербин, так и в других местах на Балканском полуострове живущих», было приложено к донесению И. И. Михельсона от 3(15) августа 1807 г. См.: *Петров А. Н.* Война России с Турцией 1806—1812 гг., т. 1, с. 246—247. В нем изъявлялось желание «быть под Двором Российским» и сообщалось о «единогласном» намерении «подняться против немцев». Это обращение, написанное простым языком, по всей вероятности, исходило от представителей сербов-границар (см. текст обращения в кн.: *Дубровин Н. Ф.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I.— *Русский вестник*, 1863, т. 46, июль, с. 110—112).
- ¹⁴⁴ *Вучићевич М.* Карађорђе. Београд, 1912, т. II, с. 562.
- ¹⁴⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 7760. Выдержки из записки см. также: ВПР, т. IV, коммент. 45, с. 571. О Г. Рувье и его внешнеполитических предложениях см.: *Додолев М. А.* Франко-русский союз 1807 г. и Сицилия.— В кн.: *Россия и Италия.* М.: Наука, 1968, с. 83—84.
- ¹⁴⁶ *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX в.— РС, 1898, № 12, с. 509—513.
- ¹⁴⁷ *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь..., с. 513. Другой вариант этого текста см.: *Чуликов А. А.* Два подметных письма перед нашествием Наполеона на Россию.— *ЧОИДР*, 1873, кн. 3, с. 158.
- ¹⁴⁸ Различные произведения, записки и предложения А. Полева см.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 431, Приложения в 6 частях (записки, адресованные Александру I, М. Б. Барклаю-де-Толли, П. М. Волконскому, карта, атлас); ф. ВУА, д. 18149 («Слава русских государей и русского народа»); ЦГИА, ф. 994, оп. 2, д. 588, 599 (письмо и записка, адресованные Н. С. Мордвинову); ф. 1409, оп. 1, д. 799, 2445 (списки двух записок).
- ¹⁴⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 431, л. 12.
- ¹⁵⁰ Трактаты Полева написаны, по-видимому, его рукой, четко и аккуратно. Один из них, предназначенный для Александра I (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 431), оформлен роскошно— это рукопись большого формата, в кожаном с золотым тиснением переплете, выполненная каллиграфическим почерком.
- ¹⁵¹ Сокращение Осьмого числа под именем Дух русских в коленной обороне отечества и престола своих государей: Сочинение бывшего обер-квартирмейстера, а потом гусарского полка майора Александра Полева. 14 сентября 1810 г.— ЦГВИА, ф. ВУА, д. 431, ч. 6, л. 4, 10—11.
- ¹⁵² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 431, ч. 6, л. 5.
- ¹⁵³ Записка А. Полева, адресованная П. М. Волконскому, от 9 марта 1811 г.— ЦГВИА, ф. ВУА, д. 431, ч. 5, л. 10—11; ч. 6, л. 18.
- ¹⁵⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 431, ч. 5, л. 9.
- ¹⁵⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 431, ч. 6, л. 18.
- ¹⁵⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 431, ч. 1, л. 3—4.
- ¹⁵⁷ А. Полев — П. В. Чичагову 24 июня 1812 г.— ВПР, 1962, сер. I, т. VI, с. 456.
- ¹⁵⁸ Там же, с. 456.
- ¹⁵⁹ *Казаков Н. И.* Проект..., с. 49—50.
- ¹⁶⁰ Собственноручные заметки Александра I к инструкции П. К. Су-

- хтелену.— *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895, т. XI, с. 159.
- ¹⁶¹ Инструкция Александра I адмиралу П. В. Чичагову 9(21) апреля 1812 г.— ВПР, сер. I, т. VI, с. 364.
- ¹⁶² *Казиков Н. И.* Проект..., с. 51.
- ¹⁶³ *Полев А.* План войны против французов, представленный П. М. Волконскому 9 марта 1811 г.— ЦГВИА, ф. ВУА, д. 431, ч. 5.
- ¹⁶⁴ Там же, ч. 1 (К тексту записки приложены три карты и объяснения к ним).
- ¹⁶⁵ А. Полев — П. В. Чичагову 7(19) апреля 1812 г.— ВПР, т. VI, с. 361.
- ¹⁶⁶ Инструкция П. В. Чичагова А. Полеву 3(15) июня 1812 г.— Там же, с. 431—432.
- ¹⁶⁷ А. Полев — П. В. Чичагову 24 июня (6 июля) 1812 г.— Там же, с. 456—457.
- ¹⁶⁸ Карагеоргий — П. В. Чичагову 19 июня (1 июля) 1812 г.— АВПР, ф. Гл. архив, 1—7, 1812 г., д. 2, п. 3, л. 8.
- ¹⁶⁹ А. Полев — П. В. Чичагову 14 июня (6 июля) 1812 г.— ВПР, сер. I, т. VI, с. 457.
- ¹⁷⁰ Там же, с. 458—459.
- ¹⁷¹ А. Полев — П. В. Чичагову 24 июня (6 июля) 1812 г.— АВПР, ф. Гл. архив, 1—7, 1812 г., д. 2, п. 3, л. 9.
- ¹⁷² А. Полев — П. В. Чичагову, июль 1812 г.— АВПР, ф. Главный архив, 1—7, 1812 г., д. 2, п. 5, л. 8.
- ¹⁷³ Инструкция П. В. Чичагова А. Полеву 18(31) июля 1812 г.— Там же, л. 4—5.
- ¹⁷⁴ А. Полев П. В. Чичагову 12(24) августа 1812 г.— Там же, л. 6.
- ¹⁷⁵ ЦГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 2836. Переписка о производстве вдове подполковника Полева пенсионера. 1818 г.
- ¹⁷⁶ О книгах Броневского и Свинына см. ниже с. 151—160.
- ¹⁷⁷ *Полевой В. М.* Искусство Греции: Новое время. М.: Сов. художник, 1975, с. 194.
- ¹⁷⁸ *Миролюбова Г.* Литографии К. П. Бегрова на военные темы.— В кн.: Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1973, вып. 37, с. 31—34.
- ¹⁷⁹ *Петров П. Н.* Сборник материалов для истории имп. С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. СПб., 1884, т. 1, с. 590—591.
- ¹⁸⁰ *Федоров-Давыдов А. А.* Русский пейзаж XVIII—начала XIX в. М.: Искусство, 1953, с. 219; *Полевой В. М.* Искусство..., с. 196.
- ¹⁸¹ *Корнеев Е. М.* Альбом гравюр «Народы, обитающие в Российской империи и на Ближнем Востоке».— ГБЛ, Отд. редкой книги.
- ¹⁸² *Собко Н. П.* Словарь русских художников, ваятелей, живописцев. СПб., 1893, т. 1, вып. 1, стб. 128—133; *Федоров-Давыдов А. А.* Русский пейзаж..., с. 220.
- ¹⁸³ *Пыпин А. Н.* Русское славяноведение в XIX столетии.— ВЕ, 1889, июль, с. 268—272.
- ¹⁸⁴ *Истрин В. М.* Русские путешественники по славянским землям в начале XIX в.— ЖМНП, 1912, сент.; *Он же.* Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 г.— В кн.: Архив братьев Тургеневых. Пг., 1915. Вып. 4; *Он же.* А. С. Кайсаров.— ЖМНП, 1916, июль. Материалы о путешествии Тургенева и Кайсарова, содержащиеся в переписке, см.: Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2; вып. 4.

- ¹⁸⁵ *Лотман Ю. А.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени.— УЗТУ, 1958, вып. 63; *Он же.* Рукопись А. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий».— Труды по русской и славянской филологии; т. I.— УЗТУ, 1958, вып. 65.
- ¹⁸⁶ *Лотман Ю. М.* Рукопись А. П. Кайсарова..., с. 198.
- ¹⁸⁷ *Радојчић Н.* Доситејево писмо о уређењу и просвећењу Србије.— Летопис Матице Српске, 1921, кн. 300, с. 14.
- ¹⁸⁸ Архив братьев Тургеневых, вып. 4, с. 53.
- ¹⁸⁹ А. С. Кайсаров—Л. Мушицкому 5 июля 1805 г. Цит. по: *Ягич И. В.* Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян.— Сб. ОРЯС, 1897, т. 62, с. 697.
- ¹⁹⁰ А. С. Кайсаров—Л. Мушицкому 1 января 1805 г.— Там же, с. 695.
- ¹⁹¹ А. С. Кайсаров—С. Стратимировичу, б. д.— Архив братьев Тургеневых, вып. 4, с. 91.
- ¹⁹² *Ягич И. В.* Новые письма..., с. ХС—ХСП, с. 695—708. О связях А. С. Тургенева с Г. Терлаичем и П. Соколовичем. см.: Там же, с. ХСІ, 687; с А. Стойковичем см.: *Багалеј Д. И.* Опыт истории Харьковского университета. Харьков, 1905, т. I, с. 309—317.
- ¹⁹³ *Ягич И. В.* Новые письма..., с. ХСІ.
- ¹⁹⁴ Сражение на Косовом поле «для сербов то же, что для русских сражение при Калке», писал Кайсаров под впечатлением посещения сербского монастыря, где хранились мощи князя Лазаря и картина с изображением Косовой битвы. См.: Архив братьев Тургеневых, вып. 4, с. 75.
- ¹⁹⁵ *Лотман Ю. М.* Рукопись А. Кайсарова..., с. 195—202.
- ¹⁹⁶ *Лотман Ю. М.* Рукопись А. Кайсарова..., с. 195.
- ¹⁹⁷ *Лотман Ю. М.* Рукопись А. Кайсарова..., с. 197.
- ¹⁹⁸ *Лотман Ю. М.* Рукопись А. Кайсарова..., с. 199—200. А. С. Кайсаров позднее выступал за русификацию «остзейцев». Это, по мнению Ю. М. Лотмана, свидетельствует, что он не поднялся до идеи развития самобытных национальных культур угнетенных народов. См.: *Лотман Ю. М.* А. С. Кайсаров..., с. 153.
- ¹⁹⁹ *Лотман Ю. М.* Рукопись А. Кайсарова..., с. 201—202.
- ²⁰⁰ Там же, с. 200.
- ²⁰¹ Там же, с. 194.
- ²⁰² *Лотман Ю. М.* А. С. Кайсаров..., с. 125.
- ²⁰³ *Лотман Ю. М.* Рукопись Кайсарова..., с. 199.
- ²⁰⁴ *Лотман Ю. М.* А. С. Кайсаров..., с. 138; *Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 г. М.: Мысль, 1967, с. 16.
- ²⁰⁵ *Лотман Ю. М.* А. С. Кайсаров..., с. 139—140.
- ²⁰⁶ *Лотман Ю. М.* А. С. Кайсаров..., с. 139.
- ²⁰⁷ А. И. Тургенев—К. С. Сербиновичу 25 марта 1844 г.— РС, 1882, № 5, с. 449.
- ²⁰⁸ *Тургенев А. И.* Критические примечания, касающиеся до древней славяно-русской истории.— Северный вестник, 1804, ч. II. № 6.
- ²⁰⁹ *Кулешов В. И.* Литературные связи России и Западной Европы в XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1977, с. 30—31.

РАЗВИТИЕ ЗНАНИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О БАЛКАНСКИХ НАРОДАХ В РОССИИ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Материалы русской общественно-политической литературы и периодики первых десятилетий XIX в., касающиеся балканских проблем, почти не привлекали внимания исследователей¹. Отчасти это объясняется закрепившимся мнением, что русская периодическая печать этого времени представляла мало интересного с точки зрения своих заграничных связей, а балканских — в особенности из-за слабости иностранной информации, отсутствия своих корреспондентов, еще недостаточной популярности балканских тем, жестокой цензуры, мешавшей выражению самостоятельных суждений².

Действительно, информация о «заграничных происшествиях», которая давалась тогда в газетах и журналах, была очень неполной, запоздалой, недостаточно достоверной, так как основывалась большей частью на сведениях, почерпнутых из иностранной прессы. Книг и статей по балканской проблематике печаталось мало (по сравнению с 1860—1870-ми годами) и на их содержании сказывались цензурные ограничения. Но все это не значит, что публицистика по балканской тематике незначительна и не интересна как исторический источник. Без учета и изучения ее невозможно представить процесс развития русско-балканских общественных и идеологических контактов в первых десятилетиях XIX в. Именно публицистическая литература даст возможность проследить, как в русской общественной мысли отражались и преломлялись балканские проблемы, каковы были в это время характерные особенности представлений о народах, населявших Европейскую Турцию и их национальных особенностях, об общественно-политических задачах,

перед ними стоявших, о политике России в балканском вопросе и т. д.

В этом очерке делается попытка выявить и охарактеризовать наиболее значительные и интересные материалы русской публицистики по балканской тематике, относящиеся к первой четверти XIX в. Кроме самостоятельных изданий, для его составления просматривались основные, наиболее популярные общественно-политические журналы, выходившие в Петербурге и Москве. Неучтенными остались газетные статьи и провинциальная журналистика, еще очень немногочисленная и слабая. Таким образом, использованный здесь материал неисчерпывающ, но, основываясь на нем, можно получить достаточно ясное представление, как в русской публицистике изображались балканские народы и события, происходившие в турецких владениях.

В первой четверти XIX в. немалую роль в распространении знаний о балканских народах играло изучение внутреннего положения в различных областях Европейской Турции, русско-турецких войн, осуществлявшееся правительственными чиновниками, дипломатами, штабными офицерами, которые составляли по этой тематике специальные записки и труды. Они не предназначались для печати, так как имели служебное назначение. Но все же иногда, хотя и с запозданием, опубликовывались или разглашались устным путем, в определенной мере содействуя накоплению знаний о балканских народах. Описание такого рода работ также дается в очерке, предлагаемом вниманию читателей.

БАЛКАНСКАЯ ТЕМА В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРИОДА НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

В 1802 г. в Москве начал издаваться литературно-художественный и научно-политический журнал «Вестник Европы», издателем и редактором которого в течение первых двух лет был Николай Михайлович Карамзин. Это было первое русское периодическое издание, в котором широко освещались вопросы внешней политики, истории и современного положения иностранных государств. Создание такого журнала диктовалось запросами дня, ибо русское общество в первые годы XIX в. проявляло все больший интерес к общественно-политической и культурной жизни Европы и всего мира, к междуна-

родным проблемам. «Вестник Европы» стал самым читаемым и популярным русским журналом³. Именно в нем на протяжении первых пятнадцати лет XIX в. в основном публиковались статьи и заметки, посвященные балканским народам, известия из европейских провинций Турции.

Большинство материалов по актуальной общественно-политической тематике в «Вестнике Европы» принадлежало перу его издателей. Заграничные известия, помещаемые в особых рубриках, в значительной части заимствовались из иностранной прессы, публиковалось много извлечений из иностранных книг и журналов. Но при всем этом у журнала была самостоятельная общественно-политическая программа, что особенно сильно чувствовалось в период редакционной деятельности Карамзина⁴. Это проявлялось не только в руководящих статьях, но и в подборе перепечатываемых материалов и даже в особенностях передачи их содержания на русском языке. За иностранной политической информацией, книжными рецензиями и переводами из иностранных изданий скрывались иногда отклики на волновавшие русского читателя вопросы, скользкие в цензурном отношении⁵.

Карамзин считал единственно приемлемым путь эволюционного развития, без революционных взрывов, в рамках тех общественных отношений, того государственного устройства и исторических традиций, которые свойственны каждому народу⁶. Он писал о русском патриотизме, о «народной гордости» и необходимости увеличивать «народное достоинство», но при этом оставался приверженцем крепостничества и самодержавной власти в России. Как и ряд других русских писателей и мыслителей этого времени, он прославлял достоинства русского народа в древности, военные успехи Киевской Руси⁷. Такие настроения были свойственны, как мы видели, и А. Н. Радищеву в конце его жизни. Но если последний выступал при этом противником завоевательных войн, то Карамзин был полон ожидания таких войн, и прежде всего с Османской империей.

Перспективе решения Восточного вопроса в пользу России отводилось на страницах «Вестника Европы» немалое место уже в первые годы его издания. Утверждалось, что Турция находится накануне окончательной гибели, что она «явно отжила свой век», ибо все имеет «предел свой», а потому Селим III «может быть славен

Н. М. КАРАМЗИН.

*Литография по собственному рисунку Г. Ф. Гилпиус.
Собрание Эрмитажа*

в истории именем последнего султана». Россия же в противоположность этому «государство новое», а «в начале пути силы крепки и свежи, сколько надежд для патриотической гордости!». Понимая трудность дележа османского наследства («смерть богатого человека, у которого много наследников, рождает тяжбы и хлопоты»), Карамзин вместе с тем надеялся на близкое разрешение Восточного вопроса. Он считал, что после этого «начнется новая эпоха в свете, без сомнения, весьма благодетельная для разума и человечества; тогда откроется просвещению Европы верный и легкий путь в Азию»⁸.

Так отношение к турецкой проблеме своеобразно увязывалось с просветительскими воззрениями Карамзина,

с его представлением о трех ступенях развития каждого государства и народа — от младенчества к расцвету и старости. Но в основе лежала все же пропаганда сильного курса в Восточном вопросе, продолжавшего традиции екатерининского царствования, который находил немало приверженцев среди политически активного русского дворянства начала XIX в.

Воззрения по вопросам внутренней жизни России в «Вестнике Европы» иногда иллюстрировались на балканском и турецком материале, который соответствующим образом препарировался. Так, например, как установил Ю. М. Лотман, статья «Пасван-Оглу» являлась переводом отрывка из книги Г. Оливье «Путешествие в Оттоманскую империю и Персию», а «Письмо из Константинополя» — извлечением из «Политического журнала», издававшегося в Гамбурге. Обе эти статьи имели идейную тенденцию, отсутствовавшую в оригиналах. Пасван-Оглу предстал перед русскими читателями как вождь народа, восставшего против новшеств, вводимых правительством. Он готов покориться султану, если тот «захочет сам собою царствовать», но убежден, что «собрание десяти разбойников не должно располагать именем и жизнью правоверных». В переводе кардинально изменен характер самого Селима III, опущено описание его сурового диктаторства и вставлена фраза об уступке им части своей власти будто бы «для государственного блага», что, однако, к добру не приводит⁹. От читателя таких статей не могли ускользнуть намеки на конституционные попытки Негласного комитета, на либеральные увлечения первых лет царствования Александра I¹⁰.

Будучи убежденным монархистом, Карамзин считал и республику приемлемой при определенных условиях, преимущественно для небольших государств, в которых такая форма правления издавна сложилась. Он написал историческую повесть о новгородской республике («Марфа Посадница или покорение Новгорода») и познакомил читателей «Вестника Европы» с рядом европейских республик, в том числе с греческой и славянской.

В статье, посвященной истории создания Республики Семи Соединенных островов, ее внутреннему устройству, говорилось: «Итак, через несколько веков видим мы опять греческую республику, которая, несмотря на свою малость и тихое начало, по мнению людей проникательных, должна играть в свете важную роль!». Автор ука-

зывал на большое стратегическое значение о-ва Корфу и оценивал влияние, которое Ионическая республика может оказать на возрождение греческой государственности¹¹. «Надеемся, что республика наша скоро успеет в художествах и науках,— говорилось в другой заметке, написанной от имени неизвестного ионийца.— Гений Греции, соревнование, таланты, приятности климата, счастливое положение, большая удобность для торговли, покровительство сильных держав — все обещает нам цветущее благоденствие»¹². В следующем году журнал общал своим читателям о событиях в Республике Семи Соединенных островов, и в частности о «конечном образовании» ее, ознаменованном принятием конституции¹³.

Интересна по своей идеологической направленности статья «Известие о нынешнем состоянии Республики Рагузы, писанное гражданином ее», с таким примечанием редактора: «Она (республика.— *И. Д.*) славянского происхождения, следовательно, не чужая русским». Такое разъяснение, разумеется, привлекало внимание читателя к исторической судьбе доживавшей свои последние годы Дубровницкой республики. Автор статьи утверждал, что некогда рагузинцы достигли процветания и благоденствия благодаря тому, что восприняли многое у демократических городов-полисов античности, «присвоили себе спартанские добродетели и любезность афинскую». Они расширили познания и науки, «наслаждались дома семейственным счастьем и заслужили почтение иностранцев своею мудростью и честностью; были малочисленны, но сильны любовью к отечеству». Однако «с умножением богатства начали портиться нравы», появились «внешняя роскошь и сластолюбие». «Истинные граждане» исчезли и остались «одни купцы, для которых железный сундук был идолом, контора — отечеством, любовь к богатству — единственным чувством». В результате демократическое устройство республики разрушилось. Затем описывалась судьба Дубровника после завоевания Балканского полуострова османами и, наконец, его положение в настоящее время. Теперешнее правление Рагузы — «смесь аристократии и демократии, но олигархия взяла верх». Простой народ в республике — жертва невежества и суеверия, земледельцы не имеют гражданских свобод, они «рабы благородных»¹⁴.

Статья о Дубровницкой республике являлась перепечаткой из немецкого либерального журнала «Минерва».

Но отношение неизвестного дубровчанина к республиканской форме правления и ее эволюции было близко ко взглядам Карамзина. Последний ставил возможность существования республики в зависимость от давних обычаев и традиций, от нравственного состояния общества, считал, что власть в республиканских государствах должна принадлежать народу и обеспечивать гражданское равенство и гражданские свободы, что развитие цивилизации, рост богатств и торговли ведут к «порче нравов», к вырождению демократии, а все это не приносит блага народу¹⁵. Именно под этим углом зрения рассматривалась в указанной статье историческая судьба чудом сохранившейся на протяжении ряда веков славянской республики.

Такого рода взгляд подкреплялся и изображением патриархального строя жизни некоторых горных общин, сохранившихся в труднодоступных районах Балканского полуострова, таких, как Мани (Майна), Химара, Сули. Их население сохраняет высокие нравственные качества, свободолюбие, патриотизм, ибо не подвергается растлевающему влиянию европейской цивилизации. Подобная мысль, одобренная античными реминисценциями, ярко выражена в статье «Новая Спарта», посвященной маниотам, которая содержит цитаты из описания этой общины двумя французскими учеными, предпринявшими путешествие в Грецию по распоряжению Наполеона. После цитат следует вывод: «Таким образом, сей малочисленный народ, столь отличный от всех других народов, среди варварского деспотизма сохраняет вольность и следы древних спартанских нравов»¹⁶.

Выступая за широкое распространение просвещения, за культурное общение с другими народами, Карамзин, если судить по публикациям в «Вестнике Европы», проявлял интерес к просветительской деятельности греков. Статья «О нынешнем состоянии Греции и степени ее гражданского просвещения», представляла собой пересказ опубликованного в парижском журнале «известия», автором которого был «гражданин Коре, родом грек», т. е. А. Коранс. «Греция возрождается духом. Всеобщее распространение наук в Европе с половины XVIII в. и совершенство их метод возбудило в греках благодетельное любопытство», — писал он и рассказывал далее об успехах, достигнутых греками в области образования и просвещения, в развитии экономики и морского дела.

Здесь же давались сведения о специфических особенностях и укладе жизни различных «народов», населяющих Грецию,— жителей островов Гидры, Хиоса, маниотов и сулиотов¹⁷.

Как видим, в период редактирования «Вестника Европы» Н. М. Карамзиным балканская тема входила в круг интересов русской журналистики. Притом в публикуемых статьях и заметках четко отражались особенности общественно-политических убеждений редактора, который иногда подкреплял и иллюстрировал свои взгляды балканским материалом, соответствующим образом подобранным или даже препарированным.

В дальнейшем идеологическая яркость и литературные достоинства «Вестника Европы» несколько снизились. Но в течение последующих лет балканская тема в ее разнообразных аспектах, в непосредственной связи с идеологическими явлениями и политической обстановкой своего времени неизменно присутствовала в журнале. Преимущественно на его страницах русский читатель мог найти сведения об Османской империи, народах, ее населяющих, о событиях, разворачивающихся в Юго-Восточной Европе.

После Карамзина, за исключением четырех-пяти лет, «Вестник Европы» издавал и редактировал Михаил Трофимович Каченовский¹⁸. Благодаря ему журнал постепенно приобретал «ученый» характер, стал ориентироваться на более узкий круг читателей; историческая и общественно-политическая тематика, критика выступили на первый план¹⁹. В научные интересы Каченовского входило все славянство, ибо, занимаясь изучением русской истории, он применял сравнительно-исторический метод, сопоставлял историческое прошлое всех славянских народов. Этот метод был свойствен Каченовскому и при подходе к языковым проблемам: для глубокой разработки отечественного языкознания он считал необходимым изучать все славянские языки²⁰. Кроме того, Михаил Трофимович — грек по происхождению — проявлял интерес к новогреческому языку, к научной и литературной деятельности современных греков.

В «Вестнике Европы» в 1804—1815 гг. по-прежнему публиковалось много переводов из иностранных книг и журналов, но, конечно, только те материалы, которые не противоречили взглядам и представлениям редакторов журнала. Тематика, в том числе и внешнеполитическая,

определялась в значительной мере международными событиями, волновавшими российскую общественность.

Издатели «Вестника Европы» — преемники Карамзина — сохранили его подход к балканским проблемам, к Восточному вопросу. Оттоманская империя изображалась в некоторых статьях, а также в рубриках «Заграничные известия», «Известия и замечания» государством слабым, охваченным мятежами непокорных пашей, анархией. Ей предрекалась близкая гибель. Так, в 1804 г. неизвестный подданный султана размышлял о возможности вовлечения Блистательной Порты в «европейскую войну», что «кончиться может исключением Турецкой империи из числа европейских держав»²¹.

Антитурецкие настроения, естественно, усилились в русской публицистике после начала войны с Османской империей, особенно в связи с переговорами о разделе турецких владений, которые велись Наполеоном с Александром I на встречах в Тильзите и Эрфурте. «Скоро империя Оттоманская должна скончаться от дряхлости и бессилия. Политики-предсказатели назначают уже минуту ее кончины; везде говорят о союзе трех великих европейских держав (России, Франции и Австрии.— И. Д.), союзе, гибельном для Оттоманской Порты»²², — сообщалось в обзоре заграничных известий «Вестника Европы» в начале 1808 г. А несколько лет спустя, когда расчеты, что великие державы возьмут курс на сокрушение империи османов, не оправдались, в статье «Об опасностях, угрожающих Турецкой империи» (переведено из «Минервы») подчеркивалась трудность дележа владений этого государства, заинтересованность Англии и Франции в его сохранении из-за торговых выгод, но утверждалось, что наибольшая опасность Порте грозит со стороны ваххабитов²³.

Все эти толки о близком падении империи османов, будто бы совершенно одряхлевшей и бессильной, отнюдь не связывались с расчетами на непосредственные выгоды для России, на ее территориальное расширение, а обычно служили преамбулой для рассуждений о предстоящем освобождении народов, поработанных мусульманами, об их национальном возрождении. Но чаще всего речь велась о современном положении и задаче освобождения одного балканского народа — греков.

В этом отношении характерна статья, заимствованная из какого-то немецкого издания, «Политические и стати-

стические замечания о Турецкой империи» (ее публикация не была закончена, возможно, из-за цензурных ограничений), в которой перспектива падения власти османов на Балканском полуострове рассматривалась в связи с общей международной обстановкой в Европе. В завуалированной форме высказывалась мысль об удовлетворении завоевательных appetитов наполеоновской Франции за счет «некоторых перемен в Турции», благодаря чему, «не нарушая выгод победителей», можно было бы уберечь владения европейских государей, «положить основание для тишины и спокойствия в Европе». В статье объяснялись причины упадка Османской империи: она была создана лишь для завоеваний и потому таит в себе зародыш разрушения; такое государство не может развиваться экономически, ибо в нем не обеспечивается неприкосновенность личности и имущества подданных, отсутствует политическое благоустройство. Конкретно же автора занимала проблема возрождения «из магометанских развалин» Древней Греции, превращенной из-за турецкого владычества в «пустыню». Он доказывал, что современные греки, несмотря на долговременное рабство, сохранили «дух старинных греков» и превосходят властелинов своих в званиях, в способности к промышленной и торговой деятельности, отличаются пылким воображением и пр. Немало молодых греков ездит учиться в Германию и Францию, а на новом греческом языке издаются древние и европейские писатели. Недавнее участие греков в войне России с Турцией свидетельствует об их «любви к вольности»²⁴.

Известно, что в первые десятилетия XIX в. исключительной популярностью среди читателей-европейцев, в том числе и русских, пользовалась книга французского писателя Ж.-Ж. Бартеlemi «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции» (1789 г.)²⁵. В ней воспроизводился героический образ Пифагора — древнегреческого ученого, провозвестника новой морали и новых форм человеческого общежития. Дела и людей античного мира Бартеlemi переоценивал под углом зрения борцов с феодальной идеологией. Именно поэтому его книга, как и последующие беллетристические и учебные произведения, созданные по ее образцу, оказали заметное влияние на декабристов²⁶. В рассмотренной выше статье «Политические и статистические замечания о Турецкой империи» говорилось о том, что «младший Анахарсис» был

переведен на греческий язык и что книга эта могла воспламенить в греках «дух предприимчивости и непреложную охоту хоть мало уподобиться знаменитым праотцам», но венский двор выдал переводчика туркам и его казнили²⁷. В такой версии, правда не соответствующей действительности, русские читатели узнали о гибели греческого революционера Ригаса Велестинлиса, хотя имя последнего названо не было. Четыре года спустя аналогичный рассказ был воспроизведен в другой переводной статье — «Новая Еллада»²⁸.

Перспективе возрождения греческого государства и роли такого события в жизни европейских народов посвящен опубликованный в «Вестнике Европы» в начале 1808 г. обзор. Помещенный в рубрике «Известия», он резко выделяется среди других материалов не только величиной, но и содержанием. «В журналах и газетах пророчествуют, что Греция должна возродиться: с любопытством ожидаем сего явления, которое займет не последнее место между чрезвычайностями нашего времени,— говорится в нем.— Древние греки будут *новым* народом в Европе: утесняемые жестокостью оттоманского ига, они были незаметны и не могли действовать наряду с просвещенными европейскими нациями — вступление на политическую сцену откроет пространное поле их деятельности и духу. Кто знает! Может быть, древний характер греков сохранился во всей чистоте под бременем оттоманского угнетения; быть может, самая сильная недеятельность, препятствовавшая, с одной стороны, развитию их силы, с другой — предохранила их от *смешения* и совершенной потери собственных, национальных качеств... Угнетение производит одно принужденное, так сказать, *внешнее* бездействие; но, будучи всегда ощутительно — подобно болезни, которая беспрестанно мучит, и в которой потому именно беспрестанно сохраняешь неприятное чувство бытия, оно противится усыплению сил и питает в них некоторую внутреннюю деятельность, которая при случае должна обнаружиться тем с большей быстротой, чем угнетение было продолжительнее и скорбное чувство его жестокости живее». Далее утверждалось, что народы Германии и Италии от смешения с другими народами, от «множества политических революций утратили свой первобытный характер». Для греков же, «быть может, сие невольничество было в некотором смысле спасением»: благодаря отделению от Европы, временно-

му бездействию их характер мог «возвратить первобытную свою простоту». Исходя из таких представлений, автор обзора предрекал грекам блестящие перспективы: «И теперь греки, сбросив с себя унижительное иго оттоманов, испытанные, обновленные, должны явиться посреди просвещенных наций Европы как новый и свежий еще народ, полный физических и моральных сил, и долговременным покоем приготовленный к деятельности, для него необходимой... Влияние, какое может иметь на Грецию новое, человеколюбивое, просвещенное правление, неописанно! Конечно, посреди образованных народов Европы, Греция никогда не будет играть той важной роли, какую играла прежде..., но, верно, займет она между ими видное место и скоро достигнет их в образованности и просвещении. Пусть будет в Греции правитель, одушевленный любовью к человечеству и любовью к высокому, дайте грекам согласную с известным характером их конституцию, и Греция, как Феникс, воскреснет из своего пепла: настоящее оживится прошедшим, и мрачный промежуток, их разделяющий, исчезнет! Скоро, скоро, может быть, услышим о Спарте и Афинах... и, может быть, нынешние майноты возобновят пред глазами его (путешественника.— *И. Д.*) чудесное явление древней Лакедомонской республики. Благодетельное возрождение Греции прославит наш век, ознаменованный в записках истории кровопролитиями, возмущениями, упадком правления и гибелью тронов»²⁹.

В 1808 г. «Вестник Европы» издавал В. А. Жуковский, а, как говорилось, издатели и редакторы журнала обычно сами писали или обрабатывали большую часть публикуемых материалов³⁰. Это позволяет предположить, что внешне неприметную, неозаглавленную статью, выдержки из которой приведены выше, основательно отредактировал или даже полностью написал сам Жуковский. Во всяком случае, она отличается не только литературной формой, но и своеобразной, четко сформулированной историко-философской концепцией.

Автор статьи, проявляя живой интерес к грекам, как обычно, видел в них потомков великого древнего народа и необходимость воссоздания независимой Греции связывал с историческим правом, учитывал грандиозный вклад «праотцов» современных греков в развитие мировой цивилизации. Но при этом делалась попытка доказать, что, являясь древнейшим народом Европы, пережив некогда

пору высшего расцвета, греки под властью Османской империи были надолго усыплены и находились в бездействии, а потому должны возродиться для новой жизни, войти в европейскую семью как народ молодой, полный энергии. Путем такого рода рассуждений греки сближались с той группой народов, в которую входили русские и другие славяне. Все они рассматривались некоторыми русскими мыслителями как «молодые», идущие к своему расцвету, в отличие от других народов, уже «стареющих».

При преемниках Карамзина в «Вестнике Европы» продолжали публиковаться конкретные сведения о национально-просветительной деятельности греков. Но информативный материал обычно был насыщен просветительскими идеями и представлениями, иногда же греческая тематика непосредственно соприкасалась с научно-филологической полемикой своего времени. Так, в серьезной статье М. Т. Каченовского «О состоянии словесности и наук у нынешних греков» оспаривались представления некоторых русских и иностранных авторов (А. С. Шишкова, Е. И. Станевича и Бартольди) о том, что у греков, «потомков Демосфеновых», нет ни языка, ни наук, что нынешнее их «наречие» — варварское, а литература и просвещение у них отсутствуют. Автор со знанием дела доказывал ошибочность подобных представлений, ополчался на «несправедливые хулы ненавистников греческого народа». Язык нынешних греков, по его утверждению, «имея неоскудеваемый запас в древнем еллинском, богаче и прекраснее всех языков европейских». Чувствуя всю важность просвещения, «благомыслящие сыны Еллады неутомимою своею ревностью ускоряют ход нравственного возрождения — предтечи возрождения политического, в котором при нынешних обстоятельствах и отчаиваться не должно. И кто не желает грекам столь счастливой перемены?» — восклицал автор, увязывая, очевидно, задачу просвещения греческого народа с борьбой за его политическое освобождение. На основе данных самих греческих деятелей культуры и просветителей (в первую очередь Кораиса) в статье рассказывалось о состоянии греческой науки и литературы, об учебных заведениях и просветительных усилиях греческих патриотов³¹.

По-видимому, Каченовский имел личные связи среди греков, обосновавшихся в России, некоторые из которых снабжали журнал соответствующими материалами. Во

всяком случае, в нем публиковались известия о деятельности на поприще распространения просвещения богатых греческих меценатов в России (братьев Зосима, З. К. Каплани), о книгах, издаваемых греческими научными и культурными деятелями (А. Кораисом, А. Гааза)³². Были переведены также выдержки из путешествия Шатобриана в Грецию, в которых подчеркивалось бесправие и тяжелое положение ее жителей, говорилось о варварском уничтожении турками древних памятников архитектуры и культуры³³.

Интерес к грекам, к их современному положению был свойствен не только «Вестнику Европы», но и всей русской публицистике. Речь А. Кораиса о просвещении Греции, прочитанная им в 1803 г. в Париже, неоднократно использовалась для освещения этой темы, а в 1815 г. была опубликована в переводе на русский язык полностью³⁴. Примечательным явлением было также издание М. Дмитриевским брошюры «Взор на нынешнее состояние Греции» с параллельным текстом на русском и греческом языках, в которой рассказывалось о национальном возрождении греков, и они были представлены как народ, сохранивший лучшие черты древних греков — любовь к религии, наукам, к своему отечеству. Книжка имела весьма своеобразное назначение: познакомить греческую молодежь с русским языком, который «всю свою высоту, нежность и обилие в словах» заимствовал от предков нынешних греков³⁵.

Своеобразным явлением в публицистике по греческой тематике была брошюра под названием «Военная труба», изданная греком-эмигрантом (впоследствии ученым-эллинистом и дипломатом, близким к И. Каподистрии) С. Ю. Дестунисом (Дестуни). Он указал, что, публикуя прокламацию, обращенную к грекам, которая была напечатана в Александрии в 1801 г. по приказанию Бонапарта, намеревался открыть «коварные умыслы» французов, которые в корыстных целях хотели «возбудить спокойствие народное». Большую же часть брошюры составляло предисловие («Примечание») Дестуниса, а также статья из «Северного журнала» о русско-турецких отношениях. Книжка вышла, по-видимому, в самом начале 1807 г. и отражала внешнеполитическую ситуацию конца предшествовавшего года, когда дипломатия наполеоновской Франции прикладывала все усилия, чтобы развязать русско-турецкую войну³⁶.

В своем «Примечании» Дестунис, разоблачая вероломную политику по отношению к грекам наполеоновской Франции, противопоставлял ей покровительство грекам, оказываемое Россией с единственной целью облегчить их участь. Он рисовал идиллическую картину русско-греческих связей со времени принятия Русью христианства, взаимное уважение и приязнь, существовавшие между двумя народами, которые, можно сказать, «составляли один народ, если то правда, что вера, как говорит поэт (Г. Р. Державин.— И. Д.), сердца народов сопрягает». Благодаря этому, да и в силу трактатов Россия пользуется влиянием на греков. Может ли российский император «оставить во всегдашнем угнетении, в неволе, на краю гибели народ единоверный, толико ему приверженный, подавший столько опытов своего усердия и полагающий всю надежду свою и его человеколюбие и милость?» — патетически вопрошал Дестунис, утверждая, таким образом, что помощь в борьбе греков за национальное освобождение является священной обязанностью России. На читателей брошюры не могла, конечно, не произвести впечатления и сама французская прокламация, в которой описывались бедствия «матери-Греции», а ее сыны призывались сразиться «за веру и отечество», «учиниться достойными древних греков потомками»³⁷.

Греческие сюжеты фигурировали и в художественной литературе, а иногда использовались для выражения патриотических чувств в условиях все нараставшей внешней угрозы со стороны наполеоновской Франции. Примером в этом отношении может служить «историческое представление» Льва Неваховича под названием «Сульёты, или спартанцы осьмнадцатого столетия», которое посвящено героическому отражению сулютами в 1792 г. нападения большой армии Али-паши Янинского, решившего расправиться со своими непокорными соседями. В предисловии к драме разъяснялось, что сулюты «суть греки» и составляют «особую республику», что они благодаря своей неустрашимости сохранили независимость. «Сульёты подлинно равняются древним спартанцам как храбростью, так и любовью к отечеству,— говорилось далее.— Жены их, подобно амазонкам, разделяют с мужьями опасности сражений. История сульётов наполнена удивительными приключениями храбрости и твердости духа». В конце пьесы Амосека, предво-

АЛЛЕГОРИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ГРЕЦИИ.
Фронтиспис в книге «Военная труба» С. Ю. Дестуниса

дительствующая сулиотами в сражении, призывает их («братьев храбрых славян») ради победы и любви к отечеству быть единомышленными и доверять своим начальникам³⁸. Это «историческое представление», посвященное сулиотам, в условиях 1810 г. должно было порождать у русских зрителей ассоциации с современностью и патриотические чувства.

Обращение к античности как источнику идеалов современного человека и материалу для впечатляющих аналогий с происходящими в Европе событиями, идеализация неиспорченных европейской цивилизацией горцев, что выражало неуывающее влияние философии Руссо и иногда сочеталось с мечтой об обновлении народов Европы путем «сообщения» с «воинственными сынами природы», которые способны влить в эти народы «юношеское животворное пламя»³⁹, — все это характерные

идеологические черты русской литературы и публицистики начала XIX в. романтического направления. Удобным материалом для такого рода построений, как мы видели, служило прошлое и настоящее балканских народов, и в первую очередь греков.

По сравнению с греками, выступавшими в роли наследников античной цивилизации, являвшимися как бы народом-фаворитом всей «просвещенной Европы», другие подданные Порты занимали в русской публицистике меньшее место. Но сложная международная обстановка в Юго-Восточной Европе периода наполеоновских войн, сербская революция, а затем русско-турецкая война привлекли внимание и к этим народам.

Как упоминалось выше, в последней трети XVIII в. в России был опубликован ряд книг и статей о молдаванах и валахах, что отчасти было связано с политическими видами правительства Екатерины II на Дунайские княжества. Обострение русско-турецких отношений в 1805—1806 гг., одной из причин которого был вопрос о Молдавии и Валахии, а затем война с Османской империей снова привлекли внимание общественности к этим балканским областям, включения которых в свою империю упорно добивался Александр I.

Вскоре после занятия княжеств русскими войсками на страницах «Вестника Европы» появились обширные «Письма из Молдавии» — произведение какого-то немца (видимо, дипломатического чиновника), прожившего в княжестве более года. Он рассказывал о благоприятных природных условиях Молдавии и чрезвычайной отсталости ее экономики («все покушения завести фабрики и мануфактуры остаются тщетными», не в лучшем состоянии находится торговля), о порочности системы управления и бедствиях народа. «Деспотизм, который здесь от частой перемены князей страшнее обыкновенного, довел народ до совершенной бесчувственности нравственной, что особенно можно заметить в состояниях высших — утверждает автор. — Пока не переменится образ правления, до тех пор нельзя ожидать, чтобы благотворные лучи просвещения озарили бедную сию землю»¹⁰.

В 1810 г. «Вестник Европы» опубликовал статью под названием «Картина Валахии». Ее автором был обосновавшийся в Одессе представитель боярской фамилии К. Кантакузин. Как и другие, он рассказывал о чрезвычайно благоприятных природных возможностях княже-

ства и бедственном положении тамошнего населения. По его заключению, причиной этого была не только «несправедливость и неблагонамеренность турецкого правления», из-за чего у жителей «исторгались» все «благодеяния природы», но в равной мере и фанариотский режим. Именно греки-фанариоты способствовали окончательному порабощению Валахии в XVIII в., утверждает автор, «они действуют, может быть, и при теперешних поступках Порты», они «в течение ста лет привели Валахию в самое плачевное состояние, произвели в ней опустошения и даже переменили нравы несчастных ее жителей. Народ, будучи угнетен, потерял всю бодрость и стал робким и ленивым; дворянство, потеряв из виду общественное благо, когда уже от него оно не зависело, присоединилось к грекам фанарским»⁴¹. Таким образом, Кантакузин видел в фанариотском режиме причину не только тяжелого экономического положения Валахии, но и общественного: валахский народ лишился былой «бодрости», трудолюбия; бояре же, беря пример с фанариотов, стали заботиться лишь о своей корысти, а не об общем благе. Лишь при «благодетельном правлении», полагает он (имея в виду присоединение княжеств к России), Валахия может выйти из столь бедственного положения⁴².

Эти нападки на князей-фанариотов вызвали ответную реакцию Александра Негри, образованного грека, впоследствии дипломата и ученого, зятя эмигрировавшего в Россию валахского господаря Константина Ипсиланти. В письме, опровергающем заключения Кантакузина, он доказывал, что отнюдь не греческие правители повинны в тяжелом общественно-экономическом положении Валахии. Признавая, что среди господарей-фанариотов встречались иногда правители лукавые, несправедливые, корыстные, Негри утверждал, что именно господари-греки прикладывали усилия, чтобы оживить в Валахии ремесло, ввели законы, основали эллино-греческие училища (из-за «необразованности» валахского языка нельзя было вести на нем обучение). «Ежели есть ныне в Валахии что-нибудь похвальное, ежели жители озарены некоторым лучом просвещения, ежели находятся там люди, начинающие познавать цену наук и занимающиеся ученостью», — писал он, то всем этим валахи обязаны господарям-грекам. Местные же бояре «имели единственную целью частную корысть и из источника общественных бедствий с радостью почерпали себе довольство

и изобилие». Их не трогает «разорение отечества», они живут в довольстве и роскоши, «как между тем простой несчастный их соотечественник угнетен, пресмыкается в рабстве и гибнет голодом». Но главная вина бояр в том, что они не используют благоприятные возможности (русско-турецкую войну) для освобождения отечества от «ига агарянского», не берут примера с сербов, иначе «давно отличились бы возможным восстанием против угнетателей свободы своей, против общих врагов христианства». Это письмо Негри появилось в «Вестнике Европы» в марте 1812 г., в то время, когда правительство Александра I решило начать наступление на балканском фронте и рассчитывало на поддержку своих действий местным населением. Автор фактически призывал валахов начать борьбу за свое освобождение от турецкой власти, помогать русским войскам, воспользовавшись благоприятной ситуацией. «Греки с воздыханием ожидают таких счастливых минут,— писал он,— для волохов они давно уже настали»⁴³.

Военные операции на балканском фронте, развивавшиеся в 1809—1811 гг. на территории Болгарии, вызвали интерес к этой стране и ее населению. Так, весной 1810 г. в «Военном журнале» была опубликована статья «Стратегические рассуждения о первых действиях россиян за Дунаем в 1810 г. с историческими и статистическими замечаниями от служившего по квартирмейстерской части отставного майора и кавалера Чуйковича». В ней ценны именно «замечания» П. Чуйковича, которые, что случалось в те годы редко, не были списаны из какого-либо иностранного сочинения, а составлены на основе личных впечатлений и познаний. Как можно понять из контекста, автор только что вернулся с балканского фронта, бывал в придунайской части Болгарии и как офицер квартирмейстерской части специально собирал сведения о территориях, где велись военные операции или могли развернуться в дальнейшем⁴⁴.

В своих «Замечаниях» Чуйкович приводит некоторые сведения о северной части болгарских земель⁴⁵, о расположенных в ней городах и крепостях — Софии, Шумле, Базарджике, Варне, Силистрии и др., сообщает о числе в них домов и жителей, их национальной принадлежности. Болгария, по его данным, имеет полуторамиллионное население, плодородна, изобилует «всякого рода плодами». О болгарском народе Чуйкович сообщает,

однако, очень немногое. «Болгары исповедуют греческий закон, и язык их весьма близко подходит к славянскому наречию», — пишет он, подразумевая под славянским наречием церковнославянский язык⁴⁶.

Осенью того же года Каченовский также поместил в «Вестнике Европы» небольшую статью о Болгарии, в которой ряд данных заимствовал у Чуйковича: как видно, найти более обширные сведения об этой стране было затруднительно. Но Каченовского занимали не только военные операции, города, их торговое значение, количество в них жителей, но и некоторые научно-исторические проблемы, в их числе — и этногенез болгар. Он утверждал, что «Булгария» название свое получила от болгар — народа, пришедшего с берегов Волги и поселившегося там в конце VI в., рассказывал о Переяславле (Преславе), где жил киевский князь Святослав Игоревич, Переяславце и местонахождении этих городов. Но автор не нашел, что сказать своим читателям о современных болгарях, их языке, условиях жизни и т. д.⁴⁷

О встречах с болгарями, ожидании ими близкого освобождения в результате победы России в войне рассказывал также капитан А. Г. Краснокутский в своих записках о поездке в Константинополь осенью 1808 г., первая часть которых была опубликована в 1810 г. в «Русском вестнике», издававшемся Сергеем Глинкой⁴⁸. Так, в селении Чатак он остановился в доме болгарина, «где услышал разговор, несколько сходственный с русским». Детям хозяина капитан подарил монеты с изображением Екатерины II, что произвело на всех сильное впечатление. «Мы давно слышали, — говорили они, — о великой сей государыне; она хотела нас спасти от жестокого ига: дай бог, чтобы увидеть нам скорее русские войска! Горы наши им не помешают; мы слышали, что они и не такие места проходили. Нас уверяют, что русские непременно сюда будут». А на возвратном пути, когда Краснокутский проезжал болгарские селения в Старой Планице, болгары «за версту выходили навстречу и провожали до самого двора начальника», держа за повод его лошадь⁴⁹.

Однако о болгарях в русской публицистике писалось мало, российская «читающая публика» могла получить об этом народе лишь самые скудные сведения. Гораздо большее внимание привлекали сербы и черногорцы, в значительной мере потому, что именно в конце XVIII —

начале XIX в. они вели упорную и героическую национально-освободительную борьбу, в ходе которой поддерживали тесные политические отношения с Россией, участвовали в ее военно-морских операциях, в войнах против Франции и Турции.

Не было случайным, что статья «Жители области Монтенегро, или черногорцы» появилась в «Вестнике Европы» весной 1805 г., когда в связи с обострением международной обстановки в Восточном Средиземноморье и Адриатике правительство Александра I установило тесные политические контакты с митрополитом Черногории Петром Петровичем Негошем и послало в эту страну своего специального представителя. В редакционном введении к статье опровергались утверждения зарубежных газет, будто русские войска посланы в Черногорию и разъяснялось, что «по участию и посредничеству императора Павла область Монтенегро, платившая подать туркам, сделалась независимой и свободной от влияния Оттоманской империи», что Россия «приняла на себя споручительство за целостность и ненарушимость прав ее». Далее следовало извлечение из «новейшего описания Константинополя» некоего Мургарда, сообщавшего, как черногорцы добились «вольности». Но его сведения о Черногории, ее правителе-митрополите были очень поверхностны и неточны⁵⁰.

Возможно, понимая это и сохраняя интерес к черногорской теме, Каченовский два года спустя поместил в журнале более серьезную статью «Статистическое известие о Черногорской области». Она основывалась на прозаическом введении к изданной в Венеции в 1806 г. поэме «Il monte negro» Николая Ивеллио, уроженца Сплита («следственно, близкого соседа народа, о котором пишет»), а также «известиях, почерпнутых из других источников». В статье давались краткие сведения о географическом положении Черногории, ее административном устройстве и хозяйстве, рассказывалось о Петре Негоше и его деятельности. Черногорский митрополит предстал перед русскими читателями личностью выдающейся. Говорилось, что он «отличается строгою честностью, дарованиями и сведениями в делах политических», является и законодателем, и правителем, и военачальником, и блюстителем святыни, что черногорцы «слепо ему повинуются, потому что он умеет править их умами по своему произволу». Интересен рассказ о на-

циональных особенностях, нравах и обычаях черногорцев: «Чувство народной гордости» придает им «наружность некоторой твердости в характере. Они понятливы, рассудительны и даже хитры. В науках и искусствах совсем не упражняются». Черногорцы имеют «пылкое воображение», но очень суеверны, говорилось далее, а «стихотворство их содержит в себе описание страшных явлений небесных, гром водопадов, шум бури и проч. ...». «Простота жизни и строгое целомудрие» делают женщин-черногорок здоровыми и сильными, они «носят на себе все признаки твердого мужества»⁵¹.

Естественно, что из всех балканских событий наибольшее внимание «Вестник Европы» уделял сербскому восстанию. Сведения о нем сообщались периодически, хотя были запоздалыми, неполными и отрывочными по сравнению с тем, что публиковалось, например, во французских журналах и газетах, пользовавшихся очень разнообразными источниками информации⁵². Тем не менее и русские читатели могли в какой-то мере следить за ходом восстания сербов. Притом в отличие от французской и отчасти немецкой прессы такая информация была обычно заинтересованной и благожелательной по отношению к народу, поднявшемуся на защиту своих прав и свободы.

«Деи, тиранствующие в Белграде, возбудили ненависть в кротких сербах, и Черный Георг скоро дал почувствовать туркам, что не должно народов побежденных доводить до отчаяния»,—говорилось в обзоре «Взгляд на происшествия 1804 г.» о причинах восстания сербов, «мятеж» которых против чужеземной власти явно оправдывался⁵³. «Сербию должно почитать провинциею, потерянной для турецкого султана,—утверждалось в «Вестнике Европы» в конце 1804 г.—Черный Георг предложил Бекиру-паше условия, на которых соглашается он признать зависимость от Порты Оттоманской; но сии условия суть не иное что, как средство утвердить свою свободу при первом удобном случае»⁵⁴.

Из дальнейших сообщений о событиях в Сербии следовало, что восставшие имеют самые решительные намерения и «готовы умереть за свою независимость», что «множество христиан ежедневно приходит из Булгарии, Албании и других областей и соединяется с сербами, которые час от часу становятся страшнее»⁵⁵. В конце 1806 г. в известиях со ссылкой «Из Землина 25 октября»

излагались условия сербской стороны, выдвинутые на переговорах с турками в Смедереве: «Чтобы султан дозволил сербам выбирать себе князя, не подвластного Порте; чтобы войско турецкое вышло навсегда из Сербии; чтобы сербы могли на своем иждивении содержать войско для безопасности; чтобы Сербия не принадлежала Порте, но платила бы ей только дань; чтобы турки отдали сербам Белград и Сабач» (т. е. Шабац.— И. Д.)⁵⁶.

Интересной по содержанию и идейной направленности была статья, посвященная сербскому восстанию, под названием «Георгий Петрович Черный, предводитель сербов», заимствованная из какого-то немецкого журнала. «Храбрые сербы», говорилось в ней, давно обратили на себя «глаза Европы», стали непобедимыми, «презирают опасности, приводят в трепет сильного неприятеля». Затем сообщались краткие сведения о ходе восстания в Белградском пашалыке, вызванного тяжестью «турецкого деспотизма». Карагеоргий же предстал перед русским читателем в несколько романтическом облике — военным предводителем, дальновидным, мужественным и неустрашимым, горячим патриотом («судьба Сербии лежит на его сердце; он не пощадит жизни для блага своей нации»). Утверждалось, что сербы обожают своего вождя «за храбрость и прямодушие», он им кажется «выше человека» и они готовы идти с ним «на всякую опасность и даже на верную смерть»⁵⁷. Можно предположить, что статья о Карагеоргии оказала определенное влияние на складывание у русской общественности представлений о сербском восстании, его причинах и задачах, о его предводителе как личности яркой и самобытной.

Опубликованное в 1810 г. «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» явилось одним из немногих описаний балканских земель, сделанных русским по собственным впечатлениям⁵⁸. Автором его, скрывавшимся под инициалами Д. Б. К., был Д. Н. Бантыш-Каменский (сын известного историка и управляющего Архивом коллегии министерства иностранных дел), который весной 1808 г. ездил в Белград, чтобы доставить миро сербскому митрополиту и депеши К. К. Родофиникину. Его книга написана в форме писем к другу и относится к так называемому жанру путешествий, распространенному в русской литературе того времени.

КАРАГЕОРГИИ.

Литография А. Осипова по рис. Робера
в кн. Д. Н. Бантыша-Каменского
«Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию»

Начинающий автор постарался рассказать об увиденном занимательно, с легкой иронией просвещенного европейца, попавшего в чуждую среду. Он ехал торопливо и внимательным наблюдателем себя не проявил. Так, о Дунайских княжествах рассказать что-либо новое по сравнению с тем, что писалось ранее, Бантыш-Каменский не смог, но, конечно, заметил, насколько тяжелым было общественно-политическое положение княжеств, особенно Валахии (жители «так притеснены и разорены от господарей и бояр своих, что многие из них разбежались в Турцию») ⁵⁹.

Большой интерес представляет часть книги, посвященная путешествию Бантыша-Каменского в Сербию, где он провел несколько дней, познакомился с сербскими предводителями Миленко Стойковичем и Младеном Миловановичем, с митрополитом Леонтием, побывал вместе с Родофиникиным на заседании сербского сената. Бантыш-Каменский не встречался с Карагеоргием, однако слышал о нем всевозможные рассказы, легенды и анекдоты. Вождь повстанцев представлен в книге человеком храбрым, но чрезвычайно жестоким и «без всякого воспитания» (он «не умеет ни читать, ни писать, и одною храбростью своею, увенчанною успехами, сделался начальником сербов и известным всему свету») ⁶⁰. В «Путешествии...» говорилось также о близости сербского языка к русскому, о характере сербского народа и его любви к русским («они не иначе называли меня, как братико: гордились дружбою россиян, с коими несколько раз сражались против турок») ⁶¹. Все же «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию», изданное отдельной книгой, снабженное иллюстрациями — в числе их находились изображения Карагеоргия и Миленко Стойковича — должно было способствовать распространению среди русской читающей публики знаний и представлений о балканских народах ⁶².

Как отметил А. Н. Пыпин, рассказ Бантыша-Каменского о посещении Сербии очень поверхностен, в нем нет ни понимания значения происходящих событий, ни «сочувствия славянскому делу» ⁶³. Однако эта особенность — «сочувствие славянскому делу», представление о языковой и этнической общности славянских народов, о значении этого фактора в политических и культурных аспектах — уже начала проявляться в публицистике, например связанной с сербами. Так, в «Вестнике Европы» в 1807 г. была помещена статья о трагедии М. Козачинского, посвященной падению сербского царства, что дало повод неизвестному автору высказать мысль о том, что именно русские имеют возможность бороться за сохранение и распространение «славянского языка» ⁶⁴.

Идеи единения славянских народов выражены очень своеобразным образом — как бы от имени сербов — в брошюре, изданной в Петербурге в 1806 г. Она называется «Песна о избавлении Сербие. Сочинено в Велеграде». За текстом на сербском языке следует «Изложение российским наречием Песни о избавлении Сербии» ⁶⁵.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ
Молдавію, Валахію и Сербію
Д. Б. К.

Домъ Болгарской въ Краковѣ.

МОСКВА.
Въ Губернской Типографіи у А. Ршновскаго
1810.

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТ
КНИГИ Д. Н. БАНТЫША-КАМЕНСКОГО

В последнем собрании сочинений Доситея Обрадови-
ча указано, что это первый случай перевода его произве-
дений на иностранный язык⁶⁶. П. А. Лавров посвятил пе-
тербургскому изданию «Песни» специальную статью⁶⁷.
Познакомившись с ней и с названной брошюрой — она
представляет теперь большую редкость и сохранилась
лишь в немногих наших книгохранилищах — можно убе-
диться, что сербский текст произведения Обрадовича
был существенно изменен: кто-то воспользовался им, со-
хранив в основном стихи, но вложив в них совершенно
новый смысл и идейную направленность. «Песна о из-
бавленію Сербіе» была написана в 1789 г. и посвящена
войне, которую в то время Австрія и Россія вели про-
тив Османской имперіи. В ней воспевалась победа авст-

рийцев над турецкой армией и взятие Белграда. В русском же издании речь шла о войне с Францией, о событиях конца 1806 г. и прославлялись уже не Иосиф II и Екатерина II, не австрийские военачальники, а Александр I — «великий славенский царь», «витез Константин» (великий князь Константин Павлович) и русские полководцы П. И. Багратион, И. И. Михельсон, М. Ф. Каменский. Содержание изменилось преимущественно в результате замены имен и слов: вместо турок стали фигурировать галлы (галлаки); вместо везира — француз и т. д. Издана брошюра очень небрежно, содержит много опечаток, но не подвергнутый переделке текст на сербском языке воспроизведен в основном точно. В стихотворение внесено два новых четверостишия и разъясняющее примечание.

В результате всех этих переработок стихи Обрадовича оказались приспособленными к международной обстановке конца 1806 г., когда только что образовавшаяся 4-я антифранцузская коалиция приступала к военным действиям. Они получили ярко выраженную пропагандистскую направленность, звучали как призыв к восставшим сербам, к черногорцам и другим балканским народам объединиться вокруг России, помогать ей в войне со «злым галлаком». В них говорилось и о помощи, которую должна оказывать Россия своим «сестрам» — славянским народам.

Черногорцы и Российски вои,
Славни Сербы и мили Далмати,
Сви кры една, Браћу упокои,
Изгнав измењь собо зли галати.

— говорилось в новой, шестой по счету строфе⁶⁸. А дописанное последнее четверостишие звучало так:

Сва Российско-Славенска сила
Морем, сушем на супостат иде
Под вожденю *Каменског Михаила*,
Сестр све от тиранства да изведе!⁶⁹

Лавров, проделав подробный текстологический анализ этого переделанного стихотворения Обрадовича и приложенного к нему перевода на русский язык, отметил в последнем ряд ошибок и просто нелепостей. Но ему осталось неизвестным, что издателем и, по всей вероят-

МИЛЕНКО СТОЙКОВИЧ.

Литография из книги Д. Н. Бантыша-Каменского

ности, переводчиком стихотворения был А. И. Антоновский. Этот второстепенный публицист, писатель и переводчик в молодости был близок с Н. И. Новиковым, возглавлял «Общество друзей словесных наук» и издавал журнал «Беседующий гражданин», в котором печатался А. Н. Радищев. Позднее Антоновский занимался переводами литературных и общественно-политических со-

чинений (некоторые из последних «исправлял применительно к тогдашнему времени»), писал труды по отечественной истории, в которых уделял большое внимание проблеме славянского этногенеза, но не проявил в этой области достаточных познаний и критического подхода. Он издал также несколько брошюр, посвященных задачам и методам войны против Франции, проникнутых верноподданническим и патриотическим духом⁷⁰. В связи с такого рода антинаполеоновскими пропагандистскими произведениями находится и «Песня о избавлении Сербии». Антоновский, видимо, не владел сербским языком, ибо допустил грубые ошибки в переводе, в некоторых случаях совершенно исказив смысл; не смог даже разобрать вполне точно рукопись стихотворения на сербском языке, оказавшуюся в его распоряжении.

Это делает очевидным, что не сам Антоновский переделал стихотворение Доситея, приписав к нему два четверостишия и примечание (о нем будет сказано ниже), а опубликовал полученный от кого-то сербский текст вместе с собственным переводом на русский язык. П. А. Лавров не задался вопросом, кто мог быть автором переделки стихотворения, заметив лишь, что ее сделал какой-то серб⁷¹.

От кого же получил Антоновский переработанное и дописанное стихотворение Обрадовича? Предположение, что сам автор переделал и дописал свое стихотворение, отпадает⁷². Вероятно, на это пошел кто-то из сербов, находившихся в России, скорее всего, в Петербурге, ибо он упоминает самые недавние события, имена, привлекавшие общественное внимание в последние месяцы 1806 г. (И. И. Михельсон, М. Ф. Каменский). Это был, очевидно, человек, причастный к литературной деятельности, к стихотворству и к тому же знавший Д. Обрадовича, имевший его произведения. Ближе всех к такой характеристике подходит Григорий Терлаич (Трлаич) профессор Педагогического института в Петербурге. Юрист по специальности, он занимался и литературным творчеством, переводами, писал стихи⁷³. Переехав на постоянное жительство в Россию, он остался сербским патриотом, проявлял большой интерес к революционным событиям в Белградском пашалыке, постоянно переписывался со старыми друзьями, в числе которых был и Д. Обрадович. Именно такой человек, как Терлаич, мог бы переделать и дописать «Песню о избавлении Сербии», предо-

ставив новый ее вариант в распоряжение Антоновского. Однако это только предположение, доказать которое пока не представляется возможным.

Независимо от того, кто был автором переделки, идейная направленность нового стихотворения весьма примечательна. Если в произведении самого Д. Обрадовича отсутствовали какие-либо мысли об этнической близости и единении на этой почве славянских народов, в особенности сербов и русских, то в брошюре, изданной в 1806 г. такие представления выражены очень сильно. В дописанных и переделанных строках говорится о единокровии русских с черногорцами, со «славными сербами» и «милыми далматами», об объединенной «российско-славенской силе», которой предстоит освободить все славянские народы от тиранства французов. Сербы «сестер своих любезно увещевают»⁷⁴, не теряя времени, вместе выступить против французов. В новом примечании перечислены эти «сестры» сербов: «Молдавия, Валахия, Болгария, Трансильвания, или Седьмиградия, Венгрия, Богемия, Иллирия, Кроатия, Каринфия, Силезия, Поруссия, Поморяния, Польша и другие славянские племена и народы»⁷⁵.

Как видим, автор переделки при перечислении областей, населенных славянами, обнаружил весьма расширительное, но характерное для первых десятилетий XIX в. представление о славянском мире. Он называет Молдавию и Валахию, Трансильванию, Силезию и Пруссию (Пруссию), исходя, возможно, из убеждения, что в этих областях некогда жили славяне. Антоновский же в переводе этого примечания еще более расширил славянский регион Европы (до Эльбы на западе), включил в него земли, где когда-либо жили племена и народы «славянского происхождения»⁷⁶.

В русской литературе XVIII — начала XIX в. всякого рода переделки, приспособление к своим нуждам или потребностям момента иностранных произведений — явление распространенное. Но рассмотренное выше издание было, вероятно, единственным случаем, когда канвой для переработки послужило пользовавшееся популярностью поэтическое произведение на сербском языке. Стихотворение Д. Обрадовича после переделки анонимным автором стало звучать как призыв к сербам, черногорцам и другим славянским народам помочь России одолеть грозного врага — империю Наполеона, как обеща-

ние этим народам поддержки со стороны могучей славянской державы.

Издание в переделанном виде «Песни о избавлении Сербии» Д. Обрадовича на сербском и русском языках— примечательный эпизод в истории русско-сербских культурных и литературных связей начала XIX в.

БАЛКАНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1816—1825 ГОДОВ

После окончания наполеоновских войн усилился интерес русской общественности к истории своей страны, ее военному прошлому, к зарубежным народам. Число журналов и круг «читающей публики» заметно увеличились, но условия развития журналистики остались неблагоприятными, цензурные ограничения нарастали с каждым годом. В начале 1820-х годов в связи с революциями в Южной Европе частная периодика вовсе потеряла право освещать общественно-политическую жизнь, зарубежная информация в журналах сократилась. Поэтому мысли и сведения по этим проблемам часто выражались в статьях литературно-критических, исторических или философских, в географическо-статистических обзорах, даже в рубриках «Разные известия», «Политические происшествия» и т. п. Как и ранее, большое место занимали выдержки и переложения материалов из иностранной прессы, что снижало ответственность редакторов и издателей за содержание такого рода статей. Но, несмотря на все эти неблагоприятные условия, легальная печать давала возможность выражать мысли и взгляды по общественно-политическим проблемам, влиять на общественное мнение в этой области⁷⁷.

Петербургские журналы «Сын отечества», «Соревнователь просвещения и благотворения» («Труды Вольного общества любителей российской словесности»), «Отечественные записки», «Северный архив» (с 1822 г.), московский «Вестник Европы» и «Московский телеграф» (с 1825 г.) — таковы наиболее популярные и серьезные журналы, уделявшие внимание балканским народам и событиям, разворачивавшимся в европейских провинциях Османской империи.

В обзорной и справочной литературе о русской журналистике первых десятилетий XIX в. обычно указывается, что такие журналы, как «Сын отечества», «Сорев-

нователь просвещения», а также «Невский зритель» (1820—1821) и некоторые альманахи были изданиями, связанными с декабристами. В числе их сотрудников действительно находилось немало членов тайных обществ и близких к ним по убеждениям деятелей. Однако необходимо учитывать, что идейное размежевание между журналами в 1820-е годы не всегда было ясно выраженным; в одном и том же издании можно было найти статьи и прогрессивного, и реакционного толка. Это в особенности сказывалось при освещении внешнеполитической тематики, и в частности балканских проблем.

Во второй половине 1810-х годов на Балканах не происходило крупных событий, которые могли привлечь специальное внимание европейской общественности. Тем не менее в русских журналах систематически печатались сведения об Османской империи и народах, ее населяющих, об известных балканских деятелях. Так, вызывала интерес романтическая личность Али-паши Янинского и его война с султаном⁷⁸. Было опубликовано сообщение о смерти в 1816 г. бывшего господаря Дунайских княжеств Константина Ипсиланти с биографическими данными о нем⁷⁹; сообщение об убийстве Карагеоргия; о бегстве и его причинах валашского господаря Караджи, о волнениях в Яссах в 1819 г.⁸⁰, о провозглашении конституции на Ионических островах и политическом статусе бывшей Республики Семи Соединенных островов⁸¹.

Перепечатка материалов, связанных с балканской тематикой, иногда содержала весьма смелые мысли, порождавшие опасные ассоциации. Например, в «Письмах Савари», опубликованных в «Соревнователе просвещения», описывалась идеальная маленькая республика на греческом о-ве Казос (Касос), где жители не подчинялись турецкой власти и, находясь почти в полном отрыве от внешнего мира, сохранили свою свободу⁸². Благодаря этому на острове господствовали патриархальные порядки, «как во времена Гомеровы», «чистота нравов». Жители Казоса будто бы совершенно не походили на остальных греков, ставших порочными вследствие долговременного рабства. «Обитатели Казоса — греки, но луч свободы их освещает, и посему они трудолюбивы, честны, чувствительны и добронравны, — говорилось в статье... — Из сего замечания можно вывести непременную истину, которая должна бы служить основанием для всякого правительства, что человек вообще бывает добр по сораз-

мерности удержанных им природных прав своих: свободы и собственности; чем более их у него отнимают, тем хуже он становится»⁸³. Такие заключения, примененные к русским условиям, звучали как протест против царского самодержавия и крепостнических порядков. Вместе с тем рассказ о республике на о-ве Казос шел в русле руссоистских идей и как бы продолжал начатые ранее поиски на Балканах идеального общественного строя, основанного на «естественном состоянии» людей, на патриархальных устоях.

Османская империя большей частью изображалась государством, доживающим последние дни и нежизнеспособным. Это «огромное здание, сооруженное из материалов, неудобных к соединению и неспособное составить одно целое», — утверждалось в одном из переводных материалов, опубликованных в «Вестнике Европы»⁸⁴. В «Отрывках о Леванте» и выдержках из путешествия по Османской империи в 1817—1818 гг. графа Форбена, опубликованных в «Сыне отечества», говорилось: «Трудно объяснить долгое существование Османской империи, особенно пребывание турок в Европе, когда увидишь вблизи невежество и необузданность их войск, беспорядок в финансах, открытые крепости, возмущения ближайших к Константинополю пашей, наконец, независимость наместников в Морее, в Египте и в Дамаске. Одно название калифа сохраняет еще султана на колеблющемся его троне»⁸⁵.

Но в оценке военных возможностей Османской империи, в отношении к туркам высказывались и противоположные мнения. «Я люблю турок» и не раз удивлялся «их пылкой храбрости и беспримерному мужеству», — писал А. Мартос, участник русско-турецкой войны 1806—1812 гг., и пытался далее опровергнуть утверждение некоторых лиц, что воевать с турками якобы можно без военного искусства⁸⁶.

Перспективе полной политической перестройки Европейской Турции посвящена переводная статья Меркеля из берлинского журнала «Ernst und Scherz oder alte Freimüthige», помещенная в «Сыне отечества» в 1816 г. В ней доказывалась необходимость и польза для экономических и политических интересов европейских государств ограничения территории Турции Малой Азией и создания «самобытного государства» греков вокруг «прежней столицы», т. е. Константинополя. Эта морская

держава стала бы «новой подпорой Европы» в отношении ее свободной торговли, истребила бы «африканских разбойников». «Художества и ремесла, торговля и просвещение поднялись бы на новую ступень, если бы греки в нем участвовали». Автор предлагал утвердить общее правило: «Каждая христианская нация, освободившаяся от магометанских своих притеснителей, должна отныне состоять под поручительством всего христианства, и все обязаны почитать оную самобытною дружественною державою»⁸⁷. Таким образом, выдвигалась перспектива создания на Балканах не только полностью самостоятельного греческого государства, но и других национальных государств.

В публицистике второй половины 1810-х годов по-прежнему наибольшее внимание уделялось греческой тематике. Печатались материалы об успехах просветительной деятельности греков и содействии этому митрополита Игнатия, архимандрита А. Гаазиса (Гази), И. Каподистрии и других греческих патриотов; об образовании обществ «Любителей муз», об учебных заведениях, типографиях и больницах, открываемых в греческих землях, и т. д.⁸⁸

Иногда высказывались мысли о тяжелой судьбе греков и надежда на их близкое освобождение. Так, в одном обзоре сообщалось, что грек из Смирны Скуффо (Н. Скуфос) напечатал в Вене переложение на новогреческий язык книги по истории греческой литературы со своим предисловием, которое может служить доказательством, что энтузиазм объят греков, что «национальный дух афинян и лакедемонян оживает в их потомстве и что сей достопамятный народ когда-нибудь снова блистать будет на позорище мира». Затем приводилась выдержка из этого предисловия, в которой говорилось о необыкновенном энтузиазме, охватившем молодых греков. «О вы, юные соотчичи! — восклицал Скуффо. — Еще несколько усилий — и отечество впишет имена ваши в книгу бессмертия! Еще несколько времени — и изумленный мир узрит новых Платонов и Демосфенов, возникающих из развалин Греции. Так! Мы теперь последняя и самая крепкая надежда отечества. Потерпим ли, чтобы чуждые нам люди пользовались плодами полей наших? Нет, мы столько горды, что не уступим другим чести оживить Древнюю Грецию!»⁸⁹ Утверждение француза графа С. Форбеня, побывавшего в Афинах в 1817—

1818 г., о том, что греки ожидают возвращения независимости, свободы, но не готовы к ней, недостаточно просвещены, горячо опровергались «Вестником Европы», ибо «есть верные признаки, что греки пробуждаются после сна продолжительного и глубокого»⁹⁰.

Как и ранее, из южнославянских народов внимание привлекали преимущественно сербы и черногорцы, а болгары оставались в тени. Личность Карагеоргия продолжала выступать в романтическом ореоле. Так, в статье П. П. Свиньин описывал его биографию, жизнь в Хотине; а «Вестник Европы» — попытку вернуться на родину и убийство⁹¹.

После окончания наполеоновских войн в России не ослабевал интерес к военным событиям недавнего прошлого. Среди таковых была и экспедиция эскадры под предводительством Д. Н. Сенявина в Средиземное море, во время которой русские моряки, солдаты и офицеры имели возможность побывать в землях, населенных славянами, греками, турками, непосредственно общались с этими народами, а иногда и совместно сражались. М. Н. Макарова, приславшего редактору «Вестника Европы» письмо участника сенявинской экспедиции Е. М. Маркова, интересовали сведения последнего о черногорцах и соседствующих с ними славянских народах, этого «убежища славянского братства», тишину в котором пытался нарушить Наполеон. Макаров надеялся, что публикация письма его друга напомнит «соотечественникам, имевшим какие-либо сношения с рагузинскими славянами и черногорцами», необходимость рассказать о всем любопытном, что они наблюдали. Марков же совершенно восторженно отзывался о черногорцах: «Я люблю их за характер, основанный на правилах совершенной честности. Они грубы и некоторым образом дики, но добры и благородны до чрезвычайности; и если предки наши славяне добродетелями своими не уступали черногорцам, то они были люди поистине достойные всякой похвалы и подражания». Марков собирался разыскать записанные им песни черногорцев, «которые не сочиняются, а поются весьма просто, без приготовления», и сожалел, что сам не может написать большую статью или книгу о черногорцах, которые «так занимательны, так близки нам»⁹².

Год спустя после публикации этой заметки почти одновременно вышли из печати две книги о средиземномор-

ской экспедиции Сенявина: «Воспоминания на флоте» известного журналиста П. П. Свинына⁹³ и «Записки морского офицера» В. Б. Броневского⁹⁴, служившего на протяжении всей кампании на русском фрегате. Так возникла редкая для своего времени конкуренция на книжном рынке: оба произведения были посвящены одной и той же теме, в них использован однородный материал, что отчасти объясняет совпадения в изложении, более сжатом у Свинына и более пространным у Броневского. Но последний имел основания обвинять Свинына, который прибыл в Адриатику лишь в январе 1807 г., в прямых заимствованиях материала, относящегося к событиям 1805—1806 гг., в том, что, неожиданно издав свои воспоминания, он «мешал успеху» «Записок морского офицера»⁹⁵. Тем не менее именно книга В. Б. Броневского приобрела значительную популярность и принесла ее автору известность как военного писателя⁹⁶.

«Воспоминания на флоте» Свинына и «Записки морского офицера» — ценные исторические источники об экспедиции Сенявина, не потерявшие своего значения и теперь⁹⁷, а в 1810—1820-е годы обе эти книги способствовали расширению знаний и представлений российской «читающей публики» о таких балканских народах, как черногорцы, бокезцы, далматинцы, греки, турки. Бросается в глаза общий благожелательный тон в описании этих народов, не нарушаемый даже в отношении турок.

Многие путешественники, замечает Броневский, «не зная их языка и будучи предубеждены мечтаниями о славе Древней Греции, все в них осуждали». Но беспристрастный наблюдатель заметит, что турки — люди лично храбрые, отличающиеся «величием души», мужественные и воинственные. Это народ простой и непросвещенный, но очень благородный, честный, гостеприимный. Скупость и жадность к приобретению богатств свойственны лишь вельможам. Турецкое правление «деспотическое», его нельзя назвать неограниченным и самовластным, ибо в стране имеются законы и гражданские постановления. Автор не отрицает, что Оттоманская империя пришла в упадок, но не склонен преувеличивать ее слабость, не считает, что покорить это обладающее громадными ресурсами и военными силами государство легко и просто⁹⁸. Свинын, повторив заглавие раздела («Нечто о турках»), характеризовал национальные особенности этого народа совершенно сходно⁹⁹.

Много совпадений имеется и при описании «нынешних греков», которых, как обычно делалось, оба автора сопоставляют с древними греками. Последние, по словам Броневского, были народом талантливым, но сложным и противоречивым по своим национальным особенностям. Таковыми остались греки и сейчас. Правда, продолжительное рабство и унижения ослабили их добродетели. Но «тяжкое иго народа», его несчастья заслуживают снисхождения, и автор не хочет быть слишком строгим к некоторым порокам эллинов, таким, как тщеславие, «искательство» и т. п. Греки деятельны, ловки и предприимчивы. Многие из них обладают счастливыми дарованиями. Константинопольские и архипелагские греки держат в своих руках торговлю обширных областей Оттоманской империи и в мирное время объезжают на своих прекрасных судах весь Левант. Эллины храбры, «умеют умереть великодушно» и мечтают о вольности своей. «Любовь к свободе и равенству еще не угасла, но взаимное недоброжелательство отклоняет то согласие, которое могло бы поставить их на чреду самостоятельных народов»¹⁰⁰.

Немало внимания грекам уделил и Свиньин. «Первым старанием моим с самого приезда в Грецию,— пишет он,— было узнать сколь можно больше и обстоятельнее сию любопытную страну, изучить характер ее жителей и нынешнее их состояние»¹⁰¹. Русский журналист привел ряд фактов, свидетельствующих об успехах греческого просвещения, он полон веры в их дальнейший прогресс на этом поприще: «Таковые успехи поразят удивлением многих, почитающих нынешнюю Грецию утопающею в море невежества»¹⁰². С русскими, как полагает Свиньин, греки сходны не только верой, но и некоторыми чертами характера («живостью, сильными чувствами и впечатлениями»). Их «нравственные недостатки»— следствие долговременного рабства и «при перемене правительства» новое поколение греков избавилось бы от этих недостатков¹⁰³.

Броневский рассказывает о восторженной встрече российского флота греками, их содействии военным акциям эскадры и возрождению надежды на близкое освобождение с помощью России. «Словом, вся Греция воспрянула и готова была при помощи нашей освободиться от ига неволи»,— пишет он¹⁰⁴.

С теплотой вспоминают оба автора о корфиотах и их благожелательном отношении к русским во время пребывания последних в Республике Семи Соединенных островов, о трогательных сценах прощания, когда после заключения Тильзитского мира эскадра Сенявина покинула Ионические острова. Большое значение они придадут созданию Республики Семи Соединенных островов. «Итак, через несколько веков Россия имела славу восстановить и ввести в политическую систему Европы новую греческую республику», — пишет Свиньин¹⁰⁵.

«Морской офицер» с особой симпатией относится к южнославянским народам, с которыми ему приходилось близко общаться во время пребывания российских военных кораблей в Адриатике. В книге имеется несколько глав, рассказывающих о взятии Котора, военных действиях в Далмации, совместных операциях русской морской пехоты и черногорских отрядов против французов. На читателей его книги, конечно, должно было произвести впечатление описание торжественной встречи русских с жителями Котора и черногорцами, когда освящая новые знамена крепостей, митрополит Петр Петрович Негош произнес «в сильных выражениях» речь, начинающуюся словами: «Свершилось желание ваше, храбрые славяне! Вы видите посреди вас давно ожидаемых вами по роду, вере, храбрости и славе братьев ваших»¹⁰⁶. Автор рассказал о мерах, предпринятых адмиралом Сенявиным тотчас по занятии Котора: отмене всех повинностей, обеспечении сообщения с Герцеговиной, покровительстве торговле, которые способствовали популярности адмирала среди местного населения¹⁰⁷.

О том же более кратко (явно заимствуя материал у Броневского) повествует Свиньин, также с симпатией рассказывающий о черногорцах и бокезцах. Описание взятия Котора он заканчивает такими словами: «Итак, в первый раз водрузился орел белого царя (русского императора. — *И. Д.*) между славянскими народами, соединенными верою, языком, но разделенными неизмеримым пространством! Заря утешительной надежды воссияла перед ними, и что предполагалось было Петром Великим, то выполнено Александром!»¹⁰⁸ Тем самым подчеркивается месснианская роль России в отношении южных славян и всех балканских народов. В «Прибавлениях» к своей книге Свиньин поместил «Выписки из журнала В. А. Софонова», лейтенанта корвета «Флора»,

экипаж которого, попав в плен к туркам, сушей добирался до Стамбула. Во время этого нелегкого путешествия «нежданную радость» принесли встречи с болгарами. «Добродетельные болгары брали столь живое участие в горести нашего положения, что проклятые наши стражи, приметя оное, били их и отгоняли от нас палками», — рассказывал Софонов. В селениях, где жили болгары, пленные получали хороший ночлег и еду¹⁰⁹. Даже столь краткие упоминания о болгарях, их сочувствий русским были ценны, ибо в публицистике 1810-х годов давалось мало сведений об этом народе.

До недавнего времени имя В. Б. Броневского ошибочно связывалось с проектом создания славянской федерации, выдвинутом в 1807 г.¹¹⁰, поэтому его книга рассматривалась в аспекте развития в России начала XIX в. идей славянской взаимности. Очень подробно изложил ее материал, касающийся южных славян и совместных действий черногорцев, бокезцев и далматинцев с русскими в 1806—1807 гг., А. Н. Пыпин¹¹¹. Броневский не выступал поборником политического единения славянских народов вокруг России ни в 1807 г., ни позже. Но его книга имела, действительно, большое значение для ознакомления русских читателей с югославянскими народами.

Выходя из жанра воспоминаний, повествования о прошедших событиях, излагаемых в хронологической последовательности, «морской офицер» включил в свои «Записки» две главы, или раздела: «Описание провинции Боко ди Катаро» и «Описание Черногорий»¹¹². В какой-то мере они отражали личные впечатления любознательного автора, в свободное время объехавшего Которскую область, проведшего три дня в Черногории¹¹³. Но, как не скрыл сам Броневский, эти разделы написаны им на основе сведений, полученных от генерал-майора П. И. Ивелича, архимандрита И. Вукотича, Доктора (его фамилия в книге не указана) и «подробного описания одного австрийского инженера», доставленного автору кем-то, скрытым под криптонимом К. В. Р....., которое касалось Боки Которской¹¹⁴.

Глава «Описание Боко ди Катаро» содержит немало географических, статистических и исторических сведений об этой провинции, принадлежавшей сначала Венеции, затем Австрии, а в 1806 г. объединившейся с Черногорией. Бокезцы (как католического, так и православ-

ного вероисповедания), пишет Броневский, «от обращения с иностранцами имеют некоторый просвещенный навык; но, будучи крайне привязаны к древним своим обычаям, в характере мало еще изменились и почти во всем сходны с черногорцами...»¹¹⁵. Рассказывая о социальном составе населения Боки, он отмечает, что дворянское звание не дает там никаких преимуществ, а «истинное достоинство основывается на всеобщем уважении и, кто заслужил оное, тот гораздо более, нежели дворянин»¹¹⁶.

Наиболее интересен обширный раздел «Записок...», посвященный черногорцам, который в 1818 г. печатался также в «Сыне отечества»¹¹⁷. Но раздел этот фактически не принадлежит Броневскому, что обнаружилось в ходе его конфликта со Свиным, отраженном на страницах «Сына отечества». В ответ на упрек своего конкурента Броневский признал, что использовал «манускрипт» Мазаровича, но тот «не хотел, чтобы имя его было выставлено», поэтому и пришлось упомянуть о нем «под именем Доктора»¹¹⁸. В распоряжении Броневского, возможно, находилось и другое произведение Мазаровича, посвященное Боке Которской или Перасту¹¹⁹.

Кто же такой Мазарович и что представляет собой его «прекрасный манускрипт», подаренный то ли Свиному, то ли Броневскому?

Семен Иванович Мазарович был бокезцем по происхождению, родился в Перасте, окончил один из итальянских университетов, а затем провел несколько лет в Черногории, занимаясь там врачебной практикой. В 1807 г. он вместе с эскадрой Сенявина отплыл в Россию и вскоре поступил на службу в министерство иностранных дел. В 1818—1826 гг. он занимал пост российского поверенного в делах в Персии, и под его начальством некоторое время служил А. С. Грибоедов¹²⁰.

Записка Мазаровича на французском языке под названием «Notices sur Monténégro», написанная в 1808 г., сохранилась в Архиве внешней политики России¹²¹. «Описание Черногории» в книге Броневского очень близко к «Заметкам о Черногории», фактически является их вольным переводом с небольшими добавлениями и некоторыми сокращениями¹²².

«Заметки о Черногории» Мазаровича, оказавшиеся столь своеобразным путем опубликованными, хотя и без указания автора, представляют немалый интерес. Они

составлены не торопливым путешественником, а внимательным наблюдателем, прожившим с черногорцами несколько лет и проявлявшим заинтересованность в том, чтобы черногорский народ стал просвещенным и цивилизованным, чтобы «черногорская республика» превратилась в процветающее государство. Мазарович очень подробно описал географические особенности и административное устройство страны, ее историческое прошлое и современное политическое положение, систему управления и суда. Он нарисовал красочный портрет митрополита Петра Негоша, рассказал о нравах и обычаях черногорцев, их образе жизни и особенностях их диалекта: о народном фольклоре, песнях, которые поются на праздниках, при различных жизненных обстоятельствах и о многом другом.

Автор пытается привлечь внимание к нелегкому положению и насущным нуждам маленького народа. Он не идеализирует отсталые обычаи, «дикую жизнь», которую ведут черногорцы, но вместе с тем говорит о них с очевидной приязнью, подчеркивает высокие нравственные качества, неиспорченность этого мужественного народа. Черногория, в его представлении — республика по своему государственному устройству, притом чрезвычайно демократичная. «Провинция образует республику, в которой равенство поддерживается бедностью и простотой, вольность — храбростью», — пишет он, а за ним повторяет Броневский¹²³. Последний воспринял нарисованный Мазаровичем романтизированный образ черногорского народа, более того, в другой главе дал такую совершенно восторженную характеристику национальных особенностей черногорцев, оттенив ее классическими и древнеславянскими реминисценциями: «Я видел Спарту, видел в полном смысле слова республику, отечество равенства и истинной свободы, где обычаи заменяют закон, мужество стоит на страже вольности, несправедливость удерживается мечом мщения, удивлялся возвышенности духа, горделивости и смелости того народа, которого имя наводит страх всем соседям. Образ же их жизни, неиспорченность нравов и отчуждение всякой роскоши истинно достойны всякой похвалы. Три дни, проведенные мною между ними, я, так сказать, перенесен был в новый мир и познакомился с предками моими 9-го и 10-го столетия, видел пред собою простоту патриаршеских (т. е. патриархальных.— И. Д.) времен, беседовал с

Ильею Муромцем, Добрынею и другими богатырями нашей древности»¹²⁴.

Правда, позже Броневский не смог связать концы с концами, стал противоречить сам себе, ибо без существенных изменений, лишь с небольшими дополнениями, воспроизвел заключительную главу рукописи Мазаровича, который гораздо более трезво подходил к черногорской действительности и писал: «Современные философы могли бы увидеть в независимости черногорцев образ счастливой свободы, но друг человечества не усмотрит там ничего, кроме беспорядка и своеволия; он искренно пожелает, чтобы они освободились от ложных предрассудков и отреклись от жизни, столь противной человеческому достоинству»¹²⁵. Доказывалось, что благодаря «мудрым законам» Черногория имеет возможность развить промышленность, превратиться в экономически процветающее, просвещенное государство, подобное, например, Швейцарской или Голландской республикам¹²⁶. Но пока черногорцы погружены «во мрак невежества», а их митрополит, хотя и способен к большим делам, «не имеет довольно сил предпринять столь важное преобразование», которое может осуществить лишь русский государь¹²⁷.

Так в заключительных строках главы Броневский, со слов Мазаровича, формулировал общественно-экономические задачи черногорского народа, подчеркивая, что они не могут быть осуществлены без действительной помощи России. Мазарович писал это вскоре после Тильзита, а Броневский — в те годы, когда Александр I как вдохновитель и член Священного союза уклонялся от поддержания открытых политических контактов с П. Негошем и, опасаясь вызвать подозрения Австрии, отказывался от продолжения традиционного покровительства Черногории¹²⁸. Не зная или не учитывая этого обстоятельства, Броневский доказывал, что именно Россия может вывести черногорцев на широкую дорогу общественно-экономического прогресса, должна оказывать им действительную моральную и материальную поддержку.

Предваряя главы «Описание провинции Боко ди Катари» и «Описание Черногории», Броневский писал: «Я постараюсь с точностью изобразить свойства народа, по происхождению и вере столь нам близкого, а по преданности, любви и усердию к России тем более достойного внимания моих соотечественников, что страна сия

еще ни одним путешественником не была описана»¹²⁹. Он был прав: в «Записках морского офицера» впервые в XIX в. публиковались столь подробные и достоверные описания Черногории и Боки Которской¹³⁰. Примечательной была и идейная направленность рассказа о черногорцах: национальные особенности этого народа, патриархальный уклад жизни, государственное устройство выступили как модель, которая сближалась с воображаемой картиной уклада жизни и нравственных особенностей далеких предков русского народа¹³¹. Такая идеализация ранней истории своего народа, своей этнической общности, конкретно общности славянской, характерна для русского романтизма первой четверти XIX в. Черногорцы давали в этом отношении весьма выигрышный материал.

Книга Броневского, посвященная одной из блестящих страниц в истории русского флота, вызвала положительные отклики читателей и критики¹³². В этом отношении примечательно письмо А. Я. Булгакова редактору «Сына отечества». «Появление записок г. капитан-лейтенанта Броневского, — писал он, — воздвигнувшего занимательным и полезным своим сочинением столь прочный памятник славным и до сего мало известным подвигам российского флота в Адриатическом море и в Архипелаге, возбудило внимание всех соотечественников, а особливо мореходцев наших»¹³³. А в рецензии известного журналиста А. Ф. Воейкова говорилось: «Русское сердце бьется крепче и приятнее, когда мы читаем о греках, с нами единоверных, приверженных к России и от нее ожидающих своего освобождения от ига варваров; участие наше доходит до высочайшей степени, когда сочинитель Записок сообщает нам свои наблюдения над верою, нравами, образом правления и жизнью славянских народов единоплеменных, единоплеменных и единоплеменных, столь же воинственных, столь же страстно любящих веру, государя, отечество и свободу, как россияне»¹³⁴.

Это внимание к факторам, сближающим русских с национально угнетенными народами Балканского полуострова, идеализация всего славянского совершенно не корреспондировалось с принципами внешней политики Александра I после окончания наполеоновских войн.

Не сочеталось с правительственной линией и превознесение Броневским и Свинымым находившегося в опа-

ЧЕРНОГОРЕЦ ВУКО ЮРО.
Литография из книги В. Б. Броневского
«Записки морского офицера»

ле, не у дел адмирала Д. Н. Сенявина. Он изображен обоими авторами человеком обаятельным, талантливым флотоводцем и мудрым администратором, который своей деятельностью в греческих и югославянских землях в 1806—1807 гг. благоприятствовал экономическим и по-

литическим интересам балканских народов, заслужил их любовь и признательность, а тем самым способствовал укреплению русского влияния, престижа России среди единоверцев и единоплеменников.

Таким образом, в публицистике второй половины 1810-х годов балканская тема большей частью подавалась в аспекте сочувствия освободительным стремлениям национально угнетенных народов. Внимание российской общественности, особенно прогрессивной, к балканским проблемам, конечно, резко возросло с началом в 1821 г. революционных событий в европейских владениях Османской империи и возникновением под воздействием их Восточного кризиса 1820-х годов.

Усилившиеся к этому времени цензурные ограничения, запрет печатать статьи по общественно-политическим проблемам накладывали заметный отпечаток на содержание и форму подачи материалов, связанных с Балканами. События, там разворачивавшиеся, освещались в большинстве случаев на основе зарубежной прессы, без прямого выражения собственного мнения. Но иногда встречались известия, непосредственно полученные с места событий (например, из Дунайских княжеств), оригинальные статьи и обзоры. Можно утверждать, что на протяжении 1821 г. греческая революция, Восточный кризис занимали главное место в публицистике, касающейся зарубежных народов и внешнеполитических проблем. Это особенно ярко проявилось в двух популярных и серьезных журналах — «Сыне отечества» и «Вестнике Европы». Интерес к балканской теме проявляли и другие журналы, например «Соревнователь просвещения и благотворения», «Отечественные записки», «Северный архив», «Московский телеграф».

Кажется, не было русского журнала, высказывавшего неодобрение или осуждение восставшим грекам. Им сдержанно, но явно сочувствовали, охотнее писали об успехах повстанцев в войне с султаном, чем об их поражениях и трудностях. С нетерпением ожидалось начало всеобщего восстания балканских народов, о плане организации которого было известно. «Греки решились произвести в действо всеобщий план свергнуть с себя турецкое иго. Сей план, как сказывают, начертан был в тайных братствах в Фессалии, Македонии, Сербии, Албании, Морее, Булгарии, Румелии и островах Архипелага: все было предуготовлено к исполнению», — цитировал

БОКЕЗЕЦ.

*Литография из книги В. Б. Броневского
«Записки морского офицера».*

«частное письмо», полученное из Ясс, «Вестник Европы» в апреле 1821 г.¹³⁵ Неоднократно появлялись сообщения о помощи болгар и сербов А. Империанти, о том, что «вся Булгария взбунтовалась» и турецкие власти готовятся жестоко покарать ее население, о «беспокойствах» в

Сербии и «ожидании там важных происшествий», о военных действиях черногорцев против скутарийского паша¹³⁶. Распространялись слухи, появившиеся еще в 1820 г., будто Али-паша принял христианство и помогает грекам¹³⁷.

Подобного рода ошибочные сведения, иногда опровергаемые, отражали, возможно, стремление увидеть благоприятное для греков развитие событий, ожидание всеобщего восстания подданных Порты, казалось бы, назревшего и подготовленного.

Достаточно смелым шагом со стороны «Вестника Европы» была публикация двух вариантов перевода боевого гимна греков («греческой марсельезы»), сочинение которого приписывалось Ригасу Велестинлису¹³⁸. Эта революционная песня получила большое распространение в Греции, ее записал Байрон во время путешествия по стране в 1811 г. С тех пор гимн приобрел популярность и в Европе. В «Вестнике Европы» было приведено два варианта его перевода: один принадлежал Н. И. Гнедичу, другой — какому-то греческому эмигранту, скрывавшемуся за криптограммой Д. Σ.¹³⁹ Во втором переводе имелись такие выразительные строки:

Восстаньте, Греции сыны!
День вашей славы наступает!
Восстаньте! — пусть весь свет узнает,
Что вы для славы рождены.

. . . . .
Расторгнем варварски железы,
Войну, войну воспламеним,
Тиранам нашим отомстим
За пролитые нами слезы...¹⁴⁰

О. Сомов, писатель и переводчик, горячо сочувствовавший греческому делу, в следующем году поместил в «Соревнователе просвещения» стихотворение «Греция. Подражание Ардану», конец которого принадлежал самому Сомову и по мотивам имел большое сходство с «Песней греческих воинов»:

Услышано мое моленье!
Грек за свободу стал: в тиранов сеет страх!
И тени предков, в восхищенье,
Зрят дух великий свой, оживший в их сынах!

Разите — и во гневе яром
Удары сыпьте за ударом!
Мужайтесь — мести грозный час!
Омойте кровью стыд свой прежний,
Мечом купите мир надежный!..
Вы за свободу... Бог за вас!..¹⁴¹

Еще одно стихотворение, связанное с борьбой греков за освобождение, помещенное в том же журнале, принадлежало Ф. Н. Глинке и называлось «Греческие девицы к юношам»¹⁴². Однако опубликованы были только немногие из поэтических произведений, посвященных греческой революции, балканским событиям, перспективе русско-турецкой войны, которые были написаны в это время. Лишь в 1823 г. в «Полярной звезде» появилось стихотворение А. С. Пушкина «Война» («Мечта война»), созданное весной 1821 г., в котором воображению поэта рисовалась будущая война — война, которую, как ожидалось, Россия начнет ради спасения греков.

Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?

— такими строками, выражающими нетерпеливое ожидание начала войны, могущей разбудить «уснувший гений» поэта, освободить его от «тягостной лени», заканчивается стихотворение¹⁴³.

Уже в 1822 г. появились первые попытки проанализировать, подвести итог первого года революционной борьбы балканских народов. В этом смысле интересно подробное «Обозрение 1821 г.», опубликованное «Сыном отечества»¹⁴⁴. Это была или оригинальная статья, или существенно переделанная по сравнению с ее иностранным источником, который, возможно, умышленно не указывался¹⁴⁵. «Год, явивший нам столь много великих событий и приутоживший еще больше для будущего, заслуживает в истории особую достопамятность. Не все его явления были столь ужасны: протекший год или оживил нас надеждою, что в прелестнейших странах Европы снова расцветет просвещение, что тиранское владычество восточных варваров прекратится в сей части света. Конечно, прежде прольются реки крови, еще более, нежели сколько было пролито оной в прошедшем году», — в таком духе излагал автор обзора итоги 1821 г.

для народов Балканского полуострова¹⁴⁶. Примечательной особенностью статьи была серьезная критика действий Александра Ипсиланти как вождя восстания этеристов в Дунайских княжествах. Как считает ее автор, неоправданной жестокостью было убийство в Галаце сорока беззащитных турок — «бедных, невинных ремесленников». Вождь Этерии вместо того, чтобы двигаться вперед, когда турки еще не успели собрать свои силы, занялся изданием прокламаций, не предпринял «ничего решительного», а после неудачного сражения исчез — бежал через границу. Рассказывалось также об отношениях Ипсиланти и вождя восстания в Валахии Тудора Владимиреску, который «обещал своим соотечественникам независимость», о героическом конце храброго Иоргаки¹⁴⁷.

«Благороднее, мужественнее, могущественнее, нежели ипсилантиевы войска, явили себя обитатели Пелопонесса и собственно Эллады, когда они в прошедшем году снова отважились войти в ряды самобытных народов. Они восстали и не так, как инсургенты в Молдавии и Валахии: всеобщее единодушие их оживляло», — говорилось в обзоре о начале восстания в Морее и далее сообщалось о военных успехах, достигнутых к концу 1821 г., о «конгрессе, или главном правительстве», которое «соединяет уже греков»¹⁴⁸. Как обычно, в статье делался экскурс в далекое прошлое, говорилось об Элладе — стране, «где некогда человечество наслаждалось лучшим временем бытия своего». Теперь же все европейцы желают успеха и счастья «потомкам Леонида». Специально упоминалось, что жители России «приняли живейшее участие в бедствиях, претерпеваемых в соседней Оттоманской империи их единоверцами»¹⁴⁹.

Балканским событиям отводилось в «Обзрении 1821 г.» немалое место, что свидетельствует о значении, им придаваемом. Можно предполагать, что анализ восстаний в Дунайских княжествах и в Греции и оценка их результатов неизвестным автором статьи в «Сыне отечества» оказали влияние на русских читателей.

Революционные выступления на Балканах поставили на повестку дня проблему распада Османской империи и создания в Юго-Восточной Европе независимых национальных государств. Такой оборот восточной проблемы рассматривался в различных аспектах. «Вестник Европы» сосредоточивал внимание своих читателей

преимущественно на политических последствиях балканских восстаний, обсуждал возможность вмешательства великих держав в восточный конфликт и начала войны с Османской империей. В «Выписках о делах и судьбе греков» (т. е. обзоре иностранной прессы) ставился вопрос: «Надобно ли желать уничтожения могущества турецкого для спокойствия и счастья Европы?» и на него давался положительный ответ, но при этом указывалось на опасность участия великих держав в сокрушении Турции, ибо будет нарушена «существующая система Европы»¹⁵⁰. «Земля Греции принадлежит им (грекам.— И. Д.); никто другой не имеет на нее права,— говорилось в этом обзоре.— Ее заняли турецкие войска; но грекам, одним грекам надобно предоставить обязанность очистить свою землю, учредить согласное с выгодами своими правительство или же разделить на многие области, если захотят сами». Далее доказывалось, что лучше всего, если державы останутся нейтральными, но не будут препятствовать доставлению восставшим денежной помощи и оружия, «охоте некоторых частных людей сражаться в рядах греческих»¹⁵¹. Неоднократно повторялось, что греков нельзя считать подданными Порты, вышедшими из подчинения, что султан — «законный государь турков, но не греков». В переводной статье «О Турции» (из «*Journal de Debat*») высказывалось мнение, что Османская империя никогда не согласится дать грекам «бытие отдельное и независимое». Греческий вопрос не может быть решен мирным путем и европейские народы должны оказывать повстанцам помощь. В случае же изгнания турок из Европы новое «христианское» правительство в Константинополе не замедлило бы начать торговлю с европейскими странами, а пиратство, от которого так страдала средиземноморская торговля, было бы уничтожено, и на африканском побережье можно было бы основать христианские колонии¹⁵². В других «выписках» из иностранной прессы доказывалась экономическая выгодность для европейских государств уничтожения Османской империи. Особенно выиграла бы от этого Россия, приобретя новые пути для сбыта сельскохозяйственной продукции. Почти все нидерландские журналы «с полной свободой рассуждают о пользе, какая произошла бы для Европы от учреждения независимого государства в Греции», — говорилось в одной из «Выписок»¹⁵³.

Необычным явлением для периодики начала 1820-х годов была оригинальная статья «Мысли одного грека» с пометой в конце: «сокращ. с греч. рукописи», опубликованная в «Вестнике Европы». Автор ее — «частный человек» — доказывал необходимость изгнания османов не только из Европы, но и из Малой Азии. Он предлагал разделить эти громадные территории «на разные владения, которые должны быть в едином крепком союзе между собою, подобном союзу нынешней Германии», поставив во главе каждого из них младших представителей правящих в европейских государствах династий. Константинополь же станет вольным городом и в нем будет «бесперывный сейм», составленный из представителей каждого владения. Это федеративное государство, заменяющее Османскую империю, находилось бы «в вечном мире со всеми владетелями Европы», всегда оставалось бы нейтральным¹⁵⁴. Статья отражала замысел полной политической перестройки владений Османской империи, характерный для правого крыла греческого национально-освободительного движения.

Ракурс освещения греческой проблемы в «Сыне отечества» был существенно отличным. Экспансионистских, великодержавных идей, подобных сформулированным в статье «Мысли одного грека», в нем не выражалось.

Журнал интересовался в первую очередь принципами государственного устройства нового балканского государства и сообщал своим читателям сведения именно в этом отношении. Так, в сентябре 1821 г. было опубликовано сообщение, в котором говорилось, что «по единогласным известиям» греки «прилежно занимаются устройством своего правительства», что освобожденная часть греческих земель (Морея, Ливадия и острова Архипелага) «составит союзное государство, отдельные провинции будут иметь особенные свои правления. Главное же правление, составленное из депутатов всех провинций, находится будет в Афинах»¹⁵⁵. «Пишут, что греки намерены составить из депутатов всех освобожденных областей и городов общий конгресс, который должен определить образ правления и взаимных отношений всех греческих земель», — сообщалось в конце 1821 г.¹⁵⁶ В нескольких заметках утверждалось, что греки имеют связи с США и намерены создать свое государство по их образцу, на федеративных основах. В таком союзе «каж-

дая провинция имеет право назначить свой образ правления»¹⁵⁷.

«Сын отечества» проявил внимание к решениям национального конгресса в Эпидавре (январь 1822 г.), который провозгласил независимость Греции и принял конституцию, устанавливавшую в стране республиканскую форму правления во главе с президентом, свободу вероисповедания, гарантию законом чести, собственности, личной безопасности граждан, равное право всех на занятие государственных должностей. Журнал опубликовал прокламацию конгресса, сообщил о том, что на нем было принято «временное постановление» об управлении страной¹⁵⁸. Вслед за этим появились заметки о создании «временного правления» Греции в Коринфе, его основаниях, о разделении законодательной и исполнительной власти и пр.¹⁵⁹ О государственном устройстве Греции, системе управления в освобожденных от турецкой власти районах страны печатались заметки и в последующие годы. Так, в 1823 г. снова появилось сообщение о том, что повстанцы хотят следовать принципам государственного устройства США: «Греки намерены составить из отдельных областей своих союзную республику наподобие Северо-Американских Штатов и поручить главное управление конгрессу, составленному из депутатов каждой области. Сим способом надеются они придать своим делам более единства и силы». Далее сообщалось о конгрессе в Астре, составлении «уставов» по части юстиции, внутренних дел и пр.¹⁶⁰

Таким образом, русские журналы в различных аспектах освещали балканские дела. «Вестник Европы» концентрировал внимание читателей на перспективе крушения империи османов. «Сын отечества» о том почти не писал, но зато постоянно публиковал известия о государственном устройстве повстанческой Греции, осторожно подчеркивая его республиканское, демократическое существо. Если же вспомнить, что в начале 1820-х годов проблема преобразования государственного устройства России занимала умы многих прогрессивно настроенных деятелей, декабристов, если учесть, что в числе сотрудников «Сына отечества» было немало членов тайных обществ, невольно возникает предположение, что освещение темы греческой революции в этом журнале было некоторым образом связано с идейной жизнью России. На Балканах создавалось новое государство, и принци-

пы его внутреннего устройства не могли не интересовать сотрудников и читателей такого журнала, как «Сын отечества».

Революционные события в европейских провинциях Османской империи, жизнь балканских народов, кроме периодической печати, освещались в некоторых переводных произведениях. Среди них были такие, как «Жизнь Али-паши Янинского» Ф. Пукевиля, составленная по его книге «*Voyage de la Grèce*», в переводе В. Озерова и П. Строева¹⁶¹; «Записки полковника Вутье о нынешней войне греков» в переводе с французского О. Сомова¹⁶²; «История греческих происшествий», составленная и изданная Н. Метаксой (греком по происхождению) на основе сочинения К. Д. Раффенеля и «других очевидцев с собственными дополнениями»¹⁶³. Переведены были наиболее серьезные и достоверные книги, посвященные грекам и другим балканским народам, из тех, что в это время выходили в Западной Европе. И долгое время служивший французским консулом в Янине Ф. Пукевиль, и филэллин Вутье, путешествовавший по Греции, а затем в течение двух лет лично участвовавший в греко-турецкой войне, и французский дипломат, публицист-востоковед К. Д. Раффенель хорошо знали греков, относились с сочувствием к их освободительным стремлениям.

Во всех трех книгах содержался подробный рассказ о нравах и обычаях греков, их национально-культурном возрождении, о недавних событиях и пр. «Удивляться надобно,— говорилось в переводе из Пукевиля,— каким образом после толиких, всегда насильственных перемен и коловратностей, потомки эллинов, лишенные славы имени своих предков, изнуренные всеми переворотами, сохранили донныне состав нации, успели сохранить свои национальные права, остатки своего стройного языка и письма»¹⁶⁴. Пукевилю вторил полковник Вутье, который решил написать свои записки, так как, возвратившись в отечество, обнаружил, что «о происшествиях в сей знаменитой стране господствуют ложные понятия и странные предрассудки»¹⁶⁵. Греки имеют некоторые пороки (лживость, лукавство), которые «суть пороки рабов» и исчезнут после освобождения, но «можно ль не удивляться, видя, с каким благоговейным самоотвержением соблюли они среди толиких потрясений свои нравы и веру... Четыре века томилась они в неволе — и о них судят столь строго, на место, чтоб удивляться...»¹⁶⁶. Со-

мов предпослал сочинению Вутье введение, основанное частично на переведенной им ранее статье «О нынешнем состоянии наук и просвещения в Греции»¹⁶⁷. Если обычно публицисты пренебрегали вкладом Византии в европейскую культуру, то здесь утверждалось, что греки в средние века также имели «мужей истинно просвещенных», каковые не исчезли сразу после завоевания турками, с конца же XVII в. просвещение, науки и литература в Греции начали вновь возрождаться. «...Греки не только не разлюбили муз, но всегда прибегали забывать тяжкое иго свое в беседе сих чистых дев. И чего не должно б было еще от них ожидать при благоприятных обстоятельствах!» — писал Сомов в заключение¹⁶⁸.

В «Истории греческих происшествий» также ясно выражена цель привлечь симпатии читателей к грекам, доказать правоту их дела. Ведь они восстали, по словам Метаксы, ради защиты «религии христовой, против веры магометовой, просвещения — противу невежества». Поэтому европейцы не могут не принимать участия в горестной судьбе греков, «изумляющих Европу отчаянными своими усилиями, для освобождения себя от оков...»¹⁶⁹. В самом тексте книги также доказывалось, что греков нельзя осуждать за восстание. «Первобытное отечество гражданской свободы» добивается восстановления своих попранных прав, и такая борьба законна. Обязанность всех европейских народов — содействовать успеху этой борьбы. В предисловии Раффенеля рассказывалось о традиционных связях греков с Россией, особенно окрепших со времени правления Петра I и основанных не только на единстве веры, но и на взаимных торговых интересах. Автор полагает, что процесс развития в России наук и искусств в XVIII в. шел как бы параллельно с просветительской деятельностью греков у себя на родине¹⁷⁰.

Русское романтическое движение сопровождалось ростом интереса к народному художественному творчеству и не только своего, но и других народов, в первую очередь чем-либо близких русским. Поэтому значительным событием в литературной жизни явилось издание в 1825 г. Н. И. Гнедичем сборника «Простонародные песни нынешних греков». В греческом подлиннике и в русском переводе было опубликовано двенадцать «песен клефтических», заимствованных из только что вышедшего издания француза К. Фориеля, иногда в вари-

антах, сообщенных греческим филологом К. Экономом¹⁷¹. Во введении Гнедич высказывал мысль о славянском (а не восточном, как считал Фориель) влиянии на народное творчество новых греков, усматривая причину этого в миграции древних славянских племен на юг и ассимиляции части их в Греции в средние века. Сборник явился своеобразным литературным манифестом и вместе с тем имел общественно-политическое значение, являясь как бы актом солидарности с греческой революцией, признанием ее глубоко народных корней¹⁷². Сборник был принят критикой благожелательно¹⁷³. Он очень понравился Пушкину, который в письме к Гнедичу заметил: «Об остроумном предисловии можно бы потолковать? Сходство песенной поэзии обоих народов (греков и русских.— И. Д.) явно — но причины?»¹⁷⁴

Интерес к грекам и их национальному возрождению, к ходу греческого восстания в публицистике первой половины 1820-х годов доминирует, оставляя в тени другие балканские народы. Чаше встречаются материалы, посвященные Дунайским княжествам, что было связано с происходившими там в 1821 г. восстаниями Т. Владимиреску и А. Ипсиланти. О том, что княжества привлекали внимание именно в связи с этими происшествиями, прямо говорилось в статье «Молдавия и Валахия» в «Вестнике Европы»¹⁷⁵. В ней рассказывалось об общественно-политическом положении этих областей, о фанариотском режиме, о хатти-шерифе 1802 г., изданном Портой «по неотступным требованиям соседственного великого монарха, чувствительного к бедствиям единовверных ему обитателей Молдавии и Валахии». Публикация статьи по каким-то «обстоятельствам непредвиденным» осталась незавершенной, вместо этого читателям были предложены выдержки из сочинения известного географа К. Мальт-Брюна (К. Мальтбрена). Там затрагивался, в частности, вопрос о происхождении и языке молдаван и валахов, говорилось, что «геты, или даки, первые стран сих обитатели постоянные известные, были народ весьма похожий на славян», что «новый язык волошский есть смесь языка славянского с латинским». Мальтбрэн писал о крайне тяжелом положении крестьян в княжествах, но и бояр считал столь же несчастными и угнетенными. «Отчего же потомкам даков недостает деятельности? Отчего потомки римлян остаются во мраке невежества?» — спрашивал он и отвечал: «Оттого, что

МИЛОШ ОБРЕНОВИЧ.
Фронтиспис в книге
«Жизнь и подвиги Милоша Обреновича».
Литография с карт. П. Чурковича

худое устройство общества расслабляет природные способности». В конце статьи содержались такие строки: «Неужели политика европейская не найдет приличным употребить страну сию для общей пользы? Уже не один раз была речь составить особое государство из обеих провинций древней Дакии... Дунай, возвращенный тишине и торговле, обогащал бы тогда и одесскую таможду, и константинопольскую»¹⁷⁶. Позднее, в 1823 г., в «Северном архиве» было опубликовано «Краткое историческое обозрение Молдавии» по рукописи Николая Карпова, написанной еще в XVIII в.¹⁷⁷, а в 1825 г.— перевод ряда глав из только что вышедшей вторым, дополненным из-

данием книги бывшего английского консула в Бухаресте В. Вилкинсона о Дунайских княжествах¹⁷⁸.

Немногочисленны были материалы, касающиеся южнославянских народов. Среди них обращает на себя внимание статья в «Сыне отечества», «О сербах», написанная «Ж. М. С.», переведенная с французского находившимся на службе в России сыном «одного из сербских знаменитых вождей». В ней описывались история Сербии со времени турецкого порабощения, Первое и Второе сербские восстания. Автор утверждал, что после 1815 г. страна стала фактически свободной: сербы сами распоряжаются своими доходами, решают свои тяжбы, «наслаждаются всеми благами тишины»¹⁷⁹.

Но слабое отражение сербской темы в периодической печати было восполнено изданием в 1825 г. книги под названием «Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича». Это был труд Вука Степановича Караджича, который он прислал в российское министерство иностранных дел «для согласования политических моментов». Оттуда рукопись каким-то образом попала в руки сербского деятеля, находившегося в России, М. Германа. Последний перевел с немецкого и издал произведение Караджича, назвав имя автора только в предисловии¹⁸⁰. Такая манера была распространена в России начала XIX в., поэтому нельзя считать, что Герман скрыл истинного автора книги. Но он нанес Караджичу моральный и материальный ущерб, издав книгу без его ведома.

«Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича» были изданы при поощрении и на средства самого сербского князя, приславшего Герману свой портрет работы П. Чурковича¹⁸¹. Текст ее в основном соответствовал рукописи Караджича (позднее, для сербского издания 1828 г., она была дополнена и обработана автором), являлся довольно точным переводом с введением некоторых добавлений и ряда примечаний¹⁸². В одном из таких примечаний к «Преуведомлению» Герман привел полный текст на сербском языке «Песни об избавлении Сербии» Д. Обрадовича. Эти стихи были опубликованы в России во второй раз, теперь уже в подлинном виде¹⁸³.

Вскоре в «Библиографических листах», издаваемых П. И. Кеппеном, хорошо знавшим Караджича, появилась рецензия на книгу о Милоше Обреновиче. В ней явно осуждалось издание книги Германом, подчеркивалось, что автор ее, Вук Стефанович Караджич, «еще сам

не издал на своем отечественном языке сих известий, коих собиране и составление, конечно, немалых стоило ему трудов»¹⁸⁴. Бесспорно, книга Караджича была издана Германом предосудительными методами, но появление на русском языке этого ценного произведения сыграло положительную роль в деле распространения в России знаний и представлений о недавней истории и современном положении сербского народа.

В самом конце первой четверти XIX в. в публицистике о балканских народах наметилось стремление представить общую демографическую картину Европейской Турции, специфику каждой из национальных областей. Этим задачам в какой-то мере отвечала появившаяся на страницах только что начавшего выходить «Московского телеграфа» статья Ж. Б. Сея «Статистическое обозрение обитателей Турецкого государства», посвященная в основном грекам¹⁸⁵. Но в том же году в другом журнале было опубликовано гораздо более интересное произведение, посвященное южным славянам, молдаванам и валахам. На нем необходимо остановиться особо.

ОПИСАНИЕ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ А. М. СПИРИДОВЫМ

В 1825 г. в одном из наиболее популярных общественно-политических журналов Петербурга — «Северном архиве» — появилась обширная статья под названием «Краткое обозрение народов славянского племени, обитающих в европейской части Турецкой империи» с подписью С-д-ов¹⁸⁶. Как установлено, принадлежит она перу А. М. Спиридова — внука героя Чесменского сражения 1773 г. адмирала Г. А. Спиридова и брата декабриста М. М. Спиридова¹⁸⁷.

Статья, помещенная в «Северном архиве», примечательна в разных аспектах: и как первая попытка дать русскому читателю общее, целостное представление о народах балканского региона, находившихся в составе Османской империи, и как показатель уровня и специфики знаний об этих народах в России на рубеже первой и второй четверти XIX в., и, наконец, как свидетельство отношения к балканским проблемам и событиям одного из прогрессивных русских деятелей этого времени. Поэтому об авторе названного произведения, его содер-

жани и характерных особенностях стоит рассказать подробнее.

Алексей Матвеевич Спиридов родился в 1785 г. или в 1786 г. в семье небогатой, но родовитой, прославленной не только по отцовской, но и по материнской линии. Его дедом по матери был известный государственный и общественный деятель, историк М. М. Щербатов, повлиявший на увлечение русской историей своего зятя М. М. Спиридова — сенатора, автора трудов по генеалогии русского дворянства. Семейная обстановка с традиционным интересом к общественно-политическим и историческим проблемам не могла не наложить отпечатка на следующее поколение Спиридовых, к которому принадлежал Алексей Матвеевич. Он начал службу в 1801 г. в Московском архиве государственной коллегии иностранных дел, затем находился в Земском войске (в 1807 г.), служил в министерстве юстиции, в Правительствующем Сенате, участвовал в Отечественной войне 1812 г. и в заграничных походах. В 1817 г. Спиридова назначили сотрудником росийского генерального консульства в Бухаресте, где он находился с начала 1818 г. до конца 1821 г., затем полтора или два года пробыл в Германштадте (ныне Сибиу в Трансильвании), куда выехало российское консульство после разрыва дипломатических отношений с Портой. В 1824—1825 гг. Алексей Матвеевич жил в Петербурге, а в 1826 г. вышел в отставку¹⁸⁸.

К этим годам и относятся некоторые опубликованные Спиридовым в столичных журналах работы¹⁸⁹. Он также сотрудничал в «Библиографических листах», издававшихся П. И. Кеппеном¹⁹⁰. Кроме этого, сохранились интересные неопубликованные материалы личного творчества Спиридова, относящиеся к периоду его дипломатической службы. Они свидетельствуют, что автор статьи о балканских народах — человек широко образованный и «свободомыслящий», близкий по общественно-политическим взглядам к правому крылу декабристов. Имелась определенная идейная близость между Михаилом Спиридовым, членом Общества соединенных славян, и его старшим братом Алексеем. Последний был сторонником отмены крепостного права, введения в России конституционной монархии, но решительно отвергал революционные насильственные методы борьбы с самодержавием¹⁹¹.

А. М. Спиридов проявлял интерес к философским, нравственным и общественно-политическим проблемам, но не был профессионально подготовленным историком, филологом или славяноведом. При составлении своей статьи «Краткое обозрение народов славянского племени...» он использовал некоторые литературные источники, однако главным для него были личные наблюдения и впечатления в течение ряда лет, проведенных в Дунайских княжествах и Трансильвании. Там он непосредственно столкнулся с общественно-политическими проблемами, касавшимися не только молдаван, валахов, но и других подданных султана. Ведь российские консульства в Валахии и Молдавии являлись как бы связующими центрами между балканскими народами и Россией. К русским дипломатам в Бухаресте и Яссах обращались все, кто стремился установить контакты с петербургским двором, с российским министерством иностранных дел. В княжествах жило немало выходцев из Сербии, Болгарии и других областей Европейской Турции. Там можно было наблюдать болгарских крестьян-колонистов и составлявших наемное войско господарей «арнаутов», среди которых находились не только албанцы, но и сербы, болгары, греки. Наконец, Спиридов был в Бухаресте в те напряженные дни 1821 г., когда в Дунайских княжествах разворачивались революционные события — восстания Тудора Владимиреску и Александра Ипсиланти.

Статья же в «Северном архиве» принадлежала перу русского очевидца событий, непосредственно общавшегося с представителями балканских народов в течение нескольких лет. Ее автор действительно был в состоянии удовлетворить назревшую потребность российской общественности лучше узнать, осмыслить происшедшие на Балканах события.

Характерно, что Спиридов прежде всего попытался объяснить, почему провалилось выступление греков в Дунайских княжествах и борьбу за свое освобождение, несмотря на благоприятные условия, одновременно не начали «воинственные поколения славянские», почему так и не произошло задуманного этеристами общебалканского восстания. Не затрагивая всех причин этого явления, он выдвигает на первый план одну — «общее, неизменное предубеждение всех славянских племен, обитающих в Турции, против греков...» (№ 14, с. 86) и рас-

сказывает об исторических корнях этого явления: о захвате греками в свои руки всей торговли, о роли греков-фанариотов и «пастырей греческой нации», которые «удаляли лучи просвещения от народов племен славянских» (№ 14, с. 89).

«Конечно, было бы несправедливо и безрассудно почитать всех греков без различия виновниками несчастий, постигающих славян,— продолжает автор статьи,— неприязненные против них поступки должно исключительно приписывать грекам, обитающим в Константинополе, и тем, которые *даже и теперь* составляют челядинцев пашей, и других чиновников Порты». Но предубеждение «необразованных славян», по его утверждению, невольно распространяется на всех греков (№ 14, с. 90—91) (курсив подлинника.— И. Д.).

После бурного подъема среди европейской общечеловеческой филэллинских настроений, вызванных началом греческого восстания в 1821 г., наступило определенное разочарование. Его переживали некоторые русские интеллигенты, в частности А. С. Пушкин¹⁹². У Спиридова очень сильно проявились такие тенденции, может быть, отчасти из-за того, что он непосредственно столкнулся с фанариотской проблемой в Дунайских княжествах, с конкретными фактами эллинизаторской деятельности среди балканских народов высшего греческого духовенства, фанариотов, и симпатии его оказались не на стороне последних. О проблеме эллинизации и ее отрицательных последствиях для южнославянских народов, в особенности для болгар, русский читатель, пожалуй, мог впервые узнать именно из этой статьи.

Другая проблема, привлекавшая внимание Спиридова,— этногенез южнославянских народов и их национальные особенности. Однако славянами по происхождению он считает не только болгар, сербов, черногорцев, босняков, герцеговинцев, хорватов, но и албанцев, молдаван и валахов.

Было ли это следствием простой неосведомленности или в том выразились какие-то характерные для своего времени представления и делалась попытка сформулировать определенную гипотезу об этногенезе населения Балканского полуострова? Прежде чем ответить на этот вопрос, посмотрим, как изображает автор «славянские племена» Европейской Турции, существо их общности и отличий.

Единая этническая принадлежность названных выше народов выводится Спиридовым из самого исторического факта переселения славян в пределы Восточно-Римской империи в VI—VIII вв. и оседания там — в Фессалии, Эпире, Македонии, Иллирии, Паннонии, обеих Мисиях, Дардании, Даккии и других областях, «лежащих к северу» (№ 14, с. 92). «Доказательствами происхождения племен, тут водворившихся, — читаем далее, — служат: сходства наречий, ими употребляемых и имеющих один и тот же корень; нравов, обычаев, прозваний, людей, названий городов, селений, рек, озер, урочищ, наконец, вера, ими исповедуемая. Почти везде находим между племенами славянскими одинаковыми пылкое мужество, образ жизни, обычаи при свадебных и похоронных торжествах. Многие племена славянские, обитающие в Европейской Турции, изменили, как и другие поколения сего ж племени, первобытные свои наименования и приняли названия или стран, где водворились, или дали им имена, относительные к их местоположениям. Все сии обстоятельства заставляют, не обинуясь, почитать племена сии единопородными с славянами, обитающими в России, равно с поляками, чехами, словаками и т. п.» (№ 14, с. 93).

Таким образом, доказательством этнической общности балканских «славян», их близости к восточным и западным славянам служат: 1) сходство языков; 2) сходство нравов и обычаев, т. е. этнографических характеристик; 3) единство веры. Значение первых двух признаков как этнического определителя очевидно и в наше время, третий же — единоверие — формулируется неясно, хотя под «верой истинной» подразумевается, очевидно, христианство в целом, которое послужит разделителем между турками и подчиненными им народами.

Заселившие Юго-Восточную Европу, отличающиеся «пылким мужеством» славянские племена под влиянием принятия христианства, распространения просвещения «смягчили нравы», «променяли меч на плуг», хлебопашество «присоединили» к скотоводству, стали оседлыми. Но они сохранили воинственный дух, сопротивлялись вторжению магометан, многочисленность которых заставила их все же подчиниться чужеземной власти. Однако и после завоевания турками балканские славяне в большинстве своем сохранили христианскую веру, нравы и язык, т. е. свою славянскую народность (№ 14, с. 94).

Названные признаки и характерные особенности славян кладутся в основу описания каждого из балканских народов, чему и посвящена основная часть статьи.

Сомнения «некоторых писателей и путешественников» в славянском происхождении албанцев неосновательны, заявляет Спиридов, ибо народ этот сохранил немало обычаев своих предков-славян, а в языке много славянских слов, личных имен и географических наименований; в некоторых христианских церквях Албании богослужение до сих пор ведется на славянском языке. Но албанцы-славяне более всех прочих «изменились от единоплеменных своих», в результате сильного смешения с другими народностями «изменили наречие прародительское и говорят языком, сложенным из собственного, греческого и турецкого» (№ 14, с. 96, 101).

Аналогичным образом разрешается вопрос о славянской принадлежности валахов и молдаван, куцо-влахов и кара-влахов. «...Все в Валахии отзывается происхождением славянским», — пишет Спиридов. Он предполагает, что славянами были и древние даки, которые, перейдя во владения римлян, многое заимствовали из латинского языка, а затем в VII в. на территорию Дунайских княжеств пришла волна славянского переселения. Однако в дальнейшем молдаване и валахи также отделились от своих предков: их современный язык составлен из «славянского» и «испорченного латинского или итальянского», в народном же языке молдаван, особенно в горных районах сохранилось больше «не только слов и наречий, но даже оборотов речей славянских» (№ 15, с. 205, 206, 230).

По сравнению с албанцами, валахами и молдаванами другие балканские народы, как считает Спиридов, сохранили в большей неприкосновенности свой славянский язык, нравы и обычаи. Это болгары, черногорцы, герцеговинцы и сербы, босняки и хорваты (о последних двух рассказывается очень кратко), т. е. те народы, которые в действительности являлись южными славянами. Они отличаются «чистотой» происхождения, в большей степени удержали первоначальные обычаи и язык. Например, такие наречия «славянского языка», как сербское и болгарское, сохранили «первобытный корень в словах и составе речей», но также приобрели лексические заимствования у народов, с которыми соприкасались (№ 14, с. 109; № 15, с. 193—194).

Как видим, в статье «Краткое обозрение народов славянского племени...» сформулирована своеобразная гипотеза относительно этногенеза и национальных особенностей народов, находящихся в составе Османской империи, выраженная в следующей простой схеме: Балканы — регион в основном славянский, ставший таковым со времени раннего средневековья. Но часть народов славянского происхождения в результате соприкосновения с «иноплеменниками» и особенно с греками и турками потеряла свои славянские признаки, другие же сохранили их в большей неприкосновенности.

Это, конечно, ошибочное, очень упрощенное представление о сложнейшем процессе этногенеза и национального развития балканских народов, выведенное как бы ретроспективным путем, в результате логических предположений, а не на основе научных фактов. Но последних в 1825 г. еще и не было накоплено. Интерес к проблеме этногенеза южных славян лишь начинал пробуждаться. Происхождение албанцев представлялось особенно темным и неясным. Что касается валахов и молдаван, то для обоснования своего заключения об их славянской принадлежности Спиридов мог использовать и данные некоторых авторитетных иностранных авторов. Например, популярный географ и публицист Мальбрюнн считал древних даков народом, близким к славянам, а новый валашский язык — «смесью языка славянского с латинским»¹⁹³. Аналогичные представления о языке населения Дунайских княжеств свойственны англичанину В. Вилкинсону¹⁹⁴.

В «Библиографических листах», издававшихся славистом П. И. Кеппенем, в 1826 г. была помещена рецензия на две немецкие книги о языке и происхождении валахов. Из нее можно заключить, что вопрос об этническом происхождении валахов дискутировался в литературе. «Не входя в рассмотрение разных мнений и доказательств,— писал рецензент,— почему одни почитают их словенами, другие же потомками римлян, скажем, что мы охотно верим, что валахи суть словене, коих язык изменен влиянием господствующих некогда над ними римлян»¹⁹⁵.

Таким образом, версия о славянском происхождении валахов и молдаван имела хождение в первых десятилетиях XIX в. Три года спустя после Спиридова о преобладании славянского населения на территории Дунай-

ских княжеств и достаточно позднем вытеснении его, или «оволошивании», писал Ю. И. Венелин¹⁹⁶. Кстати сказать, в приемах автора «Краткого обозрения народов славянского племени...» и Венелина как публицистов можно заметить нечто общее. Последний, руководимый стремлением напомнить миру о болгарях — славянском народе, находившемся в тяжелом положении, — применял ретроспективный метод, иногда искажал исторические факты. Спиридов же произвольно увеличил число южнославянских народов, исказив тем самым этническую структуру Юго-Восточной Европы. Но вместе с тем он сделал первую попытку осмыслить реально существующие общности и различия в сложнейшей демографической структуре Балканского полуострова.

В статье сообщается немало важных конкретных сведений о балканских народах — не только о национальных чертах, языке каждого из них, но и о природных условиях, степени развития сельского хозяйства, промышленности и торговли, особенностях общественных отношений, в какой-то мере об историческом прошлом и недавних событиях. Уделяется внимание государственному устройству и развитию просвещения отдельных народов. Притом в подходе к этим последним проблемам заметны некоторые особенности личных взглядов автора. Правление в Черногории «не удалилось от законов природы», «просто, без многих положительных постановлений», — пишет он, — и это вполне соответствует патриархальному образу жизни черногорцев (№ 14, с. 108). В государственном устройстве Сербского княжества его привлекают демократические начала — местное общинное самоуправление, народные скупщины, на которых «общим мнением сочиняют и утверждают узаконения, решают важнейшие тяжёбые и уголовные дела, отправляют депутатов к Оттоманской Порте, располагают всеми частями законодательной власти, наложения податей и проч.». Благодаря широким правам скупщины, избираемости верховного вождя, кнезов и старшин Сербия «пользовалась бы самым кротчайшим правлением между христиан, подданных пади-шаху». Но этого нет из-за угнетения и несправедливости местных пашей и Порты (№ 14, с. 114—116).

Рассказанное Спиридовым о государственном устройстве Сербского княжества мало соответствовало действительности 20-х годов XIX в., когда князь Милош

Обренович, уничтожив соперников, правил фактически самовластно, не считаясь со скупщинами, с народным волеизъявлением. Вряд ли, прослужив ряд лет в российском консульстве в Бухаресте, которое ведало политическими сношениями с Сербией, Спиридов не знал обо всем этом. И напрашивается предположение: не пытался ли он (как и некоторые другие его современники) найти в патриархальном общественно-политическом укладе жизни сербов, фактически уже разрушенном, некий идеал, образец изначального демократизма общественного строя одного из южнославянских народов?

В литературе и журналистике первой четверти XIX в. не раз помещались материалы о сербах и черногорцах. О болгарях же российской «читающей публике» было известно очень мало. Поэтому сведения, сообщаемые в статье об этом народе, имели особое значение.

Болгария изображается Спиридовым страной благодатной в природном отношении, предоставляющей жителям «обильное поприще для трудолюбия». Но экономическое процветание ее невозможно из-за внутренней политики Порты, действующей средствами «общего и частного деспотизма», а кроме того, вследствие разграбления страны во время прохождения турецких войск из Анатолии и Румелии к берегам Дуная (№ XV, с. 198—199). Болгары — люди «физически крепкие, статные, сановитые и взрачные». Они храбры от природы, но предпочитают «спокойные труды сельские военному ремеслу». Говорится также о трудолюбии и старательности болгар, «домостроительство» которых имеет преимущество перед хозяйством других стран, находящихся под турецкой властью (№ 15, с. 195—199).

Подчеркивается сходство болгар с другими славянскими народами: их обычаи «носят следы древности славянской», их общественные порядки в чем-то аналогичны сербским, одежда сходна с малороссийской. Что касается языка, то «болгарское наречие славянского языка» очень отличное в разных частях страны и перемешано с другими языками — турецким, итальянским, латинским (№ 15, с. 193—194).

Во всем описании национального характера болгар, особенностей их современного положения и т. д. заметны симпатии к этому народу, сочувствие его тяжким страданиям в условиях деспотической системы правления в Турции. Особо выделяются демократические,

патриархальные черты общественного строя болгар — «равенство состояний», отсутствие социальных привилегий, т. е. то, что по представлениям того времени было характерно для древних славян как этнически родственной общности.

В статье Спиридова рассказывалось преимущественно о «собственно Болгарии» в тогдашнем географическом понятии, т. е. об области, ограниченной с севера Дунаем, а с юга — Балканским хребтом (№ 15, с. 193), хотя упоминались также болгары, обитающие в Румелии, водворившиеся около Филиппополя и «забывшие язык прародительский», «разлогские поселенцы» (№ 15, с. 193—196), болгары, живущие в Албании, Молдавии и Валахии, в России. Очевидно, автор обладал конкретными сведениями о северной части болгарских земель, но не имел точного представления о границах распространенности болгарского этнонима. Поэтому русские читатели по-прежнему не могли получить реального представления о национальной территории болгарского народа. И все же статья в «Северном архиве» сообщала немало ценных сведений о болгарях, о всей сложности болгаро-греческих взаимоотношений, обо всем том, что несколько позднее придало церковному вопросу такую важность в истории национального возрождения болгар¹⁹⁷.

Сербию, Черногорию, Болгарию Спиридов не видел собственными глазами, и эти южнославянские земли представлялись ему в несколько романтизированном, экзотическом облике. Но жизнь молдаван и валахов он наблюдал каждодневно и рисовал ее во всей сложности, противоречивости и неприглядности.

Дунайские княжества, описанию которых Спиридов посвятил значительную часть труда^{198—200}, в отличие от Болгарии были уже достаточно известны русским читателям по статьям и книгам как на западноевропейских, так и на русском языках. Его рассказ о Дунайских княжествах не вносит принципиально нового в эти отражавшие реальную действительность представления, но более конкретен и достоверен, а главное, имеет ярко выраженную обличительную направленность. Бедствия народа изображаются не только как следствие эксплуатации Порты и фанариотского режима, но и как вина национального господствующего класса — боярства, которое переняло пороки греков-фанариотов. Местное дворянство, пишет Спиридов, «утратило все добродете-

ли праотцов, забыло о их мужестве и воинственном духе, пренебрегло любовью к отечеству, приверженностью к вере. Гордость и чванство их равняется только лести и унижению, оказываемым ими пред мгновенными своими властителями, чтоб получить от них место или должность, способствующую грабить и разорять соотечественников своих, делясь в прибытке и добыче с неверными пришлецами, платящими им за все это презрением». Расточительность, тщеславие, мздолюбие бояр — следствие их богатства и несправедливо нажитого достояния (№ 15, с. 209—210). Единственная черта характера, которая доказывает, что их предки были некогда славянами — гостеприимство, но и тут проступает «спесь против низшего», «надменность породы» заменяет чистосердечность. «Только крестьянин, несмотря на бедность свою, всегда имеет на чистом столе кусок малая, без различия готовый для всякого, входящего в хижину его» (№ 15, с. 211).

Жестоко укоряя «дворянство», греков-фанариотов, автор с сочувствием относится к крестьянам и с особой симпатией — к «жителям гор» — трудолюбивым, отважным, искренним, более сохранившим «чистоту нравов» (№ 15, с. 212).

Крестьяне, на которых «особенно падает вся тяжесть ига, налагаемого Портой, господарями и самими боярами», по утверждению Спиридова, «лично свободны и не принадлежат помещикам, на землях которых обитают, но суть настоящие рабы не только высшего правительства, но и чиновников которых оно назначает своими поверенными в частных управлениях» (№ 15, с. 208, 227). Поселяне обременены столькими податями, поборами, отработками, «что едва в целой Европе найдется народ, так много работающий и платящий». В княжествах царят беззаконие и произвол. В суде «сильный и богатый всегда бывает правым», тяжбы решаются по произволу господарей. Поселян и мелких городских обывателей могут подвергать телесным наказаниям, штрафам, тюремному заключению не только первые бояре, но даже исправники и другие чиновники. «От сего происходят беспрестанные злоупотребления власти и истинный грабёж жителям» (№ 15, с. 228, 229). Следствием же тяжелых социальных условий — притеснений, побоев и денежных взысканий, «уничжительного положения» становятся такие нравственные пороки, как леность, трусливость, скрытая злоба (с. 211, 218).

Далее Спиридов говорит о недавних революционных событиях в Валахии. Местные жители не поддержали восстания Ипсиланти. Следствием же его поражения стало «настоящее бедственное положение» княжеств, что ожесточает их население против греков. «Предприятие Владимирско имело основанием избавление отечества от угнетения господарей, их греческих царедворцев и собственных бояр, не уступающих нимало первым в мздоимстве и корыстолюбии», — заключал автор (№ 15, с. 218), как бы оправдывая или, во всяком случае, не осуждая восставших. Эти строки, вероятно, первая попытка кратко, но четко и ясно разъяснить русским читателям классовую и национальную направленность восстания Владимиреску.

Выше говорилось о рукописных материалах личного творчества Спиридова, свидетельствующих о его идейной близости к декабристам. Наиболее интересен среди них черновик конституционного проекта, снабженного обширными комментариями, являющимися одновременно как бы своеобразным политическим трактатом. Его характерная особенность — антикрепостническая направленность, обличение российского дворянства, помещиков, бесчеловечно угнетающих своих крестьян, «продающих на торгу крепостных своих людей, торгующих ими как творениями бездушными». «...О русский, ужасаюсь сей картиной безправственности, безверия россиян, — восклицает автор, — и россиян, ищущих права занять первые степени в государстве предпочтительно ко всем другим состояниям». «...Которая семья дворянская смело скажет, что она невинна в пролитии крови подданных своих?.. Я с омерзением отвращаю глаза от тех примеров, где вижу кровь, льющуюся ручьями по повелениям помещиков, изыскивающих более способов истязания человеку, чем самые гнусные тираны находили оных для страшных пыток, отвращаю глаза от убиенных рабов злостью, ехидством жен дворянских. ...Сею кровью вопиющей вы обогрены, дворяне, спешите ее омыть, доколе не предпримут того те, кого вы смеете рабами называть...»²⁰¹

Сравнив эти горькие обличительные строки с тем, что говорится в статье «Северного архива» о фанариотском режиме в Дунайских княжествах, о местных боярах, полном бесправии и невыносимом положении крестьян, можно почувствовать некое сходство в подходе Спиридо-

ва к социальным проблемам в России и в турецких владениях, к проблемам, казалось бы, столь не похожим друг на друга внешне и близких по существу. Он обличает господствующие классы, сочувствует униженным и угнетенным крестьянам, доказывает необходимость улучшения их участи и призывает к этому. Чувствуется, что автор исходит из наличия общности или сходства между балканскими народами и славянами, населяющими Россию, по происхождению, религии, языкам, культурно-историческим традициям. Он попытался воссоздать некоторые особенности балканской действительности, проявляя при этом своеобразное славянолюбие — «славянофильство», конечно, если употреблять этот термин лишь в буквальном его значении.

Это «славянофильство» выражено в очевидной симпатии к «народам славянского племени», в наивном стремлении увеличить их число, подчеркнуть их важную историческую роль в идеализации славянских национальных особенностей, существовавших в древности, таких, как нравственная чистота, демократические, патриархальные принципы общественного уклада, соединенные с природным мужеством, патриотизмом. Эти черты уже утрачены, по мнению Спиридова, привилегированными зажиточными сословиями, всеми, кто чисто внешним образом, путем слепого подражания приобщается к европейской цивилизации (особенно французской). Но они еще сберегаются в народной, крестьянской среде, особенно у горцев. Таков еще не вполне определившийся, но уже наметившийся комплекс представлений о южнославянских народах, их отличительных особенностях, о славянской общности, характерный не только для Спиридова, но и для ряда других российских общественных деятелей его времени, различных по своим общественно-политическим убеждениям.

Что касается Спиридова, то его научная и публицистическая деятельность оборвалась очень быстро. После отставки в 1826 г., которая, возможно, имела косвенную связь с разгромом декабрьского восстания, с осуждением брата, следы его почти теряются. Лишь из некоторых сохранившихся писем можно заключить, что он долгое время болел, с 1827 г. жил в деревне, находился в тяжелом матернальном положении и умер, по-видимому, в 1830 г.²⁰²

ИЗУЧЕНИЕ БАЛКАН И РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙН
ПО ЗАДАНИЯМ ВОЕННОГО ВЕДОМСТВА
И МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Распространению в России сведений о балканских народах в какой-то мере содействовало изучение турецких владений в Европе, которое предпринималось правительственными и военными органами, описание балканских земель в разного рода записках служебного назначения.

Материалы такого рода — главным образом о путях сообщения и населенных пунктах — собирались еще в конце XVIII в. Так, например, когда после заключения Ясского мира с Турцией в Константинополь отправилось чрезвычайное посольство во главе с М. И. Кутузовым, было составлено «Подробное описание пути...» от Рущука через Шумлу в Константинополь и обратного пути от Араб-Бургаса через Айдос до Галаца. В нем содержались сведения о селениях и городах Болгарии, национальном составе их жителей, продовольственных возможностях и пр.²⁰³

Важность военно-топографического и, по тогдашней терминологии, «статистического» изучения соседствующих с Россией земель и народов, их населяющих, была в полной мере осознана в ходе наполеоновских войн, когда делались попытки определить задачи, содержание и методы такого рода работ²⁰⁴. Во время войны с Турцией офицеры квартирмейстерской части составляли описания дорог, городов и крепостей или отдельных областей, которые использовались для составления операционных планов на балканском фронте.

Разработкой подобного плана занимался, в частности, П. А. Строганов — один из выдающихся государственных деятелей начала правления Александра I, который в 1809—1810 гг. находился в Дунайской армии и участвовал в военных действиях в северной части Болгарии. В архиве П. А. Строганова сохранились черновики его собственного сочинения на эту тему, некоторые записки и предложения относительно ведения военных действий на территории Болгарии и Румелии²⁰⁵.

В одной из этих записок, носящей название «Топографическое описание Булгарии и Румелии», которая, как можно установить, была составлена сенатором А. В. Поликарповым²⁰⁶ — участником войн с Турцией времени правления Екатерины II, прежде всего указы-

вается, что «распоряжение военных действий на территории за Дунаем, в Болгарии и Румелии весьма затруднительно по неизвестности земли и за неимением топографических описаний», из-за отсутствия точных карт. Автор подчеркивает сложность ведения наступательных операций в Болгарии и Румелии, трудности со снабжением войска и зимовками, говорит о необходимости использовать военный флот. Он не склонен недооценивать военных возможностей турок и их преимуществ при ведении войны на своей территории. Поликарпова интересуют в первую очередь турецкие крепости, пути, по которым предстоит продвигаться русским войскам. О местном населении он сообщает немного: что турецкие подданные «наипаче промышляют скотоводством, пашни не уважают и обрабатывают земли только на самонужное пропитание по причине грабительства правления...», что, когда неприятельское войско вступает в Болгарию, местное население уходит за Балканы, в Македонию и далее. «Земля остается пуста, и никакого пособия от жителей оной ожидать невозможно», — полагает он ²⁰⁷.

Некоторые из такого рода обозрений русских офицеров — участников войн с Турцией — публиковались в журналах. Так, например, в 1810 г. в «Военном журнале» появилась статья «Стратегические рассуждения о первых действиях россиян за Дунаем в 1810 г. с историческими и статистическими замечаниями от служившего по квартирмейстерской части отставного майора и кавалера Чуйковича» ²⁰⁸. Примечательны в ней именно «замечания» (комментарии) Чуйковича, как можно понять по контексту, только что вернувшегося с балканского фронта, побывавшего в придунайской части Болгарии, в некоторых ее городах и по должности офицера квартирмейстерской части специально собиравшего сведения о территориях, где велись военные операции или могли вестись в дальнейшем ²⁰⁹.

Немалое количество записок и всевозможных материалов, посвященных внутреннему положению в Европейской Турции, отдельным народам, ее населяющим, экономическим и общественно-политическим особенностям балканских земель в период наполеоновских войн, поступало в российское министерство иностранных дел. Их составляли как русские дипломаты, работавшие в странах Леванта, так и балканские эмигранты, оказавшиеся в России.

Среди такого рода материалов, посвященных греческим землям, интересны записки И. Каподистрии, митрополита Игнатия и И. Кантакузина²¹⁰. Русский дипломат С. А. Санковский, направленный в 1805 г. в Черногорию в качестве «специального представителя» царя, составил подробное описание Черногории и Боки Которской²¹¹. Через несколько лет после этого С. И. Мазарович — бокезец, эмигрировавший в Россию и поступивший на службу в министерство иностранных дел, — представил туда обширную записку под названием «Заметки о Черногории»²¹². Сохранились также некоторые материалы, касающиеся Сербии, Молдавии и Валахии²¹³.

Такого рода записки и материалы не всегда содержали достоверные сведения о странах и народах, которым посвящались. Кроме того, иногда они отличались тенденциозностью. Но в какой-то мере они содействовали накоплению знаний о балканских народах.

Сбор сведений об экономическом и общественно-политическом положении на Балканах и происходивших там событиях входил в круг обязанностей российской миссии в Константинополе и консульств, расположенных в городах и портах Европейской Турции. Дипломатические чиновники сообщали такого рода данные, основываясь на собственных наблюдениях, а также сообщениях и записках, которые получали от местных деятелей, преимущественно греков, поддерживавших тесные контакты с российским посольством и консульствами.

В 1816—1821 гг. в константинопольской миссии под руководством посланника графа Г. А. Строганова, сторонника сильной активной политики в Восточном вопросе, работало около двадцати чиновников. Среди них были люди высокообразованные и либерально настроенные, из которых особо следует отметить Д. В. Дашкова и С. И. Тургенева, проявлявших интерес к балканским проблемам.

Дмитрий Васильевич Дашков — известный литератор, один из основателей «Арзамаса» — в 1818—1821 гг. занимал пост второго советника посольства, а затем, после выезда миссии из Стамбула, некоторое время управлял ее делами. Впоследствии Дашков считался одним из знатоков общественно-политического положения Турции и ее владений. Когда в 1828 г. возник вопрос о создании независимых государств в Юго-Восточной Европе, именно ему поручили дать отзыв на предложение Капо-

дистрии относительно конкретного состава этих государств²¹⁴.

Такую репутацию Дмитрий Васильевич приобрел не только потому, что служил более трех лет в константинопольской миссии. В 1820—1821 гг. он по поручению Строганова совершил длительную поездку по странам Леванта, побывал в греческих землях и островах Восточного Средиземноморья, в Египте и Сирии. Официально целью этих путешествий была инспекция российских консульств в Леванте²¹⁵. Но, кроме того, Дашков должен был собрать достоверные сведения о положении в турецких владениях. Особое задание касалось Иерусалима: надлежало ознакомиться со сложившимися там условиями, чтобы потом «вместе с французским послом в Константинополе приступить к окончательному распоряжению по делу о св. гробе господнем»²¹⁶. Как литератор, человек, интересующийся памятниками греческой и славянской письменности, античной литературой и искусством, Дашков использовал свои служебные поездки в научных целях. Поэтому, например, он и его спутники «из одного только любопытства» посетили Олимпию, Аргос, Эфес²¹⁷.

В одной из поездок — из Стамбула в Смирну, через острова Родос и Кипр в Иерусалим — Дашкова сопровождал известный художник, пейзажист романтического направления М. Н. Воробьев. Он путешествовал «в виде частного человека, едущего в Турцию для одного только любопытства», но имел задание сделать в Иерусалиме некоторые зарисовки и «чертежи зданий»²¹⁸. Однако, кроме этого, русский художник хотел посетить Грецию, «чтобы обозреть там знаменитые развалины главных городов, столь славных в древности», зарисовать их в теперешнем состоянии, чтобы сообщить своим соотечественникам изображение лучших памятников, «уцелевших от совершенного разрушения»²¹⁹.

Воробьев отправился в Константинополь через Дунайские княжества, Болгарию и Фракию. Во время кратких остановок он набрасывал примечательные места и пейзажи, портреты жителей, которые тут же дарил своим моделям. Во время четырехмесячного пребывания в турецкой столице Воробьев сделал множество акварельных рисунков и эскизов. Среди уцелевших листов его константинопольского альбома встречаются виды восточного города, мечети, типы жителей в национальных и

профессиональных костюмах, сцены церемониального характера. По пути в Иерусалим он зарисовывал виды островов и гаваней — Тенедоса, Хиоса, Смирны, Родоса и т. д. Плодом этого путешествия явилось несколько картин, впоследствии пользовавшихся успехом на выставках²²⁰.

Д. В. Дашков, по всей вероятности, задумал опубликовать описание своего путешествия по Греции и Палестине, однако не выполнил своего намерения полностью. Правда, в альманахе «Северные цветы», издававшемся А. А. Дельвигом в 1825—1826 гг., появилось несколько статей Дашкова. Одна из них — под названием «Афонская гора». Отрывок из путешествия по Греции в 1820 г. — представляет собой отлично обработанные в литературном отношении путевые очерки, в которых подробно описано внутреннее устройство и современное положение Афона — «духовной республики в самой середине империи Оттоманской», какой она была до жестокого опустошения одним из турецких пашей в 1821 г. Примечательно, что русские путешественники, осматривая афонские монастыри, особенно интересовались их библиотеками, старинными иконами и художественными ценностями, что было, вероятно, следствием личных литературных и научных интересов Дашкова. Оказалось, что монастырские библиотеки находятся в крайне запущенном, иногда бедственном состоянии. Так, например, в монастыре Лавра было тайное хранилище — подвал, где в беспорядке валялись груды рукописей и книг, покрытых пылью, полусгнивших, к которым давно уже никто не прикасался. Просмотреть такое хранилище было невозможно за одну ночь, и Дашков взял слово с монахов, что они приведут в порядок свою библиотеку и пришлют ее каталог русской миссии в Константинополе²²¹.

Две другие статьи Дашкова посвящены опровержению легенды о существовании в Константинополе богатейшей «серальской библиотеки», где будто бы хранились древние рукописи, еще никому не известные²²². Он опубликовал в «Северных цветах» также рассказ о своем путешествии в Палестину²²³.

Таким образом, служебные поручения открыли двум русским деятелям культуры благоприятные возможности для научного изучения балканских земель и стран Ближнего Востока. К сожалению, из-за начавшейся гре-

ческой революции Дашков не смог в 1821 г. завершить свою деятельность по инспекции консульств в Леванте. Воробьев, первоначально намеревавшийся проехать через греческие области в Италию, также вынужден был вернуться в Россию.

Младший из братьев Тургеневых, Сергей Иванович, служил в Константинопольской миссии в качестве секретаря в 1820—1821 гг. Он, как и Дашков, проявлял интерес к балканским народам, к их прошлому и современному положению, к перспективе освобождения от чужеземной власти. Об этом свидетельствует его записка, составленная вскоре после возвращения в Россию из Стамбула, под названием «Заметки о восстании греков против Оттоманской империи в 1821 г.». В ней рассматривались причины и ход греческой революции, возникновение конфликта между Россией и Турцией²²⁴.

Можно полагать, что такие прогрессивно настроенные дипломатические чиновники, как Д. В. Дашков и С. И. Тургенев, по роду своей служебной деятельности непосредственно соприкасавшиеся с балканскими делами, внесли определенный вклад в распространение знаний и представлений в этой области среди русской дворянской интеллигенции.

После окончания наполеоновских войн, в течение десятилетия, предшествовавшего восстанию декабристов, в среде образованного, патриотически настроенного русского офицерства заметно усиливался интерес к отечественной истории, и в частности к истории русско-турецких войн.

Раньше всего работа по изучению войн была начата в Главном штабе. Ее сосредоточил в своих руках полковник Д. П. Бутурлин — реакционер и сторонник крепостничества, целиком поддерживавший охранительную концепцию Карамзина. В 1819 г. он опубликовал на французском языке «Военную историю походов россиян в XVIII в.», в которой немалое место отводилось русско-турецким войнам, а три года спустя — «Описание всех походов против Порты Оттоманской с 1769 по 1812 г.»²²⁵.

Флигель-адъютант царя, пользовавшийся покровительством высших чинов Главного штаба, граф Бутурлин занимался этими учеными трудами по поручению начальства и получил доступ к служебным архивным материалам, до этого никем не изучавшимся. Он писал свои книги по-французски, обращаясь более к иностранному, а

не к русскому читателю, и, как человек светский, не слишком утруждал себя учеными занятиями, предпочитая пользоваться выписками, которые для него делались в архивах. Бутурлин был горячим последователем известного теоретика военного искусства Г. Жомини, работы которого в то время пользовались популярностью. Излагая ход военных действий, он не пытался анализировать принципы военного искусства полководцев, к тому же неумеренно славословил военные успехи «россиян».

Уже первая книга Бутурлина — «Военная история походов россиян в XVIII в.», сам факт ее опубликования на французском языке вызвали дискуссию. Отношение прогрессивных русских деятелей к этому труду было отрицательным, о чем свидетельствуют, например, два письма к ее автору одного из ведущих идеологов дворянских революционеров М. Ф. Орлова²²⁶. Письма эти получили широкое распространение в списках, их общественный резонанс свидетельствовал, что проблемы военной истории давали пищу для обсуждения и осмысления современного положения и задач, стоявших перед страной.

В деле изучения истории русско-турецких войн у Бутурлина вскоре обнаружился сильный конкурент — быстро шедший в гору молодой и деятельный генерал П. Д. Киселев, назначенный в марте 1819 г. начальником штаба 2-й армии, стоявшей на юго-западных границах России. Об этих изысканиях, проводившихся в штабе 2-й армии еще в прошлом столетии писали А. П. Заблоцкий-Десятовский и Н. П. Глиноецкий, основываясь на архиве штаба и личных бумагах Киселева. Однако они не дали достаточно полной картины хода этой работы и не упомянули о ее результатах. Изложение, особенно у Заблоцкого-Десятовского в связи с темой книги, концентрировалось на деятельности самого Киселева, о его сотрудниках говорилось мало²²⁷. Основываясь преимущественно на указанной выше дореволюционной литературе, лишь кратко касаются этой темы советские историки в общих трудах по истории военного дела и его историографии. Но их описание также неполно и содержит некоторые неточности²²⁸. Между тем есть возможность более детально проследить процесс изучения Балкан и русско-турецких войн в штабе 2-й армии.

Мысль о составлении истории русско-турецких войн, и прежде всего войны 1806—1812 гг., возникла у Киселева еще до вступления его в новую должность. При этом

он рассчитывал использовать новые или забытые материалы, а особенно воспоминания и бумаги, сохранившиеся у самих участников последней войны с Турцией²²⁹. Возможно, что какое-то влияние здесь оказало издание книги Бутурлина, имевшей очевидные недостатки. Но главную роль сыграло личное отношение Киселева к задачам российской политики в Восточном вопросе, его честолюбивые планы, связанные с новой должностью.

Считая войну с Турцией неизбежной, Киселев собирался хорошо подготовиться к ней 2-ю армию, которой фактически предстояло вести эту войну. Он задумал преобразовать работу штаба, усовершенствовать всю систему армейского управления. Кроме того, он хотел сделать штаб армии центром топографических и военно-теоретических изысканий, которые должны были принести пользу в будущей войне с Турцией. Эти задачи, несомненно, учитывались при подборе штабных офицеров, и не случайно выбор Киселева пал на И. Г. Бурцова — автора новаторского труда в области военной теории, противника взглядов Жоини²³⁰.

Подготовка к описанию истории русско-турецких войн XVIII — начала XIX в. началась с весны 1819 г., когда Киселев энергично занялся организационной стороной дела. Была составлена программа работы и подан соответствующий рапорт начальнику главного штаба П. М. Волконскому. Велась переписка с дежурным генералом Главного штаба А. А. Закревским о присылке им в Тульчин материалов о войне 1806—1812 гг. Киселев изложил свои замыслы ряду влиятельных лиц и военных авторитетов, в том числе И. И. Дибичу, Е. Ф. Канкрину, Д. П. Бутурлину. В результате программа труда была одобрена Главным штабом и получено разрешение на использование документов не только Военно-топографического депо, но и других архивов Петербурга и Москвы, а также на обследование материалов, сохранившихся в ряде южнорусских и бессарабских крепостей. Управляющий российским министерством иностранных дел К. В. Нессельроде разрешил использовать и архивные дипломатические документы²³¹.

В «Проекте составления исторического журнала военных действий русских против Оттоманской Порты со времени Петра Великого до мира 1812 г.» предусматривался не только сбор данных, касавшихся хода войн, но и подробное статистическое и топографическое описание театра

военных действий и «задунайской части». Такие сведения надеялись, в частности, почерпнуть в военных журналах и записках некоторых генералов 2-й армии. Кроме того, надлежало рассказать о нравах и обычаях жителей, выступавших на стороне России в войнах с Турцией. Но по этой первоначальной программе в «Историческом журнале» предполагалось «без посторонних и критических размышлений... изложить все случившееся», т. е. не давать анализа развития военного искусства, стратегических и тактических успехов и неудач отдельных полководцев и т. д.²³²

В ноябре 1819 г. Киселев писал Закревскому, что хочет начать этот обширный труд с описания войны 1806—1812 гг., и в частности с походов графа Каменского (1810 г.). Работу «разделил по статьям и лицам», сообщал он далее, а общую редакцию принял на себя «с комитетом избранных сотрудников»²³³. Среди офицеров, которые собирались участвовать в описании русско-турецких войн, Киселев назвал несколько будущих декабристов — Н. И. Комарова, А. П. Юшневского, И. Г. Бурцова. Кроме того, он рассчитывал привлечь такого яркого деятеля, как М. Ф. Орлов²³⁴. Это не удалось, но зато в дальнейшем появились другие способные сотрудники, в том числе Н. В. Басаргин и Н. В. Петров.

Новаторский для своего времени замысел истории русско-турецких войн ощущается уже в его программе. Труд этот должен был основываться не только на литературе, русской и иностранной, но и на выявлении и анализе широкого круга неизвестных ранее материалов. Для этого надо было собрать и использовать документы, как чисто военные, так и дипломатические, «статистические» (т. е. экономические), и, наконец, личные материалы, воспоминания, записки участников и очевидцев последней войны с Турцией.

Предполагалось написать коллективный труд, едва ли не первый в таком роде. Работа распределялась между авторами по темам, затем «комитет избранных сотрудников» во главе с Киселевым должен был осуществить общую редакцию. Правда, история русско-турецких войн не предназначалась для печати, так как имела служебное и учебное назначение. Это все же не исключало возможности в случае успешного завершения труда поставить вопрос об его издании полностью или частично.

Осуществить на практике интересный и чрезвычайно обширный замысел написания истории русско-турецких войн оказалось гораздо сложнее, чем представлялось вначале. Серьезные препятствия в этом отношении обнаружились, однако, не сразу, и в 1819—1820 гг. работа велась активно. Она началась с подбора литературы и выявления архивных материалов в южнорусских и бессарабских крепостях.

В конце 1819 — начале 1820 г. П. И. Пестель вместе с главнокомандующим 2-й армией находился в Петербурге. Ему было поручено подобрать и закупить книги и карты для подготавливаемого труда. По сохранившейся переписке между Пестелем и Киселевым этого времени можно установить, что будущий вождь южных декабристов выполнил это поручение. Он приобрел ряд иностранных книг, в том числе известные географические описания турецких владений Мальт-Брюна, историю Византийской империи, историю Молдавии Ж. Л. Карра; при содействии книгопродавца Сен-Флорана составил список необходимых сочинений иностранных авторов о Турции и южных областях России, о русско-турецких войнах, о завоевании османами Византийской империи, а также список карт и планов, который он рассчитывал в дальнейшем пополнить²³⁵. Затем Киселев просил его прислать подобный же список русских книг²³⁶.

Характерно, что Пестель одобрительно отнесся к самой идее составить подробную историю русско-турецких войн и писал по этому поводу Киселеву: «Нахожу, что выбор этой работы превосходен во многих отношениях. Во-первых, нет занятия более почетного, более замечательного, более подходящего для военных в мирное время, как использовать время, остающееся свободным от службы, на такие ученые предметы, непосредственно касающиеся и интересные для их искусства, как история войн, а во-вторых, великолепно выполнить работу столь важную главным штабом армии, которая, кажется, по своему положению предназначена для войн с нацией, о которой идет дело, и, в-третьих, большая польза от такой работы обеспечивает истинную славу за теми, кто в ней примет участие, и особенно за их главою»²³⁷. Столь высоко оценив значение и перспективы работы по изучению русско-турецких войн, Пестель, однако, более не принимал в ней личного участия, что, возможно, явилось следствием некоторых субъективных обстоятельств²³⁸.

Пожалуй, самым важным результатом работы в 1819—1821 гг. было разыскание в трех крепостях — Перекопе, Хотине и Измаиле — ценнейших документов, которые, по словам Киселева, нашлись случайно²³⁹. В первой из них были обнаружены некоторые бумаги о войне 1768—1774 гг., во второй — приказы и распоряжения главнокомандующих в войне 1806—1812 гг. Но настоящий клад нашли в Измаиле. Об этой последней находке стоит рассказать подробнее: она касается, в частности, документов о русско-сербских взаимоотношениях.

Архив измаильской крепости, по всей вероятности, был обнаружен командиром бригады 16-й дивизии, стоявшей в Бессарабии, известным членом Союза благоденствия генералом П. С. Пуциным. Во всяком случае, именно он вместе с гражданским чиновником Н. С. Алексеевым, приятелем Пушкина, обследовал этот архив, сделал выписки и копии, составил его опись, затем выслал все документы в Тульчин²⁴⁰. Оттуда их переправили в Главный штаб, который позднее все найденные документы передал в Военно-топографическое депо.

В «Описи дел, до турецких походов касающихся, находящихся в измаильском архиве и изъятых под расписку генерал-майором Пуциным»²⁴¹ указано «127 книг, состоящих из официальных входящих и исходящих бумаг графа Румянцева, графа Суворова, высочайших к ним рескриптов и пр. с 1767 по 1796 гг.». 23 дела относятся к войне 1806—1812 г. Это секретные документы о мирных переговорах с Турцией, дипломатическая переписка главнокомандующих, проекты и записки, в том числе касающиеся балканских владений Порты. Это подлинные рескрипты Александра I Прозоровскому, Багратиону, Каменскому и депеши военного министра, им адресованные. Специально выделен раздел «Дела о сербах», в котором 13 частей, или обширных дел.

Нет возможности установить, как секретный архив главнокомандующих во время войн с Турцией, состоявший из подлинников важнейших документов, попал в Измаил, был там оставлен и надолго забыт. Можно лишь предположить, что это произошло в 1812 г., когда после нападения наполеоновских войск на Россию Дунайская армия была в спешке переброшена на север. Но и после окончания Отечественной войны и заграничных походов никто из высших чинов военного ведомства не вспомнил об этих документах, не попытался их разыскать. Если бы

офицеры 2-й армии, в частности П. С. Пущин, не «вырыли» их «из крепостных амбаров» — так определил место хранения материалов Киселев²⁴², — они, возможно, погибли бы. Это была бы значительная утрата для исторической науки и, в частности, для изучения Балкан и русско-сербских связей. Ведь только «Дела о сербах», найденные в Измаиле, содержат не менее пяти тысяч листов документов²⁴³.

Киселев, приписывая только себе честь обнаружения «манускриптов», хранившихся в крепостях, писал: «Случай помог мне их обнаружить; покрасневшие от пыли, забытые эти памятники нашей славы и нашего невежества были приговорены к вечному забвению. Я их возвращаю истории или, скорее, историкам, которым стоит ими воспользоваться...»²⁴⁴

Итак, на протяжении 1819—1821 гг. была проделана значительная работа по изучению русско-турецких войн в штабе 2-й армии: составлена программа труда и определен состав его участников, выявлено и переписано немало ценных документов, особенно из числа обнаруженных в крепостных архивах, а также некоторые личные воспоминания и записки. Но предстояло еще изучить документы из петербургских и московских архивов — без этого нельзя было приступить к изложению истории войн.

В начале 1822 г. выяснилось, что Главный штаб, ранее одобрявший план истории русско-турецких войн в штабе 2-й армии, теперь препятствует этой работе. Открыто отрицательную позицию занял генерал-квартирмейстер К. Ф. Толь, начальник военно-топографического депо Н. И. Селявин, от которого зависело предоставление необходимых материалов. Было очевидно и скрытое противодействие Бутурлина²⁴⁵. Все это затрудняло работу, расхолаживало ее участников. Все же в 1822—1823 гг. сбор материалов продолжался успешно, более того, шло составление труда.

Выше уже говорилось, что Киселев много сделал для организации работы над историей русско-турецких войн, но он, конечно, не собирался ею руководить непосредственно и искал подходящего редактора. «Я бы очень желал иметь редактора для настоящей работы, который мог бы заняться исключительно ею, у нас у всех слишком много дела нумерованного...» — писал он Пестелю в Петербург, как бы предлагая подыскать подходящую кандидатуру²⁴⁶. Но такого редактора, который занимал-

ся бы только трудом по истории войн, найти так и не удалось, и постепенно Киселев переложил непосредственное руководство этой работой на своего помощника по штабным делам И. Г. Бурцова, имевшего много других обязанностей.

Бурцов с самого начала очень активно участвовал в сборе материалов, вел всю переписку, касающуюся этой работы, фактически руководил ею. В дальнейшем его обязанность в этом отношении была оформлена официально²⁴⁷.

Бурцов руководил работой над историей русско-турецких войн по крайней мере до начала 1824 г., когда ушел из штаба и стал командиром полка²⁴⁸. Это был один из передовых теоретиков военного дела своего времени, благодаря чему замысел труда значительно изменился: изучение истории военного искусства превратилось в его главную задачу. «Словом, мысль была та,—говорилось по этому поводу в «Отчете...»,—чтобы из прошедших опытов извлечь самое общее поучение для будущих действий». Поэтому описание «должно было иметь полноту, не свойственную прочим творениям, изданным военными писателями и в коих обыкновенно обращается внимание только почти на тактику и стратегию»²⁴⁹. Это был явный выпад против истории войн Бутурлина и ее теоретических основ.

Соответственно составленному плану описание русско-турецких войн делилось на четыре части (эпохи): ч. 1 посвящалась Прутскому походу Петра Великого, ч. 2 — войне в царствование императрицы Анны Иоановны 1735—1739 гг., ч. 3 — войнам в период правления Екатерины II (1769—1774 гг. и 1787—1791 гг.), ч. 4 — войне 1806—1812 г. Участники труда, занимаясь каждый какой-либо частью, должны были «действовать по одному начертанию и в одном смысле». «По мере того, как собирался материал одними командированными чиновниками, другие приводили их в порядок и по возможности составляли в одно целое»²⁵⁰.

В 1822—1823 гг. подпоручик Н. В. Петров, гражданские чиновники Н. И. Павлицев (будущий зять А. С. Пушкина), Н. С. Алексеев и И. Михайловский, офицеры Гасфорт, Ребиндер и др. собирали в Петербурге и Москве материал и делали выписки, получая конкретные указания от Бурцова²⁵¹. Петрову было поручено написать первую, самую краткую часть о Прутском походе, но

он до 1824 г. еще не приступил к этому. Зато он почти закончил описание войн в царствование Екатерины II. Над частью второй — о войне 1735—1739 гг. — работал Басаргин, который в основном завершил ее, осталось «присовокупить еще некоторые статьи по продовольственным и хозяйственным частям» (их должен был доставить из Петербурга Павлищев). Наконец, сам Бурцов «с точнейшими подробностями» начал описание последней войны с Турцией. «Первый год (1806), составляющий приготовление к оной и начало военных действий, с величайшей точностью почти уже описан и сверх того предначертаны статьи для следующего, 1807 г., а равно вкратце описан и поход ген. Каменского в 1810 г.», — говорилось в «Отчете...»²⁵²

К 1824 г. работа над историей русско-турецких войн была в значительной части закончена. Основными авторами ее можно считать И. Г. Бурцова, Н. В. Басаргина и Н. В. Петрова, хотя в сборе материалов и написании им помогали и другие офицеры и чиновники²⁵³.

Какова же была дальнейшая судьба труда по истории русско-турецких войн? Предположение, что он так и не был завершен, не соответствует действительности. Правда, Бурцов и Басаргин после 1823 г. уже мало занимались историей войн. Затем первый из них был сослан на Кавказ, а второй — приговорен к каторжным работам. Поэтому труд завершал один Петров, и в 1827 г. он был сдан в Главный штаб.

Это четыре объемистые рукописные книги — четыре части «Описания походов россиян против турков»²⁵⁴. В Военно-топографическое депо сдали немало томов с копиями документов, которые служили материалом для составления истории русско-турецких войн²⁵⁵.

Не давая оценку научной значимости этого монументального произведения, что можно сделать лишь после историографического анализа, отметим главное: то был труд более значительный по своим теоретическим основам, концепции и фактической стороне, чем книги Бутурлина. Но первоначальный замысел инициатора и составителей «Описания...» осуществился далеко не полностью. К тому имелось немало причин: например, препятствия, чинимые в Главном штабе, меняющийся состав участников работы, тот факт, что руководитель ее, Бурцов, имел много других обязанностей в штабе и не смог лично завершить труд в соответствии со своими замысла-

ми и военно-теоретическими взглядами. Главная же причина состояла в том, что на протяжении первой половины 1820-х годов неуклонно нарастала реакционность общей атмосферы в стране, в армии. Это не могло создать благоприятных условий для научного творчества офицеров штаба 2-й армии.

Работа была окончена, но она не принесла ожидаемой славы честолюбивому Киселеву, а тем более — ее непосредственным составителям. «Описание...» не издали хотя бы частично. Главный штаб предал это произведение забвению, и оно попадало в руки лишь тех немногих, кто имел доступ к материалам Военно-ученого архива.

Несмотря на все это, теперь, через 150 лет, становится ясным, что работа, проделанная в штабе 2-й армии, не пропала даром. Не столько само «Описание...», сколько материалы для него, разысканные и переписанные, воспоминания и записки очевидцев, которые после соответствующих просьб были доставлены в Тульчин — драгоценные исторические источники, значительная часть которых в настоящее время опубликована. Среди них немалое место занимают документы, ценные для изучения балканских народов, русско-балканских связей, особенно в период войны с Турцией 1806—1812 гг. Они не раз использовались и, конечно, будут использоваться в дальнейшем советскими историками.

В штабе 2-й армии велись работы по статистическому и географическому изучению Балкан, составлению соответствующих карт. Они были предприняты также по инициативе Киселева²⁵⁶ и проводились на столь же основательной базе, как и описание русско-турецких войн.

Были направлены просьбы ряду лиц, которые могли оказать содействие в этом отношении, сообщить или прислать нужные материалы; приобретен ряд карт и описаний, в том числе в Одессе и Кишиневе «собраны описания от греческих выходцев и уроженцев различных мест в Булгарии и Румелии, об известных им частях...»²⁵⁷.

В штабе 2-й армии велись также топографические работы, составлялись карты и описания к ним. Семиографическая карта Европейской Турции с сопредельными к ней областями Австрии и России была закончена подполковником Н. И. Комаровым в 1821 г. Несколько позднее такую карту составил подполковник П. И. Фаленберг и капитан Е. В. Фон-Руге. К ней прилагалось «Краткое описание»²⁵⁸.

Когда в начале 1821 г. в Молдавии и Валахии вспыхнуло восстание Тудора Владимиреску, а вслед за ним Александр Ипсиланти перешел границу и возглавил борьбу греков-этеристов против Турции, штаб 2-й армии стал центром сбора информации о балканских событиях. Она обрабатывалась, систематизировалась, и соответствующие записки и обзоры направлялись в Петербург.

Во всей этой работе весной 1821 г. непосредственно участвовал Пестель, трижды ездивший в Кишинев и в Скулянский карантин на русско-турецкой границе. Основываясь на собранных там сведениях и информации, поступавшей в штаб армии, он написал несколько записок и рапортов о балканских событиях, которые содержали достоверные и подробные данные о революционных выступлениях греков, молдаван и валахов. Составленные умно, логично и четко, некоторые из этих записок, несмотря на служебное назначение и секретность, вскоре стали распространяться в списках, удовлетворяя возросший интерес русской общественности к революционному движению балканских народов.

В штабе 2-й армии параллельно с изучением Балкан и русско-турецких войн, о котором рассказано выше, велась работа в той же области, но как бы независимо и скрытно. Этим занимался подполковник И. П. Липранди, впоследствии ставший полицейским агентом и провокатором²⁵⁹.

Колоритная, несколько загадочная фигура Липранди не раз привлекала внимание историков и литераторов. Много писалось о его роли в общественном движении 1820—1850-х годов, дружбе с Пушкиным и воспоминаниях о нем, о богатейшем его архиве, до сих пор так и не разысканном полностью, о психологическом феномене — перерождении человека либерально настроенного, недовольного правительством, в ярого приверженца николаевского режима, теоретика и практика полицейского шпионажа²⁶⁰.

Но Липранди был еще и «военным писателем», незаурядным знатоком Османской империи и народов, ее населяющих, и его труды в этой области остаются ценным историческим источником. Изучением Балкан и русско-турецких войн он начал заниматься с тех пор, как в 1820 г. приехал в Кишинев, на службу в корпус 2-й армии, стоявшей на границе с Молдавией. Тогда еще никто не подозревал Липранди в нечистоплотности. Он выгля-

дел человеком широко образованным, талантливым и деятельным, имел много приятелей и друзей, был близок с Пушкиным, М. Ф. Орловым и рядом членов тайных организаций; вместе с ними критиковал правительство и обсуждал острые общественные и политические проблемы.

Высказывалось мнение, что Липранди был членом Кишиневской управы декабристов — таковым его считали некоторые члены тайных обществ, что опровергается, однако, более достоверными данными. Предположение же о неблагоприятной, провокаторской роли его в движении дворянских революционеров, в следствии по их делу имеет, на наш взгляд, основания, хотя и не может быть документально доказано²⁶¹.

Бесспорным остается, однако, тот факт, что Липранди с самого начала своей службы в армии занимался военной разведкой, а к 1820 г., когда появился в Кишиневе, был уже достаточно опытным в этом отношении офицером. Впоследствии он усиленно рекламировал себя в этом качестве и писал специальные записки и статьи о методах разведывательной деятельности в Турции и балканских землях. В одной из них, опубликованной после начала войны с Турцией в 1877 г., говорилось: «Опыты мои относительно турок заключаются в следующем: в бытность мою в Бессарабии, когда возникла гетерия, на меня возложено было генерал-от инфантерии Сабанеевым и генерал-майором Орловым собрание сведений о действиях турков в Придунайских княжествах и Болгарии, для чего я неоднократно был посылан под разными предлогами в турецкие крепости. Ознакомился я с этим предметом при постоянном изучении страны и свойств жителей, из коих каждого племени и разных званий находилось знатное количество в Кишиневе и в других местах Бессарабии, куда они бежали из Константинополя и разных турецких областей. В 1823 г., во время служения моего при князе Воронцове, на меня возложено было несравненно уже в больших размерах, между другими занятиями, продолжение и оно»²⁶².

Такой род деятельности, широкие знакомства среди самых различных представителей балканских народов создали благоприятные условия для изучения Липранди истории, географических и этнографических особенностей, современного положения Европейской Турции. Еще находясь в Париже, он начал собирать книги, посвященные

этим предметам²⁶³. «Он не только вел частные записки о совершавшихся событиях,— писал впоследствии В. Богишич со слов самого Липранди,— но также оставлял у себя копии с важнейших правительственных бумаг, проходивших через его руки, а некоторые из них, не имевшие строго официального характера, оставлял у себя в оригиналах»²⁶⁴.

Много лет спустя, рассказывая о начале своих трудов по изучению Турции, Балкан и русско-турецких войн, Липранди утверждал, что П. Д. Киселев через генералов Сабанеева и Орлова поручил ему «сделать выписки из секретного дипломатического архива войны с Портою Оттоманскою 1806—1812 гг. касательно отношения к делам сербским», и такое задание он «совершенно удовлетворительно и исполнил, сведя все до сего относящееся в два толстых тома (совершенно секретные) в 1823 г.»²⁶⁵.

Но можно ли верить Липранди? Не исключено, что он делал выписки из «секретного дипломатического архива» по собственной инициативе, а не по распоряжению Киселева, ибо аналогичная работа уже велась под руководством Бурцова. Во всяком случае, труд Липранди не сохранился среди рукописей по истории русско-турецких войн, составлявших в штабе 2-й армии в начале 20-х годов, но имелся у самого Липранди и вместе с частью его архива попал в отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. «Война России с Портою 1806—1812 гг. Из дипломатического и секретного архивов, хранящихся в м. Тульчине, главной квартире 2-й армии. Выписки по распоряжению начальника главного штаба ген.-адъютанта Киселева составлены в 1820—1824 гг. полковником Липранди» — таково название рукописи, имеющей подзаголовок «Дела сербские», что соответствует ее содержанию: участие в войне сербов, события сербского восстания описаны особенно подробно. Липранди излагает также причины войны, общий ход военных действий на балканском фронте, но только до 1811 г.²⁶⁶

В 1821 г. Липранди начал работать и над произведением, которое впоследствии называл главнейшим своим трудом и которым надеялся превзойти книги наиболее известного турколога первой половины XIX в. Й. Гаммера. Оно называлось «Оттоманская империя» и имело такой разъясняющий подзаголовок: «Подробнейшее описание сего государства в военном, гражданском, политиче-

ском и религиозном отношении с историческим исследованием устройства придворного, обычаев, обрядов, суеверий, предрассудков, пословиц, с приложением исторического обзора Румелии, Македонии, Албании, Турецкой Крoации, Сербии, Болгарии, земель некрасовцев, запорожцев, добружанских татар и придунайских княжеств, с пояснением разных мест, носящих турецкие, славянские, греческие и древние наименования»²⁶⁷.

Работа «Оттоманская империя», законченная к 1836 г., была задумана как справочное пособие, своего рода энциклопедия по указанным темам. Описание располагалось «в азбучном порядке, связывающем по предметам все отделы». Такой тип труда был, вероятно, рассчитан на использование для служебных надобностей.

Липранди подробно рассказывал, как добывал необходимые сведения и собирал материалы для своей работы. Большую помощь ему оказали «ученые греки» и лица, которые «были посвящены во все тайны двора», занимали места великих драгоманов, каймакамов и тому подобные должности при Порте. Это были греки-фанариоты, молдавские и валашские бояре, все те, кто в 1821 г. «по случаю гетерии удалились в Кишинев» и там познакомились с Липранди, имели с ним служебные отношения. Они сообщали ему нужные сведения, переводили различные документы и турецкие законы с арабского, персидского и турецкого языков и т. д.²⁶⁸ Но объемистое произведение Липранди так и не было опубликовано, хотя он приложил немало усилий, чтобы добиться получения правительственной субсидии на издание, неоднократно рекламировал свою рукопись в русской и заграничной печати.

Многотомное сочинение о Турции и народах, ее населяющих, составленное в столь специфичной, труднодоступной форме, едва ли нашло бы в России своего читателя. Это, возможно, понимал и сам автор. Но у Липранди имелось много других сочинений, по тематике непосредственно связанных с «Оттоманской империей», являющихся как бы ее ответвлениями — записки и материалы, посвященные различным балканским землям и народам, русско-турецкой войне 1806—1812 гг. Они составлялись начиная с 1821 г., хотя большинство их писалось или заканчивалось в конце 1820—1830-х годов.

Много лет спустя, пользуясь возрастающим интересом российского общества к балканским проблемам, от-

ставной генерал-майор стал публиковать свои сочинения, когда-то писавшиеся как служебные записки и не предназначенные для печати. Это принесло ему репутацию военного писателя, знатока истории, географии, этнографии и политического положения Турции и балканских земель.

Липранди действительно был специалистом в этой области. Наблюдательность, быстрое восприятие и бойкое перо делали его статьи и брошюры полупублицистического-полунаучного характера интересными, полезными для распространения в России знаний и представлений о балканских народах. Однако эти знания в 1850—1870-х годах оказались в значительной мере устаревшими, ибо Липранди видел и изучал Балканы главным образом в 1820-е годы. Существовавшие в то время особенности в общественно-политическом положении Европейской Турции и уровень знаний о балканских народах у русского специалиста в этой области по существу и отражены в трудах Липранди. Именно тогда, в 1820-е годы, человек со столь обширными знаниями, словоохотливый рассказчик, вращавшийся в прогрессивно настроенной среде, мог способствовать распространению сведений о народах, населяющих Европейскую Турцию, о революционных событиях, там совершающихся. Среди его слушателей были, вероятно, некоторые из сочувствовавших освободительной борьбе балканских народов декабристов, а также А. С. Пушкин ²⁶⁹.

О чем и как рассказывал Липранди своим приятелям и знакомым, можно отчасти судить по его сочинениям, написанным позднее на основе записей и набросков, относившихся к 1820—1822 гг. Таковы опубликованные уже в наше время записки о восстаниях Тудора Владимиреску и Александра Ипсиланти в Дунайских княжествах, о ряде деятелей, так или иначе связанных с этими событиями ²⁷⁰.

Немало статей и брошюр, изданных в 1850—1870-х гг., посвящены болгарам и болгарской проблеме, Сербии, где Липранди сам не бывал, но пользовался данными, полученными от ряда своих знакомых — югославян, в числе которых был, например, Вук Караджич, дипломатический чиновник князя Милоша Михаил Герман и др. Имеются также статьи о Боснии и Герцеговине, о Турецкой Хорватии, Черногории, об Албании и Греции. Список трудов Липранди, посвященных Турции, Балканам и

русско-турецким войнам, насчитывает более девяноста названий²⁷¹.

Для оценки научной значимости, достоверности и хронологической соотносимости всех этих работ необходим специальный историографический анализ, что не входит в нашу задачу. Но уже предварительно можно заключить, что, несмотря на многословие и бесчисленные повторения, несмотря на докучливое самовосхваление и явную нескромность автора, он сообщал много ценных, ранее мало известных сведений о балканских народах.

Начав после приезда в Кишинев изучать Турцию и балканские народы, Липранди одновременно занялся и составлением своей библиотеки по этой тематике. На первых порах тут ему помогали «ученые греки», молдавские и валашские бояре, бежавшие из княжеств в 1821 г.: нелегким материальным положением некоторых из них можно было воспользоваться для скупки книг. Впоследствии Липранди очень гордился своей библиотекой, утверждал, что имеет «самое полное в Европе собрание книг о Турции с XV в.», более полное, чем у известного турколога Гаммера²⁷². Сохранившийся каталог книг Липранди свидетельствует, что это была действительно большая и ценная коллекция, включавшая около 3 тыс. названий, хотя владелец явно преувеличивал ее уникальность²⁷³. Липранди любил давать читать свои книги, ими пользовался во время пребывания в Кишиневе Пушкин. Впоследствии, оказавшись без средств, отставной генерал-майор захотел продать свою библиотеку. В конце концов его коллекцию приобрел Генеральный штаб²⁷⁴. Небольшая часть книг из собрания Липранди (189 томов) затем была передана в Ташкент и в настоящее время находится в Государственной библиотеке Узбекской ССР им. Алишера Навои. Но куда попала основная часть библиотеки Липранди, остается неизвестным²⁷⁵.

Таким образом, примерно с того времени, когда в Дунайских княжествах и в Греции вспыхнули революционные выступления, Балканы стали предметом систематического и всестороннего изучения И. П. Липранди, человека непривлекательного по своим нравственным качествам и общественно-политической позиции, но имевшего несомненные способности и благоприятные возможности для такого рода занятий, которые он в полной мере развернул уже после окончания русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Но и в начале 1820-х годов Липранди ока-

ывал воздействие на распространение в России знаний и представлений о балканских народах, притом преимущественно в среде прогрессивно настроенной дворянской интеллигенции, сочувствовавшей освободительной борьбе турецких подданных.

Изучение истории русско-турецких войн, как упоминалось, велось и в Петербурге по заданию Главного штаба. Эта работа в немалой мере повлияла на научные интересы одного из выдающихся деятелей декабризма — А. О. Корниловича. Воспитанник Ришельевского лицея в Одессе, а затем московской школы колонновожатых, он отличался исключительными способностями, любознательностью, был полиглотом. Именно Корниловича, поручика гвардейского генерального штаба, прикомандировали к Бутурлину для сбора архивных материалов по истории войн. Это была неблагодарная работа, но она пришлась по душе юноше, проявлявшему большой интерес к русской истории.

В ходе архивных разысканий Корнилович соприкасался с Петровым, Павлищевым и Михайловским, которые с трудом получали необходимые им документы, и в какой-то мере помогал им²⁷⁶. Он был в близких отношениях также с Басаргиным. Перед арестом у Корниловича накопилось два «сундука» архивных копий²⁷⁷. Вероятно, некоторая часть их относилась к истории русско-турецких войн, ибо по этой тематике он собирал материал для Бутурлина.

Корниловичу не суждено было продолжить научную деятельность и использовать собранные материалы. Но его тяга к научным занятиям, к творчеству была так велика, что даже сидя в Петропавловской крепости, куда его заточили в 1828 г. в связи с вторичным расследованием дела, декабрист не выпускал пера из рук. Он написал целый ряд записок по самым различным вопросам — политическим, историческим, экономическим²⁷⁸. Одна из таких записок касалась только что начавшейся войны с Турцией и политики России в отношении славянских народов. В ней говорилось о необходимости учета опыта дипломатической, политической и военной истории России со времени Петра I, доказывалась необходимость создать для служебного пользования описания такого рода на основе архивных материалов. Полезность этого Корнилович доказывал на примере плана экспедиции в Константинополь в 1808 г. и неосуществленного замысла

диверсии совместно с сербами и другими славянскими народами к берегам Адриатики в 1812 г. События войны 1806—1812 гг. он связывал с задачами новой войны, говорил о недовольстве господством Австрии славянских народов, входивших в ее состав²⁷⁹. Обо всех этих фактах, ставших известными исторической науке лишь десятилетия спустя, Корнилович, по всей вероятности, узнал в связи со сбором материалов по истории русско-турецких войн.

Другая записка Корниловича посвящалась вопросу о необходимости расширения торговли с Турцией. При заключении мира с Портой, полагал он, необходимо оговорить условия, которые бы благоприятствовали расширению торговли с Востоком, что явится надежным средством к «народному обогащению»²⁸⁰.

В дальнейшем, оказавшись в ссылке на Кавказе, Корнилович проявлял живой интерес к балканским событиям, к истории сербов. Он перевел на русский язык книгу Л. Ранке «Die Serbische Revolution», стал внимательным слушателем рассказов о революции в Греции своего приятеля Н. А. Райко, проводшего несколько лет в этой стране, и уговорил его начать писать свои воспоминания²⁸¹.

Изучением русско-турецких войн по служебному поручению занимался также член Союза благоденствия, представитель умеренного крыла декабризма Н. И. Кутузов. Это был человек, интересовавшийся историческими и философскими проблемами, писавший критические статьи о литературных произведениях. Ему, поручику Измайловского полка, и поручили написать историю этого полка, не раз участвовавшего в войнах с Османской империей. По-видимому, работу эту Кутузов не завершил, ибо в 1822 г. вышел в отставку, но часть ее была опубликована в «Сыне отечества» под названием «Война турецкая. (Отрывок из истории лейб-гвардии Измайловского полка, писанной бывшим поручиком Н. И. К.)»²⁸².

Сам факт составления такой полковой истории (впоследствии подобного рода труды получили распространение) свидетельствует о возрастании в России внимания к изучению военной истории, и в частности русско-турецких войн. С другой стороны, работы в этой области стимулировали интерес к балканским проблемам. Можно полагать, что именно изучение истории войн породило у Кутузова идею создания «Славянской державы» в Юго-Восточной Европе, с которой он выступил в 1828 г.²⁸³

- ¹ Липин А. Н. Пыпин дал характеристику некоторых такого рода материалов, относящихся к первой четверти XIX в. См. *Пыпин А. Н. Русское славяноведение в XIX в.—ВЕ*, 1889, т. 4, № 7.
- ² *Никитин С. А. Южнославянские связи в русской периодической печати 60-х годов XIX в.—УЗИС*, 1952, т. 6, с. 89.
- ³ *Кислягина Л. Г. Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина. М.: Изд-во МГУ, 1976, с. 138.*
- ⁴ *Гиппиус В. В. «Вестник Европы» в 1802—1830 гг.—Учен. зап. ЛГУ. Сер. филолог. наук, 1939, вып. 3, с. 201—204.*
- ⁵ *Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Н. М. Карамзина. 1789—1803—УЗТУ. 1957, вып. т. 51, с. 149—153.*
- ⁶ *Кислягина Л. Г. Формирование..., с. 145—148.*
- ⁷ См., например: *О любви к отечеству и народной гордости.—ВЕ. 1802, ч. 1, № 4, с. 56—69.*
- ⁸ См.: *ВЕ, 1802, ч. 1, № 4, с. 56—62; ч. 3, № 14, с. 158—159; 1803, ч. 9, № 12, с. 310—311; ч. 10, № 13, с. 81, № 15, с. 213—215, 234; ч. 11, № 19, с. 242; № 20, с. 320. Об отношении Карамзина к Восточному вопросу см. также: Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья, 1798—1807. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 349—350.*
- ⁹ *ВЕ, 1802, ч. 1, № 4, с. 70—82.*
- ¹⁰ *Лотман Ю. М. Эволюция..., с. 153—154.*
- ¹¹ *ВЕ, 1802, ч. 4, № 14, с. 145—153.*
- ¹² *ВЕ, 1802, ч. 1, № 2, с. 194—195.*
- ¹³ *ВЕ, 1803, ч. 9, № 11, с. 206—209; ч. 10, № 15, с. 234; ч. 12, № 21—22, с. 127—131.*
- ¹⁴ *ВЕ, 1802, ч. 5, № 17, с. 57—67 (статья была также напечатана в «Политическом журнале или современной истории Света на 1802 г.», ч. 3, кн. 1).*
- ¹⁵ Об отношении Н. М. Карамзина к республиканской форме правления см.: *Кислягина Л. Г. Формирование..., с. 148—152.*
- ¹⁶ *ВЕ, 1803, ч. 8, № 5, с. 24—33.*
- ¹⁷ *ВЕ, 1803, ч. 9, № 11, с. 214—218.*
- ¹⁸ В 1804 г. «Вестник Европы» редактировал П. П. Сумароков, в 1808—1810 гг.—В. А. Жуковский (в 1810 г. совместно с М. Т. Каченовским), в 1814 г.—В. В. Измайлов, а остальные годы (вплоть до 1830 г.)—М. Т. Каченовский.
- ¹⁹ *Гиппиус В. В. «Вестник Европы»..., с. 211—215.*
- ²⁰ *Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М.: Наука, 1979, с. 180.*
- ²¹ *ВЕ, 1804, ч. 14, № 8, с. 335.*
- ²² *ВЕ, 1808, ч. 37, № 2, с. 174.*
- ²³ *ВЕ, 1811, ч. 60, № 21, с. 71—79.*
- ²⁴ *ВЕ, 1807, ч. 34, № 14, с. 128—153; № 15, с. 207—227.*
- ²⁵ Первый русский перевод: «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции в половине IV в. до р. х.». СПб., 1804—1809. Ч. 1—6.
- ²⁶ *Оксман Ю. Г. Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX в.—В кн.: Очерки из истории движения декабристов. М.: Госполитиздат, 1954, с. 477—479.*
- ²⁷ *ВЕ, 1807, ч. 34, № 14, с. 152.*
- ²⁸ *ВЕ, 1811, ч. 58, № 13, с. 75. Эта же статья была опубликована в «Историческом статистическом и географическом журнале» (1811, июль, с. 3—9).*
- ²⁹ *ВЕ, 1808, ч. 37, № 37, № 2, с. 174—179. (Курсив подлинника.—И. Д.).*

- ³⁰ Так было и во время издания журнала В. А. Жуковским. Он просил посылать ему «разные известия», с полной доверенностью делать из них, что рассудится. См.: В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу 15 сентября 1809 г.— В кн.: *Жуковский В. А. Собр. соч.* М.: Л.: Гослитиздат, 1960, т. IV, с. 462.
- ³¹ ВЕ, 1809, ч. 43, № 1, с. 23—38.
- ³² ВЕ, 1810, ч. 49, № 2, с. 152—153; 1811, ч. 58, № 13, с. 73—77; 1813, ч. 68, № 7/8, с. 321—324.
- ³³ ВЕ, 1810, ч. 53, № 17, с. 18—47; ч. 54, № 22, с. 138—144.
- ³⁴ *Корай А.* О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815.
- ³⁵ *Дмитриевский М.* Взор на нынешнее состояние Греции. М., 1806.
- ³⁶ Военная труба. Печатано по приказанию Бошпарте в бытность его в Александрии 1801 г. С греческого перевел Сп. Дестуни с прибавленным замечания на оную. СПб., 1807.
- ³⁷ Военная труба..., с. 13—15, 16—35.
- ³⁸ [*Невахович Л.*] Сульеты, или спартанцы осьмнадцатого столетия: Историческое представление в пяти действиях. СПб., 1810, с. 2, 94.
- ³⁹ Такого рода идеи высказывал, например, Х.-А. Шлёцер, сын известного историка, писавший конкретно о черногорцах. Правда, затем автор сознавался в несбыточности своей мечты. См.: Взор на прошедшее, настоящее и будущее.— ВЕ, 1808, ч. 37, № 3, с. 242—257.
- ⁴⁰ ВЕ, 1807, ч. 31, № 1, 2, 3.
- ⁴¹ ВЕ, 1810, ч. 52, № 14, с. 144—151.
- ⁴² ВЕ, с. 151.
- ⁴³ ВЕ, 1812, ч. 62, № 5, с. 51—59.
- ⁴⁴ ВЖ, 1810, кн. 4, с. 78—96.
- ⁴⁵ Следует учитывать, что наименование «Болгария» в это время относилось лишь к северной части болгарских земель, ограниченных на юге Балканским хребтом.
- ⁴⁶ ВЖ, 1810, кн. 4, с. 90—96.
- ⁴⁷ Московские записки.— ВЕ, 1810, ч. 53, № 19, с. 232—233.
- ⁴⁸ Поездка русского офицера в Константинополь, или ежедневные записки от 23 октября по 11 число декабря 1808 г.— РВ, 1810, № 8, с. 1—29. Полное издание: Дневные записки поездки в Константинополь А. Г. Краснокутского в 1808 г. им самим писанные. М., 1815.
- ⁴⁹ Дневные записки..., с. 9, 98—99.
- ⁵⁰ ВЕ, 1805, ч. 20, № 7, с. 240—249.
- ⁵¹ ВЕ, 1807, ч. 36, № 22, с. 144—149.
- ⁵² См.: Француска штампа о Првом српском устанку/Предговор Д. Јанковића. Београд: Научно дело, 1959, с. 12—17.
- ⁵³ ВЕ, 1805, ч. 19, № 1, с. 70—71.
- ⁵⁴ ВЕ, 1804, ч. 18, № 24, с. 336.
- ⁵⁵ ВЕ, 1805, ч. 21, № 10, с. 166—168; ч. 22, № 16, с. 340; 1806, ч. 25, № 3, с. 237.
- ⁵⁶ ВЕ, 1806, ч. 30, № 24, с. 316.
- ⁵⁷ ВЕ, 1808, ч. 37, № 2, с. 164—167.
- ⁵⁸ Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию Д. Б. К. М., 1810.
- ⁵⁹ Путешествие в Молдавию..., с. 91.
- ⁶⁰ Путешествие в Молдавию..., с. 110—128.
- ⁶¹ Путешествие в Молдавию..., с. 135—140.
- ⁶² Впоследствии книгу Д. Н. Бантыша-Каменского читал, сделав закладки, А. С. Пушкин, заимствовавший из нее сведения при сочи-

- нении «Песни о Георгии Черном». См. об этом: *Двойченко-Маркова Е. М.* Пушкин в Молдавии и Валахии. М.: Наука, 1979, с. 69—70.
- ⁶³ *Пыпин А. Н.* Русское славяноведение..., ВЕ, 1889, т. 4, № 7, с. 242.
- ⁶⁴ ВЕ, 1807, ч. 33, № 11, с. 196—203 (статья имеет подпись N).
- ⁶⁵ Песна о избавлению Сербие/Сочинено в Велеграде. СПб., 1806.
- ⁶⁶ *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Београд; Просвета, 1961, т. II, с. 393—394.
- ⁶⁷ *Лавров П. А.* Доситејева «Песна о избавлению Сербие» у петроградском издању из 1806 г.— В кн.: Српски књижевни гласник. Београд, 1911, кн. 26, св. 6, с. 462—466.
- ⁶⁸ Песна о избавлению Сербие..., с. 2. Русский перевод (с. 10): Черногорцы и Российские воины, Славные Сербы и любезные Далматы! Вы все единокровны!—успокоили братию свою, Изгнав из между себя злых Галатов.
- ⁶⁹ Песна о избавлению Сербие..., с. 5. Русский перевод (с. 13—14): Се все Российско-славенския силы Идут морями и сушею на Супостат Под предводительством *Каменского Михаила*, Для избавления от Тиранства Французского всех сестр своих.
- ⁷⁰ Об А. И. Антоновском, его деятельности и сочинениях см.: *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1888, вып. 1—21, с. 683—686; *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952, с. 365.
- ⁷¹ *Лавров П. А.* Доситејева..., с. 466.
- ⁷² В стихотворении упомянуты события конца 1806 г. В это время Д. Обрадович находился в Триесте и если бы и переслал свое произведение в Петербург, то оно могло быть опубликовано там не ранее 1807 г.
- ⁷³ О Г. Терлаиче см.: *Григорович В. И.* Об участии сербов в наших общественных отношениях.— Зап. имп. Новорос. ун-та, 1876, т. XX, с. 73—76; *Скерлић Ј.* Историја нове српске књижевности. Београд, 1953, с. 103—105.
- ⁷⁴ В стихотворении Д. Обрадовича Сербия «увещавает» лишь «сестру свою» Боснию выступить на стороне австрийцев в войне с Турцией. См.: *Обрадовић Д.* Сабрана дела, т. III, с. 10).
- ⁷⁵ Песна о избавлению Сербие..., с. 4.
- ⁷⁶ В переводе примечания фигурируют, например, Мисния Саксонская, Тироль, Венеция, или Венеция, Албания и пр. См.: там же, с. 14.
- ⁷⁷ История русской журналистики XVIII—XIX в./Под ред. А. В. Запорова. М.: Высшая школа, 1966, с. 133—134.
- ⁷⁸ ВЕ, 1817, ч. 93, № 11, с. 209—217; № 12, с. 282—298; ч. 94, № 13, с. 55—67; СО, 1819, ч. 54, № 21, с. 49—68.
- ⁷⁹ СО, 1816, ч. 31, № 28, с. 87—88.
- ⁸⁰ ВЕ, 1817, ч. 94, № 16, с. 307; 1818, ч. 102, № 22, с. 155; 1919, ч. 103, № 3, с. 225—229; 1819, ч. 105, № 12, с. 316; ч. 106, № 13, с. 69; ч. 108, № 21, с. 69—70.
- ⁸¹ ВЕ, 1818, ч. 97, № 2, с. 154; ч. 99, № 9, с. 78; № 12, с. 322.
- ⁸² Письма Савари г-же *** о Греции/Пер. О. Сомова.— СП, 1819, ч. 5, № 3, с. 319—352.
- ⁸³ Письма Савари..., с. 344.

- ⁸⁴ О нынешнем состоянии Турецкого государства.— ВЕ, 1816, ч. 89, № 20, с. 280—298; 1817, ч. 94, № 16, с. 307—308.
- ⁸⁵ СО, 1819, ч. 57, № 43, с. 130. Выдержки из путешествия директора королевских музеев Франции графа Форбена печатались также в «Невском зрителе» (1820, ч. 3, кн. 8, с. 150—156; кн. 9, с. 16—26).
- ⁸⁶ Отрывок из Писем русского офицера.— СО, 1819, ч. 57, № 44, с. 165.
- ⁸⁷ Будущая судьба Греции (Скромное размышление частного человека).— СО, 1816, ч. 32, № 34, с. 66—73.
- ⁸⁸ ВЕ, 1816, ч. 88, № 13, с. 76—78; ч. 90, № 21, с. 33; 1819, ч. 106, № 14, с. 152—154; ч. 107, № 17, с. 75—76; ДЖ, 1816, ч. XVI, № 48, с. 291—297; ИЖ, 1820, № 2, с. 148—150.
- ⁸⁹ ВЕ, 1817, ч. 94, № 13, с. 82—83.
- ⁹⁰ ВЕ, 1819, ч. 106, № 14, с. 152—154.
- ⁹¹ *Свиньин П. П.* Письмо брату из Хотина.— СО, 1816, ч. 31, № 30, с. 140—149; ВЕ, 1817, ч. 94, № 15/16, с. 307; ч. 95, № 20, с. 287—298; *Свиньин П. П.* Письмо брату из Хотина.— ОЗ, 1818, ч. 1, с. 45—58. Со статьями Свиньина о Карагеоргии был знаком Пушкин, который использовал их материал в стихотворениях «Песня о Карагеоргии» и «Дочери Карагсоргия». См.: *Двойченко-Маркова Е. М.* Пушкин..., с. 68—69.
- ⁹² ВЕ, 1817, ч. 93, № 9, с. 72—74.
- ⁹³ *Свиньин П. П.* Воспоминания на флоте. СПб., 1818—1819. Ч. 1—3.
- ⁹⁴ *Броневский В. Б.* Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 г. СПб., 1818. Ч. 1; СПб., 1819. Ч. 2—4.
- ⁹⁵ СО, 1818, ч. 50, № 49, 50, 52. Броневский «как начинающий на поприще словесности» передал на некоторое время для прочтения и правки свои «Записки» Свиньину, а тот неожиданно издал «Воспоминания на флоте», опередив Броневского на месяц.
- ⁹⁶ Впоследствии Броневский опубликовал по той же тематике «Письма морского офицера, служащие дополнением к Запискам морского офицера» (М., 1825—1826) и «Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г.» (М., 1828).
- ⁹⁷ *Бескровный Л. Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 293; *Тарле Е. В.* Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море.— В кн.: *Тарле Е. В.* Соч. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 10. *Станиславская А. М.* Россия и Греция в конце XVIII—начале XIX в. М.: Наука, 1976; и др.
- ⁹⁸ *Броневский В. Б.* Записки..., ч. 3, с. 147—162.
- ⁹⁹ *Свиньин П. П.* Воспоминания..., ч. 2, с. 215—216.
- ¹⁰⁰ *Броневский В. Б.* Записки..., ч. 3, с. 137—147, 139.
- ¹⁰¹ *Свиньин П. П.* Воспоминания..., ч. 2, с. 175.
- ¹⁰² *Свиньин П. П.* Воспоминания..., ч. 2, с. 178.
- ¹⁰³ *Свиньин П. П.* Воспоминания..., ч. 2, с. 178.
- ¹⁰⁴ *Броневский В. Б.* Записки..., ч. 3, с. 10—12.
- ¹⁰⁵ *Броневский В. Б.* Записки..., ч. 3, с. 176—188; *Свиньин П. П.* Воспоминания..., ч. 2, с. 233—235; ч. 1, с. 251—252. См. также: *Станиславская А. М.* Россия и Греция..., с. 249—281.
- ¹⁰⁶ *Броневский В. Б.* Записки..., ч. 1, с. 147.
- ¹⁰⁷ *Броневский В. Б.* Записки..., ч. 1, с. 174—178.
- ¹⁰⁸ *Свиньин П. П.* Воспоминания..., ч. 1, с. 161—162; ч. 2, с. 251—252.

- ¹⁰⁹ Свиньин П. П. Воспоминания..., СПб., 1819, ч. 3, с. 98—100.
- ¹¹⁰ См. об этом выше, с. 76—77.
- ¹¹¹ Пыпин А. Н. Русское славяноведение..., ВЕ, 1889, ч. 4, № 7, с. 245—256.
- ¹¹² Броневский В. Б. Записки..., ч. 1, с. 195—238, 238—300.
- ¹¹³ Броневский В. Б. Записки..., ч. 1, с. 178—195.
- ¹¹⁴ Броневский В. Б. Записки..., ч. 1, с. 193—194, 239—240.
- ¹¹⁵ Броневский В. Б. Записки..., ч. 1, с. 225.
- ¹¹⁶ Броневский В. Б. Записки..., ч. 1, с. 230—231.
- ¹¹⁷ СО, 1818, ч. 49, № 27—31.
- ¹¹⁸ СО, 1818, ч. 50, № 50, с. 237; № 52, с. 332.
- ¹¹⁹ Броневский приводит цитату в разделе о г. Перасте с ссылкой на Мазаровича. См.: Броневский В. Б. Записки..., ч. 1, с. 212.
- ¹²⁰ О Мазаровиче см.: Достян И. С. Грибоедов и доктор из Пераста С. И. Мазарович.— В кн.: Русско-сербские литературные связи первой половины XIX в. Нови Сад, 1980 (в печати).
- ¹²¹ Mazarovitsch S. J. Notices sur Monténégro — АВПР, ф. Гл. архив, 1—9, 1808, д. 3, л. 1—68.
- ¹²² Сокращены преимущественно страницы, связанные с профессиональными интересами Мазаровича (о медицине и лекарственных растениях).
- ¹²³ Mazarovitsch S. J. Notices..., л. 10; Броневский В. Б. Записки..., ч. 1, с. 250.
- ¹²⁴ Броневский В. Б. Записки..., ч. 1, с. 192.
- ¹²⁵ Mazarovitsch S. J. Notices..., л. 65; Броневский В. Б. Записки..., ч. 1, с. 297.
- ¹²⁶ Mazarovitsch S. J. Notices..., л. 63; Броневский В. Б. Записки..., ч. 1, с. 295.
- ¹²⁷ Mazarovitsch S. J. Notices..., л. 66—68; Броневский В. Б. Записки..., ч. 1, с. 299—300.
- ¹²⁸ См. об этом: Достян И. С. Россия и балканский вопрос. М.: Наука, 1972, с. 180—195.
- ¹²⁹ Броневский В. Б. Записки..., ч. 1, с. 193, 239.
- ¹³⁰ Только в 1820 г. вышло из печати двухтомное произведение француза Виалла де Сомье о Черногории: *Vialla de Sommières L. C. Voyage historiques, politiques au Monténégro*. Paris, 1820. Т. 1—2. Одновременно книга вышла на английском языке.
- ¹³¹ Другая книга Броневского — «Письма морского офицера» — представляет собой обработанный и дополненный им «журнал» (дневниковые записи) участника экспедиции Сенявина Н. В. Коробки, но касается лишь 1804—1806 гг. Во второй части этого произведения, изданной в 1826 г., также рассказывалось о черногорцах, бокезцах, далматинцах, их расположении к русским и преданности России, проистекающей «от веры и сродства крови» (ч. 2, с. 210). Высоко оценивали авторы «Писем» боевые качества черногорцев и бокезцев («Сии пять тысяч стрелков удивляют французов необыкновенною дерзостью, доставляющей им великое преимущество перед регулярными полками», они подобны русским казакам, а «в меткой стрельбе и искусстве рубиться на саблях черногорцы превосходят все лучшие европейские войска»); говорили о своеобразном укладе жизни черногорцев как единственно в Европе народа, пользующегося «полной свободой мыслей и действий», но также и об их исключительной общественно-экономической отсталости. Жизнь черногорцев, основанная на принципах свободы и равенства, но тяжелая и полная лишений, те-

перь служила поводом к издевке над руссонстской философией, над идеалами Великой французской революции. Французы «искали примеров в древности и, вероятно, не знали, что невдалеке от них живет народ истинно свободный». Если же они, объявив о стремлении достигнуть всеобщей свободы и равенства, стали бы подражать черногорцам, то должны были бы «уничтожить всякое просвещение, перестать читать и писать и уместовать...», «истребить все искусства, служащие к поощрению роскоши, жить не в палатах, а в хижинах, не обогащать одних разорением других, словом: не допуская никаких исключений в равенстве граждан, прилепиться к вере, отказаться от завоеваний и до испуга любить бедное свое отечество, славу предков, и ничего не перемывать в своих обычаях». Но возврат к такой свободе и равенству невозможен, не нужен цивилизованным народам Европы (ч. 2, с. 191—194). Этого рода рассуждения, возможно, отражали поправление общественной позиции Броневского к 1826 г.

¹³² «Воспоминания на флоте» в отличие от этого были приняты холодно, что, возможно, явилось следствием отрицательного отношения ряда прогрессивных деятелей к их автору, связанному с А. А. Аракчеевым.

¹³³ СО, 1819, ч. 54, № 21, с. 49—50. Письмо, подписанное инициалами «А. Б.», сопровождало статью «Али-паша», представляющую собой выдержку из записок Е. П. Метаксы, соавтором которых являлся А. Я. Булгаков. См. об этом: *Козаков Н. И.* О происхождении и характере «Записок флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы». — В кн.: Археографический ежегодник за 1962 г. М.: Наука, 1963, с. 312—322.

¹³⁴ СО, 1820, ч. 66, № 49, с. 56.

¹³⁵ ВЕ, 1821, ч. 117, № 7/8, с. 299—300.

¹³⁶ СО, 1821, ч. 70, № 24, с. 185—187; ч. 71, № 28, с. 86—90; ч. 72, № 37, с. 184—185; ч. 73, № 41, с. 39—43; № 51, с. 233—234; 1822, ч. 75, № 4, с. 188—191; ч. 77, № 17, с. 139—140; № 18, с. 185—189; ВЕ, 1821, ч. 117, № 7/8, с. 300; № 10, с. 151—152; № 11, с. 238—240 и др.

¹³⁷ СО, 1821, ч. 69, № 17, с. 146; ч. 70, № 24, с. 186; ч. 74, № 52, с. 281; ВЕ, 1821, ч. 117, № 7/8, с. 300.

¹³⁸ *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России. М.: Наука, 1970, с. 95.

¹³⁹ ВЕ, 1821, ч. 120, № 20, с. 258—261 (Пер. «Военного гимна греков» Гнедичем см. также: *Гнедич Н. И.* Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1956, с. 126—127).

¹⁴⁰ ВЕ, 1821, ч. 120, № 20, с. 260.

¹⁴¹ СП, 1822, ч. 17, № 2, с. 195—198.

¹⁴² СП, 1821, ч. 16, № 11, с. 206.

¹⁴³ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Л.: Наука, 1977, т. II, с. 31.

¹⁴⁴ СО, 1822, ч. 76, № 12, с. 193—213; № 13, с. 241—249; № 16, с. 49—65.

¹⁴⁵ «Пер. А. К.» — такой была лаконичная подпись в конце обзора (см. СО, 1822, ч. 77, № 16, с. 65). Обычно же в журналах указывался автор переводимой статьи и издание, в котором оно было напечатано. Инициалами «А. К.» иногда подписывался декабрист А. О. Корнилович. В это время он активно сотрудничал в «Сыне отчества».

¹⁴⁶ СО, 1822, ч. 76, № 12, с. 195.

¹⁴⁷ СО, 1822, ч. 77, № 16, с. 49—53.

- 148 СО, 1822, ч. 77, № 16, с. 52, 54.
- 149 СО, 1822, ч. 77, № 16, с. 63.
- 150 ВЕ, 1821, ч. 120, № 17, с. 50—53.
- 151 ВЕ, 1821, ч. 120, № 17, с. 56.
- 152 ВЕ, 1821, ч. 120, № 19, с. 210—218.
- 153 ВЕ, 1821, ч. 121, № 23, с. 221—227.
- 154 ВЕ, 1821, ч. 120, № 18, с. 142—146.
- 155 СО, 1821, ч. 72, № 37, с. 185.
- 156 СО, 1821, ч. 74, № 51, с. 233.
- 157 СО, 1822, ч. 76, № 9, с. 92; № 11, с. 185.
- 158 СО, 1822, ч. 75, № 4, с. 191; ч. 76, № 9, с. 92; ч. 77, № 18, с. 187—188.
- 159 СО, 1822, ч. 77, № 20, с. 281—282.
- 160 СО, 1823, ч. 86, № 26, с. 282.
- 161 Жизнь Али-паши Янинского со времени его детства до 1821 г., содержащая подробное и верное описание чрезвычайных его злодеяний и ужасного над поработенными народами Греции тиранства. СПб., 1822. Ч. 1—2; СПб., 1824. Ч. 3.
- 162 Записки полковника Вутье о нынешней войне греков. СПб., 1824 Ч. 1—2.
- 163 История греческих происшествий, обстоятельно и подробно описанных от первоначального действия греков до сего времени. М., 1824. Ч. 1—2.
- 164 Жизнь Али-паши..., ч. 1, с. 47—48.
- 165 Записки полковника Вутье..., ч. 1, с. 50.
- 166 Записки полковника Вутье..., ч. 1, с. 47—48.
- 167 СО, 1822, ч. 80, № 36, 37, 38.
- 168 Записки полковника Вутье..., ч. 1, с. VI—XIV.
- 169 История греческих происшествий..., ч. 1, с. III.
- 170 История греческих происшествий..., ч. I, с. 10—20.
- 171 Простонародные песни нынешних греков, с подлинником изданы и переведены в стихах, с прибавлением введения, сравнения их с простонародными песнями русскими и примечаний Н. Гнедичем. СПб., 1825.
- 172 *Медведева И. Н.* Вступит. статья, к кн.: *Гнедич Н. И.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1956, с. 43; *Руцкина Н. Л.* Изучение новогреческого песенного фольклора в нашей стране.— В кн.: Основные проблемы балканистики в СССР: Балканские исследования. М.: Наука, 1979, вып. 5, с. 260—262.
- 173 МТ, 1825, ч. 2, № 6, с. 125—137.
- 174 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Л.: Наука, 1979, т. 10, с. 99.
- 175 ВЕ, 1821, ч. 118, № 10, с. 134—138; № 11, с. 223—228.
- 176 ВЕ, 1821, ч. 119, № 16, с. 298—313.
- 177 СА, 1823, ч. 6, № 9, с. 157—178.
- 178 СА, 1825, ч. 15, № 11, с. 345—360.
- 179 СО, 1824, ч. 97, № 42, с. 75—84.
- 180 Жизнь и подвиги Милоша Обреновича, верховного вождя и предводителя народа сербского. СПб., 1825, с. V.
- 181 См. с. 171.
- 182 Югославские исследователи творчества В. Караджича подробно осветили историю издания книги в России, провели текстуальное сопоставление с позднейшим изданием на сербском языке (Милош Обренович, кнез Сербии, или Грађа за Српску Историју нашегo времени. Будим, 1828). См. об этом: Сабрана дела Вука Ка-

- рациѝа, т. 15. Историјски списи. Београд: Просвета, 1969, т. 1, с. 256—334.
- ¹⁸³ Жизнь и подвиги князя Милоша Обреновича..., с. VI—IX.
- ¹⁸⁴ БЛ, 1825, № 27, стб. 383—387.
- ¹⁸⁵ МТ, 1825, ч. 2, № 5, с. 99—116.
- ¹⁸⁶ СА, 1825, № 14, с. 85—117; № 15, с. 191—234 (в дальнейшем ссылки на статью даются в тексте.— *И. Д.*).
- ¹⁸⁷ См. об этом: *Венедиктов Г. К.* Първа страница в изучаването на български език от руски учени.— В кн.: Българското възраждане и Русия. София (в печати).
- ¹⁸⁸ Формулярные списки Спиридова Алексея Матвеевича.— АВПР, ф. ДЛС и ХД, оп. 464, д. 3103, 3104, 3106.
- ¹⁸⁹ См., напр.: СА, 1825, № 21, с. 3.
- ¹⁹⁰ Указание на такое участие см. БЛ, 1826, т. II, Предисл.
- ¹⁹¹ АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, д. 369.
- ¹⁹² См. об этом: *Селинов А. А.* С. Пушкин и греческое восстание.— В кн.: *А. С. Пушкин:* Статьи и материалы. Одесса, 1926, Т. 2.
- ¹⁹³ Précis de geographie universelle de Malte-Brune, t. 1. Выдержки из этого издания, посвященные Молдавии и Валахии, см.: ВЕ, 1821, ч. 19, № 16, с. 298—313.
- ¹⁹⁴ *Wilkinson W.* Tableau historique, géographique et politique de la Moldavie et Valachie. Paris, 1821, p. 120.
- ¹⁹⁵ БЛ, 1826, кн. II, № 12, с. 170.
- ¹⁹⁶ *Венелин Ю. И.* Замечания на сочинения г-на Яковенка о Молдавии и Валахии.— Московский Вестник, 1828, ч. X, № 15, 16; ч. XI, № 18.
- ¹⁹⁷ Более подробно об освещении болгарской темы в статье Спиридова см.: *Достян И. С.* Българите в руската литература и периодичен печат през първите десетилетии на XIX век.— В кн.: Българското възраждане и Русия. София (в печати).
- ¹⁹⁸⁻⁻²⁰⁰ Спиридов подробно описывает Валахию, а затем сообщает то, что отличает от нее Молдавию, подчеркивая при этом «разительное сходство» населяющих эти два княжества народов (№ 15, с. 231).
- ²⁰¹ АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, д. 369, л. 183, 186.
- ²⁰² А. М. Спиридов — сестре С. М. Жихаревой и И. М. Жихареву 6 ноября 1827 г.; 6 апреля 1828 г. и 14 января 1830 г.— ОР ГБЛ, ф. 103, 1033б. 45; 1033б. 42. Последнее письмо Спиридова написано сестре во время тяжелой болезни, от которой он, скорее всего, не оправился.
- ²⁰³ Описание сохранилось в нескольких списках. См. один из них: ЦГАДА, ф. 1278, д. 48, л. 144—169.
- ²⁰⁴ См., напр.: Опыт о военных обозрениях.— ВЖ, 1810, кн. 2; Краткое предначертание генерального штаба.— Там же, кн. 7.
- ²⁰⁵ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 48.
- ²⁰⁶ Автор записки указан на экземпляре, хранящемся в РО ГПБ (Q IV. 37).
- ²⁰⁷ ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 48, л. 80—81.
- ²⁰⁸ ВЖ, 1810, кн. 4, с. 78—96.
- ²⁰⁹ Примечательно, что спустя несколько лет, в 1821 г., полковник Главного штаба Чуйкович разработал операционный план ожидавшейся тогда войны с Турцией, в которой он предлагал использовать сербов и болгар. См.: *Конобеев В. Д.* Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828—1830 гг.— УЗИС, 1960, т. XX, с. 227.

- ²¹⁰ См.: *Ариш Г. А.* Записка о нынешнем состоянии греков (1811 г.) И. Каподистрии.— В кн.: *Славяно-балканские исследования.* М.: Наука, 1972. Записи митрополита Игнатия, записка И. Кантакузина см.: АВПР, ф. Гл. архив, II—26, 1813, д. 3; ф. Канцелярия, д. 7818.
- ²¹¹ См. публикацию донесений Санковского: *Достян И. С.* Описание Черногории начала XIX в. в донесениях С. А. Санковского.— В кн.: *Славяно-балканские исследования.* М.: Наука, 1972.
- ²¹² *Notices sur Monténégro* (1808) — АВПР, ф. Гл. архив, I—9, 1808, д. 3. См. об этой записке выше, с. 155—157.
- ²¹³ См., например, материалы о географическом, историческом и статистическом положении в Сербии; АВПР, ф. Гл. архив, I—9, 1807—1813, д. 9.
- ²¹⁴ См. об этом: *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос..., с. 301—305.
- ²¹⁵ Инструкция Г. А. Строганова Д. В. Дашкову. Ноябрь 1819 г.— В кн.: ВПР, М., 1980, т. XI.
- ²¹⁶ К. В. Нессельроде — А. Н. Голицыну 20 января 1820 г.— ЦГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 4222, л. 1.
- ²¹⁷ Д. В. Дашков — И. И. Дмитриеву 16 апреля 1821 г.— РА, 1868, стб. 595.
- ²¹⁸ А. Н. Оленин — А. Н. Голицыну 3 февраля 1820 г.— ЦГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 4222, л. 7. Задание, данное Воробьеву, было связано с намерением великого князя Николая Павловича реконструировать храм Воскресенья Христова в Новом Иерусалиме под Москвой в точном соответствии с его прототипом.
- ²¹⁹ *Смирнов Г.* Максим Никифорович Воробьев. 1787—1855. М.; Л.: Искусство, 1950, с. 10.
- ²²⁰ О путешествии Воробьева в Палестину в 1820 г. см.: *Петров П. Н.* М. Н. Воробьев и его школа.— *Вестник изящных искусств*, 1888, т. 6, вып. 4, с. 197—302; *Смирнов Г.* Максим Никифорович Воробьев..., с. 9—17.
- ²²¹ СЦ, 1825, с. 119—161.
- ²²² [*Дашков Д. В.*] Известия о греческих и латинских рукописях в серальской библиотеке.— СЦ, 1825, с. 162—165; *Он же.* Еще несколько слов о серальской библиотеке.— СЦ, 1826, с. 283—296.
- ²²³ Русские поклонники в Иерусалиме: Отрывок из путешествия по Греции и Палестине в 1820 г.— СЦ, 1826, с. 214—283.
- ²²⁴ Записка С. И. Тургенева опубликована как приложение к статье Г. Р. Баррат: *Barrat G. R.* «Notices sur l'insurrection des Grecs contre l'Empire Ottoman», a russian view of the greek war of independance.— *Balkan Studies*, 1973, N 14, p. 72—107. О взглядах С. И. Тургенева на причины, задачи и перспективы греческой революции, на политику России в отношении балканских народов см. ниже, с. 228—229.
- ²²⁵ Первая книга переведена и издана на русском языке (в 4-х т.) в 1819—1823 гг. Вторая вышла тиражом в 50 экз. также на французском языке. Выдержки из нее позднее печатались в «Сыне отечества», а затем она появилась на русском языке под названием «Картина войн России с Турцией в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I» (СПб., 1829).
- ²²⁶ М. Ф. Орлов — Д. П. Бутурлину 2 ноября и 20 декабря 1820 г.— В кн.: *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа: Политические сочинения: Письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 60—65.
- ²²⁷ *Заблоцкий-Десятковский А. П.* Граф П. Д. Киселев и его время.

- СПб., 1882, т. 1, с. 65—66, 107, 206—209; *Глиноецкий Н. П.* История русского генерального штаба. СПб., 1883, т. 1, с. 359—365.
- 228 *Прокофьев Е. А.* Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М.: Изд-во АН СССР, 1957; *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 418; *Бескровный Л. Г.* Очерк военной историографии России. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 79—80; *Мещеряков Г. П.* Русская военная мысль в XIX в. М.: Наука, 1973, с. 38—39.
- 229 П. Д. Киселев — А. А. Закревскому 6 апреля 1819 г.— Сб. РИО, 1891, т. 78, с. 4—5; *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев..., т. 1, с. 66.
- 230 *Бурцов И. Г.* Мысли о теории научных знаний.— ВЖ, 1819, кн. 2. О Бурцове как военном теоретике см.: *Прокофьев Е. А.* Борьба..., с. 182—190.
- 231 Вся переписка и документация, касающаяся труда по истории русско-турецких войн, хранится в ЦГВИА, ф. ВУА, д. 652, ч. 1—3. См. также: *Глиноецкий Н. П.* История..., т. 1, с. 359—361 (Глиноецкий ошибочно относит начало работы по составлению истории русско-турецких войн к 1816—1817 гг.); *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев..., т. 1, с. 209.
- 232 *Глиноецкий Н. А.* История..., т. 1, с. 361; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 652, ч. 1, л. 7, 8.
- 233 Сохранилось письмо Орлова к Киселеву от 23 июля 1819 г.: «Твоя мысль о составлении архива дел войн наших с турками я понимаю только поверхностно,— писал он.— Но какое ты мне хочешь дать занятие — вовсе не понимаю. Я турков в глаза не видел и тот образ войны мне неизвестен. Отпиши о сем подробно» (ИРЛИ, ф. 143, д. 29, 6. 99).
- 234 П. Д. Киселев — А. А. Закревскому 27 ноября 1819 г.— Сб. РИО, 1891, т. 78, с. 53.
- 235 П. И. Пестель — П. Д. Киселеву 1 января, 31 января, 14 февраля, 31 марта 1820 г.— ИРЛИ, ф. 143, д. 29.6.100, л. 9—18.
- 236 П. Д. Киселев — П. И. Пестелю 24 марта 1820.— Там же, д. 29.6.138.
- 237 П. И. Пестель — П. Д. Киселеву 31 января 1820 г.— Там же, д. 29.6.100, л. 13. См. также: *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев..., т. 1, с. 208.
- 238 В дальнейшем — об этом будет говориться ниже — составлением истории русско-турецких войн руководил Бурцов, с которым у Пестеля были недружелюбные отношения.
- 239 П. Д. Киселев — Д. П. Бутурлину 10 февраля 1820 г.— ЦГВИА, ф. ВУА, д. 652, ч. II, л. 58.
- 240 Переписку по этому вопросу Киселева с Пущным см.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 652, ч. 2, л. 22—23, 38—39, 42, 44—45, 60, 61, 71.
- 241 Там же, л. 57—58, 64—65.
- 242 П. Д. Киселев — А. А. Закревскому 15 января 1822 г.— Сб. РИО, 1891, т. 78, с. 85.
- 243 Сейчас эти документы составляют д. 394 (в 13 частях) фонда ВУА.
- 244 П. Д. Киселев — Д. П. Бутурлину 10 февраля 1820 г.— ОПИ ГИМ, ф. 323, д. 62, л. 58.
- 245 *Глиноецкий Н. П.* История..., т. 1, с. 361—363.
- 246 П. Д. Киселев — П. И. Пестелю 24 марта 1820 г.— ИРЛИ, ф. 143 д. 29.6.100.

- ²⁴⁷ П. Д. Киселев — И. Г. Бурцову 29 сентября 1822 г. — ЦГВИА, ф. 14057, оп. 11/182а, д. 86, ч. 2, с. 118.
- ²⁴⁸ В «Отчете по квартирмейстерскому управлению 2-й армии за 1819—1823 гг.» говорилось, что труд по истории войн ведется «под надзором квартирмейстерской части полковника Бурцова», да и весь раздел «Отчета...», названный «Обозрение занятий по предметам описания походов россиян против турок», писался, по всей вероятности, самим Бурцовым и выражает его отношение к задачам этого труда. См.: ЦГВИА, ф. 14057, оп. 2, д. 13, л. 18—20.
- ²⁴⁹ ЦГВИА, ф. 14057, оп. 2, д. 13, л. 18. См. также: *Заблокций-Десятовский А. П.* Граф П. Д. Киселев..., т. 1, с. 206—207.
- ²⁵⁰ ЦГВИА, ф. 14057, оп. 2, д. 13, л. 18.
- ²⁵¹ См. письма к Бурцову Петрова, Павлищева, Михайловского из Петербурга и Москвы (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 652, ч. 2, л. 129—180) и письма Бурцова Киселеву (ИРЛИ, ф. 143, л. 29, 6.83, л. 26, 36, 41).
- ²⁵² ЦГВИА, ф. 14057, оп. 2, д. 13.
- ²⁵³ Глиноецкий называет офицеров Петрова, Басаргина, Гасфорта, Ребиндера, гражданских чиновников Алексева, Михайловского, Павлищева наиболее деятельными в сборе и обработке материалов. См.: *Глиноецкий Н. П.* История..., т. 1, с. 361.
- ²⁵⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1527, 1552, 1810, 2374, 2908. Черновой текст «Описания...» сохранился в делах штаба 2-й армии (ф. 14057, оп. 11/182а, св. 18, д. 68—71).
- ²⁵⁵ На основании заголовков и археографических особенностей дел фондов ВУА, их старой нумерации, можно установить, что эти материалы составили около 40 дел, из них 31 — о войне 1806—1812 гг.
- ²⁵⁶ Записка П. Д. Киселева «О необходимости и возможности в мирное время собрать топографические сведения о турецких владениях». 1820 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18885).
- ²⁵⁷ ЦГВИА, ф. 14057, оп. 2, д. 13.
- ²⁵⁸ ЦГВИА, ф. 14057, оп. 2, д. 13, л. 11; Краткое описание карты Европейской Турции, составленной при штабе 2-й армии в 1823 г. — ЦГВИА, ф. 14057, оп. 2, д. 12.
- ²⁵⁹ Иван Петрович Липранди (1790—1880) сыграл главную роль в раскрытии кружка петрашевцев; этим, как и некоторыми другими темными моментами своей биографии, запятнал себя в глазах прогрессивной русской общественности. А. И. Герцен и Н. П. Огарев бичевали его в «Колоколе» как типичного представителя полицейской системы самодержавия, доносчика и провокатора. Но случилось так, что чрезмерное усердие и нескромность Липранди задела интересы каких-то влиятельных лиц. Поэтому от него поспешили отмежеваться правительственные органы. Не в меру активного и болтливового чиновника министерства внутренних дел уволили в отставку, и он бесславно кончил некогда блистательно начинавшуюся карьеру.
- ²⁶⁰ См., напр.: *Штрайх С.* Знакомец Пушкина И. П. Липранди. — Красная новь, 1935, № 2; *Садиков П. А.* И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941, т. 6; *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М.: Мысль, 1966, с. 212—220; *Он же.* «Где и что Липранди?» — В кн.: Пути в неизвестное: Пи-

сатели рассказывают о науке. М.: Сов. писатель, 1972. Сб. 9; Курочкин Ю. Дело Липранди.— Урал, 1973, № 6.

- 261 См. об этом: Азадовский М. К. Вступительная статья к «Воспоминаниям В. Ф. Раевского». — ЛН, 1956, т. 60, ч. 1, с. 64—65. Известно, что Липранди был арестован по делу декабристов, но вскоре освобожден и при этом щедро награжден. Впоследствии в «Записке о службе» (ОР ГБЛ, ф. 18, д. 2484), написанной в 1860 г. с целью оправдаться перед начальством, он подчеркнул, что в 1826 г. получил «не в зачет» не только годовое жалованье, но и другие суммы денег. Н. И. Селявин, например, сам предложил пособие «на излечение болезни». «Он (Липранди.— И. Д.) не просит пособия, как это обычно делается,— говорится далее,— а ему предлагают оно, что весьма редко случается», тем более, что он уже «был удовлетворен щедротами монарха наравне с другими, не оказавшимися в числе злоумышленников» (ОР ГБЛ, ф. 18, д. 2484, л. 5, 57—58). В таком пояснении содержится, возможно, намек на особые причины чрезмерной щедрости сановников Николая I. Садиков в интересной, солидно документированной статье, используя «Записки о службе», обошел этот нюанс (Садиков П. А. И. П. Липранди..., с. 290). Версию о том, что Липранди лишь в 1830-е годы стал доносителем и провокатором, в недавнее время поддержал Эйдельман (Эйдельман Н. Я. «Где и что Липранди?», с. 140).
- 262 Липранди И. П. Важность иметь положительные сведения о происходящем на правом берегу Дуная и о тайных кознях в княжествах...— ЧОИДР, 1877, кн. 3, с. 53.
- 263 Эйдельман Н. Я. «Где и что Липранди?», с. 130—131.
- 264 Богишич В. Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872, с. 95.
- 265 Липранди И. П. Записка о службе..., л. 59.
- 266 ОР ГБЛ, ф. 203, д. 202.3. Рукопись переплетена и имеет заголовок на обложке: «Груды И. Липранди 1823 г. Турция». На внутреннем листе — заглавие.
- 267 Липранди И. П. Оттоманская империя (введение).— ЦГИА, ф. 673, д. 217, л. 3. В данном фонде хранится 85 рукописей Липранди, содержащих различные части и фрагменты указанного сочинения. Большая часть их имеет название: «Опыт словоистолкователя Турецкой империи и Европейских оной областей» (д. 138—222).
- 268 Липранди И. П. Записка о службе..., л. 86—87.
- 269 Садиков П. А. И. П. Липранди, с. 291.
- 270 Documente privind istoria României: Răscoala din 1821. București, 1962, v. V, f. 165—263, 363—408, 457—477, 501—514.
- 271 Общий список опубликованных и рукописных сочинений Липранди см.: Липранди И. П. Записка о службе..., Прилож. 26, л. 83—86. Извлечение из этого списка трудов о Турции, балканских народах и русско-турецких войнах (91 название), см.: Богишич В. Разбор., с. 316—324. Библиографию печатных трудов Липранди (кроме публиковавшихся в ЧОИДР и «Русском архиве») см.: Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб., 1888, вып. 4, с. 16—17.
- 272 Липранди И. П. Записка о службе..., л. 88.
- 273 Каталог библиотеки Липранди.— ОР ГБЛ, ф. 203, д. 223.4.
- 274 В связи с предстоящей продажей библиотеки Липранди распространилась молва о неблагоприятных способах приобретения им книг.

- По его утверждению, Генеральный штаб так и не заплатил за купленные книги. См.: *Липранди И. П.* Записка о службе..., л. 88.
- ²⁷⁵ *Эйдельман Н. Я.* «Где и что Липранди?», с. 130—131.
- ²⁷⁶ *И. Михайловский.*— *И. Г. Бурцову*, 1822 г.—ЦГВИА, ф. ВУА, д. 652, ч. II, л. 136.
- ²⁷⁷ *Волк С. С.* Исторические взгляды..., с. 396—397.
- ²⁷⁸ *Щеголев П. А.* Декабрист А. О. Корнилович: Благоразумные советы из крепости.— В кн.: *Декабристы*. М.; Л.: Госизд-во, 1926, с. 311—341.
- ²⁷⁹ ЦГАОР, ф. III отделения, I эксп., оп. 5, д. 61, ч. 79.
- ²⁸⁰ *Корнилович А. О.* Сочинения и письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 221—224.
- ²⁸¹ См. об этом подробнее: *Достян И. С.* Русский участник греческой революции.— *ВИ*, 1978, № 4.
- ²⁸² *СО*, 1822, № 42, 43.
- ²⁸³ См. об этом подробнее: *Достян И. С.* Участие декабристов в изучении Балкан и русско-турецких войн XVIII — начала XIX в.— *СС*, 1975, № 6, с. 32—33.

БАЛКАНСКИЙ ВОПРОС
В МИРОВОЗЗРЕНИИ ДЕКАБРИСТОВ

В развитие политических и культурных связей между русской прогрессивной общественностью и балканскими народами внесли свой важный вклад декабристы, которые проявляли большое внимание и симпатии к движению угнетенных народов Европы за свое национальное освобождение. Задачи борьбы за общественно-политические преобразования в России некоторые из передовых представителей русского дворянского класса 1820-х годов связывали с перспективой национального освобождения других народов Европы, и в частности балканских.

Отношение к революционным событиям на Балканах, к задачам русской политики в Восточном вопросе, планы разрешения балканской проблемы отражают существенные стороны внешнеполитической программы дворянских революционеров, помогают проследить процесс развития идеологических контактов и взаимовлияния между прогрессивной русской общественностью и народами Юго-Восточной Европы.

Еще дореволюционные русские историки обратили внимание на горячее сочувствие, проявлявшееся декабристами к борьбе греков за свою независимость¹. В советской литературе, посвященной общественному движению 20-х годов, внешней политике России этого периода, русско-греческим связям, рассматривались различные аспекты интересующей нас темы.

Среди таких работ следует прежде всего назвать обобщающий труд М. В. Нечкиной «Движение декабристов»² и специальные исследования, касающиеся идеологии движения декабристов — А. Н. Шебунина³, Б. Е. Сыроечковского⁴, С. С. Ланды⁵, О. В. Орлик⁶ и др. Отношение прогрессивной российской общественности к револю-

ционными событиями 1820-х годов на Балканах подробно рассмотрено А. В. Фадеевым⁷. Ряд вопросов той же темы поставлен историками, посвятившими свои труды общественным и политическим связям между Россией и греками (О. Б. Шпаро, Г. Л. Арш)⁸, а также общественному движению в Бессарабии, его связям с балканскими народами (И. Ф. Иовва, Л. Н. Оганян)⁹.

Как видим, тема «Декабристы и революционное движение на Балканах» была предметом изучения целого ряда авторов. Это обстоятельство породило ряд дискуссионных вопросов, на которых хотелось бы остановиться специально. А главное, мы попытаемся сосредоточить внимание на проблеме идеологического влияния балканских событий на декабристов, формирования их отношения к задачам внешней политики послереволюционной России.

ОТНОШЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ К РЕВОЛЮЦИОННЫМ СОБЫТИЯМ НА БАЛКАНАХ И ЗАДАЧАМ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ В ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ

1815—1825 гг.— время формирования идеологии дворянских революционеров— совпало с началом нового этапа в истории международных отношений в Европе, наступившего после окончания наполеоновских войн, мирного урегулирования на Венском конгрессе и создания Священного союза.

Радужные надежды, возникшие под впечатлением победоносного окончания Отечественной войны и заграничных походов, быстро рассеивались. Над страной постепенно сгущались облака реакции. Александр I доказывал неспособность и нежелание царизма осуществить назревшие социальные преобразования, отменить крепостное право. Но перемены в общественно-политической жизни были очевидны и необратимы, с «духом времени» приходилось считаться, уже нельзя было остановить рост общественной активности, уничтожить свободомыслие. Отечественная война 1812 г. и заграничные походы, ведущая роль России в освобождении европейских народов от тирании наполеоновской империи — все это стимулировало развитие патриотизма, национального самосознания. В этих условиях не ослабевали также мессианские настроения, связанные с убеждением в освободительной роли

России как единственной православной и славянской державы, не утратившей своей независимости и набирающей силы. Недавние военно-политические события давали надежду на продолжение этой благородной миссии. Представление, что в помощи России нуждаются прежде всего их «единомышленники и единоверцы» в этих условиях не могло не укрепляться. Принципы Священного союза, которых придерживался Александр I, его сдержанная, осторожная политика в отношении Османской империи и балканских народов, не пользовались популярностью.

Декабристы неизменно сочувствовали всем народам, борющимся за свое социальное и национальное освобождение, но, пожалуй, в особенности находившимся под властью Османской империи. С одной стороны, это было следствием прочно закрепленного в сознании представления о значении племенной, языковой и религиозной общности между славянскими народами России и балканскими народами, а также представлений об определенном сходстве исторических судеб всех этих народов.

Характерно, что турецкое господство на протяжении трех-четырех веков в Юго-Восточной Европе иногда ассоциировалось с татарским игом на Руси, которому, в свою очередь, придавалось большое значение как фактору, обусловившему неблагоприятный ход общественно-политического развития страны. В отличие от Карамзина, который в «Истории государства Российского» писал, что татарское нашествие объективно способствовало укреплению самодержавных начал русской государственности, и полагал, что господство монголов не оставило почти никаких следов в народных обычаях, гражданском законодательстве и быте россиян, декабрист Н. И. Тургенев именно в татарском иге видел источник социального и политического рабства русского народа, начало утверждения самодержавия, или деспотизма. По его заключению, нашествие татар было катастрофой, прервавшей естественное развитие древних либеральных институтов¹⁰. Такую мысль выражали и другие члены тайных обществ.

Н. М. Муравьев в прокламации «Любопытный разговор» противопоставлял картину исконно русского народоправства общественно-политическому строю России после татарского нашествия. Восточный деспотизм татар, по его убеждению, создал почву для неограниченного произвола царей, не признающих власти рассудка, за-

конов божьих и человеческих. Русские государи «мало-помалу всяким обманом присваивали себе власть беспредельную, подражая ханам татарским и султану Турецкому», — писал Муравьев. Режим Османской империи с «властью беспредельной» служил, по его словам, примером для подражания правителей, стремящихся к самодержавию¹¹.

Таким образом, Турция служила образцом деспотического принципа правления со всеми свойственными ему пороками. Н. И. Тургенев писал в своем трактате «Политика»: «Так как деспотизм есть отсутствие всякого закона, то нельзя его назвать каким бы то ни было образом правления. Впрочем, относительно Европы одна только Турция бесчестит таким правительством сию древнюю землю образованности и просвещения»¹².

Такие представления порождали понятие о каком-то сходстве общественно-политических задач, стоявших перед народами России и подданными Порты, убеждение в необходимости помогать делу их национального освобождения. То обстоятельство, что Александр I не следовал этому, давало повод для критики внешней политики царизма. П. Г. Каховский осуждал, например, правительство за то, что оно не оказывает помощи грекам, сербам — «верным нашим союзникам», что черногорцы «забыты, покинуты на произвол судьбы»¹³. Он проявлял, как видим, хорошую осведомленность относительно особенностей политических акций петербургского двора в Восточном вопросе, заинтересованность в оказании помощи Россией не только грекам, но и южным славянам.

Когда в Россию пришли известия о начале восстания этеристов в Дунайских княжествах, а затем о вооруженном выступлении в Морее, почти вся русская общественность, люди самых различных убеждений стали проявлять горячее сочувствие борцам за свою свободу, живую заинтересованность в оказании Россией действенной и незамедлительной помощи грекам. Разнообразные и многочисленные материалы, свидетельствующие об этом, не обнаруживают, однако, каких-либо внешних различий в сочувственном отношении к балканским делам между реакционерами, деятелями либерально настроенными и будущими декабристами. Нет основания полагать, будто в отличие от филэллинского движения в странах Западной Европы, которое носило преимущественно умеренно либеральный характер, в России носителями идеи оказания

помощи грекам являлись прежде всего революционно настроенные представители дворянства¹⁴. Подобные заключения возникли лишь потому, что именно позиция декабристов в отношении революционных событий на Балканах интересовала советских историков в первую очередь и оказалась наиболее полно изученной. Между тем имеется не меньшее количество данных относительно аналогичного отношения к восстанию греков других представителей дворянского класса России самых различных общественно-политических взглядов. Это отношение было не таким, как к революциям в Испании или итальянских землях, что имело свою теоретическую подоплеку.

Задолго до революционных выступлений 1820-х годов в русских правительственных и общественных кругах был выдвинут тезис весьма удобный и для освободительного движения балканских народов, и для политики царизма в Восточном вопросе, о том, что борьба христианских народов против султанской власти не имеет ничего общего с революционными выступлениями других европейских народов против своих законных суверенов. Как говорилось выше, этот тезис получил отражение в публицистике.

Очень четко и убедительно эта идея была сформулирована в период Венского конгресса 1814—1815 гг. в проектах меморандума по сербскому вопросу, который предполагалось направить дипломатам великих держав. В них доказывалось, что христианские народы, находящиеся под властью султана, не его подданные, а лишь данники. Они лишены защиты со стороны турецкого государства, не оберегающего их личность и имущество, а потому имеют право на восстание как на самозащиту. Таковым было и сербское восстание, не имеющее ничего общего с революционными движениями в Европе того же времени. Говорилось также о правах наций (народов) и принципах гуманности¹⁵.

Эти записки, обосновывавшие необходимость предпринять перед Портой коллективный демарш в пользу сербов, по всей вероятности, были составлены входившим в фавор Иоанном Каподистрией и его ближайшим помощником А. С. Стурдзой и отражали попытку применения умеренно либеральных принципов к политике России в отношении балканских народов. Александр I в то время поддерживал такой подход к национально-освободительному движению балканских народов. Но в 1821 г., когда в Лайбах пришла весть о выступлении Ипсиланти, он без

колебания осудил греков, увидев прямую связь балканских событий с революциями в Южной Европе, с действиями мифического «Парижского центрального комитета», будто бы направлявшего деятельность всех революционеров в Европе.

Эта резкая перемена в отношении к освободительному антитурецкому движению «единоверцев и единоплеменников» не была сразу воспринята и понята даже в самой царской семье, в кругу близких ко двору сановников и греческих эмигрантов. Когда Каподистрия в письме А. С. Стурдзе изложил официальную точку зрения относительно общности между греческим восстанием и революциями в Южной Европе, тот стал доказывать, что греки борются не за «химерические привилегии», а «за жизнь, собственность и веру», что их нельзя считать неверными подданными, взбунтовавшимися против «законного суверена»¹⁶⁻¹⁷.

Вероятно, и многие из декабристов присоединились бы к утверждению, что греки поднялись на борьбу «за жизнь, собственность и веру», что моральный долг России помочь единоверцам. Но в их представлении восстания в Дунайских княжествах и в Морее, ожидавшееся присоединение к ним сербов и болгар находились в самой тесной связи с революциями в Испании, Пьемонте и Неаполе, с перспективой выступления против русского самодержавия. По существу они уловили в балканском революционном движении ту же сущность, которую сразу заметил Александр I. Но если последнего это чрезвычайно напугало, то декабристов обрадовало, ибо они увидели в событиях, развивающихся на Балканах, фактор, могущий способствовать развертыванию борьбы за социальное освобождение народов Европы, а в частности России. В этом заключалось главное отличие в подходе к революционным событиям на Балканах между декабристами и другими политически мыслящими представителями дворянского класса России.

В дружном хоре голосов, сочувствовавших справедливой борьбе греков и других подданных султана, требовавших объявления войны Порте, выражавших готовность отправиться на поля сражений, выделялись мнения отдельных деятелей, доказывавших, что нерешительность и медлительность царского правительства в восточном конфликте наносит прежде всего вред экономическим и политическим интересам самой России.

Необходимость оказать помощь грекам иногда обосновывалась торговыми интересами России в бассейнах Черного и Средиземного морей. На это, например, в своих показаниях на следствии обращал внимание декабрист А. В. Поджио, семейство которого было тесно связано с Одессой и имело поместье около Чигирина. В случае победы греков, по словам Поджио, южная торговля России «от упадка своего со времен восстания греков перешла бы к самому цветущему положению, господствованиям, ничем уже не заграждающего над торговлею всего Востока!»¹⁸.

А. В. Поджио, а также П. И. Пестель, В. И. Штейнгель обращали внимание на необходимость сохранения и укрепления политического влияния России на Балканах. Единственным надежным методом осуществления этой задачи, по их представлению, являлась поддержка борющихся против власти Турции народов. Такое понимание задач России на Востоке в своем внешнем выражении не отличало членов революционных тайных обществ 20-х годов от подхода к этим вопросам ряда других представителей дворянского класса России, выступавших за активную политику в отношении Турции. Но критика декабристами слабой и противоречивой политики Александра I в Восточном вопросе имела иное теоретическое обоснование и иную цель. Осуждались сами консервативные принципы царизма, политика силы и территориальных захватов, проводившаяся великими державами, отстаивались права каждого европейского народа решать свою судьбу¹⁹.

Придерживавшийся умеренных взглядов М. А. Фонвизин в записке «О повиновении высшей власти и какой власти должно повиноваться», составленной в 1823 г., обличал корыстные акции великих держав в отношении восставших греков, отстаивал их право бороться «за независимость своего отечества» и моральную обязанность России оказать поддержку этой справедливой борьбе²⁰. Аналогичные соображения высказывал Н. И. Тургенев, проявлявший большое внимание к революционному движению на Балканах и осуждавший попустительство великих держав жестоким расправам Порты над греками.

Придерживавшийся прогрессивных убеждений, близкий к декабристским кругам С. И. Тургенев как сотрудник константинопольского посольства был хорошо осведомлен о революционных событиях в европейских про-

винциях Османской империи. После возвращения в августе 1821 г. в Россию он составил «Заметки о восстании греков против Оттоманской империи в 1821 г.», в которой **анализировал** причины и первые результаты греческого восстания, политику России в отношении своих балканских единоверцев, курс Великобритании в Восточном кризисе. Записка, по-видимому, имела служебное назначение, но составлялась также для себя и ознакомления друзей, была достаточно откровенной и глубокой, основывалась на достоверных материалах и дипломатических документах. С. И. Тургенев оправдывал вооруженное выступление греков и опровергал мнение, что они должны были прежде заняться своим моральным и умственным усовершенствованием, просветиться и только после этого начать борьбу за политическое освобождение. Но греки не могли просветиться в условиях угнетения. Это произойдет лишь после того, как изменится правление, будут введены хорошие законы. Когда изменится правление, изменятся и греки. Вспыхивавший среди них время от времени «священный огонь свободы» благотворен. В данном же случае турецкое правительство само спровоцировало восстание своими репрессиями. «Зародыши революции существовали, как существуют повсюду, где есть недовольство правительством,— писал он,— и сила его пропорциональна степени недовольства. Но всегда остается неизвестным, когда произойдет взрыв, потому что терпение народа так велико, что часто кажется неисчерпаемым»²¹. Таким образом, балканские события приводили Тургенева к широким социальным выводам.

«Записки» Н. В. Басаргина свидетельствуют о глубоком понимании декабристами особенностей реакционной сущности политики царизма и других европейских держав в восточном конфликте. «Главы правительств,— писал он,— опасались, с одной стороны, явно противостать ему (греческому восстанию.— *И. Д.*), чтобы не лишиться совершенно нравственного влияния на подданных (турецких подданных.— *И. Д.*) и не обесславить себя в их глазах; с другой, не смели и не хотели также принять явно сторону греков, чтобы не ослабить уважения к законной власти, которая представлялась в этом вопросе турецким султаном»²².

Нерешительные и противоречивые акции Александра I в восточном конфликте давали повод для осуждения консервативных принципов Священного союза, единства

действий царя и столпа международной реакции Меттерниха, стремления русского самодержавия подавить революционное движение как в своей стране, так и в других европейских государствах.

Не только по принципиальным, но и по тактическим соображениям декабристы должны были отстаивать необходимость активных наступательных действий России в Восточном кризисе, противопоставляя свою позицию не пользовавшейся популярностью слабой и противоречивой политике царизма в отношении Турции.

Тот факт, что в показаниях членов тайных обществ на следствии, в их письмах и записках часто содержались горькие сетования на пренебрежение правительством Александра I своим долгом по отношению к «единоверным и единоплеменным» балканским народам, не был случайным. Оказание помощи грекам, борющимся за политическую независимость, являлось одним из основных требований, выдвигавшихся декабристами в области внешней политики. Позднее на это прямо указал М. С. Лунин, который в своем «Разборе донесения, представленного российскому императору Тайной комиссией в 1826 г.» писал, что последняя в числе прочего умолчала о требовании относительно помощи угнетенной Греции, скрывая «важную часть трудов тайного союза»²³.

Как уже говорилось, восстание в Греции рассматривалось декабристами в общей цепи революционных событий в Европе — в Испании и Португалии, Неаполитанском королевстве и Пьемонте — как важный внешний фактор. По словам В. И. Штейнгеля, все эти события «воспламенили умы в мечтателях о свободе России»²⁴. Предстоящая война с Турцией как справедливая и освободительная по своим целям могла бы способствовать росту революционного сознания масс и создать благоприятные условия для осуществления революционного переворота в России²⁵.

Такая точка зрения на результаты русско-турецкой войны не разделялась, однако, всеми прогрессивными дворянскими деятелями 20-х годов. Очень осторожное отношение к задачам русской политики в восточном конфликте было свойственно, например, умеренному по своим взглядам и трезво мыслящему Н. И. Тургеневу. Задумываясь над этим вопросом, он не решал его, подобно другим, легко и просто, так как боялся «искать пользы России вне России»²⁶. Прежде чем помогать грекам, по мне-

нию Тургенева, надо было позаботиться об улучшении участи русских крестьян. «А тут долг более святой, нежели в отношении к грекам,— писал он в дневнике.— Лучше ли жить многим из наших крестьян под своими помещиками, нежели грекам под турками?»²⁷ «Я не говорю своего мнения о делах греческих. При всей своей важности *se sont des objets secondaires pour nous* (это для нас второстепенная цель.— *И. Д.*),— записано несколько месяцев спустя²⁸.

Как можно понять, Н. И. Тургенев считал, что война не будет способствовать разрешению задач общественно-политических преобразований в России, отвлечет внимание от внутренних вопросов, потребует от народа новых жертв и поэтому не приблизит его социального освобождения. Только решив свои внутренние задачи, освободившись от крепостного права, Россия может оказать помощь освобождению других народов.

Н. И. Тургенев осуждал и экспансионистские тенденции, которые имели место в программе одной из преддекабристских организаций — «Ордена русских рыцарей».

Одним из основателей этого общества — оно возникло в конце 1814 или в 1815 г.— был М. Ф. Орлов, яркий и очень своеобразный представитель декабристской мысли. Вероятно, и он разделял великодержавные замыслы, содержащиеся в программе «Ордена», однако очень скоро его подход к внешнеполитическим проблемам резко изменился. Тому, несомненно, способствовала идейная эволюция Орлова, приведшая его в лагерь декабризма, а также перемена общественно-политической ситуации в России после 1815 г.

Судить об этом можно на основании двух писем Орлова к автору книги «История военных походов россиян в XVIII в.» Д. П. Бутурлину, написанных в ноябре 1819 г. и декабре 1820 г., которые вскоре получили широкое распространение в списках. В них содержалась меткая критика общественно-политического строя России и высказывалась мысль о том, что при существующем положении вещей русским необходимо решить внутренние вопросы, ликвидировать собственное рабство, а не вести завоевательные войны, успех которых к тому же представляется сомнительным из-за возросшего соперничества между Россией и Англией.

Орлов выступал также против «славословия» военных успехов России в XVIII в. «И что ж мы будем предла-

гать завоеванным народам? — спрашивает он. — Наш жестокий удел рабства? Признайся, что сие обещание не может быть лестным для народов, которые все более или менее стремятся к свободе». «Истинный россиянин» не может желать войны и внешних конфликтов в то время, когда «Россия подобится исполину ужасной силы и величины, изнемогающему от тяжелой внутренней болезни»²⁹.

Эти горькие слова писались в конце 1820 г., когда стало ясно, что Александр I не осуществит ожидаемых либеральных преобразований, что он твердо стоит на страже консервативных политических принципов, провозглашенных Священным союзом. Но, выступая против завоевательных войн, Орлов остался поборником войн патриотических и освободительных. «Тогда-то мы были сильны, тогда-то мы были страшны общему врагу, ибо под знаменами нашими возрасло древо общего освобождения», — писал он в том же письме Бутурлину о прошедшей войне против наполеоновской Франции³⁰. А несколько месяцев спустя, когда после начала греческой революции возникла перспектива войны с Турцией, Орлов, в противоположность Тургеневу, считавшему, что эта война лишь отвлечет Россию от решения неотложных внутренних задач, был увлечен возможностью принять участие в войне справедливой и освободительной, которая на этот раз принесла бы свободу от тяжелого иноземного ига народам Балканского полуострова. Но об этом будет сказано позднее.

Итак, декабристы, считая, что Россия должна оказывать помощь балканским народам, борющимся за свое освобождение, пытались представить себе и воздействие, которое имела бы русско-турецкая война на внутреннее развитие России, на осуществление общественно-политических преобразований в стране, и их мнения на этот счет различались.

Характерно, что над этой же проблемой задумывались представители реакционного лагеря, исходя из совершенно противоположных целей. Яркой иллюстрацией тому может служить записка неизвестного автора, одного из армейских офицеров, направленная Александру I осенью 1825 г. и до него так и не дошедшая. В ней сообщалось об опасных настроениях офицеров и солдат, распространяющихся и среди местного населения, с которым тесно общаются войска, находящиеся в «праздности» и «бездействии». «Чтобы предотвратить возникно-

вление потрясений, подобных тем, которые несколько лет назад разразились в Южной Европе», автор записки предлагал начать войну, «которая отвечала бы чаяниям народа», — войну «против варварства кровожадных оттоманов». Далее он излагал безудержные экспансионистские планы, осуществление которых, по мнению автора, вывело бы страну из финансового кризиса, способствовало бы экономическому подъему и главное — предотвратило бы «внутреннюю революцию»³¹.

Эти предупреждения ревнителя интересов царского самодержавия и планы спасения страны от революции запоздали. Через полтора-два месяца после того, как он отправил свою записку, вспыхнуло восстание на Сенатской площади и в Черниговском полку.

БАЛКАНСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ П. И. ПЕСТЕЛЯ

Позиция вождя Южного общества в отношении балканской проблемы складывалась постепенно в связи с формированием его общих взглядов на внешнеполитические задачи послереволюционной России.

Некоторые сохранившиеся материалы личного творчества Пестеля позволяют заключить, что уже в 1817—1819 гг. он обдумывал перспективы развития отношений России с Турцией, Австрией, Пруссией. Именно в это время зародился план «улучшения» границ России, и в частности присоединения Молдавии (Россия, имевшая с 1812 г. выход в устье Дуная, тем самым получила бы левобережье Нижнего Дуная). Тогда же была поставлена задача оказать помощь польскому народу в воссоздании его независимого государства³².

Еще до 1821 г. Пестель, несомненно, проявлял интерес к задачам политики России в отношении Турции и балканских народов и, как можно заключить из его личных заметок и писем, был сторонником активной и твердой политики России в Восточном вопросе, выступая за продолжение традиционного курса покровительства православным народам, подчиняющимся власти султана. Не без влияния предшествующих событий в истории русско-турецких взаимоотношений, и особенно войны 1806—1812 гг. (о ней еще были живы воспоминания в офицерской среде, ее история, основанная на документальных материалах, изучалась в штабе 2-й ар-

мин), возникла идея о необходимости территориального расширения России за счет Турции. Подобные взгляды встречались у некоторых политически мыслящих представителей дворянских кругов России и правительственных группировок³³.

Важно, однако, отметить, что в этот период отношение Пестеля к задачам русской внешней политики не было увязано с его общественно-политическими взглядами или планами внутренних преобразований в России. Определенные сдвиги в этом отношении обнаружились с начала 1820-х годов под непосредственным воздействием революционных событий в Европе, и в частности в Дунайских княжествах и Греции.

В последний период деятельности декабристов, в 1824—1825 гг., внешнеполитические планы Южного общества оформились с большей отчетливостью. В «Русской Правде» были определены принципы внешней политики России после революционного переворота: на смену «завоевательной системе» царского правительства должна была прийти «покровительственная система». Этот тезис в «Русской Правде» конкретно изложен на примере политики в польском вопросе. Получившая самостоятельность Польша вошла бы в «покровительственную систему» России. Залогом дружбы и союза между двумя государствами должны были служить одинаково радикальные преобразования в их социально-политическом строе³⁴.

Исходя из принципа «покровительственной системы» внешней политики, Пестель, несомненно, обдумывал и взаимоотношения новой России с Австрией и Турцией, судьбу малых народов Центральной и Юго-Восточной Европы, находившихся в их составе. Следов этого не сохранилось в самом тексте «Русской Правды», оставшейся незаконченной. Однако другие данные могут свидетельствовать, что «покровительственная система» должна была, по замыслам Пестеля, распространиться не только на Польшу, но и на балканское государство, которое возникло бы в результате национально-освободительного движения подданных султана и успешной войны России с Турцией. Эта война рассматривалась как важная внешнеполитическая акция революционного правительства, которая должна была продемонстрировать новые принципы политики освобожденной от уз самодержавия России, доказать, что она может стать оплотом

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

*Портрет работы его матери Е. М. Пестель.
Местонахождение оригинала неизвестно*

борьбы за свободу и независимость всех народов Европы³⁵. В это время Пестель продолжал пристально следить за событиями на Балканах и «выхвалял» упорную борьбу греков «за восстановление своего отечества»³⁶. Его планы, касавшиеся войны с Портой и помощи балканским народам, боровшимся за свое национальное освобождение, были известны активным членам тайного общества.

Не только Пестель, но и другие руководители южан (в частности, М. П. Бестужев-Рюмин) считали, что Россия, до сих пор выступавшая на мировой арене оплотом

старых феодально-монархических режимов, после революционного переворота должна превратиться в мощную великую державу, поддерживающую борьбу за свободу всех народов Европы, и в первую очередь национально и социально поработенных. Они были убеждены, что победа революции в России неминуемо приведет к революционным переворотам в Европе и, быть может, к войне под освободительными лозунгами против Турции, а также против Австрии и Пруссии. Эти войны должны были дать толчок революционным выступлениям в Европе³⁷.

Освободительная миссия России прежде всего выражалась бы в провозглашении независимости Польши, а затем — в помощи балканским народам и создании на месте турецких владений в Европе независимого государства, которое так же, как и Польша, должно было находиться в «покровительственной системе» России.

Интерес вождя южных декабристов к балканской проблеме, к задачам политики России в отношении народов, находившихся под властью Турции, был вызван событиями в Юго-Восточной Европе — началом национально-освободительной революции греческого народа. Сыграло роль и то обстоятельство, что Пестель наблюдал движение этеристов с самого близкого расстояния.

Служба Пестеля во 2-й армии, стоявшей в южных областях России, на границе с Турцией, вероятно, еще до начала восстаний в Дунайских княжествах и Греции способствовала росту его интереса к вопросу о дальнейшей судьбе Османской империи и народов, ей подчиненных. С самого начала вооруженного выступления этеристов в Молдавии и Валахии он горячо сочувствовал восставшим, был поборником вступления России в войну с Турцией ради защиты интересов греков и других балканских народов. В этом отношении его позиция не отличалась от настроений значительной части русского общества. Но Пестель в первой половине 1821 г. и по служебной линии занимался восстанием А. Ипсиланти: «употреблен был в главной квартире 2-й армии по делам о возмущении греков»³⁸.

После того как в феврале 1821 г. в Южную Россию пришли известия о восстании Тудора Владимиреску, а затем греков-этеристов под предводительством А. Ипсиланти, во 2-й армии началась спешная подготовка к войне с Турцией, которая, как первоначально предпола-

лось, могла начаться в ближайшем будущем. В штаб армии стекалась разнообразная информация о событиях в турецких владениях, и особенно в Дунайских княжествах³⁹. Этот разнохарактерный, не всегда достоверный материал обрабатывался, и на его основе составлялись специальные записки и обзоры «сведений о заграничных происшествиях». Затем они направлялись в Главный штаб и в министерство иностранных дел. В течение февраля — мая 1821 г. всю эту ответственную работу возглавлял и организовывал П. И. Пестель (уже назначенный в полк, но еще исполнявший обязанности адъютанта главнокомандующего) как офицер, пользующийся доверием и расположением не только П. Х. Витгенштейна, но и начальника штаба П. Д. Киселева. В это же время Пестель трижды ездил в Кишинев и на русско-турецкую границу (в Скуляны).

В статье Б. Е. Сыроечковского дано подробное описание этой деятельности и сделана попытка воспроизвести личные взгляды вождя Южного общества на балканскую проблему в значительной мере на основе служебных документов и писем, вышедших из-под его пера в первой половине 1821 г. Но Б. Е. Сыроечковский не уделил внимания источниковедческому анализу этих материалов и, может быть, именно потому в некоторых случаях истолковал их неточно. В литературе, посвященной П. И. Пестелю, эти неточности прочно закрепились, а иногда были умножены.

В делах штаба 2-й армии, Главного штаба, в архиве министерства иностранных дел сохранился целый ряд документов, имеющих прямое или косвенное отношение к служебной деятельности Пестеля в первой половине 1821 г.: инструкции, которые он получал, отправляясь в командировки; рапорты о выполнении поручений; записки о событиях в Молдавии и Валахии; доклады и обзоры на эту тему, составленные при участии Пестеля или по его данным. Все эти материалы сохранились в подлинниках, списках, заверенных Пестелем, или в копиях. Наиболее полно они представлены в одном из дел штаба 2-й армии⁴⁰. Из них личным творчеством Пестеля были рапорты о командировках и две записки с обзором происшествий в Дунайских княжествах. Остановимся на них подробнее.

Записка от 8 марта фактически являлась рапортом о первой поездке Пестеля в Бессарабию. В ней дано

подробное описание всего, что он узнал о происшествиях в Молдавии и Валахии. К записке приложен ряд собранных в Кишиневе документов, в том числе переводы воззваний и прокламаций Ипсиланти, выдержки из русско-турецких договоров о праве протекции российского императора в отношении Молдавии и Валахии, «турецких христиан» вообще⁴¹. Записка эта была отправлена Киселевым начальнику Главного штаба П. М. Волконскому в Лайбах, где на конгрессе Священного союза находился Александр I, и в министерство иностранных дел⁴².

В феврале — марте 1821 г. в Россию доходили лишь разрозненные, противоречивые сведения о том, что происходило в Дунайских княжествах. Пестель, по существу, составил первое, очень подробное, последовательное и достоверное описание начала восстаний Владимиреску и Ипсиланти. Именно поэтому его записка не только попала в правительственные сферы, но и получила распространение в общественных кругах Петербурга, проявлявших большой интерес к событиям на Балканах. При этом содержание записки дало повод для появления слухов, будто подполковник Пестель тайно побывал за границей — в Молдавии, Трансильвании, Буковине⁴³.

В период между 8 марта и 8 апреля, когда Пестель находился в Тульчине, под его руководством были составлены еще три записки на ту же тему. Материалом для них послужили сведения, поступавшие в штаб армии. Записки эти заверены Пестелем и имеют на полях пометы его рукой с указанием номеров документов, из которых заимствован текст⁴⁴.

Записка 5-я от 14 апреля явилась отчетом о второй командировке Пестеля в Бессарабию, целью которой был сбор сведений о событиях в княжествах, а также встреча с бежавшим в Россию молдавским господарем Михаилом Суцу, замешанном в этеристском восстании. Часть этой записки основана на сведениях, полученных от Суцу, в конце ее Пестель рассказывает о замысле греческих революционеров создать в освобожденных от власти Турции балканских областях федеративную республику⁴⁵.

Наконец, имеется рапорт Пестеля Киселеву от 25 мая 1821 г. о результатах его третьей и последней поездки в Кишинев, предпринятой для переговоров с обосновавшимся там Михаилом Суцу о его выезде из России⁴⁶.

В рапорте сообщается о согласии Суцу уехать в ближайшее время в Италию и содержится подробное изложение доводов Пестеля, которые убедили молдавского господаря, некогда занимавшего пост драгомана при султанском дворе, пойти на этот шаг: о том, что правительство Александра I осуждает восстание греков, как это следует из декларации союзных держав в Лайбахе, что из-за пребывания Суцу в России Строганову труднее заставить Порту отказаться от террора в отношении мирного греческого населения⁴⁷.

Все перечисленные документы достаточно полно воспроизводят служебную деятельность Пестеля в феврале — июне 1821 г. «по делам о возмущении греков», являются интересным материалом для освещения революционных событий в Дунайских княжествах.

По запискам и рапортам Пестеля, учтя другие материалы, сохранившиеся в архиве штаба 2-й армии, можно проследить, где он побывал, с кем встречался и от кого получал сведения. Можно установить, в частности, что И. Н. Инзов, следуя распоряжению всемерно помогать Пестелю, сложным путем созвал в Скулянский карантин некоторых молдавских бояр, а также российского консула в Яссах А. Н. Пизани. Со всеми ними Пестель имел продолжительные беседы, что позволило подробно воспроизвести картину недавних событий в княжествах⁴⁸.

Предположение же, что Пестель побывал в Одессе и даже за границей — в Молдавии, Буковине и Трансильвании (такие поездки были бы сами по себе нецелесообразными и совершенно нереальными, если учесть его служебное положение, время, затраченное на поездки, незнание молдавского языка и необходимость перехода двух государственных границ) — не находит подкрепления в указанных материалах⁴⁹.

Выглядят совершенно произвольными и утверждения, будто Пестель во время своих командировок предпринимал попытки оказать помощь восставшим и составил для этого план практических действий⁵⁰. В действительности речь шла лишь о разработке с участием Пестеля правил приема на русской границе беженцев из княжеств⁵¹. Это было актом гуманности местных военных и гражданских властей по отношению к мирному населению Молдавии и Валахии, но отнюдь не помощью восставшим, да еще лично со стороны Пестеля. Вместе с

тем подтверждается точность показания Пестеля на следствии о том, что он написал две записки «о делах греков и турок», ибо остальные три записки, пронумерованные и заверенные им, были составлены из материалов, поступавших в штаб армии, а рапорт от 25 мая касался прежде всего личного дела М. Суцу.

В целом рассмотренные документы имеют служебный, сугубо официальный характер и не дают достаточного материала для характеристики взглядов самого Пестеля на балканские события.

Большой интерес в этом отношении, казалось бы, должны представлять личные письма Пестеля Киселеву, с которым он находился в дружеских отношениях, написанные во время командировок в Бессарабию. В распоряжении исследователей имеется два таких письма на французском языке. Первое из них, от 3 марта, сохранилось в подлиннике и давно опубликовано⁵². Черновой автограф письма от 25 мая, не везде разборчивый, с большим количеством исправлений, находится среди личных бумаг Пестеля⁵³. Письмо это, возможно, так и не было переписано на белом и отправлено адресату — оно отсутствует среди писем Пестеля Киселеву за 1819—1823 гг. в архиве последнего.

Сыроечковский использовал материал этих двух писем для иллюстрации правильного в своем существе вывода о том, что Пестель сочувствовал восставшим, приветствовал начало вооруженных выступлений в Дунайских княжествах и национально-освободительной революции в Греции. Он исходил, по-видимому, из вполне логичного предположения, что в неофициальных письмах к своему начальнику, который не скрывал сочувствия делу греков и был сторонником решительных военных акций в их защиту, Пестель должен был высказать свои собственные мысли о происходящих событиях, задачах русской политики в отношении Турции и балканских народов.

Но Сыроечковский допустил неточности в передаче текста писем и их анализе. Прежде всего, нельзя согласиться с переводом вырванной из контекста части фразы письма от 3 марта: «Мотивы, определяющие поведение Ипсиланти, заслуживают *самого высокого уважения*»⁵⁴. Она взята из той части письма, где Пестель рассматривает перспективы развития событий в Дунайских княжествах и их последствия для России. Он рассказывает,

что молдаване чрезвычайно опасаются вторжения турок в княжество и российский консул Пизани должен как-то успокоить мирных жителей. Далее следует такой текст: «Кроме того, он (Пизани.— И. Д.) хочет в случае, если турки все же войдут в Молдавию, тотчас же им послать ноту, чтобы дать почувствовать всю серьезность действий, ими предпринимаемых, вопреки договору, выдержки или даже копию которого я постараюсь вам послать, чтобы у вас, генерал, было все для мудрой оценки серьезности настоящего момента, который может стать чрезвычайно важным впоследствии, но в настоящее время мне представляется только любопытным и не требующим принятия каких-либо последовательных мер. Я говорю, что это может иметь самые важные последствия, ибо причины, которые повлияли на поведение Ипсиланти, заслуживают *самого серьезного рассмотрения* (les raisons, qui ont influencé la conduite d'Ipsilanty sont dignes d'une très haute considération). Мне нужно еще поговорить кое с кем в Кишиневе, чтобы сообщить вам с большей уверенностью новости в этом отношении. Если существует 800 000 итальянских карбонариев, то, может быть, существует еще более греков, объединенных в братствах с общей политической целью. Вот все, что я могу вам сказать в данный момент. Сам Ипсиланти, я полагаю,— только орудие какой-то скрытой силы, которая пользуется его именем как точкой объединения (point de ralliment)»⁵⁵.

Как видим, в письме Пестеля говорится не об уважении к мотивам, заставившим Ипсиланти поднять восстание, а о том, что надо очень серьезно рассмотреть действия Ипсиланти, ибо его предприятие может оказаться первым сигналом к вооруженному выступлению всего греческого народа, а такое развитие событий будет иметь для России чрезвычайно серьезные последствия. Подобная оценка Пестелем политического положения в Юго-Восточной Европе в начале марта 1821 г. оказалась верной: выступление Ипсиланти, плохо подготовленное и осуществленное в военном и политическом отношениях, действительно стало сигналом к началу массового революционного выступления в самой Греции уже в марте того же года. Греческая революция, как известно, явилась причиной растянувшегося на десять лет Восточного кризиса, в разрешении которого принимала активное участие Россия.

Что касается второго письма Пестеля Киселеву (от 25 мая 1821 г.), то в нем почти не содержится личных мыслей и заключений автора, а дается подробный пересказ заявления М. Суцу и сведений, полученных в Кишиневе от других лиц. Обширные цитаты из этого письма, приведенные в статье Сыроечковского, заключают именно пересказ заявления Суцу (может быть, с добавлением сведений, полученных от других лиц), но не собственное мнение Пестеля⁵⁶.

Итак, во время командировок в Бессарабию Пестель чрезвычайно умело и добросовестно выполнял данные ему поручения. Он мастерски составлял свои записки и рапорты, вероятно, учитывая, что они достигнут ушей самого монарха, столь неблагоприятного к подполковнику Пестелю. В этом отношении цель была достигнута, хотя и не без дополнительных осложнений: в ноябре 1821 г. Пестель получил, наконец, повышение в чине и был назначен командиром полка. Но свою служебную деятельность Пестель, несомненно, использовал и для интересов революционного дела. Ведь первая половина 1821 г. была очень важным этапом в истории декабризма: после роспуска Союза благоденствия создавалась, в значительной мере благодаря бурным усилиям Пестеля, новая тайная организация — Южное общество. Разъезды по делам службы, конечно, облегчали ему встречи и переговоры с нужными людьми, и в первую очередь теми, кто находился в Кишиневе.

Таким образом, записки, рапорты и письма Пестеля Киселеву необходимо с большей осторожностью использовать для характеристики отношения вождя декабристов к балканской проблеме. Но вовсе отрицать их значение для анализа данного вопроса было бы неправильным.

Читая служебные документы, вышедшие из-под пера Пестеля весной 1821 г., нельзя освободиться от впечатления, что написаны они человеком, не равнодушным к происходящему в Дунайских княжествах и Греции. Его личное отношение к революционным событиям на Балканах читается между строк, заинтересованность в успехе повстанцев чувствуется в самом подборе материала и его изложении. И, конечно, не только служебное рвение заставляло Пестеля развить столь бурную деятельность в Бессарабии. За считанные дни он успевал повидаться со множеством людей — с очевидцами событий, греками-

этеристами, молдавскими боярами, русскими дипломатами. Он сумел узнать достаточно подробно о происхождении «Филики Этерии», ее политических планах, устройстве и численности членов. И это в момент, когда революционная организация создавалась на юге России. Он попытался анализировать стратегический план Ипсиланти и тут же пришел к заключению, что центром движения необходимо сделать сами греческие земли, а не ждать выступления против власти Турции сербов, болгар и других народов.

Более того, Пестель обдумывал значение, которое может иметь для послереволюционной России успешная национально-освободительная борьба греков и других подданных султана. Об-этом свидетельствует еще один сохранившийся документ, стоящий особняком в личном творчестве Пестеля — записка «Царство Греческое».

В тревожные дни ноября 1825 г., ожидая ареста, Пестель передал на хранение свой незаконченный конституционный проект — «Русскую Правду», некоторые проекты и записки, большая часть которых должна была послужить материалом для еще ненаписанных глав «Русской Правды». Среди них находился набросок, сделанный на листе бумаги рукою Пестеля и озаглавленный «Царство Греческое»⁵⁷.

Назначение и время составления этого документа не раскрывается другими материалами творчества Пестеля, изъятыми во время и после его ареста, данными следствия или какими-либо другими источниками. Археографический анализ рукописи также не помогает выяснить эти вопросы⁵⁸.

В записке перечислено десять областей, составляющих «Царство Греческое» — Валахия, Булгария, Рومания, Сербия, Босния, Албания, Ливадия, Морей, Фессалия, Македония, указаны их границы или состав. В первых пяти областях названы также главные города.

Начало записки написано более тщательно, затем появляются исправления, нумерация после пункта 6 исчезает и текст приобретает характер черновика. При этом исправления в основном касаются границ двух областей — Боснии и Албании.

Совпадение географических наименований и их орфография позволяют установить, что записка Пестеля составлена на основе карты Ивана Даниелова «Османское государство в Европе», изданной в 1813 г. в Вене⁵⁹.

На ней отражен как рельеф местности, так и границы отдельных областей, которые, как и на других картах этого времени, в действительности не соответствовали существовавшему в начале XIX в. административному делению Европейской Турции.

Размежевание большинства областей «Царства Греческого» с небольшими отклонениями совпадает с картой Ивана Даниелова. Так, Валахия, Болгария, Рومания, Сербия, Босния, Македония, Ливадия и Морее имеют границы, соответствующие исторически сложившемуся разделению между этими областями. Территория Сербии значительно раздвинута на юг по сравнению с границами Сербского княжества после 1813 г. Острова Эгейского архипелага отнесены к Ливадии, а Ионические острова (исключая Корфу) — к Морее. В составе «Царства Греческого» отсутствуют Молдавия, о-в Корфу и не указывается специально Константинополь, хотя, судя по названным границам «Романии» бывшая столица Византии могла находиться в этой области. Возможно также, что Константинополь не должен был войти в «Царство Греческое», составив самостоятельную политическую единицу или вольный город. Именно так мыслили себе дальнейшую судьбу столицы империи османов некоторые русские деятели.

Но в двух случаях составные части «Царства Греческого» не соответствуют исторически сложившимся провинциям и не совпадают с административным делением Европейской Турции начала 1820-х годов. Это Албания и Фессалия. Первая включает в свой состав не только собственно Албанию, но также и югославянские земли — Черногорию, Герцеговину, далматинское побережье до Скрадина (Скордона); Фессалия же, кроме исторической провинции с этим названием, объединяет Эпир, южную часть Македонии и Южную Албанию до р. Семени (Кревасты) на севере.

По содержанию записка походит на незаконченный проект политической перестройки Балканского полуострова после падения власти Турции и ликвидации австрийских владений на побережье Адриатического моря. Судя по названию, имелось в виду создание государства федеративного или разделенного на области, пользующиеся значительной самостоятельностью.

Автограф Пестеля «Царство Греческое» привлек к себе внимание исследователей при подготовке к изданию

«Русской Правды». Б. Е. Сыроечковский детально проанализировал этот документ, высказав и обосновав предположение относительно его авторства, назначения и внутреннего строя проектируемого государства.

Записка, по его мнению, является личным творчеством Пестеля и была составлена в июле — августе 1821 г. по его возвращении из Бессарабии в Тульчин и предназначалась для высшего командования 2-й армии (может быть, по просьбе П. Д. Киселева) на случай активного вмешательства России в греко-турецкий конфликт. Именно поэтому балканскому государству придана монархическая форма, единственно приемлемая для царизма. В то же время в проекте были отражены некоторые известные Пестелю политические планы самих греков. Позднее Пестель приложил этот незаконченный набросок к «Русской Правде» в качестве материала для разработки внешнеполитических вопросов. Но монархическая форма будущего балканского государства, по мнению Б. Е. Сыроечковского, исключает возможность составления такого проекта в 1821 г. для тайного общества⁶⁰.

В противоположность этому М. В. Нечкина считает, что записка «Царство Греческое» — не личное творчество Пестеля, а одно из предложений этеристов, с которыми Пестель общался во время командировок в Бессарабию весной 1821 г., что «руководители греческого восстания могли предложить через Пестеля этот план русскому правительству за его предполагаемую помощь». Документ этот отражает взгляды на политическое будущее освобожденных от турецкой власти земель наиболее умеренного течения греческого освободительного движения⁶¹.

А. А. Покровский во вступительной статье к изданию «Русской Правды» отметил, что «Царство Греческое» связано с интересом Пестеля к событиям на Ближнем Востоке в 1821 г. и предполагаемой русско-турецкой войне, и пришел к выводу, что материал этот мог возникнуть не ранее второй половины 1821 г.⁶²

В последующей литературе, особенно посвященной жизни и деятельности П. И. Пестеля, не было выдвинуто каких-либо новых толкований происхождения и назначения проекта «Царство Греческое»⁶³.

Таким образом, исследователи сходятся во мнении, что записка эта была составлена в 1821 г. и имела или

получила в дальнейшем для Пестеля какую-то программную цель, так как была приложена к «Русской Правде». Вместе с тем высказываются противоположные мнения относительно авторства и первоначального назначения этого документа. При этом в пользу мнения Сыроечковского, казалось бы, свидетельствует служебная деятельность Пестеля весной 1821 г. Но сохранившиеся письма его к Киселеву, относящиеся к этому времени, не содержат каких-либо упоминаний о намерении или просьбе начальства представить проект создания балканского государства. Кроме того, если считать, что записка «Царство Греческое» имела служебное назначение, пришлось бы прийти к заключению, что она не выражает взгляды Пестеля на решение балканской проблемы и чисто случайно попала в число материалов, спрятанных вместе с «Русской Правдой».

Гипотеза Нечкиной может объяснить монархическую форму будущего балканского государства. Но если записка являлась одним из предложений этеристов, воспроизведенных Пестелем, она, скорее всего, имела бы вполне законченный вид. Между тем этот набросок, сделанный рукой Пестеля, содержит ряд переделок, как бы отражая процесс обдумывания, и в целом имеет вид незавершенный. К тому же известно, что идея о присоединении к России Молдавии принадлежала Пестелю. Вряд ли кто-либо из этеристов самостоятельно выдвинул ее и считал, что Константинополь — один из планируемых этеристами центров восстания — не войдет в «Царство Греческое».

Эти противоречия, на наш взгляд, отпадут, если предположить, что записка — не плод творчества одного лица — Пестеля или какого-либо этериста, а результат обдумывания балканской проблемы вождем Южного общества и каким-то греческим деятелем, совмещающий их взгляды в этом вопросе.

Такое обсуждение представляется вполне возможным, если учесть, что Пестель во время своих поездок в Бессарабию встречался с рядом этеристов (особенно часто виделся с М. Суцу) и был хорошо осведомлен об их плане политической перестройки Балканского полуострова в случае победы всеобщего восстания подданных султана. Он писал по этому поводу в середине апреля 1821 г.: «Желание греков на случай совершенного успеха состоит в образовании *федеральной республики на-*

подобие Американских Соединенных Областей. Сие подобие *не в верховном правлении состоит*, но в том, что каждая особенная область будет иметь частное свое особенное правление с всеми законами и только в общих государственных делах совокупно с прочими действовать. Сия мысль греков основана на соображении о чрезвычайно большом различии между нравами, обычаями, понятиями и всем образом мыслей различных народов, Грецию населяющих»⁶⁴. Итак, Пестель знал, что этеристы хотят основать на Балканах⁶⁵ государство с федеративным устройством, аналогичным в этом отношении США, но отличным по форме «верховного правления». Это, вероятно, означало, что главой его должен был стать не президент, а монарх. Если так, то записку «Царство Греческое» можно рассматривать как конкретизацию — в географическом аспекте — политических планов греческих деятелей с учетом мнения по этому поводу Пестеля.

Идея создания балканской конфедерации — государства с очень слабыми внутренними связями, аналогичного Германскому союзу, — накануне и в момент начала греческой революции имела распространение среди руководителей этеристского движения. Она связывалась с планом всеобщего восстания против власти Турции и, по-видимому, разделялась главой этерии А. Ипсиланти. Эта идея не приобрела широкого характера и быстро угасла, когда замысел такого восстания провалился⁶⁶. Но она отражена в русской публицистике по греческому вопросу⁶⁷. Кроме того, в первых десятилетиях XIX в. в России не раз выдвигались проекты создания на месте турецких владений христианского государства, федеративного или унитарного. Они имели разные цели (иногда открыто великодержавные) и исходили от государственных и общественных деятелей различного направления.

Во всяком случае, в 1821 г. идея балканской федерации была знакома политически мыслящим представителям русского дворянского общества и даже могла представляться как цель греческого национально-освободительного движения. Записка же «Царство Греческое» свидетельствует, что задача национального освобождения балканских народов и создание их самостоятельной государственности не только заняла место в декабристском движении, но и приобрела совершенно конкретную форму у его ведущего идеолога.

К сожалению, нельзя сколько-нибудь определенно представить, как мыслили Пестель и его неизвестный собеседник политический строй будущего балканского государства, хотя название записки, казалось бы, свидетельствует в пользу намерения создать конституционную монархию.

Вопрос о том, был ли Пестель всегда республиканцем и сторонником централизованного государственного устройства или взгляды его в этом отношении претерпевали эволюцию, остается дискуссионным в советской литературе⁶⁸. Это обстоятельство сыграло какую-то роль в оценке записки «Царство Греческое». Так, для М. В. Нечкиной наличие в ней идеи создания на Балканах монархии — свидетельство против авторства Пестеля⁶⁹. По мнению же С. С. Ланды, это дополнительное доказательство, что в 1821 г. Пестель был сторонником конституционно-монархической формы правления⁷⁰. Но, если считать, что руководитель Южного общества — лишь соавтор записки, наименование будущего балканского государства необязательно должно было выражать его личный взгляд в этом вопросе.

С другой стороны, можно заметить, что название этого государства имеет аналогию с уже существовавшим Царством Польским. Но термин «царство» в первых десятилетиях XIX в. не ассоциировался полностью с самодержавным режимом и употреблялся в широком смысле для обозначения государственных и административных единиц. Например, в республиканской конституции М. Н. Новикова Россия должна была делиться на административные единицы — «царства». Да и сам Пестель иногда употреблял термин «царь» для обозначения исполнительной власти.

Таким образом, по одному названию при отсутствии других данных нельзя представить внутренний строй государства, проектируемого в записке «Царство Греческое». Но все же имеется возможность, хотя бы в грубом виде, реконструировать замыслы участников обсуждения балканской проблемы их представления о тактических задачах и политических результатах освободительного движения подданных султана. Для этого необходимо сопоставить содержание «Царства Греческого» со служебными записками и письмами Пестеля весны 1821 г., учтя особенности внутренней и международной обстановки в Юго-Восточной Европе.

В записках Пестеля Киселеву от 8 марта и 14 апреля подробно говорилось о военных планах этеристов, об их надеждах на присоединение сербов, болгар и других народов к восставшим грекам. Но особенно большая роль в вооруженной борьбе против турецких войск отводилась Али-паше Янинскому, который еще в 1820 г. начал воевать с султаном. Рассказывалось, например, что Али принял христианскую веру и новое имя Константин (слухи об этом еще до восстания 1821 г. стали появляться в Европе, в том числе и в России), что он вступил в соглашение с греками и 60 тыс. их присоединилось к войскам паша, что все эти объединенные силы направились к Салоникам⁷¹.

Позже Пестель сообщал, что Ипсиланти, скорее всего, попытается присоединить свой отряд к войскам, «действующим в пользу Али-паша», т. е., перейдя Дунай, направится в Эпир и Фессалию. Но, может быть, греки и янинский паша будут бороться без помощи Ипсиланти, который вместе с сербами и болгарами развернет военные действия на севере Балканского полуострова? Далее описывались отношения, сложившиеся между греками и пашей, успехи последнего в войне против турок, принужденных снять осаду Янины и отступить от Ларисы⁷².

Хотя очень скоро выяснилось, что такого рода сведения не соответствуют действительности, рассказ Пестеля отражал распространившиеся весной 1821 г. в европейской и русской печати слухи об успехах янинского паша, о его действиях в пользу греческих революционеров. Однако важен сам по себе факт, что Пестель и те, от кого он получал сведения о событиях на Балканах в марте — апреле 1821 г., предполагали, что Али-паша действует в союзе с греками и сулиотами в Фессалии и Эпире, успешно руководит всеми военными действиями против турок в этих областях.

При столь важной роли Али-паша в общебалканском освободительном движении необходимо было после победы удовлетворить его личные политические расчеты. Можно предположить, что именно это обстоятельство отразилось на содержании записки «Царство Греческое» и объясняет странный на первый взгляд состав административной единицы под названием «Фессалия», в которую, кроме самой Фессалии, входили Эпир и Южная Албания. Это были именно те земли, которые Али-паша пытался объединить под своей властью⁷³.

Но, кроме Али Янинского, был и другой, очень активный албанский владетель, упорно отстаивавший свою политическую самостоятельность,— Мустафа-паша Бушати. Чтобы привлечь шкодерского пашу на сторону восставших или хотя бы нейтрализовать, необходимо было сделать ему заманчивые предложения. Может быть, из таких соображений территория «Албании» в проекте балканской федерации была значительно расширена на север и включала югославянские земли, на которые издавна, но безуспешно претендовало семейство Бушати.

Во всяком случае, есть основания полагать, что ядром политических единиц под названием «Фессалия» и «Албания» должны были стать полунезависимые пашалыки юго-западной части Балканского полуострова — Янинский и Шкодерский.

Чтобы составить подробный план географического размежевания политических единиц будущей балканской федерации, вождь южных декабристов должен был очень конкретно обсуждать с кем-то из этеристов — человеком, осведомленным о внутреннем положении на Балканах, — план военных действий против Порты в ходе разворачивающейся балканской революции, пытаясь разработать определенную тактику. При этом, по-видимому, учитывалось то обстоятельство, что даже в случае присоединения к греческим повстанцам сербов, болгар, молдаван и валахов все они не имели бы достаточных сил, чтобы успешно противостоять турецким армиям. Мощным резервом в этом отношении могли стать крупные и хорошо организованные военные силы владетелей полунезависимых пашалыков, из которых Али-паша Янинский уже был вовлечен в войну с султаном. Исходя из этой тактической задачи, необходимо было пойти на расширение владений янинского и шкодерского пашей, которые за такую цену оказали бы военную помощь восставшим. Позднее их земли вошли бы в состав балканской федерации.

В марте — апреле 1821 г., во время двух первых командировок Пестеля в Бессарабию, подобные перспективы балканского национально-освободительного движения могли представляться реальными. Но уже летом стало ясно, что слухи о действиях Али-паши оказались ложными, что сербы и болгары не присоединятся к грекам. Определился и неуспех военных действий Ипсиланти в Дунайских княжествах, а в конце июня вождь эте-

рии бежал в Австрию. Очагом освободительной борьбы стали греческие земли.

В результате всех этих перемен сама идея создания балканской федерации, и ранее не имевшая значительного распространения, сошла с повестки дня.

Поэтому проект «Царство Греческое» должен был появиться на свет именно в марте — апреле 1821 г. Если даже считать этот документ личным творчеством Пестеля, он не мог возникнуть в июле — августе этого года, как предполагали Б. Е. Сыроечковский и А. А. Покровский. В это время обстановка в Юго-Восточной Европе делала составление подобного плана бессмысленным.

По материалам, позволяющим судить об отношении Пестеля к решению балканской проблемы, можно заключить, что вождь южных декабристов, говоря о «восстановлении Греции в независимом состоянии», о восстановлении «восточной республики в пользу греков», проектируя создание «Царства Греческого», исходил из предположения об экономическом и политическом преобладании греков в этой новой державе. Сама терминология подразумевала преемственную связь державы, которая должна была возникнуть в результате изгнания турок в Азию с греческим государством времен античности или средневековья. В этом отношении Пестель следовал воззрениям, распространенным в первых десятилетиях XIX в. среди политически мыслящего русского дворянства о возможности решения балканской проблемы путем создания новой греческой державы на месте турецких владений в Европе, о необходимости обеспечения при этом государственных интересов самой России. Филэллинские тенденции решения балканской проблемы Пестелем выражены достаточно определенно⁷⁴. Это было связано и с особенностями его общего мировоззрения, а конкретно — с недооценкой значения демократического решения национального вопроса⁷⁵.

Конечно, проект «Царство Греческое» имел много слабых сторон, был в своем существе нереальным. Так, в нем не проводился принцип политического размежевания балканских земель по национальной принадлежности населения, хотя к 1820-м годам процесс формирования наций в Юго-Восточной Европе достаточно продвинулся. Разъединение земель, населенных греками (в том числе Морей и Ливадии), особенно не соответствовало политическим задачам, выдвинутым греческой револю-

цией. Такие черты проекта, может быть, объяснялись не столько исходными принципами в отношении решения балканской проблемы, сколько практическими задачами, стоявшими перед его составителями, о которых говорилось выше. Но и сам замысел объединения в одном государстве областей, очень разнородных по общественно-экономическому укладу, национальному составу населения, был утопичен и не соответствовал тенденциям исторического развития народов Юго-Восточной Европы. Это, однако, еще не было осознано ни русской, ни балканской общественно-политической мыслью начала 1820-х годов. «Царство Греческое» иллюстрирует, как в самом начале греческой революции 1821 г. рисовались перспективы развития событий на Балканах и их политические результаты — создание независимой от Турции федерации балканских государств.

Как же Пестель отнесся к дальнейшим событиям на Балканах, к провалу восстания Ипсиланти и успехам освободительной борьбы в самой Греции в 1821—1822 гг.?

Материалы, позволяющие судить об этом, отсутствуют⁷⁶. Известно только, что вождь Южного общества и в дальнейшем не потерял интереса к балканской проблеме, ибо «выхвалял упорную борьбу греков за освобождение своего отечества».

Служебные записки и рапорты Пестеля, проект «Царство Греческое» показывают, что вождь Южного общества видел решение балканской проблемы в национальном освобождении народов, находившихся под властью Османской империи, и создании в Юго-Восточной Европе нового государства. По отношению к такому государству послереволюционная Россия вела бы «покровительственную политику», принципиально отличную от внешнеполитического курса самодержавной России.

Итак, П. И. Пестель, непосредственно соприкасаясь с балканскими делами в 1821 г., обдумывал перспективы решения балканской проблемы, русской политики в отношении Турции и ее подданных, сочетая теоретическую постановку вопроса с его практическим разрешением. В это же время была сделана попытка использовать освободительное движение балканских народов в интересах будущего революционного переворота в России. Есть основания считать, что ее предпринял член Кишиневской управы М. Ф. Орлов.

Летом 1820 г. генерал-майор М. Ф. Орлов стал командиром 16-й дивизии, стоявшей в Бессарабии на границе с Турцией. Первоначально он считал назначение в Кишинев почти изгнанием, однако очень скоро увидел новые перспективы своей деятельности в Бессарабии как облеченного всей полнотой власти командира дивизии.

В Кишиневе Орлова окружила атмосфера революционных исканий и острых дебатов по политическим вопросам. События в странах Южной Европы заставляли ожидать «всеобщего крушения». В отличие от своих либерально настроенных друзей, таких, как П. Д. Киселев, Д. В. Давыдов и др., М. Ф. Орлов был уверен в близости революции и все свои надежды связывал именно с ней⁷⁷.

В 1820—1821 гг. кишиневская организация декабристов развернула активную деятельность. В 16-й дивизии организовывались ланкастерские школы взаимного обучения, велась пропаганда среди солдат, карались и устранялись офицеры, допускавшие жестокость и самоуправство в отношении «нижних чинов». Орлов стремился навести порядок в дивизии, повысить ее боевые качества, прекратить побег солдат за границу, развить в них патриотизм, чувство собственного достоинства как защитников родины. Смелые приказы командира дивизии, демократизм в обращении создали Орлову большую популярность и авторитет среди солдат и части офицеров. В начале 1821 г. он считал, правда без достаточных оснований, что 16-я дивизия подготовлена к участию в революционном перевороте⁷⁸.

Деятельность Кишиневской управы проходила в обстановке ожидания в ближайшем будущем начала войны с Турцией. Уже летом и осенью 1820 г. из-за турецкой границы проникали тревожные вести, заставлявшие предполагать возможность начала в ближайшем будущем антитурецких выступлений в Греции, Албании и Сербии. Последние рассматривались Орловым в одном ряду с революционными событиями в странах Южной Европы, с возможностью новой революционной вспышки во Франции.

«У французов загорается, и так это не кончится,— писал он своему другу А. Н. Раевскому из Киева в июне 1820 г.— В Турции также беспокойно. Янинский Али-

паша на 80-м году своей жизни, говорят, принял веру христианскую и грозит туркам освобождением Греции»⁷⁹. «У нас большие известия и отсюда что-то возгорается похожее на предвозвещение общего пожара», — писал он несколько месяцев спустя уже из Кишинева и рассказывал далее, как в Константинополе толпа янычар напала на русское посольство, после чего русский посланник будто бы заявил, что прекращает всякие сношения с Портой «до получения полного вознаграждения и ответа от своего двора». «С другой стороны сербы взбунтовались», — продолжал Орлов и излагал появившиеся в Кишиневе слухи о том, что в Сербии усилилась борьба между партией воевод — сторонников турецкой ориентации и приверженцами Милоси (Милоша Обреновича. — *И. Д.*), который послал султану свой «ультиматум», что Порта попыталась затем свергнуть сербского князя, но тот казнил посланца султана, объявил прокламацию «и бунт возгорелся»⁸⁰.

В этих сведениях, доходивших в Южную Россию из европейских владений Турции, было много преувеличений и не все соответствовало действительности⁸¹. Однако Орлов правильно улавливал общую атмосферу назревания революционной ситуации в Юго-Восточной Европе и полагал, что вооруженные выступления населения во владениях султана приведут к войне России с Турцией, войне, целью которой будет освобождение балканских народов от иноземной власти. «Ежели б 16-ю дивизию пустили на освобождение, это было бы не худо. У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий и 6 полков казачьих. С этим можно пошутить. Полки славные, все сибирские кремни. Турецкий булат о них притупился», — писал он перед отъездом из Киева в упомянутом выше письме Раевскому⁸².

Как видим, еще до приезда в Бессарабию Орлов полагал, что война с Турцией начнется в ближайшем будущем. По своим целям это была бы война освободительная. Именно о такой войне как единственно целесообразной в сложившихся условиях Орлов писал несколько позднее в письме к Бутурлину. Именно в такой освободительной войне жаждал принять участие командир дивизии, стоявшей на границе с Османской империей.

Когда вслед за началом военных действий этеристов в Дунайских княжествах и восстанием в Морее резко обострились русско-турецкие взаимоотношения и воен-

А. ИПСИЛАНТИ.

Гравюра

ный конфликт с Портой стал представляться почти неизбежным, Орлов, человек энергичный и увлекающийся, по-видимому, уже не скрывал желания отправиться во главе своих «славных полков» за Прут. Именно в это время местные власти и военное командование начали осознавать политическую опасность Орлова. Стали распространяться слухи о его причастности к событиям в Дунайских княжествах. Орлов знал об этих подозрениях, о потере доверия к себе начальства. Он писал впоследствии Николаю I в своей записке: «Я не знаю, верно ли это, но мне кажется, что власти некоторое время подозревали, не причастен ли я к делу Ипсиланти. Факт тот, что я услышал об этом уже после восстания»⁸³.

Были ли эти подозрения основательными? Связывала ли как-то кишиневская организация декабристов свои революционные планы с начавшимся в феврале 1821 г. восстанием этеристов в Дунайских княжествах, с освободительным движением в балканских землях? Существовал ли «преступный сговор» между Орловым и его давнишним знакомцем по кавалергардскому полку А. Ипсиланти — вождем «Филики Этерии»? Все эти вопросы привлекали внимание ряда исследователей.

На основе анализа деятельности Кишиневской управы в 1820—1821 гг. М. В. Нечкина выдвинула предположение, что в это время М. Ф. Орлов, К. А. Охотников, В. Ф. Раевский и другие члены этой организации задумали план революционного вооруженного выступления в 16-й дивизии при поддержке военных поселений и в результате установления каких-то дружественных отношений с восставшей Грецией⁸⁴. Эта же тема (конкретно в связи с Московским съездом Союза благоденствия, состоявшимся в январе 1821 г.) исследовалась С. М. Черновым, В. Г. Базановым, В. В. Пугачевым⁸⁵.

На съезде Орлов выступил поборником немедленных революционных акций. «Ручаясь за свою дивизию», он потребовал «полномочий действовать по своему усмотрению», а кроме того, предлагал перестроить тайную организацию по радиальной системе, создать единый координационный центр строго конспиративного характера под названием «Невидимые братья». Возможно, речь шла о международном революционном органе, в котором, в частности, участвовали бы и греки.

Орлов, пишет М. В. Нечкина, пытался как-то соединить действия русских революционеров и греков, о подготовке выступления которых он знал⁸⁶. По мнению Пугачева, предложения Орлова на съезде свидетельствуют, что он возлагал надежды на греческое восстание, которое должно было привести к русско-турецкой войне, и мечтал использовать эту войну для начала вооруженного выступления в самой России. Общение с Ипсиланти могло привести Орлова к мысли о необходимости координации революционных действий различных стран⁸⁷.

Само существование предложений Орлова о перестройке революционной организации, о подготовке революционных акций наводит на мысль, что в январе 1821 г. он был хорошо осведомлен не только о принципах устрой-

ства и деятельности «Филики Этерии», но и о подготовке восстания греков, которое могло стать поводом к началу войны с Турцией.

Вопрос о связях Орлова и кишиневских декабристов с А. Ипсиланти и другими руководителями Этерии подробно рассмотрен в работах С. С. Ланды, И. Ф. Иоввы, Г. Л. Арша, Л. Н. Оганян, которые привели материал, показывающий, что кишиневская управа тайного общества, и конкретно М. Ф. Орлов и В. Ф. Раевский, имели непосредственные контакты с этеристами, знали о готовившемся восстании и стремились оказать ему всемерную поддержку. Можно считать достоверным, что А. Ипсиланти вскоре после приезда в Кишинев в конце октября 1820 г. о существовании «Филики Этерии» и подготовке ею восстания балканских народов против турецкого владычества рассказал Орлову. Последний горячо сочувствовал замыслам греков и рассчитывал, что война, которую начнет Россия против Турции, введение русских войск в Молдавию и Валахию обеспечит их успех.

Но Ланда пошел дальше таких заключений: попытался доказать, что Орлов к началу 1821 г. выработал план одновременных и совместных действий русских революционеров с греческими патриотами, что на этот счет существовала предварительная договоренность с Ипсиланти и именно этим можно объяснить поведение Орлова на Московском съезде Союза благоденствия — план революционного переворота и требование немедленного вооруженного выступления. Военная помощь восставшей Греции рассматривалась Орловым как часть общего плана революционного преобразования России, заключает Ланда⁸⁸.

Такой вывод в какой-то мере поддерживается другими исследователями: И. Ф. Иовва пишет о намерении Орлова действовать в союзе с греками, Л. Н. Оганян — об обсуждении плана совместных действий⁸⁹. Г. Л. Арш полагает, что нельзя связывать практическое осуществление плана совместного перехода войск Ипсиланти и Орлова через Прут с революционным переворотом в России, но имелась цель облегчить действия этеристов в Дунайских княжествах, втянуть Россию в войну с Турцией⁹⁰. Он также подчеркивает, что Орлов первым из декабристов заявил о своей готовности сражаться за освобождение Греции, решил использовать находившуюся

ся под его командованием дивизию для оказания помощи греческим революционерам, и не ставит под сомнение существование у Орлова плана оказания помощи грекам⁹¹.

Как уже упоминалось, Орлов знал, что начальство подозревает его в причастности к «делу Ипсиланти», но сам он не рассказывал, по-видимому, о переговорах с вождем Этерии даже близким людям.

В воспоминаниях А. Ф. Вельтмана, Ф. Ф. Вигеля, И. П. Липранди, В. Ф. Раевского даны описания кишиневской жизни того времени, гостеприимного дома Орлова, превратившегося в политический клуб, говорится о посещении его А. Ипсиланти с братьями, другими этеристами. Но лишь Вигель утверждает, будто Орлов знал о готовившемся восстании греков, что в свою очередь опровергает Липранди. О существовании же какого-либо плана совместного выступления с греками и причастности популярного русского генерала к делу этеристов ни словом не обмолвились ни его друзья, ни его недоброжелатели⁹².

В некоторых письмах Орлова, относящихся к 1820—1822 гг., при непредвзятом анализе их текста нельзя обнаружить каких-либо намеков на переговоры и соглашение с Ипсиланти о совместных действиях, о намерении оказать военную помощь грекам. Так, письмо к А. Н. Раевскому, в котором выражалось желание, чтобы 16-ю дивизию «пустили на освобождение», было написано летом 1820 г., когда Орлов еще ничего не знал о замыслах Этерии и не мог иметь в виду какие-либо самостоятельные акции ради помощи грекам. Столь же мало поводов для подобных заключений дает письмо Орлова к невесте, написанное через месяц после начала восстания. В нем выражается горячее сочувствие предприятию Ипсиланти и содержится просьба не разглашать сообщенные сведения — «образ действия и создание тайного общества и участие наших вельмож в оном»⁹³. Но это еще не дает основания предполагать причастность к «делу Ипсиланти» самого Орлова: под «вельможами», конечно, подразумевались сановники, близкие к петербургскому двору, к тому же об «образе действий» и устройстве Этерии в конце марта 1821 г. знал не только Орлов.

Таким образом, в русских материалах и документах, связанных с деятельностью Орлова и всей кишиневской

М. Ф. ОРЛОВ.
*Портрет маслом Г. Ризнера.
Гос. литературный музей, Москва*

организации декабристов, не сохранилось даже косвенных данных о соглашении с Ипсиланти или хотя бы о предварительных переговорах по этому поводу. Но сведения о том все же имеются — они исходят от греческой стороны.

Главным аргументом в пользу выдвинутой Ландой гипотезы является сообщение одного из первых историкографов греческой революции — И. Филлимона, современника событий 1820-х годов, близко стоявшего к семейству Ипсиланти и изложившего, по всей вероятности, устное воспоминание одного из братьев вождя Этерии⁹⁴.

В предисловии к книге «Исторический очерк греческой революции», вышедшей в 1859 г. в Афинах (в переработанном и дополненном виде в нее вошла часть рукописи, опубликованная еще в 1834 г.), Филимон, подчеркивая выдающееся значение деятельности Ипсиланти, писал о достигнутом им «соглашении» с генералом Орловым, «который командовал находящимся у Прута авангардом» русской армии, а также о совместных действиях.

«Было бы замечательно, если бы удалось совершить совместный переход через Прут греку Ипсиланти и русскому Орлову, его товарищу по оружию! Какие хорошие результаты мог принести этот переход, если бы он не был предан!—воскликает Филимон.—Михаил Орлов в 1821 г. был бы безусловно не Алексеем Орловым в 1769 г., но настоящим стратегом христианского воинства, защищающего христиан, и он бы вписал одну из самых славных страниц в историю русского народа. Редко встречаются среди народов такие характеры, такие сердца великодушные!»⁹³

Содержание этого отрывка и сам факт включения его в предисловие книги свидетельствуют, что соглашению с Орловым отводилась какая-то важная роль в событиях, которым предстояло развернуться на Балканском полуострове. Хотя существо этого соглашения не раскрывается, ясно, что речь шла о совместном переходе через Прут этеристов под предводительством Ипсиланти и русских войск под командованием Орлова. Имеются в виду самые широкие военные операции против турок, по-видимому, под общим руководством М. Орлова — «настоящего стратега христианского воинства». Филимон превозносит полководческий талант Орлова и высокие моральные качества, оттеняя это сравнением с действиями его дяди, Алексея Орлова, во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг., когда уход от берегов Греции русского флота, одним из предводителей которого был А. Г. Орлов, облегчил туркам подавление восстания в Морее.

Очевидно, греческий историк имел в виду, что М. Орлов должен был выступать в той же роли, что его дядя 50 лет назад как командующий российскими войсками в войне с Турцией. Но это не согласуется с утверждением автора, что командир «авангарда» русской армии рассчитывал действовать самостоятельно, помимо на-

чальства, побуждаемый лишь собственными благородными чувствами.

Более конкретные сведения о ходе и результатах переговоров Ипсиланти с Орловым изложены Филимоном в первой части книги. Руководитель «Филики Этерии» будто бы рассказал старому другу Орлову «о своих планах в отношении Греции» и усиленно склонял его перейти через Прут «вместе с находящимися под его командованием войсками. Неизбежно, что в результате этого,— пишет Филимон,— или император был бы обвинен в нарушении своих договоров с султаном, или Орлов — в неповиновении императору. В первом случае последовало бы объявление войны со стороны Турции, а во втором — было бы неизбежным смещение М. Ф. Орлова (затем он был бы снова восстановлен в своих правах). Генерал Киселев, начальник штаба, не был в курсе всего этого, но, узнав об особо близких отношениях между Орловым и Ипсиланти и их беседах, что-то заподозрил. Когда же Орлов с готовностью на все согласился, проявив только опасения относительно своего смещения, то Ипсиланти рассеял и их, предложив, чтобы он сам перешел через Дунай с греками, а тот занял княжества с русскими как самостоятельный начальник. Однако несчастный случай помешал осуществлению этого плана. На Орлова поступил донос, он был лишен командования авангардом и отозван в Петербург»⁹⁶.

Рассказ греческого историка, несомненно, имел в своей основе какой-то реальный факт, но переданный очень искаженно. Это вполне объяснимо, ибо Филимон получал сведения о переговорах Ипсиланти с Орловым из вторых рук, вероятно, в устной форме и много лет спустя после совершившегося события⁹⁷. К тому же его книга очень тенденциозна: в ней всячески подчеркиваются заслуги семейства Ипсиланти в греческом национально-освободительном движении⁹⁸. Поэтому и эпизод с Орловым несет определенную концепционную нагрузку — иллюстрирует основательность подготовки вождем Этерии вооруженного выступления, объясняет провал расчета на военную помощь России непредвиденными обстоятельствами и «несчастливым случаем».

Противоречивость и нелогичность построения рассказа Филимона очевидны. Невозможно представить, чтобы генерал русской армии александровского времени, даже член декабристской организации, склонный к са-

мостоятельности, каковым был М. Ф. Орлов, мог обсуждать возможность самовольного перехода через границу целой дивизии, занятия ею Молдавии и Валахии и совместных военных акций с греческими повстанцами.

Если же речь шла об открытом неповиновении, об одновременном выступлении русских революционеров против царизма, а балканских народов — против власти Порты, то вряд ли Орлов стал бы придавать значение своему смещению и беспокоиться, получит ли он прощение царя за содеянное. Но, главное, такое существо переговоров не согласуется с замыслами греческой стороны, надеявшейся, как известно, что само правительство Александра I поддержит борьбу балканских народов против турецкой власти.

Ведь предводитель этеристов уверял всех, хотя не имел к тому оснований, что царь возьмет под свою защиту восставших, и это в какой-то степени повлияло на решение греков выступить в пограничной с Россией области. Перейдя Прут, Ипсиланти начал распространять прокламации среди населения Дунайских княжеств, в которых говорилось, что греки действуют с одобрения «соседней великой державы». Тогда же он заверил новороссийского генерал-губернатора А. Ф. Ланжерона, что императору известно о его действиях. Русские военные и гражданские власти в первое время верили этому, продолжали покровительствовать грекам, выдавать паспорта желавшим присоединиться к отрядам этеристов⁹⁹.

О том, что Александр I и его приближенные, в том числе, конечно, Каподистрия («наши вельможи»), тайно поддерживают замыслы греков, а главное, — о расчетах на военную помощь России и войну с Турцией, Ипсиланти, по всей вероятности, рассказывал и Орлову. Последний должен был разделять такие надежды. Так вводились в заблуждение многие, среди них, вероятно, и Орлов. Но это был не простой обман. Ипсиланти действительно верил и надеялся, что Российская империя с ее громадной армией поддержит борьбу греков за освобождение. Поэтому ему не было смысла убеждать Орлова предоставить свою дивизию в распоряжение восставших ценой нарушения служебного долга, открытого неповиновения своему начальству и правительству. Вряд ли Ипсиланти стал бы предлагать подобный образ действий, но он проявлял чрезвычайную заинтересо-

важность в другом — в том, чтобы военный конфликт с Турцией разразился как можно скорее.

В 1820 г. начало войны с Турцией в самое ближайшее время представлялось возможным многим, в том числе, как говорилось, и Орлову. Среди балканских народов шло глухое брожение. Отношения петербургского двора с Портой оставались весьма напряженными, и, несмотря на ряд уступок со стороны русской дипломатии, переговоры о выполнении условий Бухарестского мира, в частности касавшиеся Дунайских княжеств, почти не продвигались вперед¹⁰⁰.

Было легко представить, как начнется будущая война с Турцией: вспоминались события 1806 г., когда правительство Александра I, чтобы предотвратить ввод французских войск в Молдавию и Валахию, заняло княжества. Что-то подобное могло произойти и полтора десятилетия спустя. После начала революционных событий на Балканах в 1821 г. 2-я армия готовилась именно к операциям в Дунайских княжествах. Чтобы достичь успеха, захватить инициативу, их надлежало провести быстро и неожиданно¹⁰¹.

Все это наводит на мысль, что Ипсиланти и Орлов, общавшиеся между собой осенью и зимой 1820 г., а также, возможно, и непосредственно перед началом выступления этеристов, обсуждали перспективы начала в ближайшем будущем русско-турецкой войны и ее ход. Рассказ Филимона в какой-то степени подтверждает это: два старых приятеля, два «товарища по оружию» (участники войн с наполеоновской Францией) рассуждали о том, что скоро снова будут вместе воевать, на этот раз против Турции; русские — под командой Орлова, греки — под предводительством Ипсиланти.

Именно «находящемуся у Прута авангарду» предстояло начать операции в Дунайских княжествах. Более того, русские части, стоявшие на границе, имели возможность спровоцировать столкновения с турками, предпринять какие-то акции, которые ускорили бы начало войны.

Это принесло бы неоценимую пользу восставшим. Очень возможно, что именно на этот счет Ипсиланти достиг договоренности с Орловым.

При положении, существовавшем на границе России с Молдавией, в условиях нетерпеливого ожидания войны офицерами и командованием 2-й армии любое по-

граничное столкновение могло иметь далеко идущие последствия, привести к войне. И, если бы даже ответственность за это Орлова стала очевидной, вряд ли влиятельный начальник штаба армии П. Д. Киселев — поборник решительных акций в отношении Турции — не попытался выгородить своего приятеля. Предполагалось к тому же, что сам император лишь ищет благовидный предлог для начала военных действий.

Так можно было рассуждать незадолго до выступления этеристов, именно в то время, когда Ипсиланти встречался с Орловым. Но прошел месяц после начала восстания и в Тульчин была доставлена депеша из Лайбаха, где проходил конгресс Священного союза. Царь решительно осудил действия Ипсиланти и заявил, что Россия не окажет ему никакой помощи. В депеше говорилось о мерах, которые должны были предотвратить конфликт с Портой. 2-й армии запрещалось помогать повстанцам и их предводителям, а также населению княжеств; русским войскам строго запрещалось переходить границу¹⁰². Вслед за этим начальник Главного штаба П. М. Волконский распорядился, чтобы П. Х. Витгенштейн строжайше предписал войсковым начальникам «ни под каким видом не переходить границу и никого в Молдавию не перепускать»¹⁰³. Как видно, царское правительство имело основания опасаться, что пограничные стычки, случаи перехода русскими солдатами границы могут привести к развязыванию войны с Турцией, которую оно не рисковало начать без согласия своих европейских партнеров¹⁰⁴.

После всего этого командование 2-й армии должно было резко переменить позицию и действовать в соответствии с приказами царя. Надежда на помощь русских войск, на их непосредственное вмешательство в события, разворачивавшиеся в княжествах, провалилась. Орлов не имел возможности выполнить свои обещания, если и дал таковые. Все это в неточной устной передаче, которой, по-видимому воспользовался Филимон, могло ассоциироваться с «непредвиденным случаем», с предательством, к чему какое-то отношение имел Киселев. Эти события ошибочно смешивались с происшедшим год спустя отстранением Орлова от командования дивизией.

Итак, если учесть расчеты этеристов на помощь царского правительства и русско-турецкую войну, с одной

стороны, настроения Орлова в 1820—1821 гг., его сочувствие делу освобождения балканских народов — с другой, а также конкретную обстановку во 2-й армии и на русско-турецкой границе, легко представить, что Ипсиланти склонял своего приятеля, командира пограничной части русских войск способствовать развязыванию русско-турецкой войны и обсуждал предстоящие военные операции на Балканах.

На основе только сбивчивого сообщения Филимона трудно обосновать вывод о том, что переговоры эти касались одновременных и совместных действий русских революционеров и греческих патриотов, но нет сомнения, что имелась прямая связь между осведомленностью Орлова о предстоящих революционных событиях в Юго-Восточной Европе и его предложениями, выдвинутыми на Московском съезде Союза благоденствия в январе 1821 г.

Знакомство Орлова с принципами устройства «Филики Этерии» оказало влияние на существо его предложения о новой структуре русской тайной организации и более конспиративных методах ее работы¹⁰⁵. Требование Орлова о предоставлении ему свободы действий, о немедленных революционных акциях, скорее всего, возникло под впечатлением сообщения о начале в ближайшее время общебалканского восстания, которое привело бы к русско-турецкой войне. Это восстание в сочетании с революциями в Южной Европе создавало благоприятную внешнеполитическую обстановку для революционных акций в России, которые в условиях внешней войны можно было надеяться осуществить легче, чем в мирное время.

Но участники съезда Союза благоденствия сочли неприемлемым план революционного переворота, выдвинутый Орловым, и, если бы даже его договоренность с Ипсиланти о совместных действиях существовала, она теряла свое значение.

В 1821 г. Кишиневская управа продолжала свою деятельность, не отказываясь от прежних революционных задач. Орлов с большим вниманием следил за событиями на Балканах, в Дунайских княжествах, чему способствовало то обстоятельство, что в штаб 16-й дивизии стекалась обширная информация: донесения русских дипломатов и чиновников, сведения очевидцев, «партикулярные известия» и т. д. Более достоверные и

ценные из них пересылались Орловым в штаб армии, где они и сохранились¹⁰⁶.

Орлов высоко оценивал патриотический подвиг Ипсиланти и оправдывал его действия независимо от результатов. «Не смейтесь над Ипсилантием,— писал он в марте своей невесте.— Тот, кто кладет голову за отечество, всегда достоин почтения, каков бы ни был успех его предприятия. Впрочем, он не один, и его покушение не презрительно ни по намерению, ни по средствам»¹⁰⁷.

В этих словах чувствуется стремление оправдать тех, кто поднимается с оружием в руках на защиту своей родины, уверенность, что Ипсиланти «не один», т. е. за ним стоит греческий народ. Но ощущается и скрытая тревога за успех его «предприятия». Предвидел ли Орлов близкое поражение этеристов, знал ли об их первых просчетах и неудачах, судить трудно. Не сохранилось и сведений о том, как он отнесся к дальнейшим событиям — к поражению этеристов, обнаружившейся слабости Ипсиланти как военного предводителя, его бегству в Австрию.

Но и в конце 1821 г., когда обстановка на русско-турецкой границе вновь обострилась, а из Дунайских княжеств поступали сведения о жестокостях и беззаконии, чинимых там турецкими войсками, Орлов не терял надежды на близкое начало войны с Турцией, и, возможно, исходя из этого, сделал представление в штаб армии о необходимости сосредоточения большого числа войск в Бессарабии, об укреплении и пополнении 16-й дивизии¹⁰⁸. «У нас все на военной ноге, а за границую — на разбойничьей,— писал Орлов в это время Вяземскому.— Когда позволят зарядить ружья — не знаю, а кажется, время приближается, где после семилетнего спокойствия начнется час испытания военного»¹⁰⁹.

«Часа испытания военного» — справедливой и освободительной войны на Балканах — с нетерпением ожидали кишиневские декабристы. На близкое ее начало настраивались и солдаты. В предстоящей войне можно было на практике проверить результаты нового воспитания и обучения солдат, их преданность и боевые качества. Все это не осталось незамеченным командованием 2-й армии. Конец «орловщины» стал неизбежным. Его ускорили события начала 1822 г. в 16-й дивизии — возмущение солдат Камчатского полка и арест В. Ф. Раевского. За антиправительственную пропаганду последне-

го, за проявленное «нижними чинами» неповиновение нес ответственность дивизионный командир.

Генерал И. В. Сабанеев, непосредственный начальник М. Ф. Орлова, писал ему в связи с этим делом: «Позвольте сказать вашему превосходительству: вы худо знаете солдат. Эпоха управления вашего еще не настала. Вы имели похвальное намерение выиграть доверенность и любовь нижних чинов и в том успели, но они сделались недостойными ваших попечений. Вы ожидали (в войне) наделать чудеса геройскими подвигами вашей дивизии, но, поверьте мне, что вы бы с нею не управились»¹¹⁰. Солдат, любящий своего командира, грамотный, понимающий, что участвует в войне справедливой, по расчету Орлова, был бы способен на героические подвиги. По мнению Сабанеева, такой солдат вышел бы из повиновения, стал бы угрозой для устоев царской армии. Особенно опасным во время войны с Турцией, перспектива которой не отпала полностью и в 1822 г., был бы сам Орлов вместе со своими приверженцами. Коряуской командир намекал на его стремление приобрести военную славу, удовлетворить свои честолюбивые стремления, но, возможно, предполагал и наличие более серьезных замыслов, предпосылкой для осуществления которых явилась бы война¹¹¹.

Подозрения о причастности Орлова к делу этеристов, нескрываемое им стремление оказать военную помощь балканским народам, борющимся за национальное освобождение, добавили еще одно обвинение против самовольного и слишком популярного военачальника. С весны 1822 г., после ареста Раевского, он был фактически отстранен от командования дивизией.

При всех неясных и спорных моментах, связанных с деятельностью в 1820—1821 гг. членов декабристской организации в Кишиневе, остается несомненным, что они имели непосредственные контакты с руководителями Этерии, стремились использовать революционные события на юго-востоке Европы, русско-турецкую войну в борьбе против царизма. Хотя версия о существовании соглашения между Ипсиланти и Орловым, о деятельном участии последнего в подготовке восстания греков представляется неосновательной, можно полагать, что Орлова привлекала мысль сочетать дело освобождения народов Юго-Восточной Европы — от национального гнета и народов России — от оков самодержавия.

Как же отнеслись декабристы к поражению восстания этеристов в Дунайских княжествах, к обнаружившимся вскоре ошибкам и просчетам Ипсиланти? Пытались ли они извлечь для себя какой-то урок из революционных событий на Балканах? Хотя обо всем этом не сохранилось прямых данных, можно выдвинуть гипотезу о том, что революционные выступления в турецких владениях явились предметом серьезного военно-теоретического анализа со стороны некоторых прогрессивно настроенных деятелей.

ДЕКАБРИСТЫ ОБ УРОКАХ ВОССТАНИЯ ЭТЕРИСТОВ

Восстание этеристов под руководством Александра Ипсиланти сыграло важную роль в истории освободительного движения греков в 1820-х годах. Оно явилось прамбулой массовой вооруженной борьбы в самих греческих землях. Но быстрый разгром восстания, провал плана организации совместного выступления против Порты всех ее подданных-христиан произвел тяжелое впечатление на современников, вызвав попытки определить причины поражения этеристов, их ошибки и просчеты. Как известно, А. С. Пушкин, живо интересовавшийся революционными событиями в Дунайских княжествах, впоследствии в повести «Кирджали» (1834) скупно, но чрезвычайно выразительно рассказал об этом восстании и его руководителе¹¹².

Одним из первых подробно написал о причинах неудачи этеристов С. И. Тургенев в упомянутых выше «Заметках о восстании греков против Оттоманской империи в 1821 г.» Он утверждал, что это было «предприятие более безрассудное, чем преступное». Его вожди, руководствуясь только своим энтузиазмом, «помышляли изгнать турок из Европы, чтобы возвратить грекам родину и свободу». Но, по словам Тургенева, гораздо легче создать новую империю, чем разрушить старую, в каком бы упадке она ни находилась. Ипсиланти же, воодушевленный идеей стать освободителем своей страны, был слабо информирован о действительном положении дел в христианских провинциях Турции, верил обещаниям о поддержке, не предвидя непосредственных результатов вооруженного выступления. Далее говорилось о расхождении целей борьбы этеристов и Тудора

Владимиреску, боровшегося против злоупотреблений греков-фанариотов, из среды которых вышел сам Ипсиланти. Последний призывал все народы, находящиеся под султанской властью, к войне «народной и религиозной», но явно видел в греках «первых», а в остальных — лишь их помощников. Молдаване и валахи сочли, что этеристы принесут им только усиление рабства и не стали на их сторону. Тургенев отмечал, что события обнаружили, насколько мало единства имеется между отдельными балканскими народами, которым даже несчастье не внушило взаимной привязанности. Вот почему Порта все еще удерживает их под своим игом «Только великая христианская держава (т. е. Россия.— *И. Д.*), — считал он, — способна внушить этим народам равное доверие, которое должно их объединить для общей цели; только сила, искусно умеренная и дополненная справедливостью, могла бы поддержать этот союз до момента достижения полного успеха». К тому же было бы «бесполезным и опасным» пытаться создать из всех христиан, подчиненных сейчас Оттоманской империи, одно большое государство. Из европейских провинций Турции следует создать несколько государств, «более или менее независимых»¹¹³.

Таким образом, С. И. Тургенев со знанием дела, очень реалистично оценивал замысел этеристов, показав его слабые стороны, невозможность его осуществления при сложившейся в Юго-Восточной Европе обстановке. Он был уверен, что только благодаря организующим и направляющим усилиям России балканские народы смогут добиться своего освобождения и тогда на Балканах возникнет несколько самостоятельных национальных государств.

Другая попытка проанализировать уроки поражения этеристов, притом в мысленной связи с борьбой по идеологическим и организационным вопросам среди будущих декабристов была предпринята автором рукописи, хранящейся в Центральном государственном военно-историческом архиве. Она названа «Возмущение князя Ипсилантия в Молдавии и Валахии в 1821 г.» На внутренней обложке другой заголовок: «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии 1821 г. и соприкосновенных оным обстоятельств». К этому сочинению приложены и документы, касающиеся восстания этеристов и отношения к нему русского правительства¹¹⁴.

Из содержания рукописи ясно, что она была составлена вслед за окончанием революционных выступлений в Дунайских княжествах и может считаться одним из первых в России трудов об этих событиях. Вместе с тем «Обозрение...» обладает очевидными литературными достоинствами: это не сухое, казенное изложение происшедших событий, а живой, эмоциональный рассказ, написанный в приподнято-романтическом стиле, выразительным русским языком, построенный очень четко и логично. А главное, привлекает внимание идейная и нравственно-философская концепция этого произведения, автор которого предпочел остаться неизвестным.

Л. Н. Большаков, обнаруживший список «Обозрения...» в Оренбургской государственной библиотеке, выдвинул предположение, что оно принадлежит перу П. И. Пестеля и представляет собой доклад членам тайного общества¹¹⁵. Такую версию нельзя считать, на наш взгляд, основательной. Ее не подкрепляют ни «тождество источников», ни языковые особенности рукописи. А главное, идейное содержание этого произведения не дает основания заключить, что оно написано вождем южных декабристов¹¹⁶. Все это не умаляет значения «Обозрения...» как исторического источника: в качестве такового оно уже не раз использовалось; а главное, позволяет проследить отношение к балканским народам и их освободительному движению, к поражению восстания этеристов в Дунайских княжествах одного из русских деятелей, по своим общественно-политическим взглядам явно близкого к декабристам.

«После трехвекового угнетения турецким правлением воспылал дух свободы между потомками Древней Эллады. Ежечасные притеснения оттоманов соделались, наконец, нестерпимыми поработенному народу, и желание лучшего бытия внушило ему отважность к подъятию оружия противу высокомерных и кровожадных властителей», — таковы первые строки «Обозрения...» (л. 1). Написавший их, конечно, возмущен турецким правлением, поддерживает борющихся за свободу греков, притом видит в них не только национально угнетенный народ, но и наследников великой древней цивилизации, как бы имеющих «историческое право» на возрождение своей государственности. Такое отношение к грекам и их освободительному движению по существу не выделяет автора «Обозрения...» из достаточно широкого кру-

га образованных русских деятелей различных общественно-политических направлений, проявлявших внимание к балканской проблеме.

Далее говорится о причинах, способствовавших развитию греческого освободительного движения в конце XVIII — начале XIX в.: о влиянии Великой французской революции и наполеоновских войн; о пропаганде Бонапарта среди греков; о распространении надежды на помощь России и значении русско-турецких войн и планов «покойной императрицы Екатерины... воздвигнуть в Царьграде престол христианский» (л. 4).

Под строками «Обозрения...», которые повествуют о влиянии на греков французской революции, русско-турецких войн и т. д. мог подписаться и не один российский дипломат и просвещенный общественный деятель еще в самом начале прошлого столетия. Ведь в период наполеоновских войн (до Тильзитского мира) правительство Александра I поддерживало тесные политические контакты с греками, являлось протектором Ионической республики. В Петербурге были хорошо известны все обстоятельства, связанные с освободительной борьбой греков.

В то же время можно обратить внимание на то, что в рукописи в отличие от многих «мемуаров», публицистических сочинений и даже официальных правительственных документов почти обойден религиозно-мессианский аспект греческой и вообще балканской проблемы. Здесь не встречается традиционных ссылок на противоборство ислама и христианства, на угнетение православных мусульманами и священную обязанность России помогать своим единоверцам, зато говорится о «тираническом» правлении турок, о «служителях тирана», о «кровожадных и высокомерных властителях», истребляющих «не насытно и честь, и богатства, и жизнь подвластного народа» (молдаван и валахов). Турецкое правление тем самым предстает как социальное угнетение, а борьба против него — как следствие желанья народами «лучшего бытия».

Изложив причины, развившие в греках «стремление к освобождению себя от тягостного ига», рассказав об основании первого тайного общества Риги (Ригаса Велестинлиса), автор переходит к основной теме — обозрению происшествий в Молдавии и Валахии в 1821 г. Обстоятельный рассказ об этих недавних событиях, веро-

ятно основанный на документальных материалах и сведениях, полученных от очевидцев, написан ярко и образно, проникнут живой заинтересованностью в успехе «предприятия Ипсиланти» и скорбью по поводу его поражения. Притом повествование подчинено ясно поставленной цели — определению причин и виновников неуспеха этеристского восстания. Более того, их действиям противопоставляется подчас свой собственный план, который бы позволил избежать неудачи.

Так, автор «Обозрения...» уверен, что именно вождь Этерии должен был лично руководить операциями в предполагаемом центре общебалканского восстания — Константинополе. Если уж решили открыть действия в Дунайских княжествах, надлежало, не теряя времени, не дожидаясь, пока турки успеют стянуть силы, развивать активные операции, а затем перейти Дунай, привлечь на свою сторону сербов и, увеличив таким путем свои силы, идти в Грецию¹¹⁷. Ипсиланти же, очень неудачно выбрав свой «стан», ибо Терговисте (Тырговиште) не имеет никакой «природной защиты», провел почти два месяца в бездействии, даже не занимаясь подготовкой к военным действиям, обучением войск. Давая подробное описание битвы у Скулян, автор недоумевает, как руководивший отрядами этеристов Георгий Кантакузин не догадался правильно расположить свои силы, чтобы не дать возможности туркам прижать их к Пруту.

Напрашивается предположение, что составитель «Обозрения» имел немалые познания в области военной теории, и революционные события в Молдавии и Валахии дали ему материал для размышлений именно по этому предмету.

Красной нитью через все повествование проходит обличение А. Ипсиланти, Г. Кантакузина и других вождей Этерии, не проявивших полководческого таланта, допустивших непростительные политические, стратегические и тактические ошибки. Но больше всего внимания обращено на морально-этическую сторону их поведения. Предводители восстания не обладали мужеством, «стойкостью духа», самопожертвованием. Из трусости, ради собственного спасения они обрекли на гибель многих своих сподвижников, молодых греческих патриотов. «Но никакое оправдание не способно убедить целый свет в том, чтобы поведение Ипсилантия соответствовало до-

верию народа, избравшего его главой своего ополчения», — с горечью и негодованием восклицает автор (л. 72). Не щадит он и Владимиреску, изменившего делу этеристов, молдавских и валашских бояр, которые ради «частных интересов» пренебрегли «пользой целого» — борьбой против общего врага — турецких поработителей.

Выразительность повествования, по существу, строится на противопоставлении Ипсиланти и ему подобных истинным героям — тем, кто предпочел пожертвовать жизнью, но не бросить своих сподвижников, не сдать врагу. Это юноши из «Священной дружины», почти все оставшиеся на полях сражений, предводители отрядов — Афанасий, Фармаки, Ставраки, Инзе и др. Но главным героем «Обозрения...» и антиподом Ипсиланти выступает капитан Йордаки Олимпиоти (Георгиос Олимпиос), изображенный самоотверженным патриотом, талантливый и опытный военный предводителем.

Описав, как Йордаки с остатками повстанцев ушел в горы, а затем после неравного боя в монастыре Секу заперся в келье, сам поджег ее и погиб в пламени, автор заключает: «Из всех людей, появившихся в течение года греческого возмущения в Молдавии и Валахии, конечно, Йордакий занимает первое и достопочтеннейшее место. При неутомимой деятельности, оказанной им как в начале мятежа, так и во время усыпления Ипсилантия в Терговисте, и, наконец, в многотрудном и редком походе чрез горы, он заключал в себе сильную душу, бесчувственную к опасностям и равно твердую как в успехе, так и в бедствии. Сверх сих драгоценных качеств достойного человека, он был предан своему Отечеству, ибо страстно любил его в составе Этерии и почитал недостойным и низким делом пережить неудачу в столь важном предприятии. Более людей, подобных Йордакию, и, может быть, свобода Греции была бы восстановлена: но, не завлекаясь отдаленными предположениями, нельзя, однако, не заключить утвердительным образом, что, если бы с теми же способами он занимал место Ипсилантия, конечно, турки встретили бы упорнейшую защиту и дело Этерии не кончилось бы несколькими мало-важными сшибками. Поход Йордакия по горам не только служил доказательством военных его способностей, но, сверх того, есть редкое явление, выходящее из ряда обыкновенных военных действий и заслуживающее под-

робного и внимательного наблюдения. Воздадим полную хвалу славному воину, могущему служить примером не только для своих неопытных соотечественников, но и вообще для всех военных людей» (л. 78—79).

Как эта характеристика непохожа на то, что написал о капитане Йордаки Олимпиоти несколько лет спустя небезызвестный И. П. Липранди, захотевший, наконец, опровергнуть миф об этом «новом Леониде» и представить его просто жестоким разбойником, лишенным всяких патриотических чувств¹¹⁸.

Но, если даже Йордаки не был таковым, как изобразил его Липранди, не слишком ли далеко зашел анонимный сочинитель истории греческого восстания, прославляя личные достоинства и военные таланты мятежного капитана, призывая всех военных людей учиться у него способам партизанской войны?

Однако надо помнить, что осуждение правительством Александра I восстания этеристов как мятежа поданных против своего законного суверена не привело к тому, что борьба греков за национальное освобождение перестала рассматриваться русским просвещенным обществом как правое дело. Представленная в «Обзрении...» концепция восстания этеристов и характеристика его действующих лиц — не исключительное, а, скорее, наиболее распространенное явление в России начала 1820-х годов. Возникновению этой концепции, конечно, способствовали находившиеся в России, особенно в Бессарабии, греки, как причастные к делам Этерии, так и не связанные с ней, но патриотически настроенные. Им надо было или оправдаться или дать объяснение быстрого поражения этеристского войска, найти нового героя вместо неоправдавшего надежд Ипсиланти.

Но капитан Йордаки Олимпиоти стал излюбленным героем не только разочарованных и подавленных минувшими событиями греческих патриотов. Сходным образом он представлен в западноевропейской и русской публицистике. Даже официальная русская пресса, основывавшаяся преимущественно на сообщениях иностранной печати, как бы канонизировала образ вождя-партизана, конечно, в рамках, приемлемых для дворянской читательской среды¹¹⁹. Известно, что не «дремлющий» Ипсиланти, а отважный капитан Йордаки должен был стать героем так и не написанной поэмы об этеристах А. С. Пушкина, в набросках, планах и дневниковых за-

писях которого, относящихся к концу 1821—1822 г., вожди восстания предстают в аналогичном облике.

При этом не обнаруживается какого-либо сходства с радикальным мировоззрением Пестеля. Характерные черты философской и нравственной позиции автора определены уже на первых страницах повествования. Хотя революционные методы борьбы за национальное освобождение в принципе не отвергаются, доказывается необходимость развития просвещения и нравственности, длительной подготовки к началу вооруженной борьбы. Именно в таком аспекте рассматривается деятельность Риги, организовавшего «первую» Этерию, которая имела задачей освобождение Эллады от иноземного владычества. Этот греческий революционер представлен человеком с «обширными познаниями», «ревностным и способнейшим». Подчеркивается просветительская деятельность Риги, а не его революционность, ибо он «поставил правилом сперва разлить между греками просвещение, а потом уже вручить им оружие» (л. 3). Но такой девиз не восприняли руководители «Филики Этерии»: «И хотя имя сего мужа, драгоценное для каждого грека, везде гласимо было новыми основателями общества, но добродетели его не перешли им в наследство. Хищничество, обманы и убийства были орудия, коими они вознамерились действовать и от коих в самом начале надлежало ожидать гибельных следствий» (л. 7). Конкретно же этеристы обвиняются в бесконтрольном расходовании собранных народных средств, в ложном объявлении, будто царь одобряет их замыслы и поддержит восстание, в бессмысленном истреблении турецкого населения в Галаце и т. д. Автор ратует за высокую нравственность революционеров. Очень сильно проступают в повествовании, особенно в последней главе «Обозрения...», принципы просветительской философии.

Обнаруживается, что автор — деист, видящий в событиях «явную борьбу сил природы с силами нравственными, самовластно управляющими человеческим родом» (л. 87), что он признает закономерности исторического развития, поступательный его ход, который нельзя нарушить или ускорить волей «одного или нескольких лиц, как бы, впрочем, велики способности их ни были» (л. 88), что только «долговременное направление умов по одному начертанию» способно ускорить ход исторического развития (л. 88).

Очень ярко выражены и нравственно-этические принципы просветительной философии: патриотизм, самопожертвование ради общего блага, ради интересов всего народа, личная честность, храбрость, бескорыстие. Но, самое главное, в «Заключении...» делается попытка использовать балканские события 1821 г. как материал для самых широких историко-философских выводов.

Обозрев «происшествия 1821 г.», которые «займут место в летописях мира», сочинитель надсется извлечь «драгоценное поучение для народов, верные руководства для людей». «В сем смысле,— говорится далее,— и политика и нравоучение с равною важностью будут разбирать оные для общего блага и поверять те правила, кои выводятся ими из наблюдения сего устарелого летами человечества, но столь еще юного в зрелой опытности. Сии замечательные происшествия способны в развитии своем наполнить обширные произведения ума человеческого» (л. 86).

Все это написал неизвестный нам русский деятель за несколько лет до начала декабрьского вооруженного восстания. Он внимательно изучил опыт революционного выступления греков в соседних Дунайских княжествах и нашел много поучительного для народов, борющихся за свою свободу, для всего человечества, а следовательно и для русских.

Автор обращает внимание на поведение и судьбу населения Дунайских княжеств, которое не поддержало выступления этеристов, не присоединилось к борьбе против общего врага, а затем жестоко поплатилось за свою «покорность и миролюбие». Следует отметить, что ранее автор «Обозрения...» достаточно ясно говорил о причинах такого поведения молдаван и валахов. Но в «Заключении...» эти обстоятельства становятся несущественными, ибо надо доказать незыблемость «понятия о частных жертвованиях для пользы целого», для «общего блага» (в данном случае имеется в виду освобождение от турецкой власти). На всем этом и основывается вывод, что «дух бодрости, отваживающий на гибель, равно необходим как для блага одного лица, так и для целого племени» (л. 86). Симпатии автора — на стороне народов воинственных и деятельных, на стороне людей, которые готовы пожертвовать жизнью «в священном случае обороны отечества». Именно так поступили греки Морен, «где самое сильнейшее чувство собственной

обороны внушило решимость лучше восстать с надеждою освободиться, нежели оставаться беззащитным с уверенностью неизбежной и незаслуженной смерти» (л. 89).

Молдаване и валахи, «сложив с себя тяжкое бремя оружия, ужасавшее их смертью», подверглись «всем неизъяснимым бедствиям войны и мятежей» (л. 87). Из этого делается заключение самое решительное: «Таково положение всякого народа, не имеющего достаточной бодрости для своего вооружения и возлагающего бытие свое на посредничество других держав» (л. 88). Это звучит уже как наставление не только балканским народам, борющимся против власти Турции, но и «всякому народу», защищающему свою свободу, свое существование.

Другое «поучение» человечеству выводится из анализа восстания этеристов. При этом общие задачи движения, сам факт вооруженного выступления, представляются автору «Обозрения...» естественными и закономерными. Но критике подвергаются методы борьбы, военно-политические акции и моральные принципы вождей Этерии.

Лейтмотивом выступает тезис о «незрелости предприятия этеристов» в общественно-политическом и военном отношении. Его попытались осуществить очень ограниченное число людей, не имевших ясной политической программы: «Подвизаясь за свободу отечества они сами не имели малейшего понятия о тех первых основаниях, на коих она утверждается». У этеристов не было и «понятия о войне, ниже решимости для ведения оной». Они выступили, возбужденные «примером некоторых европейских народов», а в благо Греции искали «не только личной славы, но даже постыдного своекорыстия». Они завлекли в свое предприятие «нескольких достойных мужей, слишком легко поддавшихся сладкой надежде умереть за освобождение отечества», а все свои надежды возлагали на наемников, «по самому существу своему малонадежных», на «коварного» Владимиреску, на великие державы, а не на собственные силы.

Этеристы оказались бессильными, беспомощными, ибо за ними не стоял народ, они не опирались на народные силы. Это важнейшее «поучение» ясно сформулировано в следующих заключительных строках рукописи, звучащих как главное напутствие человечеству, «столь

еще юному в зрелой опытности»: «Хотя бесспорно, что князь Ипсилантий, управлявший всем ходом возмущения, не оказал соответственных тому способностей и тем обрек своих соотчичей на преждевременную гибель, но сие явление, не есть ли равномерно сильнейшее доказательство незрелости предприятия? Когда целый народ чувствует силу свою и решительно желает лучшего бытия — характеры являются на поприще и достойный сменяет достойнейшего, тогда нет неудачи, ибо способы рождаются на каждом шаге, правота дела, сила общего желания, пылкие порывы — все низвергают. Но в составе одного общества, каково Этерия, ограниченное число людей и средств скоро истощается, а после нескольких неудач каждый из сочленов следует уже частному своему внушению: один помышляет о личном своем спасении; другой предается влечению случая; решительный ищет конца блистательного. О сих последних сострадает друг человечества: он видит в них безвременную жертву, достойную лучшей участи. Иордакий и ему подобные мужи, украсившие свою смертью характер народа греческого, облагородствовали несколько дело Этерии: без них же бытописание обрекло бы на вечное презрение имя этеристов, подобно как ныне заслужили сего те из них, кои, ввергнув соотчичей в гибельное положение, сами вышли из оного целыми и даже обогащенными» (л. 90—91).

В начале заключительной главы неизвестный «друг человечества» сделал заявку на самое расширительное толкование опыта балканских событий. Суммируем же его точку зрения в этом отношении: 1) Каждый народ должен защищать свои права, свою свободу, бороться с оружием в руках против тирании: таков путь к самосохранению каждого народа. 2) Но эта борьба может быть необходимой и успешной только тогда, когда достигнут определенный уровень развития и просвещения, когда сам народ осознал неизбежность вооруженного выступления и готов идти ради этого на личные жертвы. 3) Успех «мятежей» обеспечивают предводители народных движений. Они должны исходить из степени развития и просвещения своего народа, из его потребностей; иметь ясную программу и цели; быть талантливыми и опытными политическими и военными руководителями; наконец, обладать высокими моральными качествами.

Если таким образом истолковать мысли автора «Обо-

зрения...», то можно считать, что он выступает поборником революционных акций народов, т. е. выходит за рамки взглядов идеологов Просвещения и сближается с дворянскими революционерами. Вместе с тем очевидна и его тенденция оспорить принципы организации, методы борьбы и планы декабристов, и конкретно Южного общества, созданного в 1821 г. Ведь в рукописи доказывается, что такое общество, как «Филики Этерия», с ограниченным числом членов, замкнутое, действующее тайно, не может рассчитывать на успех; что народ должен участвовать в движении как сознательная сила. Без этого всякие планы «военной революции» обречены на провал.

Более того, напрашивается мысль, что неизвестный сочинитель — человек высокообразованный, приверженец идей Просвещения, способный литератор, а кроме того, историк и военный теоретик — ведет с кем-то скрытый спор. Он использует для этого события, только что совершившиеся за турецкой границей, возникшие в момент, когда в самой России дворянские революционеры решали важнейшие идеологические вопросы, обдумывали методы ниспровержения самодержавного режима.

Нет, конечно, не вождь Южного общества написал историю восстания этеристов, но представляется, что Л. Большаков не ошибся, причислив это интересное произведение к кругу декабристской литературы.

Кто же мог быть автором этой интересной рукописи? Чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего необходимо определить ее назначение, место составления и точное время написания.

Хотя по своей идейной направленности, по литературным достоинствам «Обозрение...», казалось бы, мало походит на официальный служебный документ, составленный для сведения начальства, в учебных целях, однако есть основания считать его таковым — ведь рукопись хранится в фонде Военно-ученого архива ЦГВИА, а приложениями к ней служат дипломатические и другие документы. Поэтому поиски автора надо вести в штабе 2-й армии, стоявшей на границе с Турцией, в непосредственной близости к месту описываемых событий. Как говорилось выше, после начала в феврале 1821 г. восстаний в Дунайских княжествах именно в штаб армии стекалась вся информация о событиях в турецких владениях, там она обрабатывалась и затем

уже направлялась в министерство иностранных дел и в Главный штаб, лично царю.

Поэтому было естественным, что после подавления восстаний этеристов и Тудора Владимиреску начальник штаба генерал П. Д. Киселев решил использовать накопившиеся материалы об этих событиях и составить их «историческое описание». Он хотел, чтобы это было не поверхностное изложение недавних происшествий в княжествах, а историческое сочинение с обзором развития греческого национально-освободительного движения и причин, повлиявших на этот процесс, возникновения Этерии и подготовки к восстанию. Предполагалось дать анализ стратегии и тактики руководителей восстания, причин его поражения и т. д.¹²⁰

Как можно установить по переписке и документам штаба 2-й армии, работа над историей восстания этеристов велась в начале 1822 г. и, скорее всего, закончилась не позднее середины этого года. «Описание греческого возмущения»—«книга в красном переплете»—приложена к отчету об управлении 2-й армией за 1819—1823 гг.

Если «Обозрение...» вышло из стен штаба 2-й армии и примыкает к научно-теоретическим и военно-историческим работам, там предпринимавшимся, то его автором был один из штабных офицеров, в круг обязанностей которого входило составление такого рода трудов. Есть основание заключить, что историю восстания этеристов написал полностью или в значительной части штабс-капитан И. Г. Бурцов. Такая версия может объяснить и некоторые особенности идейной направленности «Обозрения...»¹²¹.

В пользу гипотезы о том, что составленная в 1822 г. в штабе 2-й армии история восстания этеристов в Дунайских княжествах принадлежит перу И. Г. Бурцова, можно выдвинуть следующие косвенные, но достаточно убедительные доказательства: 1) Тот факт, что в 1822 г. в штабе 2-й армии в сферу обязанностей именно Бурцова входили военно-исторические и военно-теоретические работы. 2) Наличие в рукописи редакционной правки Бурцова. 3) Сходство идейного содержания «Обозрения...» с философскими и социальными воззрениями Бурцова как представителя наиболее умеренного направления в декабристском движении. 4) Наличие опубликованных произведений Бурцова в области военной

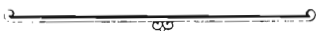
теории и военной истории, которые имеют идейную направленность и стилистические особенности, присущие и «Обозрению...»¹²².

И. Г. Бурцов — активный деятель ранних декабристских организаций, один из основателей Священной артели, созданной в 1816 г., руководящий член Союза благоденствия, привлечший в эту организацию немало новых участников. Весной 1819 г. Бурцов стал адъютантом начальника штаба 2-й армии и с этого времени совместно с Пестелем организовывал работу Тульчинской управы Союза благоденствия. Однако вскоре обнаружились принципиальные расхождения во взглядах этих двух деятелей, в их отношении к задачам тайной организации.

Бурцов представлял Тульчинскую думу на Московском съезде в январе 1821 г. На нем, как известно, было принято решение о роспуске тайного общества. Таким путем предполагалось освободиться от колеблющихся ненадежных членов, а также и от наиболее радикальных элементов. Бурцов, по рассказу И. Д. Якушкина, поставил в известность присутствовавших на съезде о своем решении не привлекать Пестеля и его сторонников в новую тайную организацию, которую предполагалось создать вместо Тульчинской управы Союза благоденствия. Но осуществить этот замысел он не смог — сторонники Пестеля одержали верх. Вернувшись в Тульчин, Бурцов лишь сообщил о роспуске Союза благоденствия, отказавшись войти в Южное общество, возглавленное его идейным противником¹²³.

Так Бурцов, претендовавший на руководство новой тайной организацией, от участия в которой он рассчитывал отстранить Пестеля и его сторонников, потерпел поражение и сам оказался в изоляции. Этот самлюбивый, твердый в своих убеждениях человек предпочел отойти от движения, но не подчинился вождю Южного общества, взглядов и методов борьбы которого он не разделял. С этого времени отношения Бурцова и Пестеля, прежде внешне дружественные, стали открыто враждебными. Какое-либо сотрудничество между ними в штабной работе стало невозможным. Лишь в конце 1824 г., когда Бурцов после настоятельной просьбы был назначен командиром Уфимского полка, Пестель попытался восстановить с ним отношения, но сближения так и не произошло¹²⁴.

Бурцов был арестован по делу декабристов, но сумел доказать свое неучастие в Южном обществе и его революционной деятельности. Его на шесть месяцев заточили в Бобруйскую крепость, а затем сослали на Кавказ. Там он служил под начальством И. Ф. Паскевича, участвовал в русско-турецкой войне 1828—1829 гг., проявив незаурядный полководческий дар и личную храбрость. Бурцов был смертельно ранен в одном из боев и скончался в июле 1829 г.¹²⁹

- ¹ См., напр.: *Довнар-Запольский М. В.* Идеалы декабристов. М., 1907, с. 101—104; *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. 250—256.
- ² *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. I—II.
- ³ *Шебунин А. Н.* Декабристы и вопросы внешней политики.— Русское прошлое (Ист. сборник) Пг.; М.: Петроград, 1923, № 4.
- ⁴ *Сыроечковский Б. Е.* Балканская проблема в политических планах декабристов.— В кн.: Очерки из истории движения декабристов. М.: Госполитиздат, 1954.
- ⁵ *Ланда С. С.* О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России.— В кн.: Пушкин и его время: Исследования и материалы. Л.: Эрмитаж, 1962. Вып. I; *Он же.* Дух революционных преобразований: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816—1825. М.: Мысль, 1975. В книгу вошла с некоторыми сокращениями и изменениями названная выше статья С. С. Ланды.
- ⁶ *Орлик О. В.* Декабристы и европейское освободительное движение. М.: Мысль, 1975.
- ⁷ *Фадеев А. В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958; *Он же.* Греческое национально-освободительное движение и русское общество первых десятилетий XIX в.— Нов. и повсйш. ист., 1964, № 3.
- ⁸ *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия (1821—1829). М.: Мысль, 1965; *Арш Г. Л.* Этеристское движение в России: Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М.: Наука, 1970; *Он же.* И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 гг. М.: Наука, 1976.
- ⁹ *Иовва И. Ф.* Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1963; *Он же.* Бессарабия и греческое национально-освободительное движение. Кишинев: Штинца, 1974; *Оганян Л. Н.* Общественное движение в Бессарабии в первой четверти XIX в. Кишинев: Штинца, 1974. Ч. I—II.
- ¹⁰ *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований..., с. 66—67.
- ¹¹ ВД, 1925, т. I, с. 321—322; *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. I, с. 297; *Орлик О. В.* Декабристы..., с. 109.
- ¹² *Ланда С. С.* Неизвестный политический трактат декабриста

- Н. И. Тургенева.— В кн.: Проблемы истории общественного движения и историография. М.: Наука, 1971, с. 88.
- ¹³ Из писем и показаний декабристов/Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, с. 15.
- ¹⁴ Такое утверждение было выдвинуто А. В. Фадеевым (*Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис...*, с. 68) и затем поддержано некоторыми другими авторами.
- ¹⁵ Записка «Соображения по поводу ноты относительно Сербии»; проект циркулярной ноты А. К. Разумовского участникам Венского конгресса.— ВПР, 1972, сер. 1, т. VIII, с. 193—195, 197—199.
- ^{16—17} Записка «Взгляд на Восток». — АВПР, ф. Канцелярия, д. 10233, л. 12—27; А. С. Стурдза — Н. Каподистрии 3(15) сентября 1821 г.— ЦГАДА, ф. 15, д. 326, л. 293—294; *Арш Г. Л.* Каподистрия..., с. 222—223.
- ¹⁸ ВД. М., 1954, т. XI, с. 39; *Шебунин А. Н.* Декабристы..., с. 27—28.
- ¹⁹ *Шебунин А. Н.* Декабристы..., с. 29—30.
- ²⁰ Записка декабриста 1823 г.— Голос минувшего, 1916, № 10, с. 145, 148, 149. В написанном Фонвизиным позднее «Обзрении проявлений общественной жизни в России» разоблачалась реакционная направленность внешней политики Александра I, в том числе его враждебность греческой революции. См.: Обзрение проявлений политической жизни в России и другие статьи М. А. Фонвизина: Б-ка декабристов, вып. 4. М., 1907, с. 85. Дневниковые записи 23 февраля, 14 и 16 сентября 1822 г.— В кн.: Архив бр. Тургеневых, вып. 5; Дневники и письма Н. И. Тургенева. Пг., 1921, т. 3, с. 317, 325, 326.
- ²¹ *Barrat R.* «Notices sur l'insurrection des Grecs contre l'Empire Ottoman», a russian view of the greek war of independence.— *Balkan studies*, 1973, N 4, s. 73—74.
- ²² Записки И. В. Басаргина. Пг.: Огни, 1917, с. 11.
- ²³ *Лукин М. С.* Сочинения и письма. Пг., 1923, с. 75; *Он же.* Взгляд на русское тайное общество с 1816 до 1826 гг.— Там же, с. 63.
- ²⁴ Записка барона В. И. Штейнгеля, представленная Николаю I 11 января 1826 г.— В кн.: Из писем и показаний декабристов, с. 67.
- ²⁵ *Сыроечковский Б. Е.* Балканская проблема..., с. 263; *Фадеев А. В.* Россия и Восточный кризис..., с. 78.
- ²⁶ Запись от 23 февраля 1822 г.— В кн.: Дневники и письма Н. И. Тургенева, т. 3, с. 317.
- ²⁷ Запись от 26 августа 1821 г.— Там же, с. 279.
- ²⁸ Запись от 24 января 1822 г.— Там же, с. 314.
- ²⁹ М. Ф. Орлов — Д. П. Бутурлину 20 декабря 1820 г.— В кн.: *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа: Политические сочинения. Письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 63—64.
- ³⁰ *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа..., с. 63.
- ³¹ Mémoire, tracé pour être présenté à sa majeste l'empereur Alexandre à son retour de Taganrog, 27 октября 1825 г.— ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18214.
- ³² *Сыроечковский Б. Е.* Балканская проблема..., с. 232—242.
- ³³ См. об этом подробнее: *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М.: Наука, 1972; с. 129—163.
- ³⁴ См.: «Русская Правда» П. И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие.— ВД, 1958, т. VII, с. 123, 124.
- ³⁵ Об этом свидетельствует, например, показание А. И. Поджою (см.:

ВД, 1954, т. XI, 77), подтвержденное П. И. Пестелем: «Что касается до внешней войны, долженствовавшей и умы занять и чрез восстановление Греции в независимом состоянии доказать отклонение России от завоевательной системы, имеющей замениться покровительственною, то сие предположение справедливо»,—заявил он (ВД, 1927, т. IV, с. 160).

³⁶ Показание М. Старосельского.— Там же, с. 60.

³⁷ ВД, 1950, т. IX, с. 59, 117; *Сыроечковский Б. Е.* Балканская проблема..., с. 263.

³⁸ ВД, т. IV, с. 92.

³⁹ В архиве штаба 2-й армии сохранилось большое количество подобных материалов. Особенно многочисленны сведения, поступающие от бессарабского генерал-губернатора И. Н. Инзова и командиров, стоявших на границе армейских частей. Имеются сообщения российских дипломатов и чиновников в Бухаресте и Яссах, а также шкиперов судов, прибывавших в Одессу и другие порты, «партикулярные» известия и т. д. См.: ЦГВИА, ф. 14057, оп. 11/182а, св. 6, д. 18, ч. 1—2; св. 6, д. 21; св. 9, д. 86.

⁴⁰ ЦГВИА, ф. 14057, оп. 11/182а, д. 18, ч. 1а. См. те же документы: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 722; АВПР, ф. Канцелярия, д. 11937, 2335; ЦГАДА, ф. Госархив, ф. 3, д. 81; ЦГАОР, ф. 48, д. 473. Впоследствии копии с ряда из этих документов сделал историк Н. К. Шильдер.

⁴¹ Записка 1—ЦГВИА, ф. 14057, оп. 11/182а, д. 18, ч. 1а, док. № 9, л. 31—41 (нумерация этих и последующих записок проставлена рукой Пестеля). Один из списков, заверенных Пестелем, см.: АВПР, ф. Канцелярия, д. 11937, л. 53—67. Записка опубликована в кн.: *Documente privind istoria României. Răscoala din 1821. București, 1959, v. 1, f. 343—352.* Выдержку из этой записки см.: *В. И. Семевский.* Политические ...идеи..., с. 252—253.

⁴² Рапорт П. Д. Киселева П. М. Волконскому 9 марта 1821 г. с приложением записки Пестеля.—АВПР, ф. Канцелярия, д. 2335, л. 54—62. Доклад Александру I по этой записке Пестеля (в переводе с французского) см.: *Н. П. Павлов-Сильванский.* Декабрист Пестель перед Верховным Уголовным судом. Ростов-на-Дону, 1907, с. 171—173.

⁴³ То, что Пестель «переодетым» побывал в Молдавии и Буковине, утверждали позднее Ф. Н. Глинка и Н. И. Греч. См.: *Декабристы-литераторы.*—ЛН, 1954, т. 59, с. 761; *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л.: Academia, 1930, с. 440).

⁴⁴ Записка 2.—ЦГВИА, ф. 14057, оп. 11/182а, д. 18, ч. 1а, док. № 26, л. 127—132; Записка 3.— Там же, док. № 40, л. 155—163; Записка 4.—Там же, док. № 75, л. 249—252. Записки не датированы, но по местоположению в деле, датам получения использованных в них материалов можно заключить, что 2-я записка была составлена около 20 марта, 3-я—24 марта, 4-я—в середине апреля.

⁴⁵ Записка 5.— Там же, док. № 76, л. 253—264, см. тот же док.:—АВПР, ф. Канцелярия, д. 11937, л. 37—46. Опубликована в кн.: *Documente privind..., v. II, București, 1959, f. 126—132.* Небольшая выдержка из этой записки была опубликована в кн.: *Павлов-Сильванский Н. П.* Декабрист Пестель..., с. 173—174.

⁴⁶ Бегство М. Суцу в Бессарабию усиливало подозрения Порты и европейских кабинетов о причастности правительства Александра I к предпринятию этеристов. В штабе 2-й армии было получено распоряжение послать в Кишинев «наиболее искусного офицера»,

- который убедил бы Суцу покинуть Россию (К. В. Нессельроде — П. Х. Витгенштейну 1(13) мая 1821 г.—АВПР, ф. Канцелярия, 1821 г., д. 11938, л. 20).
- ⁴⁷ Рапорт П. И. Пестеля П. Д. Киселеву 25 мая 1821 г.—ЦГВИА, ф. 14057, оп. 11/182а, д. 18, ч. 1а, л. 315—318; см. тот же док.: АВПР, ф. Канцелярия, д. 11937, л. 71—72; ЦГАОР, ф. 48, д. 473, л. 483—484.
- ⁴⁸ И. Н. Инзов—П. Х. Витгенштейну 5 марта 1821 г.—ЦГВИА, ф. 14057, оп. 11/182а, д. 18, ч. 1а, л. 65—68.
- ⁴⁹ Б. Е. Сыроечковский выдвинул предположение, что Пестель побывал за границей (см.: *Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема...*, с. 198), основываясь на словах Киселева в письме к Закревскому 14 марта 1821 г.: «...посылаю записку, составленную одним из чиновников, отправленных мною за границу...» (Сб. РИО, 1891, т. 78, с. 63). Но, как удалось установить, в подлиннике письма говорилось о посылке чиновника «на границу» (ИРЛИ, ф. 143, д. 29.6.95, л. 111), что и было правильно воспроизведено Заблоцким-Десятовским (см.: *Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев...*, т. I, с. 140).
- ⁵⁰ *Иовва И. Ф. Бессарабия...*, с. 196, 200.
- ⁵¹ См.: Записка 1.—In: *Documente privind...*, v. 1, f. 349.
- ⁵² ИРЛИ, ф. 143, д. 29. 6.100, л. 25; *Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев...*, 1882, т. IV, с. 10—15.
- ⁵³ ЦГАОР, ф. 48; д. 473, л. 465—476.
- ⁵⁴ *Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема...*, с. 198. (Курсив мой.—И. Д.). Более обширная выдержка из письма с аналогичным переводом приведена в кн.: *Иовва И. Ф. Бессарабия...*, с. 201.
- ⁵⁵ *Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев...*, т. IV, с. 14. (Курсив мой.—И. Д.).
- ⁵⁶ См.: *Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема...*, с. 201—206. Ср. с оригиналом письма: ЦГАОР, ф. 48, д. 473, л. 465—476. Характерно, что непосредственно после выдержек, процитированных Сыроечковским, в письме следует: «Вот резюме того, что говорят среди греков, молдаван и других иностранцев. Что касается наших добрых русских, то у них есть много других дел, помимо занятия этими отношениями». Правда, Б. Е. Сыроечковским сделана оговорка, что внутреннее положение в Турции Пестель описывал преимущественно со слов Суцу. Но все остальные выдержки из письма изложены как собственные мысли Пестеля. В качестве таковых цитаты эти не раз воспроизводились и пересказывались в литературе о Пестеле.
- ⁵⁷ См. текст записки: *Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема...*, с. 189—190; ВД, т. VII, с. 327; *Достян И. С. Балканский вопрос во внешнеполитических планах П. И. Пестеля.—Исторические записки*, 1975, т. 96, с. 161—162. Здесь нами внесены некоторые коррективы в географические наименования на основе сверки с подлинником.
- ⁵⁸ *Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема...*, с. 191.
- ⁵⁹ *Osmanische Reich in Europa: Nach den neusten geographischen Ortsbestimmungen, besten Karten und Reisebeschreibungen fast von Ivan Danielow. Wien, 1813.* На этой карте можно найти все географические наименования, содержащиеся в записке Пестеля. Только на ней указан (в отличие от других карт того времени) населенный пункт Янах в Волосском заливе и дано тройное наименование Вардар-Хмалс-Аксиус. Почти не встречается на других кар-

тах этого времени старое славянское название р. Семени-Криваста и т. д.

⁶⁰ Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема..., с. 219—228, 271.

⁶¹ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. I, с. 345, 346, 464.

⁶² ВД, т. VII, с. 102.

⁶³ Ряд авторов придерживается точки зрения Б. Е. Сыроечковского (*Медведская Л. А. П. И. Пестель. М.: Просвещение, 1967, с. 69; Лебедев Н. М. Пестель — идеолог и руководитель декабристов. М.: Мысль, 1971, с. 115—120; Оганян Л. Н. Общественное движение...*, ч. I, с. 43), а другие — Нечкиной (*Карташев Б., Муравьев Вл. Пестель. М.: Мол. гвардия, 1958, с. 180—181; Орлик О. В. Декабристы...*, с. 128—130). С. С. Ланда считает записку «Царство Греческое» личным творчеством Пестеля, отражающим его конституционно-монархические и федералистские взгляды в этот период (*Ланда С. С. О некоторых особенностях...*, с. 131—132).

⁶⁴ Записка 5. П. И. Пестеля П. Д. Киселеву от 14 апреля 1821 г.— In: *Documente privind...*, v. II, f. 131—132. (Курсив мой.—И. Д.).

⁶⁵ Под термином «Греция» подразумевалась вся европейская часть Турции.

⁶⁶ *Bolsaris N. Visions balkaniques dans la préparation de la Revolution grecque (1789—1821). Genève; Paris, 1962, p. 137, 138, 179, 180.*

⁶⁷ См. об этом выше, с. 166.

⁶⁸ См. об этом: *Пузачев В. В. О специфике декабристской революционности: (Некоторые спорные вопросы).*— В кн.: *Освободительное движение в России: Межвузовский сб. Изд-во Саратов. ун-та, 1971: вып. 2, с. 11—32.*

⁶⁹ Нечкина М. В. Движение..., т. I, с. 345.

⁷⁰ Ланда С. С. О некоторых особенностях..., с. 132.

⁷¹ Записка 1.— In: *Documente privind...*, v. I, f. 351.

⁷² Записка 5.— In: *Documente privind...*, v. II, f. 129—136.

⁷³ В мае 1820 г. Али-паша созвал в Янине представителей мусульман и христиан. В речи на этом собрании он обещал в случае своей победы над султаном создать конституционное государство, в которое вошли бы Южная Албания, Эпир и Фессалия, в то время как Морея и Центральная Греция составили бы автономное государство под покровительством Али-паши (*Арш Г. Л. Албания и Эпир в конце XVIII—начале XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 317*). Некоторые проживавшие в Стамбуле греки также полагали в это время, что Али-паша в случае успеха создаст свое новое государство «в сердце мусульманской державы» (*Г. А. Строганов — К. В. Нессельроде 2(14) апреля 1820 г.— АВПР, ф. Канцелярия, д. 2330, л. 329—334*).

⁷⁴ Противоположного мнения на этот счет придерживался Б. Е. Сыроечковский. Отмечая, что «Царство Греческое» построено не столько на национальной, сколько на территориально-географической основе с учетом политических интересов разных народов, он полагал, что П. И. Пестель не видел на Балканах народа, для преобладания которого по правилу «благоудобства» были бы такие же основания, как для первенства русских среди остальных народов России. Филэллинские тенденции во взглядах П. И. Пестеля на решение балканской проблемы Б. Е. Сыроечковский, таким образом, полностью отвергал. См.: *Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема...*, с. 224—225, 229.

⁷⁵ Как известно, взгляды П. И. Пестеля на общественно-политическое будущее русского государства были не лишены великодержав-

- ных тенденций. Национальные интересы малых народов России приносились им в жертву общегосударственным интересам, «праву благоустройства для народа господствующего». См. об этом: ВД, т. VII, с. 121—125; *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. II, с. 83; *Сыроечковский Б. Е.* Балканская проблема..., с. 254.
- ⁷⁶ О неосновательности версии, будто Пестель является автором рукописи «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии в течение 1821 г. и сопряженных с ним обстоятельств», в которой рассматриваются причины поражения восстания этеристов и ошибки их вождя, см. ниже (с. 269—282).
- ⁷⁷ *Пугачев В. В.* М. Ф. Орлов и Московский съезд Союза благоденствия.— Учен. зап. Саратов. ун-та, 1958, т. LXVI, с. 96.
- ⁷⁸ См. об этом подробнее: *Чернов С. Н.* К истории политических столкновений на Московском съезде 1821 г.— В кн.: *Чернов С. Н.* У истоков русского освободительного движения. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1960; *Базанов В. Г.* Декабристы в Кишиневе: (М. Ф. Орлов и В. Ф. Раевский). Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1951; *Пугачев В. В.* М. Ф. Орлов...; *Павлова Л. Я.* Декабрист М. Ф. Орлов. М.: Наука, 1964, с. 71—87; *Боровой С. Я.* М. Ф. Орлов и его литературное наследие.— В кн.: *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа..., с. 290—298; *Оганян Л. Н.* Общественное движение..
- ⁷⁹ М. Ф. Орлов — А. Н. Раевскому 27—29 июня 1820 г.— В кн.: *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа..., с. 225.
- ⁸⁰ М. Ф. Орлов — А. Н. Раевскому 13 октября 1820 г.— Там же, с. 228, 229.
- ⁸¹ Слух о том, что «сербы взбунтовались», был ложным. Но в 1820 г. в Сербии действительно обострилась борьба между старейшинами протурецкой ориентации и сторонниками более твердой линии в сербо-турецких переговорах, которую отстаивал Милош Обренович. Сербы отказались принять ферман султан, посланный через мубашира, и, опираясь на дипломатическую поддержку России, требовали выполнения ст. VIII Бухарестского мира. См.: *Гаврилович М.* Милош Обренович. Београд, 1908, т. I, с. 494—522.
- ⁸² М. Ф. Орлов — А. Н. Раевскому 27—29 июня 1820 г.— В кн.: *Орлов М. Ф.* Капитуляция Парижа..., с. 225.
- ⁸³ Документы следственного дела М. Ф. Орлова.— Красный архив, 1925, т. 6(13), с. 162.
- ⁸⁴ *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. I, с. 365.
- ⁸⁵ *Чернов С. Н.* К истории...; *Базанов В. Г.* Декабристы...; *Пугачев В. В.* М. Ф. Орлов...
- ⁸⁶ *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. I, с. 327.
- ⁸⁷ *Пугачев В. В.* М. Ф. Орлов..., с. 102.
- ⁸⁸ Такая версия была выдвинута Ландой в статье «О некоторых особенностях...» и повторена в его книге (цит. по кн.) «Дух революционных преобразований...», с. 160—178.
- ⁸⁹ *Иовва И. Ф.* Бессарабия..., с. 228—229; *Оганян Л. Н.* Общественное движение..., ч. I, с. 173; ч. II, с. 15.
- ⁹⁰ *Арш Г. Л.* Историография «Филики Этерии».— Нов. и новейш. ист., 1964, № 3, с. 62.
- ⁹¹ *Арш Г. Л.* Этеристское движение..., с. 282—283.
- ⁹² *Вельтман А. Ф.* Воспоминания о Бессарабии.— В кн.: *Майков Л.* Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, с. 116—119; *Вигель Ф. Ф.* Записки. М.: Артель писателей «Круг», 1928, т. 2, с. 211—212; *Липранди И. П.* Замет-

- кн.—In: Documente privind..., București, 1962, v. V, f. 461—462. Воспоминания В. Ф. Раевского.—ЛН, 1956, т. 60, кн. 1, с. 64—65.
- ⁹³ М. Ф. Орлов—Е. Н. Раевской 21 марта 1821 г.—В кн.: *Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа...*, с. 232.
- ⁹⁴ *Ланда С. С. Дух революционных преобразований...*, с. 169—171; *Арш Г. Л. Этеристское движение...*, с. 279—280.
- ⁹⁵ Цит. по: *Ланда С. С. Дух революционных преобразований...*, с. 171.
- ⁹⁶ Цит. по: *Арш Г. Л. Этеристское движение...*, с. 279—280. Перевод Ланды несколько отличен, но не меняет смысла приведенного отрывка. См.: *Ланда С. С. Дух революционных преобразований...*, с. 169—170.
- ⁹⁷ В «Историческом очерке „Филики Этерии“», опубликованном в 1834 г., не упомянуто о соглашении Ипсиланти с Орловым. Скорее всего, греческий историк узнал об этом позже.
- ⁹⁸ *Арш Г. Л. Историография «Филики Этерии»...*, с. 54.
- ⁹⁹ См. об этом подробнее: *Арш Г. Л. Этеристское движение...*, с. 279, 289, 296, 304—319.
- ¹⁰⁰ *Достян И. С. Россия и балканский вопрос...*, с. 164—177.
- ¹⁰¹ Так, И. В. Сабанеев, командир 6-го корпуса, в который входила 16-я дивизия, полагал, что только в случае быстроты и тайны предприятия можно ожидать успеха в наступательных операциях в Дунайских княжествах. См.: И. В. Сабанеев—А. А. Закревскому 5 ноября 1821 г.—Сб. РИО, 1890, т. 73, с. 584.
- ¹⁰² К. В. Нессельроде—П. Х. Витгенштейну 14(26) марта 1821 г.—ЦГВИА, ф. 14057, оп. 182а, св. 6, д. 49, л. 9.
- ¹⁰³ П. М. Волконский—П. Х. Витгенштейну 25 марта (6 апреля) 1821 г.—Там же, д. 18, ч. 1а, л. 189—190.
- ¹⁰⁴ См. об этом подробнее: *Достян И. С. Россия и балканский вопрос...*, с. 201—210.
- ¹⁰⁵ *Ланда С. С. Дух революционных преобразований...*, с. 190—191.
- ¹⁰⁶ См., напр.: ЦГВИА, ф. 14057, оп. 182а, д. 18, ч. 2. По одному из писем Орлова можно заключить, что он имел в своем распоряжении копию записки Пестеля, составленной после его первой командировки в Кишинев и на турецкую границу и переслал ее друзьям в Киев и Москву. См.: М. Ф. Орлов—Е. Н. Раевской 9 марта 1821 г.—В кн.: *Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа...*, с. 230—231.
- ¹⁰⁷ М. Ф. Орлов—Е. Н. Раевской 21 марта 1821 г.—Там же, с. 232.
- ¹⁰⁸ Записка М. Ф. Орлова от 19 ноября 1821 г.—ЦГВИА, оп. 182а, д. 18, ч. 2, л. 187.
- ¹⁰⁹ *Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа...*, с. 236.
- ¹¹⁰ И. В. Сабанеев—М. Ф. Орлову 28 апреля 1822 г.—ЦГВИА, ф. ВУА, д. 765, л. 12. См. также: *Чернов С. Н. К истории...*, с. 57.
- ¹¹¹ С. Н. Чернов полагает, что Сабанеев, заключив в скобки слова «в войне», подразумевал какие-то политические замыслы Орлова, не связанные с войной. См.: Там же, с. 57, 69—70.
- ¹¹² *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*, в 10 т. Л.: Наука, 1978, т. 6, с. 238—239.
- ¹¹³ *Barrat G. Op. cit.*, p. 78—79.
- ¹¹⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 737. (В дальнейшем ссылки на рукопись даются в тексте.—И.Д.)
- ¹¹⁵ *Большаков Л. Отыскал я книгу славную: Поиски и исследования.* Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1971, с. 5—129.

- ¹¹⁶ См. об этом подробнее: *Достян И. С.* О рукописи в красном переплете и ее авторе.—ВИ, 1975, № 12.
- ¹¹⁷ Примечательно, что Пестель весной 1821 г. высказал аналогичное предположение о дальнейших действиях восставших. См.: Записка П. И. Пестеля от 14 апреля 1821 г.—In: *Documente privind...*, v. II, f. 128—129.
- ¹¹⁸ *Липранди И. П.* Капитан Йордаки Олимпиот.—In: *Documente privind...*, v. V, f. 367—380.
- ¹¹⁹ *Измайлов Н. В.* Поэма Пушкина о гетеристах.— В кн.: *Временник Пушкинской комиссии*. Л., 1937, вып. 3, с. 342—346.
- ¹²⁰ П. Д. Киселев — И. Н. Инзову 18(30) января 1822 г.—ЦГВИА, ф. 14057, оп. 11/182а, св. 6, д. 18, ч. 2, л. 352.
- ¹²¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1784, л. 106, 107а.
- ¹²² Более подробно о доказательствах в пользу авторства И. Г. Бурцова см.: *Достян И. С.* О рукописи...
- ¹²³ Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 36, 37, 161; *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. I, с. 318—339.
- ¹²⁴ Так изобразил свои отношения с Пестелем сам Бурцов в показаниях на следствии. Он, конечно, умышленно подчеркивал неприязненность этих отношений, но в целом не искажал факты. Обратим внимание на такое заявление Бурцова: «Он (Пестель.—И. Д.) всякий раз выходил из себя, когда маловажная деловая бумага, им написанная, попадала в мои руки» (*Павлов-Сильванский Н. П.* Декабрист Пестель..., с. 143).
- ¹²⁵ Биографические данные о И. Г. Бурцове см.: *Энциклопедический лексикон*. СПб., 1836, т. 7, с. 425—427; *Архив Раевских*. СПб., 1908, т. I, Примеч. Б. Л. Модзалевского, с. 405—407; *Кавказцы*. СПб., 1859, вып. 54—58, с. 1—18; *Русский биографический словарь*. СПб., 1908, т. 2, с. 505—506; *Задонский Н. А.* Судьба декабриста Ивана Бурцова.—ВИ, 1965, № 5, с. 204—208; *Из эпистолярного наследия декабристов: Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому*. М.: ГИМ, 1975, Т. I.

ИДЕИ ЕДИНЕНИЯ
СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ
И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ОБ ИХ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ
В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
1815—1825 ГГ.

Представления об этнической общности славян, идеи и планы их политического объединения или их культурной взаимности, как было показано выше, получили определенный общественный резонанс в период наполеоновских войн. Они выдвигались мыслителями и общественно-политическими деятелями, различными по своим убеждениям, такими, как В. Ф. Малиновский, С. М. Броневский, А. Полев, А. С. Кайсаров.

Каковой же оказалась дальнейшая судьба подобных идей и представлений? Получили ли они последователей в десятилетие, предшествующее декабрьскому восстанию 1825 г.?

Известно, что именно в это время планы политического объединения славянских народов, их совместной борьбы за социальное освобождение были сформулированы одной из декабристских организаций.

Общество соединенных славян (или Славянское общество) не раз служило предметом исследований советских специалистов по истории декабристского движения. Притом некоторые стороны его идеологии и организационных основ освещались по-разному, вызывали споры. В 1927 г. вышла в свет монография М. В. Нечкиной «Общество соединенных славян», написанная на основе архивных материалов, ставших доступными в значительной части лишь после Великой Октябрьской социалистической революции¹. В дальнейшем материал этой книги в дополненном и переработанном виде составил

главу обобщающего исследования Нечкиной «Движение декабристов», которая дает наиболее всесторонний анализ идеологии и политических планов Славянского общества².

Ярко обрисованы убеждения и деятельность братьев Борисовых в брошюре Г. Чулкова, написанной в популярной форме, но с привлечением широкого круга источников³.

Об отдельных проблемах, касающихся Славянского общества и общественно-политических взглядов его руководителей, писали П. Г. Рындзюнский, Б. Е. Сыроечковский, И. В. Порох, Ю. Г. Оксман, Г. П. Шатрова, С. С. Ланда и другие исследователи⁴. Эта тема привлекала внимание и в связи с изучением русско-польских революционных связей 1820-х годов⁵.

В целом историков-декабристоведов гораздо больше занимало изучение общественных взглядов и революционной деятельности членов Общества соединенных славян, чем их расплывчатые и утопичные проекты создания славянской федерации. С другой стороны, эти планы издавна служили иллюстрацией развития в России XIX в. идей политического сближения славянских народов⁶. В этом аспекте они рассматривались польским историком Л. Базылевым, который анализировал идеи о федеративном союзе славянских народов⁷.

В вышедшей в странах Западной Европы и США после второй мировой войны литературе по истории общественно-политической мысли в России и внешней политике царизма в XIX в. Общество соединенных славян выступает как «первая панславистская организация в России». Французский историк Ж. Лучиани, посвятивший свою книгу именно идеям славянского единения в Обществе соединенных славян, исходит из распространенной версии об их польском происхождении⁸.

Можно ли считать, что идеи политического единения славянских народов, проповедуемые братьями Борисовыми, Люблинским, Горбачевским и их друзьями, питались только из польского источника, или они имели корни в самой русской общественной мысли? Каковы были особенности формирования этих идей и отразились ли в них особенности международной обстановки своего времени, современные представления о славянских народах? На этих вопросах хотелось бы остановиться. Представляется также необходимым рассмотреть данные,

которые относятся к наличию «славянской идеи» в декабристском движении, помимо Общества соединения славян. Самые общие соображения, высказанные на этот счет М. В. Нечкиной и Б. Е. Сыроечковским, остались недостаточно разработанными, но послужили исходной точкой для иногда встречающихся заключений, что такие идеи были присущи и главным идеологам дворянских революционеров⁹. В заключение хотелось бы коснуться характерных проявлений в среде русской интеллигенции интереса к зарубежным славянам, в частности к южным славянам; рассмотреть воздействие на этот процесс различных культурно-исторических факторов.

СЛАВЯНСКОЕ ЕДИНЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН

Образованию тайной революционной организации под названием Общество соединенных славян предшествовали кружки масонского типа, не имевшие ясно выраженных политических задач — Общество первого согласия (1818), преобразованное затем в Общество друзей природы, которое имело целью «усовершенствование нравственности», «очищение религии от предрассудков» и «основание известной республики философа Платона»¹⁰.

Подпоручик Петр Иванович Борисов утверждал на следствии, что именно он создал названные кружки, а затем, в 1823 г., вместе с братом Андреем и польским шляхтичем Юлианом Люблинским, основал в небольшом украинском городке Новоград-Волынский Общество соединенных славян. То была организация, по форме также близкая к масонской, но имевшая не только нравственно-просветительные, но и очень четкие политические задачи.

До 1825 г. Общество соединенных славян оставалось небольшим, слабо оформленным политическим объединением, в которое входили офицеры войсковых частей, стоявших на Волыни, некоторые местные чиновники и мелкие шляхтичи. В начале 1825 г. Общество оформилось организационно, а в сентябре этого года слилось с Южным обществом, приняв его программу. После этого «славяне» участвовали в пропаганде среди солдат и подготовке к революционному перевороту.

Во время восстания Черниговского полка члены Славянского общества действовали активно и самоотверженно. Приговор Верховного уголовного суда по делу декабристов был суров по отношению к тем из них, которые участвовали в замысле цареубийства: 11 человек были осуждены по первому и второму разряду на вечную и двадцатилетнюю каторгу.

Демократизм не только по социальному составу членов, но и по идеологическим и организационным установкам, во-первых; идея федеративного государственного объединения народов на основе их национальной (или этнической) общности, во-вторых,— таковы были специфические черты Общества соединенных славян, отличавшие его от других декабристских организаций.

Для характеристики политической программы Славянского общества обычно используются три основных источника: «Катехизис», или «Правила» соединенных славян,— устав тайного общества, моральный кодекс его членов, материалы следствия по делу декабристов и «Записки И. И. Горбачевского».

В «Правилах» Соединенных славян говорится о создании нового демократического государства — Всеславянского союза — следующим образом:

«15. Ты еси Славянин и на земле твоей при берегах морей, ее окружающих, построишь четыре флота — Черный, Белый, Далмацкий и Ледовитый, а в середине оных воздвигнешь [город] и в нем богиню просвещения и своим могуществом на троне посадишь. Оттуда будешь получать для себя правосудие и ему повиноваться обязан, ибо оное с дороги, тобою начертанной, совращаться не будет;

16. В [портах] твоих, Славянин, будет цвести торговля и морская сила, а в [городе] посреди земли твоей справедливость для тебя обитать станет;

17. Желаете иметь сие! — соединитесь с вашими братьями, от которых невежество ваших предков отдалило тебя. Желаете все то иметь! — будешь жертвовать 10-ю частью твоих доходов годовых и будешь обитать в сердцах друзей твоих»¹¹.

Задачи славянского единения выражены и в девизе Общества, представлявшем собой единицу в лучах солнца, заключенную в восьмиугольник, увенчанный четырьмя якорями, которые символизировали четыре моря или морские гавани. По сторонам восьмиугольника бы-

ли написаны восемь славянских «поколений», объединяемых в союз: россияне, поляки, сербы, мораване, богемцы, венгры, кроаты, далматы¹².

Как видим, Всеславянский союз мыслился как обширное и сильное государство, вытянувшееся широкой полосой от земель, входивших в состав России, на юго-запад, от Балтийского моря к Черному и Адриатическому¹³. Это объединение по принципу этнической общности должно было обеспечить народам, в него вошедшим, свободное и равноправное существование, безопасность от внешних врагов, экономическое процветание как следствие установления передового общественно-политического строя.

Оставалось неопределенным, когда — в ближайшее время или в отдаленном будущем — должна произойти столь грандиозная политическая перестройка, но ясно, что она сочеталась с требованием широких социальных преобразований. Имелось в виду уничтожить крепостное право, всякое социальное неравенство, социальные перегородки и привилегии, прийти к «истинному равенству».

Главным средством достижения столь радикальных и демократических задач объявлялось распространение нравственности, просвещения, трудолюбия, развитие промышленности. Но вместе с просветительскими идеалами основателям Славянского общества были присущи и воинственные черты. «Друзья тебе помогут, [оружие] тебя защитит... Употребить даже свое [оружие], если того нужда будет требовать, на защиту невинности...» — говорилось в «Правилах»¹⁴. А в «Клятве», которая давалась при вступлении в Общество, прямо указывалось, что идеалы тайной организации будут достигнуты насильственным вооруженным путем: «С мечом в руках достигну цели, нами назначенной. Пройду тысячи смертей, тысячи препятствий, пройду и посвящу последний вздох свободе и братскому союзу благородных славян», — должен был обещать каждый новый член¹⁵.

Материалы следствия по делу декабристов несколько дополняют сведения о политических планах Соединенных славян. Наиболее интересны в этом отношении показания Петра Борисова, утверждавшего, кстати, что именно им был составлен «Катехизис».

Как можно понять, содружество с соседними славянскими народами, и прежде всего с поляками, представ-

П. И. БОРИСОВ.
Акварель Н. А. Бестужева.
Собрание И. С. Зильберштейна

лялось Петру Борисову средством, способным облегчить преобразования в России. «Я думал,— писал он в показаниях,— что, умноживши членов и распространив свои «Правила» между всеми славянскими народами, мы так легко можем сделать реформу в правительстве...» Каждый славянский народ должен был получить собственную конституцию, «более ему приличную», пользоваться всеми благами свободного существования и демократического республиканского правления. Но создание «Союза славянских поколений» изображалось как цель «отдаленная», осуществить которую предполагалось после того, как сами славянские народы осознают необходимость политического единения¹⁶.

Показания других членов Общества (А. И. Борисова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечасного) не добавили чего-либо существенного к тому, что сообщил П. И. Борисов. Члены же организации, вступившие в нее позднее, вообще почти ничего не знали о Всеславянском союзе.

Десять — пятнадцать лет спустя после восстания на Сенатской площади в каторжной тюрьме Петровского завода были написаны записки об Обществе соединенных славян. Вопрос о том, кто был автором этого уникального произведения декабристской мемуарной литературы, остается спорным¹⁷. Большинство исследователей полагает, что участие Борисова в создании этих записок значительно, однако они были задуманы не как индивидуальные личные воспоминания, а как труд коллективный, имеющий задачей, основываясь на сведениях и представлениях членов Общества, совместно отбывавших наказание, осмыслить и оценить революционную деятельность в 1825 г., рассказать о трагической судьбе некоторых из своих товарищей.

В «Записках» создание Всеславянского союза представлено основной задачей всей организации. «Общество имело главную целию,— говорится там,— освобождение всех славянских племен от самовластия; уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом. Предполагалось с точностью определить границы каждого государства; ввести у всех народов форму демократического представительного правления; составить конгресс для управления делами Союза и для изменения, в случае надобности, общих коренных законов, предоставляя каждому государству заняться внутренним устройством и быть независимым в составлении частных своих узаконений»¹⁸.

Так продуманно и логично, но по-прежнему в самом общем виде запечатлели наиболее активные члены Славянского общества для будущих поколений задачи своей организации, определившиеся в 1823 г. Более простым языком, но сжато было повторено то, что провозглашалось в «Правилах» Соединенных славян: необходимость развития промышленности как средства достижения всеобщего благосостояния, распространение нравственности и просвещения, уничтожение предрассудков и словесных различий и т. д. Говорилось и об «отпечатке

Выгодковский

Дорогой мой все ближе к моему сердцу, отлив
дружбы по гудит страшной и мучительной лидефа
воинств, а сам имеет отлив вольного, пущей, попу-
ломъ въ разали и обаявонъ истраванъ поща:
бу того все тлосты фривиллиамъ и правъ тла
навъ доль и капокатъ мовотъ на силъ полъ по
наво обертитъ отъ и тла пуртуден

П. Ф. В.

3 Мая 1825 года

П. С. С.

1. Не поддавайся ни талонъ ираво твоемъ друзей и своего
друзя тла пощуютъ — тибдаванитъ.
2. Никакой името фрава, когда намъ, рабамъ ботъ невоинств.
3. Никакой пощотъ тла въинствъ хода, ирадатъ мовотъ
пу капокатъ небудеи.
4. Простота въучителствъ истраванствъ ии бичотствъ
тава тла ираванствъ твою опонакой степи.
5. Никакой бичотъ того кто името истрава невоинств.
6. Возни прасоты иилю пощотъ будотъ вилда невоинствъ тла
навъ иравоинствъ капокатъ водвиратъ додонъ твоимъ
7. Точитовъ капокатъ, мовотъ, судитовъ и рашиствъ твоимъ
двотъ капокатъ мовотъ до мовотъ капокатъ иилю будотъ иилю
мочитовъ двотъ отъ друзей твоимъ.
8. Никакой мовотъ судитовъ своимъ иравоинствъ, судитовъ
и фравоинствъ, будотъ твоимъ двотъ двотъ капокатъ
9. Будотъ мочитовъ вота вота иравоинствъ истрава друзей

ЗНАК ОБЩЕСТВА СОЕДИНЕННЫХ СЛАВЯН.
ЦГАОР. Следственное дело П. Ф. Выгодковского

какой-то воинственности», присущей членам Общества еще до слияния с «южанами», несмотря на отрицание ими методов «военной революции»¹⁹.

В «Записках» подробно описывалось, как в ходе переговоров о слиянии Славянского общества с Южным в сентябре 1825 г. Петр Борисов и некоторые другие члены (поименно не названные) пытались отстаивать свою прежнюю политическую программу, идеологические и организационные принципы, но оказались в меньшинстве. «Мысль о силе Южного общества, надежда видеть при своей жизни освобождение отечества и других славянских народов увлекла совершенно славян...»²⁰.

В ходе переговоров представители Южного общества заверяли, что и они намерены содействовать «осво-

бождению других народов», что «преобразование России необходимо откроет всем славянским племенам путь к свободе и благоденствию; что соединенные Общества удобнее могут произвести сие преобразование; что Россия, освобожденная от тиранства, будет открыто спешествовать цели Славянского союза: освободить Польшу, Богемию, Моравию и другие славянские земли, учредить в них свободные правления и соединить всех федеральным союзом»²¹. Но такого рода заявление М. П. Бестужева-Рюмина не означало, что Южное общество присоединилось к политической программе Славян, а являлось лишь тактическим приемом, помогшим склонить их к объединению.

П. Борисов и его сторонники согласились на такое объединение. Они, как и остальные члены Славянского общества, были увлечены революционным порывом, жадной деятельностью во имя освобождения своей родины от тирании и деспотизма русского самодержавия. Сожаление о слиянии с Южным обществом, выраженное в «Записках», вероятно, пришло уже позже, после провала восстания, в сибирской каторжной тюрьме. Оно исходило прежде всего от П. И. Борисова, наиболее последовательного приверженца идеи объединения славянских народов, не отказавшегося от нее и в последний революционный период своей деятельности.

С. С. Ланда предпринял интересную попытку рассмотреть идеологические и организационные особенности Общества соединенных славян, исходя из анализа его «типологической структуры», путем сопоставления его в этом отношении с некоторыми из тайных обществ, существовавших в европейских странах во второй половине XVIII — в начале XIX в. Он пришел к заключению, что Славянское общество — тип «просветительской конспирации, сложившийся в русском освободительном движении на почве антифеодальной борьбы». Руководители этой организации, являясь носителями идеи «народной революции», характерной для революционного просветительства XVIII в., хотели создать «всемирную конспирацию» и уже после этого совершить политический переворот. Им, как и другим идеологам «просветительских конспираций», было присуще выдвижение на первый план моральных факторов, задач морального усовершенствования при недооценке политических форм борьбы²².

Ланда усматривает большое сходство «типологической структуры» (а следовательно, идеологических особенностей) Общества соединенных славян с некоторыми «просветительскими конспирациями», близкими к масонским обществам, но имевшими и политические цели. Конкретно же приводится сравнение с Орденом иллюминатов, основанным в 1770-х гг. в Баварии и разгромленном в 1785—1787 гг., а также с Социальным кружком, существовавшим во Франции в годы революции. Говорится о влиянии на Славян учения «пифагоровой секты» в изложении его последователем Бабёфа — Сильвеном Маршалем²³.

Известно, что философия Просвещения как объективно-буржуазная идеология, обосновывавшая мирный, реформаторский путь решения общественных проблем, служила теоретической базой для декабристов, хотя они переходили к революционным выводам, которых Просвещение не делало²⁴. Как и на всех русских дворянских революционеров, на членов Общества соединенных славян большое воздействие оказывали произведения выдающихся европейских писателей и мыслителей эпохи Просвещения. Это в полной мере относится и к членам Славянского общества. Так, отвечая на вопрос Следственной комиссии, откуда они «заимствовали вольнодумческие и либеральные мысли», более образованные П. И. Борисов, И. И. Горбачевский, Ю. К. Люблинский, М. М. Спиридов, В. А. Бечаснов объясняли это своим возмущением существующими в России порядками, а также говорили о влиянии на их взгляды трудов Монтескье, Вольтера, Гельвеция, А. Смита, Филанджиери, Беккариа и др. П. Борисов делал переводы отрывков из произведений Вольтера и Гельвеция, давая их читать своим товарищам²⁵.

Самоусовершенствование, вера в просвещение как средство улучшения общественных порядков, принцип «общественное благо есть верховный закон», который исповедывал П. Борисов, его атеизм и критика церкви — все эти идеологические черты Славян сформировались не без воздействия произведений просветителей. Установлено также, что на руководителей Общества влияли идеи, близкие к утопическому коммунизму, характерные для произведения С. Маршала «Путешествие Пифагора» (1799), переведившегося на русский язык и частично изложенного в агитационно-политической брошюре

В. С. Сопикова «Пифагоровы законы и нравственные правила»²⁶. Но усвоив идеологические основы Просвещения, частично используя организационные принципы «просветительских конспираций» и масонских кружков, Славяне сохранили свои особенности. Так, в отличие от Ордена иллиуминатов, от карбонариев, устройство Общества соединенных славян было одноступенчатым, лишенным иерархичности, а потому более демократичным. Члены его подчинялись общей для всех дисциплине, решению большинства, были вполне равноправны, свободно выражали свое мнение. Эти особенности ясно проступают в рассказе о присоединении Славян к Южному обществу в «Записках Горбачевского».

Необходимо учитывать также, что Ордену иллиуминатов — тайной организации с чрезвычайно радикальной программой, но не отличавшейся демократическими принципами внутреннего устройства, был присущ универсализм и даже космополитизм, полное отсутствие внимания к национальным правам и обычаям. Его основатель Адам Вейсгаупт мечтал о слиянии европейских народов в единую ассоциацию свободных людей, предавая забвению их национальные особенности, национальную государственность, патриотические чувства и пр. Эта черта вообще отличала просветительскую идеологию XVIII столетия²⁷.

После Великой французской революции, с наступлением XIX в. «дух времени» все больше насыщался национальными проблемами, которые нашли отражение и в передовой русской общественной мысли, в общественно-политических взглядах дворянских революционеров. Эта новая особенность прогрессивного мировоззрения очень ярко проявилась в общественно-политических идеях Общества соединенных славян.

Можно согласиться с заключением С. С. Ланды, что «наследники демократических теорий XVIII в., русские просветители-конспираторы», в их числе и идеологи Славянского общества, выступали с явно утопической программой действий, с утопическими идеалами²⁸. В эти утопические идеалы входил и замысел образования свободной и равноправной федерации славянских народов, тесно увязанный и с просветительскими традициями Общества, и с его демократическими принципами.

План создания такой федерации в течение двух лет существования Общества еще не совсем оформился, в

его конкретизации не было и большой необходимости, но та радужная, не вполне отчетливая картина существования в центре Европы экономически процветающего республиканского государства, способного обеспечить вошедшим в него народам свободное, безбедное и счастливое существование, которую рисовали себе братья Борисовы и их друзья, в чем-то схожа с мечтаниями социалистов-утопистов этого времени, своеобразно проявившимися на русской почве 1820-х годов. Стремление к коренным социальным преобразованиям в собственном государстве сочеталось здесь со стремлением «доставить счастье» другим народам, соплеменным с русским, объединить общие усилия борцов против «тирании» и «рабства» всех этих народов.

«Славянская федерация» входила в политическую программу тайной революционной организации, но предназначалась для далекого будущего. Поэтому идея славянского единения была оставлена как непосредственная задача, когда открылась возможность включиться в практическую подготовку революции в России. Автор «Записок» признается, что после слияния с Южным обществом «Славянский союз существовал только в мыслях и сердцах немногих, которые не могли забыть возвышенной и великой (хотя, может быть, по мнению некоторых, мечтательной) идеи федеративного союза славянских народов»²⁹.

Таким образом, план политического союза славянских народов не был воплощен в конкретную программу, остался идеей нескольких основателей Общества, и прежде всего его главного идеолога и вождя П. Борисова. Но важно уже то, что идея славянского единения в ее наиболее демократичном воплощении впервые оказалась увязанной с задачей социальных преобразований в России. Это было совершенно новое явление в русской общественной мысли.

Вопрос о том, как сложился план создания Всеславянского союза в декабристской организации, под каким воздействием и кто являлся его автором, издавна привлекал внимание исследователей. Н. Коробка одним из первых постарался доказать, что политические замыслы Общества были связаны с «панславистскими идеями», развивавшимися в Польше после разделов, и были выдвинуты одним из основателей Общества, поляком Люблинским³⁰. Аналогичного мнения придерживалась

первоначально и М. В. Нечкина, однако в дальнейшем эта концепция была ею пересмотрена³¹. Версия о польском происхождении идеи славянского единения Общества соединенных славян наиболее подробно изложена Ж. Лучиани, который полагает, что Люблинский был основным идеологом Славянского общества, автором его «Катехизиса» и плана политического единения славянских народов³².

Нет основания отвергать участие Люблинского — члена одного из польских студенческих обществ, руководимых Союзом свободных поляков, — в создании программы Славянского общества и его «Катехизиса». Через Люблинского могли проникнуть в эту организацию и некоторые идеи Союза свободных поляков³³. Им же, несомненно, была внесена мысль о русско-польском политическом союзе³⁴. Очевидным представляется и знакомство организаторов Общества соединенных славян с идеями политического объединения славянских народов, популярными среди шляхетских деятелей начала XIX в. О них, возможно, знал Люблинский, а от него — и братья Борисовы. В этой связи можно обратить внимание на тот факт, что Люблинский до высылки в Новоград-Волынь за нелегальную деятельность в Варшавском университете работал секретарем князя А. Чарторыского, бывшего в то время попечителем Виленского учебного округа³⁵. По просьбе Чарторыского он в 1817—1818 гг. занимался упорядочением делопроизводства Виленского университета и его факультетов³⁶. Это позволяет предполагать, что Люблинский мог знать о политических проектах Чарторыского, касавшихся русско-польского союза и создания славянской федерации, которые тот выдвигал перед правительством Александра I в период наполеоновских войн.

Русский славист А. Кочубинский высказывал предположение, что основатели Общества соединенных славян были непосредственно связаны с кем-то из чешских деятелей — сторонников славянского единения³⁷. Вряд ли Борисов и его друзья имели какие-либо контакты с чехами, хотя о планах такого рода они также могли получить сведения от Люблинского, вращавшегося до высылки в Новоград-Волынь в кругу польского студенчества и шляхты.

Но ведь не Люблинский, через которого могли проникать все эти идеи, а П. Борисов являлся главным ос-

нователем Славянского общества и наиболее горячим приверженцем замысла славянского единения. Было бы вообще ошибочным сводить появление такого рода идей в русском освободительном движении к простому заимствованию. Вместе с тем декабристы, в их числе и члены Общества соединенных славян, живо воспринимали взгляды, которые были созвучны с их собственными, помогали последним выкристаллизоваться. Польская мысль в славянском вопросе, возможно, играла подобную роль. В этом отношении, как заметила М. В. Нечкина, влияние оказывало прежде всего развитие национально-освободительного движения славянских народов в целом, «славянское возрождение»³⁸.

Немалое значение должна была иметь и специфика местных условий. Ведь на Волыни тесно соприкасалось русское, украинское и польское население. Возникшее там тайное общество с самого начала стало интернационально-славянским по составу, что само по себе способствовало появлению идеи сближения славянских народов. К тому же на Украине незадолго до того мысль о славянском сближении получила общественное звучание: в 1818 г. в Киеве была основана ложа «Соединенные славяне». Не исключена возможность, что П. Борисов, сам организовавший масонский кружок в 1818 г., знал кого-либо из членов этой ложи, имел представление об ее программных установках³⁹.

Примечательной чертой государственного объединения, о создании которого мечтали члены Общества соединенных славян, был его федеративный принцип, что также отражало демократические устремления. Федерация как форма идеального государственного объединения, при широких правах и самостоятельности составных частей привлекала некоторых выдающихся европейских мыслителей XVIII в. и осталась популярной в дальнейшем. Федеративную систему устройства России отстаивало, как известно, Северное общество декабристов, и она была разработана в конституции Никиты Муравьева. Большое влияние в этом отношении оказывало создание первого буржуазного федеративного государства — Северо-Американских Штатов с его конституцией, провозглашенной в 1787 г. Пример Соединенных Штатов Америки, а также и некоторых европейских федеративных государств, конечно, привлекал внимание Славян⁴⁰.

При составлении проекта Славянского Союза, несомненно, использовались античные образцы федеративных государств. «Федеративный Союз славянских поколений, подобный греческому, но гораздо его совершеннее, был моим прожектором», — писал в ответах Следственной комиссии П. Борисов⁴¹. Это позволяет предположить, как и сделал в свое время В. И. Семевский, что проектируемое Славянами государство уподоблялось античному образцу республиканской федерации — Ахейской лиге⁴². Известно, что история Древней Греции и Древнего Рима очень увлекала декабристов, породила ассоциации с современностью. Греческие республики, в частности, представлялись многим из них образцом демократизма. Члены Общества соединенных славян также были горячими поклонниками античности⁴³. «Чтение греческой и римской истории и жизнеописания великих мужей Плутарха и Корнелия Непота поселили во мне с детства любовь к вольности и народодержавию», — писал П. Борисов в одном из первых показаний Следственной комиссии и повторял это на дальнейших допросах⁴⁴. Чтение «Жизнеописаний» Плутарха было любимым занятием Горбачевского во время военной службы⁴⁵. Популярностью среди декабристов пользовался и римский историк Тит Ливий, сообщавший сведения об Ахейском союзе. В хороших помещичьих библиотеках России, одной из которых пользовался П. Борисов, можно было найти французское издание «Всеобщей истории» Полибия, одного из политических деятелей Ахейской лиги и ее горячего апологета. Человек, знакомый с произведениями греческих и римских писателей, должен был представлять себе эллинский федеративный союз городов как образец подлинной свободы и демократии. «Никогда в такой степени и с такой строгою последовательностью, как в государстве ахеян, не были осуществлены равенство, свобода и всеобщее истинное народоправство», — писал Полибий. Вдумчивый читатель, ознакомившись с исторической судьбой Ахейской лиги, мог заметить и ее «несовершенства», старательно смазанные Полибием. Славянский федеративный союз, возможно, рисовался Борисову более совершенным, чем греческий, но в основном сходным с ним по своему устройству. Таким образом, при выборе своих политических планов руководители Славянского общества использовали примеры и федеративного

устройства современных им государств и античные образцы такого рода ⁴⁶.

Стремление прикрыть античными одеждами, обосновать ссылками на признанные авторитеты свои собственные мысли и планы было свойственно многим общественным деятелям того времени. Но приемы эти совсем не свидетельствуют, что общественно-политическая программа Славянского общества — искусственное сооружение, навеянное ученическим чтением, не имевшее связи с реальной действительностью, с конкретными задачами общественно-политических преобразований в России и национального освобождения народов Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы.

Хотя проект федеративного славянского государства остался недостаточно разработанным и несколько абстрактным, не имел практического значения в революционной деятельности Общества в 1825 г., представляется, что его создатели исходили из реально существовавших условий международной обстановки в Европе и предусматривали создание политического союза, имевшего совершенно определенные географические очертания.

Относительно народов и территорий, которые должны были войти во Всеславянский союз, сохранились разноречивые сведения. Как говорилось выше, на девизе Общества (в следственном деле Выгодского) были перечислены россияне, поляки, сербы, венгры, моравцы, богемцы, кроаты и далматы. Этот факт был подтвержден Горбачевским ⁴⁷. Однако один из членов Общества, Бечасный, во время следствия назвал иной состав территорий проектируемого государства: Россию, Польшу, Богемию, Венгрию, Крессию, Далмацию и Трансильванию, Молдавию, Валахию и Сербию ⁴⁸. Почти в соответствии с показанием Бечасного (не слишком достоверным), а может быть, на основании других, аналогичных данных был назван состав проектируемой федерации в официально опубликованном правительственном документе — «Донесении Следственной комиссии»: Россия, Польша, Богемия, Моравия, Далмация, Крессия, Венгрия с Трансильванией, Сербия с Молдавией и Валахией.

В литературе о декабристах обычно не учитывались эти данные «Донесения Следственной комиссии», может быть, и потому, что внушали естественное недоверие:

основатели Славянского общества, казалось бы, должны были, проектируя Всеславянский союз, соблюдать этнический принцип, явно отсутствовавший при том составе его, который указывался в «Донесении...» Иногда о Славянской федерации говорилось на основе опубликованных в 1860-х годах «Записок декабриста» А. Е. Розена, автор которых не имел никакого отношения к Обществу соединенных славян и, вероятно, произвольно, чисто логически назвал следующие славянские народы, которые предполагалось объединить в одно государство: русских, сербо-хорватов, болгар, чехов, словаков, лужичан, словенцев и поляков — всего до 90 млн. жителей ⁴⁹.

Установленный на основании материалов следствия факт, что во Всеславянский союз предполагалось включить и неславянские народы, вызывал удивление или приводил к заключению о слабом знакомстве руководителей Общества со славянской этнографией, ибо венгров, например, они ошибочно принимали за славян ⁵⁰.

Наиболее подробно остановились на этих вопросах В. Базылов и Ж. Лучиани ⁵¹. Последний привел все варианты состава Всеславянского союза, фигурировавшие в показаниях на следствии, и также пришел к заключению, что члены Славянского общества очень плохо знали славянство: они включили в состав славянских народов венгров, а по некоторым данным — также молдаван и валахов, но не назвали белорусов, украинцев, словенцев, словаков, лужицких сербов и даже болгар.

Сакраментальное число 8 — восьмиугольник, по сторонам которого обозначились «славянские поколения», — не давало, конечно, возможности перечислить все из них. Все же отбор этих «поколений» может вызвать удивление у образованного, элементарно знакомого со славянским миром человека нашего времени.

Представляется, однако, что здесь многое объяснялось уровнем знаний и некоторыми особенностями представлений о славянских народах в России первой четверти XIX в. Ведь братья Борисовы, Люблинский, Горбачевский и их товарищи по Обществу не были людьми высокообразованными, знатоками славянской этнографии. Их сведения в этой области основывались отчасти на личном общении, что касалось, например, поляков и украинцев, отчасти же на литературе и журналистике своего времени. А в них уделялось неравномерное вни-

мание отдельным славянским народам; молдаване и валахи иногда причислялись к народам «славянского происхождения»⁵². Поэтому, возможно, не было случайным, что по некоторым данным в составе славянской федерации оказались молдаване и валахи, что из «турецких славян» были названы сербы (об их борьбе за национальное освобождение не могли не знать Борисов и его друзья), но не упомянуты болгары, о которых в России первой четверти XIX в. было известно сравнительно мало. «Зато славянские административные единицы Австрии перечислялись почти все — Хорватия и Далмация, Богемия и Моравия, а кроме них, и Венгрия». Венгров могли принимать за славян или имели в виду «венгерских славян» — такой термин был распространен в литературе.

Вообще при перечислении славянских племен в основу положен не столько этнический, сколько территориально-административный принцип. Так, обозначение «россияне» относится, по всей вероятности, ко всем жителям России, в том числе и к неславянам. Вместе с тем можно согласиться с Ж. Лучиани, что члены Славянского общества не знали о самостоятельном национальном развитии малороссов и белорусов, не отличали их от великороссов. Однако именно такие представления были характерны для русских людей первой четверти XIX в. и стали меняться только в его середине.

Конкретное перечисление народов и областей, входящих в федерацию, не имело, по-видимому, для Славян принципиального, определяющего значения. К тому же, хотя в новом государстве славяне должны были преобладать по численности и играть ведущую роль, оно представляло собой, по существу, большое региональное объединение народов соседствующих, значительной части которых необходимо было освободиться от подчинения национально чуждым большим государствам и установить у себя демократический строй⁵³. Венгры, а, возможно, также молдаване и валахи включались в состав этого государства «для целесообразности», из-за гуманистической солидарности⁵⁴.

Итак, руководители Общества соединенных славян проявили более или менее реалистичный подход к задаче политической перестройки Центральной и Юго-Восточной Европы, включая в проектируемую федерацию и неславянские народы. Такое государство удобно ло-

жилося на географическую карту, его западная граница прилегала к немецким землям, а юго-западная — к греческому государству, перспектива создания подобного государства стала реальной после начала восстания 1821 г.

Все сказанное позволяет усомниться в справедливости мнения о том, что идея политического объединения славянских народов имела в Славянском обществе лишь символическое значение, воплощая утопию о городской ремесленной коммуне, что она была чисто абстрактной⁵⁵. Есть основания заключить, что идеологи Славянского общества создавали свои планы, учитывая в какой-то мере реальные возможности осуществления их хотя бы в отдаленном будущем, исходя из своих, пусть еще не очень ясных представлений о славянах и народах, с ними соседствующих.

Основание такого рода политического союза было средством для создания национальных, демократических по внутреннему устройству республик, фактически независимых в своих внутренних делах, но согласованно развивающих свою экономику и ведущих единую внешнюю политику.

Общество не выработало конкретных путей осуществления своих грандиозных замыслов социальных и политических преобразований. В этом отношении у П. Борисова имелась лишь некоторая, самая предварительная наметка. Он считал, что «умноживши членов», расширив деятельность Общества в России, можно будет затем вовлечь в него и другие славянские народы. Такое революционное содружество должно было облегчить борьбу с русским самодержавием, осуществление коренных преобразований в России и во всех славянских странах.

Дабы новые члены «имели уважение к цели Соединенных славян и были бы чрез то деятельнее», принимаемым в Общество обычно сообщалось, что оно очень велико, имеет центр в Петербурге, а отрасли «во многих славянских поколениях». Эта ложь пускалась в ход ради интересов революционного дела, что было характерным приемом многих тайных организаций XIX в. «В то время, когда Общество значительно умножится, — признавался П. Борисов, — предполагал я открыться надежнейшим из моих друзей в своем обмане, который казался мне невинным, и тогда, назначив средоточие,

стараться распространить отрасли Славянского союза в других славянских племенах»⁵⁶.

Была создана также легенда об основателе Общества — сербском графе или молдавском князе по имени Магабле (Макгавли), уехавшем будто бы в свое отечество «для водворения и распространения там Общества славян»⁵⁷.

Такого рода легенда свидетельствует, что, хотя руководители Общества соединенных славян поддерживали непосредственные связи преимущественно с поляками, а о южных славянах имели представление весьма туманное, они собирались в дальнейшем установить контакты и с этими народами, и в частности с сербами, упорно отстаивавшими уже в течение двух десятилетий свое право на национальную свободу. Упоминание же о молдавском князе как о легендарном основателе Общества подтверждает весьма расширительные представления о славянской этнической общности или, во всяком случае, намерение включить и Дунайские княжества в состав проектируемого федеративного объединения.

Все эти замыслы и расчеты так и остались романтической мечтой. Но сближение славянских народов было все же осуществлено в форме совместной революционной деятельности русских, украинцев, поляков.

Разгром декабрьского восстания оборвал идеологическое развитие Общества соединенных славян. Сам замысел сближения между славянами, а тем более их объединения настолько ассоциировался в сознании Николая I и его приближенных с демократией и революцией, что они видели крамолу даже в тенденциях культурного сближения «россиян» с другими славянскими народами.

В опубликованном царским правительством «Донесении Следственной комиссии» Общество соединенных славян представлялось в неприглядном виде. Несмотря на то что об этой небольшой организации было известно мало, сам факт существования тайного общества со столь своеобразной программой стал достоянием обществу в России и за ее рубежами, оказал воздействие на дальнейшее развитие общественной мысли в славянском вопросе.

Идеи славянского единения привлекали декабристов, отбывавших наказание в Сибири, притом не только членов Общества соединенных славян. В конце 1840-х

годов тот же план объединения славянских народов во имя их политического и национального освобождения был выдвинут украинскими прогрессивными деятелями — членами Кирилло-Мефодиевского братства.

СЛАВЯНСКОЕ ЕДИНЕНИЕ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПЕРИОДА ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ ДЕКАБРИСТОВ

Рассматривая идеологические особенности Общества соединенных славян, М. В. Нечкина отметила, что замысел славянского единения был «отнюдь не чужд вообще всему движению декабристов». По ее словам, тема эта присутствует в программе преддекабристской организации «Орден русских рыцарей»; интерес к консолидации славянских народов вокруг России проявлял П. И. Пестель, что выразилось в его «балканском проекте»; «соединенный славянский элемент», независимо от Общества соединенных славян, интересовал декабриста С. Г. Волконского; наконец, существовала масонская ложа «Соединенные славяне», которая, как предполагается, видела свой идеал в единении славянских народов⁵⁸.

М. В. Нечкина, по существу, назвала все факты, которые могут свидетельствовать об интересе декабристов к «славянской идее». Количество таковых за двадцать пять лет, прошедших со времени опубликования ее труда, не прибавилось. Но и эти давно известные материалы в советской литературе, посвященной декабристам, специально, в их взаимосвязи не рассматривались. Вывод о наличии в убеждениях декабристов — помимо членов Общества соединенных славян — идей единения славянских народов, об их существе остается нераскрытым.

Первос по времени упоминание об идеях такого рода связано с предысторией декабристского движения, с организацией масонского типа — «Орденом русских рыцарей».

Это недолго просуществовавшее узкоаристократическое конспиративное общество основали в конце 1814 или в 1815 г. М. А. Дмитриев-Мамонов и один из будущих декабристов М. Ф. Орлов. В него входило всего 6—8 членов, среди которых были Н. И. Тургенев, Д. В. Давыдов, М. Н. Новиков (племянник Н. И. Но-

викова). Сохранившиеся проекты программы «Ордена» свидетельствуют, что его члены рассчитывали на государственный переворот, стремились к осуществлению в России буржуазных преобразований, отмене крепостного права, введению конституционной монархии или аристократической республики. Они хотели создать в стране условия для быстрого экономического прогресса. Программные документы этой организации отражали дворянско-аристократическую традицию ее участников и имели экспансионистскую направленность⁵⁹.

В первоначальном наброске программы «Ордена русских рыцарей», под названием «Пункты преподаваемого во внутреннем ордене учения», составленном еще в 1814 г. Дмитриевым-Мамоновым, кроме идей, касавшихся социально-экономических преобразований, сформулированы широкие завоевательные планы, которые предлагалось, по-видимому, осуществить после революционного переворота в России.

Непосредственно относились к народам Юго-Восточной и Центральной Европы следующие пункты: «5) Присоединение Венгрии, Сербии и всех славянских народов к России. 6) Изгнание турок из Европы и восстановление греческих республик под протекторатом России. 7) Учреждение флота в Архипелаге и постановление возможных препятствий английской торговле в оном краю»⁶⁰.

В «Пунктах...» отсутствуют какие-либо обоснования этих внешнеполитических замыслов. Но, по всей вероятности, Дмитриев-Мамонов, задумывая присоединение «всех славянских народов» к России, учитывал наличие между ними этнической близости и собирался использовать для удовлетворения великодержавных стремлений. Поэтому можно согласиться с М. В. Нечкиной, что в указанном документе наличествовали «панславистские тенденции»⁶¹.

Чем же объяснить возникновение столь воинственных и фантастических внешнеполитических планов?

Прежде всего надо учитывать, что программа «Ордена» обдумывалась в год апофеоза военных побед России, когда ее освободительная миссия в Европе, казалось бы, еще не вполне завершилась. Автор «Пунктов...» Дмитриев-Мамонов (находившийся к тому же накануне тяжелого психического заболевания), как представляется, не мог отрешиться от идей и воспоминаний

наний минувшего времени — периода наполеоновских войн, когда государственные и общественные деятели, следуя примеру властелина Франции, с легкостью пере-краивали в своем воображении политическую карту Европы и других континентов. Так поступал и Дмитриев-Мамонов, оставшийся под впечатлением обсуждавшегося в Тильзите проекта разрушения Османской империи и замысла Наполеона о совместном с Россией походе в Индию. Содержание наброска программы «Ордена», касавшееся Юго-Восточной Европы и Восточного Средиземноморья, показывает, насколько свежи были еще в 1814 г. воспоминания о существовавшей в течение восьми лет под протекторатом России Республики Семи Соединенных островов и проектах создания других «греческих республик», о сербской революции и планах военных акций против наполеоновской империи совместно с сербами и другими балканскими народами, а также с венграми (1812 г.). Скорее всего, и такого рода неосуществленные проекты наложили определенный отпечаток на внешнеполитические идеи Дмитриева-Мамонова.

Но прошло немного времени, и новая обстановка в Европе полностью выявилась. Система легитимизма и консерватизма легла в основу международных отношений, российский император стал инициатором создания Священного союза. Возможно, не было случайностью, что в более зрелый проект программы «Ордена русских рыцарей» — «Краткий опыт» (начало 1816 г.) не вошла ни одна из внешнеполитических идей, сформулированных год или полтора назад в «Правилах». Теперь говорилось подробно о социально-политических преобразованиях в России, притом имелось в виду ее реально существующее государственное пространство⁶².

Экспансионистские замыслы Дмитриева-Мамонова не поддерживались полностью другими членами «Ордена», принципиальным противником их был, например, Н. И. Тургенев. Но, главное, мысль о политическом объединении славянских народов под главенством России не нашла какого-либо продолжения в идеологии декабристов, не оказала влияния на формирование их внешнеполитических взглядов.

Идеи политической консолидации народов на основе их этнической общности не выражены во взглядах по внешнеполитическим проблемам, в программных доку-

ментах раннедекабристских организаций, а затем Северного и Южного обществ. В заблуждение здесь может ввести лишь терминология, например употребление наименования «племя славянское», «славянская область» в «Русской Правде» Пестеля или некоторые аналогичные термины в конституционном проекте Н. М. Муравьева. Но они не относились к зарубежным славянским народам и отражали представление о славянской принадлежности значительной части населения России.

Правда, имеется одно свидетельство, хотя и очень недостоверное, о том, что в план Южного общества входило объединение славянских народов. Это утверждал поручик А. С. Гангеблов, принятый в члены Петербургской управы Южного общества весной 1825 г. П. П. Свистуновым, который изложил ему подробно цели и программу этой организации. После того Гангеблов потерял из вида Свистунова и в событиях 14 декабря участия не принимал. На следствии он мог сообщить лишь самые краткие сведения о тайных обществах, ставшие известными ему от Свистунова. Но он дважды написал в своих показаниях, что задачей общества являлось установление конституционного правления и «соединение народов славянских в одно политическое тело»⁶³. Аналогичная формулировка имелась в воспоминаниях Гангеблова, написанных в 1826 г., вскоре после его освобождения из Петропавловской крепости⁶⁴.

Такого рода заявления, возможно, имели своим источником неясно переданные или плохо понятые планы Южного общества об установлении дружественных отношений со свободной воссоединенной Польшей и народами Балканского полуострова. Отношения эти обобщились у Гангеблова в какое-то слияние всех славянских народов в «одно политическое тело». Но, как справедливо отмечает Б. Е. Сыроечковский, ни о каком объединении славянских народов в единое государство не было речи в планах ни Южного, ни Северного обществ⁶⁵.

Идеи единения славянских народов полностью отсутствуют в проекте конституции Никиты Муравьева и в «Русской Правде» П. И. Пестеля, в которых рассматриваются внутренние преобразования только в России, ее будущая система правления и т. п. Подобные идеи эти были особенно чужды вождю южных декабристов,

не вязались с его рационалистическим мировоззрением, что и проявилось в «Русской Правде»⁶⁶. Это подтверждается и особенностями проекта «Царство Греческое», в составлении которого, как говорилось, участвовал Пестель⁶⁷. В нем не было речи ни об объединении южнославянских народов в одно государство, основанное на этнической общности, ни о присоединении их к России. Сербь, болгары, босняки должны были войти в состав государства, где преобладающие позиции занимали греки как народ наиболее развитой в экономическом и политическом отношениях по сравнению с другими подданными султана. Такая позиция обнаруживала отсутствие какого-либо пристрастия к славянской этнической общности, внимания к этнической принадлежности народов как фактору в их политическом объединении.

Но имелась проблема, входившая в общий комплекс идей славянского единения, которая действительно привлекала большой интерес идеологов декабризма. Она касалась установления русско-польских дружеских контактов, союза и совместных действий российских и польских революционеров. По существу, именно это имеет в виду активный член Союза благоденствия, а затем Южного общества С. Г. Волконский, когда говорит о «соединенном славянском элементе».

В своих «Записках» он рассказывает, как в 1818 г. приехал в Киев и познакомился там со многими поляками. «В то время не было резкой черты неприязненности, скажу даже, вражды, между русскими и поляками... — пишет Волконский. — Тогда господствовал в обоюдных убеждениях соединенный славянский элемент, и это я подкрепляю не одними моими воззрениями, но фактом: в то время учредилась в Киеве масонская ложа, под именем *Les Slaves réunis* (Ложа соединенных славян), — одно название это доказывает наклонность общую к соединению. *Le Grand Maître de la chaise* (мастер стула) был поляк, губернский предводитель дворянства Киевской губернии граф Оливер, *les deux surveillants* (надзиратели) были русские, а члены были без разбора и русские, и поляки, и дружно, по-братски подавали друг другу руки». Далее рассказывается, как при приеме в почетные члены этого масонского общества Волконский произнес речь, и в ней, кроме прочего, указал, «какие великие последствия истекут из добро-

вольного соглашения между поляками и россиянами составить одно нераздельное целое»⁶⁸.

Это писалось в конце 1850-х годов, когда русско-польские общественные отношения чрезвычайно усложнились. Как бы сожалел об этом, автор «Записок» напоминает своим читателям, что во времена декабристов все было иначе: «россияне» и поляки чувствовали себя братьями. Эта мысль иллюстрируется на примере деятельности масонской организации. Говоря о господстве в убеждениях «соединенного славянского элемента», Волконский имеет в виду именно отношения между русскими и поляками, возможно, и какой-то политический союз между ними на основе «добровольного соглашения» т. е. лишь частный момент в славянском единении, которого в целом не касается.

Этот момент — русско-польское содружество — играл роль и в Обществе соединенных славян, имевшем, возможно, прямую преемственную связь с масонской ложей под тем же названием, о которой рассказал Волконский. Однако в этой декабристской организации — в отличие от ложи с ее стремлением к русско-польскому сотрудничеству, в отличие от общей идеи о содружестве народов в борьбе за социальное и национальное освобождение, которая была свойственна всей декабристской идеологии, — мысль о единении славянских народов получила свое широкое толкование, воплотившись в замысел федерации всех славянских народов. В такой форме идеи единения славянских народов отсутствовали в других декабристских организациях, не были свойственны кому-либо из политически мыслящих дворянских революционеров. Но характерные зародыши их спорадически появлялись в среде, далекой от декабризма.

Так, например, молодой М. П. Погодин записал в своем дневнике в начале 1821 г.: «Говорил с Кубаревым о соединении всех славянских племен в одно целое, в одно государство. Родись другой Петр, он найдет другого Суворова, и кончен бал. С 500 000 он кончил бы дело. Главное дело — отнять у Австрийцев. Сербию ничего не стоит завоевать. За остальную часть Польши у пруссаков можно отдать Остзейские губернии. На что нам этих немчурок. Должно отделить себя от всех, чтобы ни один иноплеменник не смел говорить, что он гражданин русский. Какой бы был праздник»⁶⁹.

Эти рассуждения двадцатилетнего студента Московского университета о принципах и путях политического единения славянских народов наглядно выявляют, насколько отличны были представления в этом отношении у декабристов и у будущего приверженца «теории официальной народности», близкого к славянофилам знатока русской и славянской истории.

Погодин мечтал не о свободной и демократической федерации славянских народов, образовавшейся в результате их совместной борьбы за свои социальные и национальные права, не о равноправном союзе демократических славянских республик. Он представлял себе совершенно иной ход событий и их результат: славянские народы просто присоединялись к России путем успешных военных акций царизма. Должен был появиться «другой Петр» — новый выдающийся русский самодержец, который двинул бы полумиллионную армию на отвоевание славянских земель у Австрии, Турции и других государств, произвел бы территориальные обмены. «Другой Суворов» обеспечил бы успех этой грандиозной завоевательной войны, в результате которой славянские народы оказались бы под скипетром русского царя. Ни о каких социальных преобразованиях, ни о каком равноправии народов тут не было речи. Но зато возникало государство, где «иноплеменникам» не оставалось места.

В этой утопии не все еще определилось, нет, например, мысли о вероисповедании как сплывающем факторе, отмежевывающем православных от других европейских народов. Но националистическая направленность и реакционная сущность всего замысла выражена ясно.

Как видно на этом примере, имелись принципиальные различия в самом существе идей славянского единения, выдвигавшихся различными русскими общественными деятелями в 1820-х годах, эти различия определялись общей системой общественно-политических убеждений.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЛАВЯНСКОМ РОДСТВЕ

В основе идей единения славянских народов в 1820-е годы лежали получившие дальнейшее распространение представления о славянстве как этнической

общности со специфическими этнографическими, психологическими и нравственными качествами, исторически сложившимися признаками, о принадлежности к этой общности российских славян. «Коренной народ русский есть племя славянское», — писал П. И. Пестель в «Русской Правде» и далее говорил о пяти «оттенках» этого народа, которые, по его представлению, в дальнейшем должны слиться в «общую форму»⁷⁰. В конституции Н. М. Муравьева также косвенным образом (путем терминологии) выразилось осознание славянской принадлежности русских.

Термины, употребляемые в программных документах декабристов (государственный устав, великий собор, народное вече, воевода, старшины и пр.) имели подчеркнуто общеславянский облик. Они свидетельствовали о стремлении ввести новые государственные формы, имеющие прообразы в далеком прошлом русского народа, в тех временах, когда славянская общность и самобытность, как представлялось, была гораздо более сильно выраженной, чем в настоящем. Идеализация Древней Руси, «времен Святослава и Владимира», гражданских установлений допетровских времен, «народовластия» Новгородской и Псковской республик, ставших синонимом свободы и демократизма — все это было присуще взглядам ряда декабристов. Обычно такие мотивы выражали патриотические чувства, веру в светлое будущее своего народа.

Идеализация прошлого, поиски предков, мнимых или подлинных, но как можно более древних и прославленных — явление, характерное не только для русской общественной мысли, но и для идеологии деятелей возрождения всех угнетенных народов Юго-Восточной и Центральной Европы⁷¹. Явление это стимулировалось общими тенденциями развития европейской философской мысли по национальным проблемам, в особенности трудами И. Г. Гердера; утверждением романтизма в широком толковании этого понятия как нового этапа в развитии духовной культуры, нового типа восприятия и отображения действительности. Как и у зарубежных деятелей славянского возрождения, в русской общественной мысли встречаются попытки превознести национальные особенности своего народа, подчеркнуть достоинства русского языка. Все это выражало стремление к национальному самоутверждению, а подчас служило

и обоснованием требований о национальном или социальном освобождении своего народа.

Так, В. К. Кюхельбекер в лекции, прочтенной в 1821 г. в Париже, соединял воедино представление о высоких качествах русского языка и достоинствах русского народа, о его демократических традициях и о необходимости борьбы против рабства. Лектор говорил о молодости и талантливости русского народа, о его «мощи и великой восприимчивости к правде», что должно внушать большие надежды «другу человечества». Он доказывал, что «свободный, сильный, богатый» русский язык «возник раньше, чем установилось крепостное рабство и деспотизм, и впоследствии представлял собою постоянное противоядие пагубному действию угнетения и феодализма». «Нет, не может провидение одарить великий народ столькими талантами, чтобы затем он коснел и погибал в рабстве», — заключал Кюхельбекер, увязывая таким путем мысль о национальных качествах русского народа с необходимостью его социального освобождения ⁷².

Борьба за национальную самобытность нередко выражалась в обличении слепого подражания дворян, «высшего света» западноевропейским модам, манерам, образу жизни, в протестах против употребления французского языка и пренебрежения к собственному языку. Такие мотивы встречаются в произведениях и высказываниях К. Ф. Рыльева, А. А. Бестужева, в «Сне» А. Д. Улыбышева. Грибоедов уделял очень большое внимание борьбе за зрелую национальную русскую культуру, устами Чацкого призывал развивать чувство национального достоинства и национальной чести, «чтоб умный, бодрый наш народ хотя б по языку нас не считал за немцев». Но одновременно Грибоедов — враг крепостничества и феодальных привилегий, существо его «программы» в широком смысле слова «европейское», а не «азиатское», застойное ⁷³.

Ратуя за сохранение национальной самобытности, декабристы и люди, близкие к ним по убеждениям, учитывали и необходимость избегать в этом отношении крайностей. «Сохрани боже, чтобы я хотел прославить старинные русские нравы, которые не согласуются более ни с цивилизацией, ни с духом нашего века, ни даже с человеческим достоинством», — говорилось в «Письме другу в Германию», сохранившемся в архиве

«Зеленой лампы». Неизвестный автор этого произведения доказывал, что русские должны заимствовать из-за границы лишь необходимое «для соделания нравов европейскими, и с усердием сохранять все то, что сохраняет их национальную самобытность. Общество, литература и искусства много от этого выигрывают. Особенно в литературе рабское подражание иностранному несомненно и, кроме того, задерживает истинное развитие искусства»⁷⁴.

Проблема борьбы за национальную самобытность возникла в русской общественной мысли еще в XVIII—начале XIX в. Она получила отражение и в творчестве некоторых деятелей, о которых говорилось выше — А. Н. Радищева, В. Ф. Малиновского, А. С. Кайсарова. В проявлениях этой борьбы имелось определенное сходство с общественными явлениями, наблюдавшимися в период «национального возрождения» у южных и западных славян. У последних такие тенденции неуклонно усиливались под воздействием расширения национально-освободительных движений, в России — в связи с освободительной антифеодальной борьбой. Поэтому проблемы национальной самобытности, развития национального самосознания, патриотизма приобрели большое значение в период формирования декабристской идеологии. Притом они привлекали внимание всех направлений общественной мысли. Сторонниками русской национальной самобытности выступали и многие декабристы, и те, кто, будучи противником крепостничества, решительно отвергал революционные методы борьбы, и, наконец, такие реакционеры, как например, А. С. Шишков, М. П. Погодин или значительно «поправевший» к этому времени В. Н. Каразин. Мысли декабристов по национальным проблемам были близки враждавшим в их среде будущим славянофилам — А. С. Хомякову и И. В. Киреевскому. Эти совпадения отражали общие особенности развития национального самосознания. Но они касались лишь определенного круга вопросов и не затрагивали основных идеологических позиций⁷⁵.

Рост значения национальных проблем в русской общественной мысли, развитие национального самосознания, составной частью которого являлось сознание славянского этнического родства, — все это повышало интерес просвещенного общества к зарубежным славянам, в частности к сербам, черногорцам, болгарам и другим

южным славянам, к их языкам, литературе, культуре. Тому способствовало и славяноведение, превращавшееся из публицистики в научную дисциплину, завоевывавшую научный авторитет благодаря деятельности А. Х. Востокова, М. Т. Каченовского, П. И. Кеппена, К. Ф. Калайдовича и других славистов. Начали устанавливаться контакты с деятелями науки и культуры зарубежных славянских народов, например с сербом В. Караджичем, который в 1819 г. побывал в Петербурге. Все это вело к распространению более точных и глубоких представлений о славянском мире.

Известно, что в творчестве А. С. Пушкина, А. Ф. Вельтмана и некоторых других писателей встречаются южнославянские сюжеты. Они появились лишь в 1830—1840-х годах, но важно отметить, что впечатления и материалы, послужившие для них основой, накапливались еще в первой половине 1820-х годов. Для Пушкина большую роль в этом отношении сыграло пребывание на юге России в 1820—1824 гг. Живя в Кишиневе, он имел возможность наблюдать южных славян — участников восстания этеристов, затем бежавших в Бессарабию; болгар-колонистов, их быт и развлечения⁷⁶. Среди его знакомых было немало сербов: проф. А. Стойкович, приехавший в Кишинев, Я. Ненадович, С. Живкович и др. Он общался с вдовой Карагеоргия и его дочерью, которой посвятил стихотворение («Дочери Карагеоргия»). Поэт записывал сербские народные песни во время путешествия по Бессарабии, в которое отправился вместе с И. П. Липранди. Он бывал в доме Ф. И. Недобы — русского представителя в повстанческой Сербии в последние годы ее существования, организатора переселения сербских беженцев в Россию. Впечатления, материалы, собранные во время пребывания на юге, а также литературные источники (известно, например, что Пушкин читал книгу В. Караджича о Милоше Обреновиче) послужили впоследствии основой для создания «Песен западных славян», повести «Кирджали», некоторых незаконченных стихотворений⁷⁷.

У А. С. Грибоедова интерес к славянским языкам и литературе в какой-то степени мог стимулироваться личными связями: на протяжении нескольких лет он служил под начальством и близко общался с бокезцем С. И. Мазаровичем⁷⁸. Но доминировали в этих отношениях общие литературные и научные цели.

Грибоедов был, как известно, человеком прекрасно и всесторонне образованным, мечтал даже полностью посвятить себя научным трудам. Он в совершенстве владел рядом западных и восточных языков и, что мало известно, проявлял интерес к славянскому языкознанию, к сербскому языку. О том свидетельствует список книг, сохранившихся в архивном деле об аресте Грибоедова, которые обнаружили в его дорожном чемодане и среди вещей, отправленных во Владикавказ. В этом списке названы такие книги, как «Сербский словарь» и «Народные сербские песни» — произведения В. Караджича, а также «Правила славянского языкознания» чешского филолога Й. Добровского⁷⁹.

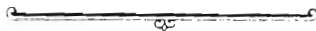
Факт этот еще раз свидетельствует, что на рубеже первой второй четверти XIX в. в российской культурной и литературной среде были хорошо известны произведения В. Караджича, и не только появлявшиеся в местной периодике, но и издававшиеся за рубежом, что сербская народная литература приобретала популярность уже в это время.

Внимание, которое проявлял А. С. Грибоедов к славянским языкам и литературе, подтверждается и следующим косвенным, но достоверным свидетельством. В фельетоне Ф. Булгарина «Литературные призраки», опубликованном в 1824 г., Грибоедов выведен под именем Талантина, писателя с «отличными способностями», «истинного литератора», но переставшего писать. Он противопоставлен поэтам-подражателям, бездарным учам. «Чтобы совершенно постигнуть дух русского языка, надобно читать священные и духовные книги, древние летописи, — заявляет в фельетоне Грибоедов-Талантин, — собирать народные песни и поговорки, знать несколько соплеменных славянских наречий, прочесть несколько славянских, русских, богемских и польских грамматик и рассмотреть столько же словарей, знать совершенно историю и географию своего отечества. Это *первое* и *необходимое* условие»⁸⁰.

Желание познакомиться с «славянскими наречиями», собирать народные песни и поговорки было не только следствием большой любознательности Грибоедова, но и отражало особенности литературного и интеллектуального направления, которое он представлял. Это были, по наименованию Ю. Н. Тынянова, архаисты, противостоящие новаторам-карамзинистам. Их объеди-

няло единство художественных мнений и единое понимание задач идейно-литературной борьбы⁸¹. Эта «дружина славян» — А. С. Грибоедов, В. К. Кюхельбекер, П. А. Катенин, А. Л. Жандр — боролись со школой так называемых очистителей языка — карамзинистов. Но их увлечение «славянщиной» не выражало приверженности к группе А. С. Шишкова с его реакционной общественно-политической позицией. Архаизм Грибоедова, Кюхельбекера и др. восходил к новаторским творческим исканиям А. Н. Радищева и его последователей. Тяготение к высоким жанрам, к «славянщине» знаменовало поиски нового, гражданственно-героического художественного стиля, стремление содействовать развитию национально-самобытной художественной культуры и народной поэзии⁸². Всему этому должно было содействовать и сближение с культурой зарубежных славянских народов, которые представлялись близкими этнически, по языку и «по духу».

Говоря о росте интереса к языкам, литературе и культуре зарубежных славянских народов, и в частности сербов, в течение десятилетия, предшествующего декабрьскому восстанию 1825 г., нельзя сбрасывать со счетов и деятельность А. С. Шишкова, Н. П. Румянцева и его кружка, которые способствовали укреплению контактов с зарубежными учеными, содействовали развитию отечественного славяноведения, издавали и распространяли в России работы славянских ученых, собирали памятники славянских древностей⁸³.

¹ Нечкина М. В. Общество соединенных славян. М.; Л.: Госиздат, 1927.

² Нечкина М. В. Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955, т. II, с. 133—182.

³ Чулков Г. И. Братья Борисовы. М.: Огонек, 1929.

⁴ Рындыонский П. Г. Декабристы братья Борисовы в годы жизни на поселении.— Труды ГИМ, 1941, вып. XV, с. 5—26; Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема в политических планах декабристов.— В кн.: Очерки из истории движения декабристов. М.: Госполитиздат, 1954, с. 255—260; Порох И. В. Восстание Черниговского полка.— Там же, с. 121—185; Оксман О. Г. Из истории агитационно-пропагандистской литературы 20-х годов.— Там же, с. 474—515; Шатрова Г. П. Декабрист И. И. Горбачевский. Красноярск, 1973; Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. М.: Мысль, 1975, с. 251—305.

- ⁵ *Ольшанский П. Н.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. М.: Соцэкгиз, 1959; *Baumgarten L.* Dekabryści a Polska. Warszawa, 1952.
- ⁶ См., напр.: *Пылин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем.— ВЕ, 1878, № 9—12 (в дальнейшем цит. по отд. изд.: Пг., 1913); *Кочубинский А. А.* Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1888. Уже после Октябрьской революции появилась работа А. П. Георгиевского «Славянский вопрос», в которой специальная глава посвящена мировоззрению декабристов. См.: Учен. зап. ист.-фил. ф-та Дальневост. ун-та, 1921, т. 2, полутом 2, с. 103—122.
- ⁷ *Bazyłow L.* Idea federacji słowiańskiej w programie Stowarzyszenia Zjednoczonych Słowian.—Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 3. Historia, Warszawa, 1968, s. 137—147.
- ⁸ *Luciani G.* La Société des Slaves Unis (1823—1825): Panslavisme et solidarité slave au XIX siècle. Paris, 1963.
- ⁹ См., напр.: *Малинин В. А.* О социальных и теоретических истоках славянофильства.— Науч. докл. высшей школы: Философ. науки, 1967, № 1, с. 77—85; *Орлик О. В.* Декабристы и европейское освободительное движение. М.: Мысль, 1975, с. 136; *Лециловская И. И.* Концепции славянской общности в конце XVIII — первой половине XIX в.— ВИ, 1976, № 12, с. 89.
- ¹⁰ *Нечкина М. В.* Движение декабристов..., т. II, с. 143—144.
- ¹¹ ВД, 1926, т. V, с. 13. Особенности орфографии документа, так же как и в последующих цитатах, не воспроизводятся. В прямых скобках даны значения символических знаков.
- ¹² *Нечкина М. В.* Общество соединенных славян, вклейка.
- ¹³ Не вполне ясным остается, что означало наименование «Белое море». Это могло быть море Балтийское (см.: *Bazyłow L.* Idea..., s. 145), но, возможно, и море Эгейское. Не исключено, что упоминание морей Черного и Белого являлось лишь риторическим противопоставлением. Но это не меняет существенно географических очертаний Славянского союза.
- ¹⁴ ВД, т. V, с. 12—13.
- ¹⁵ ВД, т. V, с. 18.
- ¹⁶ ВД, т. V, с. 18, 19, 28, 56.
- ¹⁷ См. об этом: *Нечкина М. В.* Движение декабристов..., т. II, с. 136—143; *Она же.* Кто автор «Записок» И. И. Горбачевского?— Исторические записки, 1955, т. 54; *Сыроечковский Б. Е., Сокольский Л. А., Порох И. В.* Декабрист И. И. Горбачевский и его «Записки».— В кн.: *Горбачевский И. И.* Записки. Письма. М.: Изд-во АН СССР, 1965; *Лысенко Н. Н.* Как создавались «Записки» декабриста.— История СССР, 1968, № 6; *Шатрова Г. П.* Декабрист И. И. Горбачевский, с. 91—113; *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований..., с. 253—254; *Смирнова Л. Б.* К вопросу об авторстве «Записок И. И. Горбачевского».— В кн.: Проблемы отечественной истории. М.; Л.: Наука, 1976, т. 2; *Мироненко М. П.* Мемуарное наследие декабристов в журнале «Русский архив».— В кн.: Археографический ежегодник за 1975 г. М.: Наука, 1976.
- ¹⁸ *Горбачевский И. И.* Записки..., с. 13.
- ¹⁹ *Горбачевский И. И.* Записки..., с. 14.
- ²⁰ *Горбачевский И. И.* Записки..., с. 11.
- ²¹ *Горбачевский И. И.* Записки..., с. 11—12.
- ²² *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований..., с. 251—305.
- ²³ *Ланда С. С.* Дух революционных преобразований..., с. 261—281.

- ²⁴ Каменский Э. А. Философские идеи русского просвещения. М.: Мысль, 1971, с. 4.
- ²⁵ ВД, т. V, с. 192, 277, 414, 420.
- ²⁵ Оксман Ю. Г. Из истории..., с. 474—515.
- ²⁷ Ланда С. С. Дух революционных преобразований..., с. 299—301.
- ²⁸ Горбачевский И. И. Записки..., с. 11—12.
- ²⁹ Коробка Н. Декабристы братья Борисовы и Общество соединенных славян.— Современник, 1911, кн. 5, с. 11—21.
- ³⁰ Ср.: Нечкина М. В. Общество соединенных славян, с. 26, 89, 106; Она же. Движение декабристов..., т. II, с. 150—152.
- ³¹ Luciani G. La Société..., p. 41, 73, 154.
- ³² Ольшанский П. Н. Декабристы..., с. 143—145.
- ³³ Люблинский писал в автобиографии, что братьями Борисовыми были внесены изменения в устав нового Общества согласно его замечаниям, поскольку он полагал, «что многое зависит от уничтожения ненависти, которую питают друг к другу русские и поляки». (Автобиография Ю. К. Люблинского/Публикация Н. П. Чулкова.— ЛН, 1954, т. 60, кн. I, с. 249).
- ³⁴ Об этом упоминается в документах, связанных с арестом Ю. Люблинского в 1822 г. в Варшаве (*Baumgarten L. Dekabryści...*, s. 104; *Ольшанский П. Н. Декабристы...*, с. 140).
- ³⁵ Автобиография Ю. К. Люблинского..., с. 246.
- ³⁶ Кочубинский А. А. Начальные годы..., с. 49—50.
- ³⁷ Нечкина М. В. Движение декабристов, т. II, с. 159.
- ³⁸ Так, например, П. Борисов, служивший в 8-й артиллерийской бригаде, стоявшей в районе Житомира, мог быть знаком с активным членом и надзирателем ложи «Соединенных славян» Густавом Олизаром, связанным с некоторыми членами русских тайных обществ. Олизар имел поместье в Коростышеве, недалеко от Житомира, где была большая библиотека. Может быть, это и была та «огромная библиотека» польского помещика, которая, по расказу И. Д. Якушкина, сыграла большую роль в самообразовании Борисова (см.: Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 112, 164). Хорошо знавший Олизара С. Г. Волконский (сам бывший масоном) назвал его в своих «Записках» Ольвьером (это могло быть масонское имя Олизара), а некий Ольвьер, по первоначальному показанию Борисова, принял будто бы его в 1818 г. в масонскую ложу в Одессе (ВД, т. V, с. 18, 19, 39).
- ³⁹ Как полагает Лучиани, именно из американской конституции 1787 г. могли быть заимствованы такие термины, входившие в обиход Общества, как «конгресс», «президент» и т. п. (*Luciani G. La Société...*, p. 67).
- ⁴⁰ ВД, т. V, с. 53.
- ⁴¹ Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. 645. Предположение В. И. Семевского представляется основательным, учитывая интерес П. Борисова к античной истории и философии. В одном из своих показаний он сообщил, например, что обсуждал с братом устройство античных, в том числе, вероятно, и федеративных республик, примером которых являлась прежде всего Ахейская лига. И наоборот, не выглядит сколько-нибудь правдоподобным заключение Б. Е. Сыроечковского, что Борисов пытался ассоциировать внутреннее устройство Всеславянского союза с общественным строем нового греческого государства на основе конституции, провозглашенной восставшими грека-

- ми в 1822 г. (См.: *Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема...*, с. 245, 257).
- ⁴² *Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958; с. 155—207.*
- ⁴³ ВД, т. V, с. 22.
- ⁴⁴ ВД, т. V, с. 191.
- ⁴⁵ При создании плана Славянской федерации, очень сходного с проектом Общества соединенных славян, прогрессивными украинскими деятелями из Кирилло-Мефодиевского братства использовались также примеры внутреннего устройства древних греческих республик и Соединенных Штатов Америки. См.: *Костомаров Н. И. Автобиография. М., Задруга, 1922, с. 187—188.*
- ⁴⁶ ВД, т. V, с. 207.
- ⁴⁷ ВД, т. V, с. 278.
- ⁴⁸ *Декабристы/Изд. Саблина. М., 1906, с. 34.*
- ⁴⁹ *Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 1907, с. 51.* На основании данных Розена писали о составе Всеславянского союза А. Н. Пыпин (Панславизм..., с. 83) и В. И. Ссемеvский (Политические... идеи..., с. 645), хотя последний имел в своем распоряжении материалы следствия. Некоторые иностранные авторы называли состав Славянского Союза произвольно.
- ⁵⁰ *Довнар-Запольский М. В. Тайное общество декабристов. М., 1906, с. 141; Коробка Н. Декабристы..., с. 21; Нечкина М. В. Общество соединенных славян, с. 219.*
- ⁵¹ *Luciani G. La Société..., p. 64—67; Bazilow B. Idea..., s. 144—146.*
- ⁵² См. об этом выше, с. 178—180.
- ⁵³ *Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема..., с. 258.*
- ⁵⁴ *Vazyłow B. Idea..., s. 145.*
- ⁵⁵ Такого мнения придерживаются, например, П. Г. Рынцюзонский и Ю. Г. Оксман (См.: *Рынцюзонский П. Г. Декабристы..., с. 24; Оксман Ю. Г. Из истории..., с. 512—515).*
- ⁵⁶ ВД, т. V, с. 29.
- ⁵⁷ ВД, т. V, с. 18, 29, 44, 250; ВД, 1975, т. XIII, с. 136.
- ⁵⁸ *Нечкина М. В. Движение декабристов..., т. II, с. 159.*
- ⁵⁹ Об идеологии «Ордена русских рыцарей» смотри подробнее: *Дружинин Н. М. Программа северных декабристов.— Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1951, т. VIII, № 1, с. 39; Нечкина М. В. Движение декабристов..., т. I, с. 133—138; Лотман Ю. М. Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист, общественный деятель.— УЗТУ, т. 78. Труды по русской и славянской филологии II. Тарту, 1959, с. 19—92.*
- ⁶⁰ Из писем и показаний декабристов/Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906, с. 145—146.
- ⁶¹ *Нечкина М. В. Движение декабристов..., т. II, с. 159.*
- ⁶² Из писем и показаний декабристов, с. 148—157.
- ⁶³ Следственное дело поручика гвардии Измайловского полка Гангелова.— ЦГАОР, ф. 48, д. 49, л. 8. В другом своем показании Гангелов подтвердил, что целью тайного общества является «введение конституционного правления и соединение народов славянских поколений в одно целое; равно как и то, что общество распространено на юге и в Польше» (Там же, л. 12).
- ⁶⁴ Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангелова. М., 1888, с. 81.
- ⁶⁵ *Сыроечковский Б. Е. Балканская проблема..., с. 256; см. также:*

- Lemberg H.* Die nationale Gedankenwelt der Dekabristen. Köhln; Graz, 1963, S. 148—151.
- ⁶⁶ *Выдрин Р.* Национальный вопрос в русском общественном движении.— Голос минувшего, 1915, № 1, с. 110.
- ⁶⁷ См. об этом подробнее выше, с. 243—252.
- ⁶⁸ Записки Сергея Григорьевича Волконского./С послесловием издателя, князя М. С. Волконского. СПб., 1902, с. 402—403.
- ⁶⁹ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888, кн. 1, с. 56.
- ⁷⁰ «Русская Правда» П. И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие.— ВД, 1958, т. VII, с. 136—139.
- ⁷¹ Освободительное движение народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в.— 1849 г. М.: Наука, 1980, с. 219.
- ⁷² Лекция В. К. Кюхельбекера о русской литературе, и языке, прочитанная в Париже в 1821 г.— ЛН, 1954, т. 59, с. 374—380.
- ⁷³ *Нечкина М. В.* А. С. Грибоедов и декабристы. М.: Худож. лит., 1977, с. 372—391.
- ⁷⁴ Декабристы и их время. Л.: Изд-во политехнорган, 1929, т. I, с. 47—48.
- ⁷⁵ «Славянофильские черты» во взглядах декабристов описал М. В. Довнар-Запольский, который, однако, не раскрыл принципиальных идеологических расхождений между декабристами и будущими славянофилами, выявившихся уже в 1824—1825 гг. См.: *Довнар-Запольский М. В.* Идеалы декабристов. М., 1907, с. 278—282.
- ⁷⁶ Например, одним воскресным днем Пушкин наблюдал в болгарском предместье Кишинева кулачный бой и решил выучиться этому искусству. См.: *Долгоруков П. И.* 35-й год моей жизни...— В кн.: Звенья, М., 1951, кн. IX, с. 62.
- ⁷⁷ См. об этом подробнее: *Трубицын Н.* Два сербских юнака в изображении А. С. Пушкина.— В кн.: Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1917, вып. XXVIII; *В. А. Трубецкой Б. А.* Пушкин в Молдавии. Кишинев: Молдагиз, 1963; *Благой Д. Д.* Два стихотворения Пушкина о Георгии Черном.— В кн.: Славяне и Запад. М.: Наука, 1975; *Двойченко-Маркова Е. М.* Пушкин в Молдавии и Валахии. М.: Наука, 1979; и др.
- ⁷⁸ О Мазаровиче см. выше, с. 155—156.
- ⁷⁹ *Вейденбаум Е. Г.* Арест Грибоедова.— В кн.: *Вейденбаум Е. Г.* Кавказские этюды. Тифлис, 1901, с. 264—265.
- ⁸⁰ *Булгарин Ф. В.* Литературные призраки.— Литературные листки, 1824, август.— В кн.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929, с. 55 (Курсив подлинника.— И. Д.).
- ⁸¹ *Тынянов Ю. Н.* Арханглы и Пушкин.— В кн.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1966.
- ⁸² *Орлов В. Н.* Грибоедов: Очерк жизни и творчества. М.: Гослитиздат, 1954, с. 58—67.
- ⁸³ См. об этом: *Кочубинский А. А.* Начальные годы...; Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М.: Наука, 1979, с. 182—183, 295, 371—372 и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Список сокращений	5
ОЧЕРК ПЕРВЫЙ	
РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ И БАЛКАНСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНЦЕ XVIII В. И В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН	6
Условия развития русско-балканских общественно-политических связей в конце XVIII — начале XIX в.	7
Балканские народы в русской литературе XVIII в.	16
Связи и взаимоотношения России с балканскими и славянскими народами в представлениях А. Н. Радищева	23
Задача освобождения балканских народов с помощью России во взглядах А. А. Самборского.	38
Идеи В. Ф. Малиновского о политическом самоопределении народов, создании национальных государств и их федеративных союзах	50
Сербское восстание 1804—1813 гг. и идеи политической перестройки в Юго-Восточной Европе. . . . . (проекты В. Н. Каразина, С. М. Броневского и др.)	68
Поборник политического единения славянских народов Александр Полев и его деятельность в Сербии	81
Русские путешественники в балканских землях. Идеи культурной взаимности славянских народов	93
ОЧЕРК ВТОРОЙ	
РАЗВИТИЕ ЗНАНИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БАЛКАНСКИХ НАРОДАХ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.	116
Балканская тема в русской публицистике периода наполеоновских войн	117

Балканские проблемы в русской публицистике в 1815—1825 гг.	146
Описание балканских народов А. М. Спиридовым	173
Изучение Балкан и русско-турецких войн по заданиям военного ведомства и министерства иностранных дел	186
ОЧЕРК ТРЕТИИ	
БАЛКАНСКИЙ ВОПРОС В МИРОВОЗЗРЕНИИ ДЕКАБРИСТОВ	222
Отношение декабристов к революционным событиям на Балканах и задачам российской политики в Восточном вопросе	223
Балканский вопрос во внешнеполитических взглядах П. И. Пестеля	233
Михаил Орлов и Александр Ипсиланти	253
Декабристы об уроках восстания этеристов	268
ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫИ	
ИДЕИ ЕДИНЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИХ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ 1815—1825 ГГ.	290
Славянское единение в политической программе Общества соединенных славян	292
Славянское единение в русской общественной мысли периода формирования идеологии декабристов	310
Развитие представлений о славянском родстве	316

И. С. Достян
РУССКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ
МЫСЛЬ
И БАЛКАНСКИЕ
НАРОДЫ
ОТ РАДИЩЕВА ДО ДЕКАБРИСТОВ

Русские общественные деятели о балканских проблемах в конце XVIII в. и в период наполеоновских войн (взгляды А. Н. Радищева, А. А. Самборского, В. Ф. Малиновского, В. Н. Каразина и др.);

идеи культурной взаимности славянских народов в мировоззрении А. С. Кайсарова;

особенности знаний и представлений о балканских народах в России первой четверти XIX в.;

балканский вопрос и уроки восстания этеристов в представлении некоторых декабристов (П. И. Пестеля, И. Г. Бурцова и др.);

идея славянского единения в политической программе Общества соединенных славян;

славянское единение в русской общественной мысли периода формирования идеологии декабристов — таковы вопросы, освещаемые в книге.

Цена 2 руб.

И. С. ДОСТЯН • РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
И БАЛКАНСКИЕ НАРОДЫ

